

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ

ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ

ЦЕНТР ДОСЛІДЖЕНЬ З ІСТОРІЇ КИЇВСЬКОЇ РУСИ

Рекомендовано до друку Вченою радою Інституту історії України
НАН України

У разі передруку матеріалів узгодження з видавцями обов'язкове

<http://history.org.ua/index.php?urlcrnt=JournALL/select.php&seriaName=ruthenica>

Адреса редакції: 01001, м. Київ, вул. Грушевського, 4
e-mail: tolochko@hotmail.com; wlr@i.com.ua
Факс: (38044) 229-63-62

Свідоцтво про державну реєстрацію
Серія КВ № 6937 від 04.02.2003 р.
ISSN 1995-0276

© Ruthenica, 2011
© Автори статей

RUTHENICA

ТОМ X

Наукові редактори
Володимир Ричка, Олексій Толочко

2011
КИЇВ

Зміст

Constantin Zuckerman On the Kievan Letter from the Genizah of Cairo	7
Richard Price Tradition and Innovation in Metropolitan Ilarion	57
Николай Котляр Наступление удельной раздробленности на Руси (князья-изгои).....	69
Євген Осадчий Ще раз про проблему історичних назв волинських міст, згаданих у статті 1240 р. Іпатіївського літопису.....	78
<i>З МАТЕРІАЛІВ КОЛЛОКВІУМУ</i> <i>«КИЇВСЬКИЙ ЛІТОПИС ТА ДАВНЬОРУСЬКЕ ЛІТОПИСАННЯ XII СТ.»</i>	
Ирина Юрьева Из наблюдений над текстом Киевской летописи по Ипатьевскому списку	91
Татьяна Вилкул Заимствования из Восьмикнижия у киевских летописцев XII — начала XIII в.	102
Вадим Аристов Проблемы происхождения сообщений Киевской летописи	117
Флоран Мушар Между братом и сыном: об образе Ростислава Мстиславича в Киевской летописи.....	137
Сергей Цыб О хронологических показаниях Киевской летописи.....	147
Ирина Чугаева Черниговское летописание в Киевском летописном своде: обзор историографии	158

ДИСКУСІЇ

Алексей Комар, Наталья Хамайко
Збручський ідол: пам'ятник епохи романтизму? 166

ЗАМІТКИ

Як Азовське море стало Сурозьким (Дмитро Вортман), 218; «Не хочу розути робичича» (Володимир Ричка), 222; «Слышахомъ преже трѣи лѣтъ» (Алексей Толочко), 224; Печати черниговського єпископа Антонія Гречина (Фёдор Андрощук), 229; О походженні недовірливої дати заснування Городца-на-Волге (Андрей Кузнецов), 233; Искуп (Петр Толочко), 237; Читаєм Галицко-Волинську летопись (Вадим Ставський), 241; До історії заснування чернігівського Єлецького монастиря (Олександр Тарасенко), 250.

РЕЦЕНЗІЇ

Минакова Э.А. Князь Игорь Старый и «Игорева Русь» (первая половина X в.). Орел, 2004, 376 с. (Вадим Арістов), 256; Историко-археологические записки, отв. ред. Е.П. Токарева. Кн. 1. Зимовники: Зимовнический краеведческий музей, 2010, 176 с., илл. (Олексій Толочко), 261; «Слово» и дело государево: История спора о подлинности «Слова о полку Игореве». Материалы дискуссии 1960-х гг. Вступительная статья, составление, подготовка текстов и комментарии Л.В. Соколовой. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2010, 792 с. (Алексей Толочко), 270.

ОГЛЯДИ 289

СКОРОЧЕННЯ 305

Constantin Zuckerman

On the Kievan Letter from the Genizah of Cairo*

*To my teacher,
professor David Jacoby*

“The Kievan Letter — An Original Document of Khazarian Jews of Kiev” has not ceased to stir debate ever since it was published, under this title, by Norman Golb and Omeljan Pritsak in 1982.¹ Two major statements contained in the title, namely the Letter’s Kievan origin and its Khazar connection, have been hotly challenged; many points of detail in the editors’ commentary have been contested as well. Reviving the debate in all its complexity cannot be the purpose of the present study since its author sides with the editors both in situating the Letter in Kiev and in linking it to Khazars.

This study will rather focus on two issues in the Letter that have not been treated in a satisfactory manner either by the editors or in later scholarship. These issues are neither minor nor negligible. The first issue concerns the diplomatic aspect of the Letter. I will argue that the document that survived through centuries in the Genizah of Cairo was a copy — and not the original — of the letter produced by the Jewish community of Kiev on behalf of a member in distress. Then I will examine the impact of this observation on the historical interpretation of the document. The second issue concerns the monetary unit, *zaquq*, named in the Letter to describe the debt that needed to be repaid by its bearer. The Kievan Letter seems to be the earliest surviving text to employ this rare term. An attempt to situate *zaquq* on Rus’ian ground will prompt us to explore the complex nature of the Rus’ian *grivna*, which presents structurally similar traits. This exploration will touch on increasingly larger issues and lead to some observations on the monetary bases of the tenth-century East-West trade.

* The long elaboration of this paper started at Oleksiy Tolochko’s seminar in Kiev, where I had the pleasure to deliver a conference on May 25, 2007. I am very grateful to my host for his kind invitation and for his patience in awaiting the final product. My gratitude also goes to Prof. Simcha Emanuel from the Hebrew University (Jerusalem) for his precious advice on the Ashkenazi responsa. Without the friendly help from Dr. Ronit Nikolsky (University of Groningen) I would not be able to access the Bar Ilan Responsa Project database. Any errors of judgement in the interpretation of this material below are, of course, only mine.

¹ N. Golb, O. Pritsak, *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century* (Ithaca — London, 1982), 1–71. Further references to this edition are provided in the text.

I. The Genizah document — a certified copy of the original letter

After a short exordium in the style of synagogal hymns, the writers of the Letter announce the business at hand: “Now, our dignitaries and masters, we, community of Kiev, (hereby) inform you of the troublesome affair of this (man) Mar Jacob ben R. Hanukkah . . .,” who stood surety for his brother and proved unable to reimburse his debt. After heaping praise on Mar Jacob, the writers of the Letter warrant for his good faith — “so we have sent him among the holy communities that they might take pity on him” — and close with an eulogy of charity and a reminder of its many rewards (pp. 10–15).

In presenting this smooth translation to the reader, Norman Golb did not hide the difficulty that it posed. If one strictly follows the word order of the Hebrew phrase, it would have to be translated: “Now, our dignitaries and masters, we (hereby) inform you, the community of Kiev . . .”. Golb (p. 6) supported his translation (quoted above) with arguments that have not been accepted by all scholars. First Simon Schwarzfuchs, in his review of the edition, and lately Marcel Erdal have opted for a literal translation of the phrase and for the ensuing view that the Letter was sent to Kiev from elsewhere.² It would seem useful, therefore, to restate the reasons why this view is not tenable and why the literal translation creates more problems than it solves.

The Kievan Letter is a typical letter of endorsement (*hamlatsa*), which attests the support of a Jewish community for one of its members forced by bad luck to seek charity in other communities (a redemption of captives being the most common cause of such a quest). It is addressed, accordingly, to “holy communities scattered to all (the world’s) corners (line 6)”. In the present case the community that issued the letter is itself an interested party since, in order to redeem Mar Jacob from his creditors, it advanced some of the money he owed and thus could potentially profit from the success of his collection. The endorsement loses all its meaning and value, however, if the community that issues it is not identified — as it would be the case here if Kiev were taken to be the destination of the letter rather than the place where it was produced. In the former interpretation, the anonymous community, of which Mar Jacob was a member, very awkwardly inserts a specific appeal to the community of Kiev in a circular letter which contains the announcement: “so we have sent [Mar Jacob] among the holy communities that they might take pity on him (lines 16–17)”. Should one conclude that Mar Jacob carried a separate letter for every single community he planned to visit — with the appeal for help diluted each time by the announcement that he and his sponsors did not count on the generosity

2 S. Schwarzfuchs, review of Golb, Pritsak (as above), in *Revue de l’histoire des religions* 201, 1984, 432–434, see p. 433; M. Erdal, “The Khazar Language,” in P. B. Golden, H. Ben-Shammai and A. Róna-Tas (eds.), *The World of the Khazars: New Perspectives* (Leiden — Boston, 2007), 75–108, see p. 95; cf. M. Эрдаль, “Хазарский язык,” *Хазары* (Jews and Slavs 16) (Moscow — Jerusalem, 2005), 125–139, see p. 131.

of that community alone?³ The interpretation endorsed by Schwarzfuchs and Erdal renders better one phrase but deprives the document as a whole of its logic and sense. I see no alternative, therefore, to admitting with Golb that one pronoun, *lakhem*, was misplaced in the text for stylistic reasons, thus creating an ambiguity that the context helps to resolve.

The main text of the Letter is followed by nine signatures of witnesses certifying its contents and the good faith of the bearer. The first among them, Abraham, carries the title of *parnas*, the community leader (line 25), and I would like to emphasize that such a short title is appropriate and understandable only if the community led by Abraham is previously identified. Most strikingly, Abraham's name, as well as the eight names that follow, are written by one hand, the same that wrote the main text of the Letter. Golb (pp. 5–6) has duly noted this palaeographical feature of the document but, to the best of my knowledge, it has received no commentary. It can have only one explanation, however. The Genizah document was not the original but a copy of the letter of endorsement issued by the Jewish community of Kiev in favor of hapless Jacob. Paradoxically, it was thus unfit for serving its original purpose: only the letter carrying the original signatures could be presented to potential donors as attestation of Jacob's good faith.

Yet the letter preserved is by no means a purely private copy. In the last line it carries a signature of another *parnas*, Isaac, apposed in a different script and ink. In the same line, it carries a runic inscription, inscribed in very peculiar ink, which has much contributed to the Letter's fame (Fig. 1). Like Abraham, *parnas* Isaac did not deem necessary to identify the community he led. This can only indicate, to my mind, that each *parnas* apposed his signature in his own realm of authority: Abraham was the first to sign the original document in Kiev, while Isaac certified a copy executed in a place, necessarily different from Kiev, where he headed the local Jewish community. I will later propose some considerations on where this place could possibly be, but however located, this must have also been where the letter was marked with the runic script. In other words, the diplomatic aspect of the Letter shows it to be a copy of the original *hamlatsa* issued by the Jewish community of Kiev, a copy certified by the head of a different Jewish community, probably for the specific purpose of presentation to the authority, that marked it in the runic script in the left lower corner.

Omelian Pritsak, who provided the document with an historical commentary, has neglected its diplomatic features. After having identified the runic script as Khazarian, Pritsak wrote: «The Kievan letter was written in Kiev in Hebrew and was read and annotated by someone, evidently an official charged with reading

3 I fail to understand the logic of the statement by Erdal, *ibid.* (2007), p. 95, that “[the letter] might then be appealing to the community of Kiev for help by mentioning that other Jewish communities were also being called upon to do so.” His linguistic argument against the Kievan provenance, namely “the letter may have been sent from a place where the language spoken was *not* Khazar (*ibid.*)”, is hardly pertinent since few would claim that Khazar was the language spoken in Kiev.

Fig. 1. The Kievan Letter from the Genizah of Cairo (Cambridge, T-S /Glass/ 12.122).
After: Golb, Pritsak, *Hazarian Hebrew Documents* (cited n. 1).

documents, in Khazarian script and language, whose annotation certified the validity of the document for travel purposes» (pp. 42–43). The assumption that the Kievan Letter was counter-signed in Kiev by a senior Khazar official prompted Pritsak to a long discussion of the chronological limits of Khazar power in Kiev and of the circumstances of its conquest by the Rus'. Pritsak reached the conclusion that Khazar rule in Kiev extended in the early 930's and that the Kievan Letter should be dated towards the end of this period, ca. 930 (pp. 60–71).

Pritsak's emphasis on the role of Khazars in the early history of Kiev provoked a sharp rebuttal epitomized in a series of articles by Petro Tolochko.⁴ Tolochko proposed his own interpretation of the written sources and drew attention to the nearly total absence of archaeological traces of the Khazar presence on the site of Kiev. It would be awkward for the present writer to take a position in this debate. While I believe, not unlike Pritsak, that Kiev emerged in the late ninth century as a trading factory on the outskirts of the Khazar Qaganate and that it was conquered by Oleg 30 to 40 years after the date (AM 6390/AD 882) indicated in the Russian Chronicle,⁵ I would not associate myself with any of Pritsak's arguments. I will argue below that dating the letter as early as ca. 930 is not only implausible, but frankly impossible. My main point, however, is that Pritsak's basic premise — that the runes were inscribed on the letter in Kiev — is blatantly wrong. They were apposed in the place where the letter was copied and where the head of the Jewish community was named not Abraham, as in Kiev, but Isaac.

Pritsak read the runic inscription "in Khazarian" as *hokuriim* and translated it: "I have read [it]" (pp. 41–43). Golb pointed out, for his part, that this formula would be equivalent to the mark *legi* or *legimus* in Byzantine imperial documents (p. 15). Pritsak's reading and translation were accepted with little discussion and only minor misgivings by Erdal.⁶ They were, however, rejected by Igor L. Kyzlasov and systematically deconstructed, rune by rune, by Vladimir V. Napol'skikh who claimed that Pritsak assigned arbitrary phonetic values to most of the runes and created a verbal form that was linguistically impossible.⁷

A non-turcologist cannot take a position in this linguistic debate, but he can appraise the historical conclusions that the linguists draw from their analysis.

4 П.П. Толочко, "Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси," *Славяне и Русь в зарубежной историографии* (Kiev, 1990), 99–121, see pp. 104–108; "Миф о хазаро-иудейском основании Киева," *Российская археология*, 2001/2, 38–42; "К вопросу о хазаро-иудейском происхождении Киева," *Хазарский альманах*, 2, 2005, 99–108.

5 К. Цукерман, "Перестройка древнейшей русской истории," *У истоков русской государственности: историко-археологический сборник* (Saint-Petersburg, 2007), 343–351, see pp. 346–349.

6 Erdal, "The Khazar Language" (cited n. 2), 97–99.

7 И.Л. Кызласов, *Рунические письменности евразийских степей* (Moscow, 1994), 34; В.В. Напольских, "К чтению так называемой «хазарской надписи» в Киевском письме," in Н. Голб, О. Прицак, *Хазарско-еврейские документы X века* (Jerusalem — Moscow, 2003), 221–225. The reader should note that the appendix by Napol'skikh only appears in the second edition of the Russian translation of Golb and Pritsak's monograph edited by V. Ja. Petrukhin, where it replaces Pritsak's response, printed only in the first edition (1997), to Petrukhin's criticism of his arguments.

Pritsak's reading concords, for Erdal, with his own hypothesis according to which the Genizah letter was dispatched to Kiev "from the Danube Bolgar realm."⁸ This theory defies imagination in a way few of Pritsak's constructions ever did. There is no trace of use of the runic script by the Danube Bulgars.⁹ Its sudden emergence in the state chancellery of tenth-century slavophone Bulgaria is as incongruous as the endorsement — or, as Erdal would put it, "censor's note" — apposed by a Christian Bulgarian official on a Hebrew letter issued by a Jewish community. It would also make little sense to travel from Bulgaria to Kiev to raise charity when Byzantium with its rich and numerous Jewish communities was near by. For Kyzlasov and for Napol'skikh, by way of contrast, the rejection of Pritsak's reading, of any reading of the runic inscription in fact, corroborates its attribution to the Khazar realm that has produced a number of runic inscriptions which all resist decipherment.

Another issue raised by the linguists concerned the interpretation of names borne by the witnesses who signed the Letter. It would be only a slight exaggeration on my part to say that Pritsak, in interpreting all six non-Jewish names as Turkic, preferably as ethnonyms, transformed the Letter into a miniature catalogue of Turkic tribes. Soon afterwards, however, Abram N. Torpusman and Vladimir Orjol pointed out that the name form GWSTT' does not need to be linked to Altaic languages and to the Petcheneg province of Talmac (p. 39), but rather to the well attested Slavic name Gostjata (Гостята).¹⁰ To my knowledge, this interpretation has not been contested.

The form SWRTH has been endowed by Pritsak with a Mongolian suffix and explained as "belonging to the tribe of Säwär", better known as Sabirs or Sabir Huns (pp. 37–38). Torpusman attempted a similar approach based on a Slavic basis in relating SWRTH to the Slavic Severa (or Severjane), a tribe that dwelled on the left bank of middle Dnieper. Thus, he constructed a form Severjata (Северята), one belonging to Severa, yet admitted that no such form is attested in Slavonic.¹¹ The most recent theory belongs to Erdal, who derives the form from the word *swartä*, which "means 'the black one' i.e. 'the dark one' in Gothic and in early

8 Erdal, "The Khazar Language" (cited n. 2), 97–98. Erdal's suggestion has been taken over and developed by Dan Shapira (Д. Шапира, "Евреи в раннее Средневековье в соседних с Россией странах," in *История еврейского народа в России*, том 1: А. Кулик (ed.), *От древности до раннего Нового времени* [Jerusalem — Moscow, 2010], 44–76, see pp. 61–62). Shapira believes that the Letter was authored, in 968–971, by the Jews of "Preslavac-Kiev" in Bulgaria, who suffered from the violence of their Rus'ian conquerors, led by prince Svjatoslav. It was supposedly destined for the Jewish community of Kiev, the capital of Rus', and through its intermediary to princess Olga, with the view of soliciting her intercession on behalf of the Bulgarian Jews. Yet, I see no way to relate this daring construction to the actual content of the Letter and I regret the perpetuation of the old confusion between the Bulgarian capital Preslav, conquered by Svjatoslav, and the half-mythical "Preslavac-Kiev."

9 Кызласов, *Рунические письменности* (cited n. 7), 38.

10 A.N. Torpusman, "Slavic names in a Kiev manuscript from the first half of the 10th century," in A. Demsky (ed.), *These Are the Names: Studies in Jewish Onomastics*, vol. 2 (Ramat-Gan, 1999) 171–175, see p. 174, cf. A.N. Торпусман, "Антропонимия и межэтнические контакты Восточной Европы в средние века," *Имя — этнос — история* (Moscow, 1989), 48–53 (*non vidi*); В. Орел, "О славянских именах в еврейско-хазарском письме из Киева," *Palaeoslavica* 5, 1997, 335–338.

11 Torpusman, "Slavic Names" (cited n. 10), 175.

Scandinavian.” Erdal draws attention to the fact that SWRTH was not a name but a nickname (*ha-mexuneh*) of a witness whose name he cites as Shimshon Yehuda. The man’s actual name was Yehuda (Shimshon being the patronymic of a previous witness), but otherwise the point is well taken. A nickname must have a meaning for people who apply it to its bearer and Erdal insists, therefore, on the use of Gothic “in this part of Eastern Europe”, namely, in Crimea, were it was spoken as late as the sixteenth century according to the testimony of the Holy Roman Empire’s ambassador to the Sublime Porte Ogier Ghislain de Busbecq.¹²

The idea that Gothic was spoken in tenth-century Kiev — or, according to Erdal’s localization of the Letter, in tenth-century Bulgaria — has the attraction of novelty, but it is hardly plausible. The likely explanation of the nickname has been provided by Vladimir Orjol, who put the accent on the most striking feature of Yehuda’s signature: the lack of a patronymic replaced by a nickname that also explains its absence. According to Orel, the *waw* of SWRTH had been misplaced before rather than after the *resh*, thus dissimulating the word SRWTH, Slavic сирота, orphan.¹³ This solution can be slightly simplified. The nickname can be read either SWRTH or SYRTH, as the scribe barely distinguishes between *waw* and *yod* (cf. the *waw* in *ha-mexuneh*); in any case, the confusion between *waw* and *yod* is most common in Hebrew manuscripts, especially in words that the scribe could not recognize and vocalize. The fact (not acknowledged by Orjol) that the signatures in the Letter belong to the copied part of the document becomes, in this respect, essential. Yehuda’s nickname SYRTH indicated that he had no known father (or parents in case of his being abandoned as a baby); there is nothing to support Orjol’s assertion that it indicated Yehuda’s status as a proselyte (*ger*). This reading has the advantage of explaining both extraordinary onomastic features of the signature: the lack of a patronymic and the use of a nickname. It firmly situates the signatory in a Slavic-speaking milieu.

Four more names were singled out by Pritsak as Turkic: KYBR, MNS, MNR and QWFYN. Erdal is highly critical of Pritsak’s attempts to link KYBR with the Kavar tribes that rebel against the Hungarians in *De administrando imperio*, and QWFYN with the river Kufis/Kuban and with the Kup’i Bulgars of *Armenian Geography*. Only for the name MNR does he consider possible Pritsak’s explanation as *Man är*, “great man,” though he adds that “even in the case that *Man-är* is the correct explanation of the name and is Khazar, that also does not help us much towards deciding what sort of a Turkic language the Khazars spoke”.¹⁴ The latter question is outside the scope

12 Erdal, “The Khazar Language” (cited n. 2), 100–101

13 Орел, “О славянских именах” (cited n. 10); cf., on the term, D. Wörn, “« Sirota » als sozialrechtlicher Terminus im russischen Mittelalter (Anmerkungen zum Verhältnis von rhetorisch-topischem und terminologischem Sprachgebrauch),” in: U. Halbach, H. Hecker, A. Kappeler (Hrsg.), *Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl* (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa 26), Stuttgart, 1986, 171–187.

14 Erdal, “The Khazar Language” (cited n. 2), 99–103, see p. 103 for the quote.

of the present paper, but what I would like to retain is that the criticism of Pritsak etymologies, however justified, produced no alternative to the attribution of the names KYBR, MNS, MNR and QWFYN to the Turkic linguistic realm.

Thus, nearly thirty years of debate have enriched rather than destroyed the onomastic panorama drawn by Pritsak. Out of ten Kievan signatories of the Letter, five (Abraham the *parnas* included) display purely Hebrew onomastics, one, Yehuda, has a Hebrew name and a Slavic nickname, two have presumably Turkic names QWFYN and MNR and Hebrew patronymics, one has presumably a Hebrew name (it is partly lost) and the patronymic MNS, and finally Gostjata, whose Slavic name appears uncontested, has the patronymic KYBR, and what is more, bears the dignity of priest (*cohen*). This dignity is also claimed by MNR, son of Shmuel, the only other *cohen* on the list.

In commenting these combined Hebrew and “non-Hebrew” onomastics, Golb sensibly describes the Jewish community of Kiev as a community of converts who “did not, in accepting Judaism, throw off the old tribal associations,” but rather kept them alive through “retention of the old familial names” (pp. 26–27). Golb has more trouble with the priestly dignity of the Jewish Khazars, the priesthood in Judaism being strictly hereditary and inaccessible to converts. Convinced that “the converts came to practice a genuine rabbinical form of Judaism,” as described in the long version of the Letter of the Khazar king Joseph to the Jewish dignitary Hasdai ibn Shaprut of Cordova, Golb allows for a “process of sacerdotal metamorphosis” transforming the old priests of Tengri into Jewish priests at an early stage of the conversion process (*ibid.*), but not for actual sacrifices. I have argued elsewhere that the passages in the long version of king Joseph’s Letter, which obsessively insist on the strictest Jewish orthodoxy of the Khazars and which are absent from the short version, should be considered as interpolations in the text. I have argued, moreover, citing the explicit testimony of an early-twelfth-century *responsum* by R. Yehuda ben Barzilai of Barcelona, that the Khazars continued to perform sacrifices after their conversion.¹⁵ This shocking evidence can be disregarded, but it cannot be disproved.

Disregarding evidence has become an art of a kind in the current debate on the Khazars’ link to Judaism, which itself deserves a short digression. This debate has been launched by Shlomo Sand (Zand), a Tel Aviv University specialist in French intellectual history, in particular the French cinema. In his book with the eloquent title “The Invention of the Jewish People” — aimed, as one would expect, at deconstructing this notion — a large chapter, its central piece for many reviewers, is dedicated to the Khazars.¹⁶ The author admits that the “Zionist reconstructors

15 C. Zuckerman, “On the date of the Khazars’ conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor. A study of the anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo,” *Revue des études byzantines* 53, 1995, 237–270, see pp. 248–250.

16 זנד, ש. זנד, מתי ואיך הומצא העם היהודי? (Tel Aviv, 2008), translated in English as Sh. Sand, *The Invention of the Jewish People* (New York, 2009). I refer in the text to the English translation.

of the past” (p. 213), otherwise described as “memory-merchants” (p. 236) or “‘authorised’ historians” (p. 18), could not erase the story of the Khazars’ conversion to Judaism despite all their anti-Khazar bias. Nevertheless, he retells this story at length, while recognizing “being a non-specialist” and “exercising a high degree of speculation” (p. 20). Like any anti-Zionist pamphlet of its kind, Sand’s book has earned a huge publicity and a much wider distribution than all recent scholarly publications on Khazars put together. It is worthwhile, therefore, to take a glimpse at his 40-page exposé that has become for tens of thousands of readers the new “authorised” version of the Khazar history.

Surprises await the reader at every page. Thus he learns that attested Khazar history “begins in the fourth century CE” (rather than in the middle of the seventh) and that the Khazars, “a coalition of strong Turkic or Hunnic-Bulgar clans,” “mingled with the Scythians who had inhabited these mountains and steppes between the Black Sea and the Caspian Sea” (p. 214) (the last Scythians, reduced to a small enclave in Northern Pontus, disappear from the historical record nearly half a millennium before the Khazars arrive). Using an antique Hebrew translation of selected passages from the Armenian chronicle of pseudo-Sebeos, Sand declares that “the Great Kagan” mentioned is the ruler of Khazaria (p. 215), even though he could have learned from a recent English translation and commentary that the chronicle speaks of a *qagan* of the Turks. Sand suggests that two Hebrew characters, *shin* and *tzadik*, entered the Cyrillic alphabet “in the course of the Khazars’ early rule over the Russians” (p. 218); it matters little that the Cyrillic alphabet was brought to Rus’ unchanged from Bulgaria, a country that the Khazars never ruled, just as they never ruled, in fact, “over the Russians” either. Scores of similar blunders can be found over the next thirty pages. My aim, however, is not to review the book — consecrated by now as an outstanding historical achievement and required reading by such distinguished French historians as Pierre Assouline and Jacques Julliard — but rather to check how the author’s principled disregard for modern “authorized” scholarship impacts the one original thesis he strives to build.

The Khazars are central for Sand’s argument since he makes his own the thesis developed by Avraham Polak and popularized by Arthur Koestler, according to which the converted Khazars were the real ancestors of the East European Jews. Repackaged for the sake of deconstructing the Jewish people, this idea proved immensely popular. Many Israelis were so excited by the perspective of changing ancestry and turning into descendants of Huns and Scythians that Sand’s book became a huge bestseller in Hebrew. The original thesis, however, had suffered from a structural weakness, which has been often pointed out. The destruction of the Khazar Qaganate is dated in the sources and in traditional historiography to the 960’s; there is some debate concerning the exact year, but it is contained within this decade. A significant increase in the number of East European Jews — too significant, in the revisionists’ view, to be explained by a migration of German-

speaking Jews from Western Europe — can be observed in the late thirteenth century at the earliest (in reality, a century later). Koestler’s popular essay did not explain where the descendants of the converted Khazars were hiding for at least three centuries after the destruction of their state, and even less so, how they survived the Mongol invasion that most severely hit the urban centers, in which they could have plausibly dwelled. Sand bravely faces this problem and provides a revolutionary new solution, which can be resumed in three words: Khazaria didn’t fall!

Sand asserts (p. 228, with reference to D. M. Dunlop¹⁷), as his first proof of Khazaria’s survival after the 960’s, that “in 1016 CE, a joint Byzantine-Russian force attacked and defeated the Jewish Kingdom.” Yet Sand should have noticed that the ruler of the defeated entity had a distinctively Christian first name, George, and a family name, Tzul or Tsules, well attested among the nobility of the Byzantine city of Cherson in Crimea. In reporting this episode, the Byzantine historian John Skylitzes makes no mention of a “Jewish Kingdom” and it is in no way related to the defunct Khazar Qaganate.¹⁸ The following explanation of Khazaria’s survival after its alleged military defeat is frankly bizarre: “Thereafter, the Russian church was headed by the patriarch of Constantinople, but this holy alliance did not last long. In 1071 the Seljuks, rising tribes of Turkic origin, defeated the empire’s considerable forces, and eventually the Kievan Russian kingdom, too, fell apart” (p. 228) (Rus’ was strong enough until the Mongol invasion and, incidentally, the patriarch of Constantinople continued to appoint the Russian metropolitans until the mid-fifteenth century). Rather than on Khazaria’s continuous survival as a state, however, Sand insists on its great resilience: he asserts that in the mid-thirteenth century it re-emerged as “a small kingdom . . . under the aegis of the Golden Horde” (p. 229). Within its borders (which Sand does not define), this kingdom kept all the Jewish Khazars intact. Not for long, though, and this was the Mongols’ fault: “The Mongols did not understand the needs of land cultivation in the vast territories they captured, and did not sufficiently care for the farming needs of the subjugated populations” (p. 229). The Jewish Khazars, who must have become good farmers in the course of their long conservation period, fled the Mongols. Manifestly inspired by the image of the lost tribes freshly released from behind the river Sambation, Sand depicts the Jewish Khazars as they “advance into the Western Ukraine and hence to Polish and Lithuanian territory” (p. 229), filling Eastern Europe with Jews, who had ethnically nothing in common with the (in any case, inexistent) Jewish people. Yet this majestic vision collapses as soon as it touches very basic historical evidence. Sand, as it is his custom, does not quote the sources, but one can surmise from his references that he builds up his scheme with some confused

17 D. M. Dunlop, *The History of the Jewish Khazars* (Princeton, 1964), 251.

18 C. Zuckerman, “Byzantium’s Pontic policy in the *Notitiae episcopatum*,” in C. Zuckerman (ed.), *La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar* (Monographies du Centre de recherche d’histoire et civilisation de Byzance 25) (Paris, 2006), 201–230, see p. 224.

data gathered in Avraham Polak's publications. The mysterious Khazar kingdom under the Mongols is *Gazaria*, a geographic name attested in many sources of the period. But it has long been shown that this name — which goes back not to the Qaganate of Khazaria, but, surprisingly enough, to the homonymous region in Eastern Crimea — designated in the sources dealing with the Golden Horde not some resilient Khazar entity, but ... the Golden Horde itself.¹⁹

The revisionist view of the origins of East European Jews is based on the estimation that the demographic potential of German Jewish (Ashkenazi) communities was insufficient to nourish a migration wave to the east. This estimation is as impressionist as any, but it is not my aim to discuss it. My point is that without the safe haven constructed by Sand outside time and space, the Jewish Khazars had no demographic potential whatsoever for nourishing a migration wave, which Sand sends, in the late thirteenth century, in the opposite direction. After their country was destroyed in the 960's, some, we are told, converted to Islam, while those who remained Jews could plausibly contribute demographically to the meager Slavonic-speaking Jewish communities of Eastern Europe, but this scanty Jewish population, badly hit by the Mongol invasion, had mostly vanished before the Ashkenazi migrants arrived.

Sand's fantastic construction has provoked an even more imaginative response. Moshe Gil, a distinguished Arabist from the University of Tel Aviv, claimed in a recent article that the Khazars had never converted to Judaism at all,²⁰ thus cutting the grass under the revisionists' feet and suppressing *in ovo* any further attempt to relate the East European Jews to the Khazars. Gil starts with the very true observation that no ninth-century Arabic source, including the major historiographers, when mentioning the Khazars, mentions their Judaism; in my study of 1995, this was one of the arguments for dating the Khazars' conversion to Judaism later than most scholars have previously believed. Then, surprisingly for an Arabist, Gil affirms (pp. 7–8) that Ibn al-Faqih al-Hamadani (ca. 903) does not mention it either, even though al-Faqih's testimony on the Khazars' conversion, which he describes as recent, is well known and widely quoted.²¹ In Gil's scheme, associating Khazars with Judaism was a pure libel, an ingenious way to discredit the Khazars in the Muslim world devised by none other than Ahmad Ibn Fadlan, the caliph's envoy to the Volga Bulgars in the early 920's. The major testimony on the Khazars' Judaism produced in the next generation by al-Mas'udi is attributed to Ibn Fadlan's influence (p. 10), although Gil brings no textual proof of al-Mas'udi's acquaintance with Ibn-Fadlan's *Report*. As we know, al-Mas'udi traveled in person to Transcaucasia bordering the Khazar

19 Zuckerman, *ibid.*, 221–226, with references.

20 מ. גיל, "הח'זרים לא התגיירו" (M. Gil, "The Khazars did not convert to Judaism"), *Zion* 75, 2010, 5-14. Further references to this article are provided in the text.

21 Dunlop, *The History* (cited n. 17), 109; Zuckerman, "On the Date" (cited n. 15), 246.

Qaganate, where he gathered information for his treatise. In proclaiming that only the Arabic sources — ultimately going back to a single source — really matter (p. 13), Gil takes no heed of Christian of Stavelot mentioning in the 860's, over half a century before Ibn Fadlan, the Khazars' fresh conversion to Judaism.²² He equally disregards the nearly contemporary Slavonic *Life of Constantine*. The Jewish tradition on the Khazars' conversion is briefly mentioned (pp. 13–14) as the figment of imagination of Ashkenazi Jews, distraught by persecutions and vacillating between excessive pride (in a mighty Jewish kingdom) and self-hate: becoming descendants of Mongols would detach them from the disgrace that had befallen the progeny of Abraham, Isaac and Jacob. Gil crudely projects Sand's mental scheme into the past without explaining to the reader, how Ashkenazi Jews could draw inspiration from Arabic texts. In fact, all Hebrew sources on Khazars were produced in the Orient, before any major persecutions, and contain plentiful data that could not be found in any Arabic source.

Though published in a leading journal in the field of Jewish history, *Zion*, Gil's piece, by its disdain for sources and modern scholarship (which the author chooses deliberately to ignore), stands on equal grounds with Sand's. Both contenders' approach is a far cry from the attitude adopted nine centuries earlier by R. Yehuda ben Barzilai from Barcelona. In his well-known *responsum* (contradicting Gil's claim, p. 14, that not a single rabbinic *responsum* mentions Khazars), he does not hide his embarrassment at the question how could it happen that the Khazars, after converting to Judaism, continued to perform sacrifices. He openly admits that his first inclination was to put their conversion in doubt. Then, after much inquiry and after collating the different versions of king Joseph's letter — their divergences were one of the reasons for R. Yehuda's doubts — he came to the conclusion that the Khazars did convert, that their kings were Jews... and that nevertheless they performed sacrifices.

22 See Zuckerman, "On the date" (cited n. 15), 245.

II. The monetary unit *zaquq*. On the date and the destination of the Letter

The bearer of the Letter, Mar Jacob, had stood surety for his brother, and after the brother was murdered by robbers, inherited a debt that he was unable to reimburse. The amount of debt is indicated as 100 *zequqim*.

The term *zaquq* (pl. *zequqim*) has been commented by Golb in a very unsatisfactory manner. Golb translates *zequqim* as “coins” and claims that this is “one of a large number of terms in Hebrew which signify coins” (p. 13, ad l. 16). He further argues that while “usually meaning silver coins,” the term is here “evidently” used for gold coins, designating the Byzantine *triens* (Greek *trimission/tremissis*), a gold coin that corresponds in weight and value to one third of a *solidus/nomisma* (p. 7). The only element I can retain in his analysis is that *zaquq* cannot designate the Arab dirham, the only silver coin that widely circulated in the Kiev region in the tenth century. A debt of 100 silver dirhams would have been far too small to justify the agitation that the Letter describes. However, the term cannot designate the Byzantine *triens* either. The last coins of this denomination were struck about a century before the Letter was issued, but as of the mid-eighth century their share in the monetary circulation became so insignificant that Philip Grierson describes them as “ceremonial issues.”²³ There is no indication that they ever reached Rus’. What is more, the *triens* was never used, in Byzantium, as an accounting unit; whatever coins were used for the actual payment, the accounts were kept in *nomismata*.

My major objection to Golb’s analysis concerns, however, his main assertion that, in the period under consideration, the term *zaquq* could signify simply “a coin.” Golb refers to Eliezer Ben-Yehuda’s classical *Thesaurus*, but both a careful perusal of the *Thesaurus* entry and, on a different scale, a consultation of the computerized Bar Ilan Responsa Project database show that the term *zaquq* is anything but banal allowing a number of specific observations that we will need to explore.

Zaquq starts being perceived as a coin in fourteenth-century commentaries on the Jewish marriage contract (*ketuba*), in which this term is used to quantify the amount owed by the husband to his wife in case of a divorce. For the commentators in question this is a foreign or obsolete notion, which they try to translate into monetary terms of their time. In the earlier usage, however, *zaquq* is never a coin. It designates a certain amount, usually a pound or half a pound, of pure silver, which can be embodied in ingots or, when specially indicated, in coins. The word *zaquq* means purified (metal) and as of the twelfth century it designates the *marca puri argenti*, the German silver mark. Two other observations compete the picture. The uses of the term *zaquq* are rare in the eleventh and barely existent in the tenth century. In the computerized dictionary of the Israeli Academy of the Hebrew

23 Ph. Grierson, *Byzantine Coinage* (London — Berkeley, CA, 1982), 184.

language our Genizah Letter is the earliest attestation. The term is used exclusively in the Western Ashkenazi realm (roughly, the Carolingian Empire). It is unknown to the Eastern Jews — in all Genizah documents, so rich in economic realia, it receives attestation in our Letter alone.

These elements of data are hard to reconcile with the Letter's dating in the early 930's, as proposed by Golb and Pritsak (see above). They also raise the question of Mar Jacob's intended itinerary. If he planned on gathering funds in Egypt, where the Letter was found, or, in general, among Jewish communities of Moslem or Byzantine realms, why would the amount of debt be expressed in units of value that meant nothing to the potential donors? Answers to these questions may change our perception of the Letter's date and of its historical setting. They will depend on a better understanding of the term *zaquq*.

The earliest mention of the term *zaquq* outside the Genizah Letter appears in a ruling by R. Gershom, surnamed the Light of the Exile for his role in forging the Ashkenazi rabbinic tradition. Born in Metz in the middle of the tenth century, he taught in Mainz until the Jews were expelled from this city in 1012 and probably died before 1028. His most famous ruling was the ban on taking a second wife, instituted for one thousand years some time before the expulsion of Jews from Mainz (which is sure finally now to have expired). He also banned divorcing a wife against her wish, both measures explained by the desire to adapt the norms of Jewish family life to those of German catholic society.²⁴ The ruling, which mentions *zaquq*, carries no date and can be situated in the late tenth — early eleventh century. It is transmitted in the collection of rulings (*Sefer ha-Dinim*) composed by R. Yehuda ben Meir ha-Cohen, a pupil of R. Gershom, before the middle of the eleventh century.²⁵

אמר ר' שלמה בשם הרב ר' גרשום זצ"ל, שאסור לנהוג כדרך שנוהגין במלכות זה, שנותן ליריד של קולוניאה זקוק של כסף שהוא י"ב אונקיות ומקבלים למלונם במגנצא או בוורמשא י"ג אונקיות פשיטים.

ושאל ר' יעקוב בר' יקיר את רבנו גרשום ואמר לו אינו יכול, אלא אם כן יקבל המלוה את הסחורה שהלוה נותן בה אותו כסף, יוליכנה המלוה עמו או שלוחו באחריותו של מלוה עד מקום שיקבל שם המעות, ושיתן לו י"ג אונקיות ושר'. ובלאו הכי אסור.

24 A. Grossman, The connection between religion and economy in the status of the woman in early Ashkenaz, in: מנחם בן-ששון (עורך), דת. (A. Grossman, ed., *Religion and Economy: Connection and Interactions. Collected essays*), Jerusalem, 1995, 139-159, voices some reserves regarding this explanation and links both rulings to the life style of Ashkenazi merchants, who stayed away from home for long periods of time and often took a new wife in their different ports of call. One can object to this link that Oriental Jewish sages, confronted with the same problems, produced no comparable rulings.

25 א. גרוסמן, חכמי אשכנז הראשונים: קורותיהם, דרכם בהנהגת הציבור, יצירתם (A. Grossman, *The early sages of Ashkenaz. Their life, leadership and work, 900-1096*), 3rd revised edition, Jerusalem, 2001, 175-210, especially 196-206. It should be pointed out that before the generation of R. Gershom and his pupils, the Ashkenazi *responsa* are sparse and no strong argument can be derived from the fact that they provide no earlier attestations of the term *zaquq*.

“R. Shelomo said in the name of R. Gershom, may the memory of the righteous be for blessing, that it is forbidden to act the way people act in this country in giving, for the fair of Cologne, a *zaquq* of silver, which is of 12 ounces, and in receiving in their house in Mainz or Worms 13 ounces of coins (*peshitim*).” According to R. Gershom, such profit would be only allowed if the lender, in person or through an agent, shares in the responsibility for transporting the merchandise acquired with the money he lent, i.e. becomes an active partner in the transaction that brings him the profit.²⁶

The proper explanation of the term *zaquq*, as used by R. Gershom, depends on understanding the halachic content of his ruling. It describes a practice of Jewish merchants who, while aware of the legal prohibition of usury, believed to have found a way to circumvent it without violating the Jewish law. Why then did they consider legitimate to lend 12 ounces of silver in the expectation of being repaid 13 ounces? The explanation surely resides in the opposition between silver in form of *zaquq* (pure silver) and of *peshitim* (coins). It was more convenient for merchants going to a distant fair to carry silver in ingots rather than in small coins of their city of origin, which would trade at a discount; by way of contrast, they would be repaying the debt after having realized the merchandise acquired at the fair in their city of origin, and thus amply supplied with local coins. Yet, what the merchants considered to be a crucial banking service which deserved remuneration, was dismissed by R. Gershom as usury. For our purposes, it is important to notice that R. Gershom did not conceive of *zaquq* as a fixed ponderal unit and considered it necessary to specify its weight.

In a case encountered by R. Yehuda ben Meir ha-Cohen himself, *zaquq* appears as an equivalent of a “half” (חצי). As for the term “half”, it is amply explained in another case related by the same author, a story of a Jew who sold a certain object to a bishop for 3 *litraoth* (pounds) of *pshitim* (coins). The bishop claimed that he had no coins available and proposed to pay the Jew 5 “halves”, which, as shown by Irving A. Agus, were freshly created *marcae* of 8 ounces, “half” a pound of 16 ounces. The advantage of ingots over coins — which escaped R. Gershom — was the only justification that the bishop could claim for paying 2.5 pounds of silver instead of 3 pounds, as promised.²⁷ Thus, in a text from the first half of the eleventh century, the term *zaquq* is used to designate 8 ounces of cast silver (in one or several ingots).

An explicit reference to *zaquq* as an ingot or a combination of ingots appears in a commentary on the Book of Deuteronomy-*Devarim* (ad 25, 13) by R. Shmuel ben Meir of Troyes (1080’s–1150’s). He describes the fraudulent practice of fabricating

26 Sh. Eidelberg, *The Responsa of Rabbenu Gershom Meor Hagolah*, New York 1955, p. 94 (n° 29).

27 י. א. אגוס, שיעור הכתובה בתור קנה-מידה לעמדתם הכלכלית של היהודים בגרמניה בימי הביניים (I.A. Agus, “The value of the marriage contract as a measure of the economic standing of the German Jews in the Middle Ages”), *Horeb* 5, March 1939, 143-168, see p. 152, n. 47. As pointed out by Agus (who refers to older studies going back to Leopold Zunz), several fragments of R. Yehuda’s *Sefer ha-Dinim* were printed among the *responsa* of R. Meir of Rothenburg (thirteenth century). Prof. Simcha Emanuel kindly points out to me that three such fragments in all employ the term *zaquq*.

a *zaquq* of two pieces, seemingly equal but actually slightly different in weight, and of weighing them together to show that the weight is right. Whoever gets the lighter piece is cheated, and so R. Shmuel advises to produce the *zaquq* in one ingot. Very numerous references to *zaquq* appear in the writings of his younger contemporary, R. Eliezer ben Nathan of Mainz (ca. 1090-ca. 1170). Thus, for instance, he mentions the practice of buying a *zaquq* of silver for future delivery at the price of 10 ounces, the measure (שער) of the *zaquq* being 1 *litra*. This practice is defended by analogy with the advance payment for a harvest, which justifies a preferential price for the buyer, but R. Eliezer judges it to be close to usury (אבק ריבית) and, therefore, forbidden (ad *Baba Metsia*, f° 5). The analogy makes it clear that the *zaquq* of silver, acquired for coins, was an ingot (or ingots) perceived as commodity (a view rejected by R. Eliezer). There can be no doubt that here, as in R. Gershom's ruling about a century and a half earlier, *zaquq* is associated with a *litra* (pound) of 12 ounces.

As of the late twelfth century, the term *zaquq* will designate exclusively the *marca puri argenti* of 8 ounces, which, with some regional variations, becomes the reference in Germany and beyond. Among the later commentators, however, there is much debate regarding the weight and value of *zaquq*, and this for a very practical reason: a tradition emerged to designate in *zequqim* the value of the standardized Ashkenazi marriage contract (*ketuba*). As convincingly argued by Agus, the new *ketuba*, which marks a profound transformation of this contract, goes back to R. Gershom. It deserves a short digression.

The Jewish marriage contract specified the husband's commitments towards his wife as well as the latter's rights in case of widowhood or divorce. It listed and evaluated the dowry, which the wife was entitled to recover, and indicated her fixed indemnity (*'ikar ha-ketuba*) — considered consecrated and non-modifiable, even though recalculated time and again in the monetary terms in use — as well as the voluntary addition by the husband (*thosefeth ketuba*). In a total breach with the Talmudic and Oriental tradition, the new Ashkenazi *ketuba* featured a fixed evaluation of the dowry and of the husband's "voluntary" contribution, each at 50 pounds of silver. These amounts are clearly attested (as the usage of "the last generations") in the middle-late twelfth century, when their sum is also presented as 100 *zequqim*.²⁸

The meaning of this change in the marriage contract provoked a sharp debate between Irving A. Agus and Abraham (Alfred) H. Freimann. Agus, who was probably the first to have truly grasped how enormous the combined amount of the "dowry" and of the husband's addition was, considered it to be an indication of the genuine opulence of the Ashkenazi Jews and of their wish to provide for their daughters' future. Freimann objected that the amount, which invariably appeared in the Ashkenazi *ketuboth*, was within the reach of only a select few; he suggested that

28 א. פריימן, שיעורי הכתובה באשכנז וצרפת בימי הביניים (A. Freimann, "The value of the marriage contract in Ashkenaz and France in the Middle Ages"), in S. Lieberman (ed.), *Alexander Marx Jubilee Volume* (New York, 1950), Hebrew part, 371-385, especially pp. 374-376.

it was made a standard fixture “in order not to shame those who have not” after the Jewish communities on the Rhine were ruined by the First Crusade. In responding to Freimann, Agus argued convincingly that the change in the *ketuba* could not be dated as late as the twelfth century, after the First Crusade, and maintained its attribution to R. Gershom. He emphasized the contractual binding value of the indemnities listed in the *ketuba*, which could not be taken for mere window dressing, but he did not properly address the economic issue raised by Freimann.²⁹

It escaped neither of the two scholars that the new contract formula had made the divorce extremely difficult, but this consideration was not properly developed, since Agus considered the amount of the indemnities as basically affordable and Freimann, as to a certain extent notional. More recently, Israel Yuval spoke against applying this consideration in explaining the revision of the *ketuba* since, as he pointed out, R. Gershom’s ban on divorcing a wife against her wish (cf. above) would have sufficed to prevent frivolous divorces.³⁰ One may object that applying this ban would have been difficult without a binding economic sanction stipulated in the *ketuba*. More generally, the perusal of references to *zaquq* in the *responsa* (which mostly involve cases of only a few *zequqim*) supports Freimann’s contention that hardly any Jewish husband was able to pay a *ketuba* of 100 *zequqim* representing, at the lowest estimate, way over 20 kg of silver. I might add, in respect to the argument advanced by Agus, that if the whole point was to provide for the bride’s future, there was no reason to depart from the ancient tradition and to make the *ketuba* uniform. What emerges from the combined evidence is the view of a conscious effort — and it matters little whether it should be attributed to R. Gershom in person or also to his pupils — to rid Jewish family norms of the traits, bigamy and free divorce, that surrounding German society found most aberrant. The heavy pecuniary penalty for divorce made it for all practical purposes impossible, but this situation reversed in the course of the thirteenth century, after the penalty was reduced to insignificance by the debasement of coinage, in which it was expressed.³¹

This short distraction should not divert us from the aim, which consists in commenting on the term *zaquq* as employed in the Kiev Letter. The evidence produced by R. Yehuda ben Meir ha-Cohen proves that this term was in use by the late tenth — early eleventh century. The early discrepancy between the *zaquq* of 12 and of 8 ounces shows that this accounting unit of pure silver emerged independently of the *marca* of 8 ounces. Most importantly, the exclusive association of the term with the

29 I. A. Agus, "The Standard Ketuba of the German Jews and Its Economic Implications," *Jewish Quarterly Review*, New Series, 42, 1951-1952, 225-232, defends his ideas presented in his study cited. n. 27, against Freimann, cited in the note above.

30 י. יובל, "הסדרים הכספיים של הנישואין באשכנז בימי הביניים" (I. Yuval, "The Financial Arrangements of Marriage in Ashkenaz in the Middle Age"), in Ben Sasson (ed.) *Religion and Economy* (cited n. 24), 191-207, see pp. 195-196.

31 On this process, see I. A. Agus, "The Development of the Money Clause in the Ashkenazic Ketubah," *Jewish Quarterly Review*, New Series, 30, 1939-1940, 221-256.

Ashkenazi realm reveals the links between the Jewish communities in Germany and in Kiev, and leaves little doubt that the Letter was destined for the potential Jewish donors on the Rhine and not on the Nile. These observations create the challenge to set the Letter in a chronological context closer to the first appearance of the term *zaquq* in the *responsa*, which would also account for its German connection.

I believe that the German connection is indeed the key to the Letter's dating. If we leave aside the mysterious *Rugi* of the Raffelstetten Customs Regulations (ca. 904),³² there is no evidence of links between Germany and Rus' before the 950's. By the late 950's, however, the relations were very close, since in 959, an embassy dispatched by princess Olga of Kiev requested from the king (future emperor) Otto I a bishop and priests to spread Christianity in Rus'. I will not review the sources for this episode, amply studied by Aleksander V. Nazarenko, and will only recall its final fiasco. Bishop Adalbert was only dispatched to Kiev in the early spring of 961, but he returned the very next year after having lost some of his followers barely escaping with his life. Most scholars explain this dramatic turn of events by the change of governance in Kiev. The chronicles situate in 964 (AM 6472) the "coming of age" of Olga's son, Svjatoslav, a convinced pagan, who took over the reins of power. Even some of the staunch adepts of the "conventional" chronicle chronology admit that this date is wrong putting Svjatoslav's takeover a couple of years before, in 961 or early in 962, in connection with Adalbert's mission.³³ It would be difficult, in fact, to attribute to Olga Adalbert's unceremonious expulsion, which spoiled the relations between Otto I's court and Kiev for the years to come.

It would hardly be daring to suggest that the diplomatic *rapprochement* between Rus' and Germany was accompanied — and possibly preceded — by the establishment of close ties between Jewish communities in both countries. In this period, it would have been natural for Kievan Jews to seek help from their wealthy coreligionists on the Rhine. After Adalbert's fiasco in 961 or 962, however, no Jew from Kiev would have dared to venture into the Carolingian realm. At that time, before Svjatoslav's Khazar campaigns later in the same decade, the way to the East was still open. This is why, I believe, Mar Jacob — who could not stay in Kiev and face his unsatisfied creditors — undertook this costlier and riskier journey. Someplace on the way, probably in Sarkel or in Atil, the head of the local Jewish

32 The debate on the identity of the *Rugi* has been recently revived by A.V. Nazarenko, who took up a strong position in identifying them as Rus'ian merchants trading along the route from Bavaria to Kiev, and on to Khazaria, throughout the second half of the ninth century: A.V. Назаренко, *Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков* (Moscow, 2001), 71–112. As I have pointed out (Цукерман, "Перестройка" [cited n. 5], 348–349), not only this route and trade have left no archaeological traces, but there is neither any trace of the city of Kiev until the very end of the ninth century. I retain the traditional view, according to which the ninth-century *Rugi*, who seem to be fairly close neighbors of Raffelstetten in Bavaria, perpetuate the name (if not the ethnicity) of the homonymous tribe, which settled in the region, in Noricum, in the fifth century.

33 See Назаренко, *ibid.*, 263–310, with ample bibliography.

community certified a copy of his *hamlatsa*, which was then endorsed by a Khazar official and used as a *laissez-passer*.

My reasoning sets a very narrow date for the Letter: late 961 or early 962. This is the only period of time when Mar Jacob could request from the Jewish community of Kiev a *hamlatsa* intended to be taken to the Carolingian realm and then discover that, for a traveler coming from Kiev, this destination has become too risky. This dating has the advantage of placing the Letter closer to first mention of *zaquq* in the *responsa*, yet before the fall of the Khazar Qaganate. The combination of the Ashkenazi term *zaquq* with Turkic onomastics in a letter found in Cairo is highly symbolic as yet another evidence of the Jewish trade route, described a few years earlier by Hasdai Ibn Shaprut in his letter to the Khazar king Joseph as leading from Spain to the country of Gevalim (usually identified as Czechia) and then to the Caspian.

My reasoning leaves, however, one crucial question open. This question concerns the size of Mar Jacob's debt. As we have discovered, the early *zaquq*, a measure of pure silver, did not have a steady ponderal value. Applying the weight indicated by R. Gershom, a pound of 12 ounces, would saddle Mar Jacob with the spectacular debt of well over 30 kg of silver (I avoid the debate over the precise weight of the ounce). I wonder though if *zaquq* without further specification would mean more to the Letter's readers than a "measure of pure silver." This admission could imply that the main purpose of the Letter, rather than describing the precise amount owed, was to attest the good faith of its bearer, who had to flee his country because of a heavy debt, possibly too heavy to be repaid. It would also seem plausible that the Letter's authors, well aware of the ambiguity of the term, had primarily in mind a measure of silver in usage Kiev, which expressed the debt's value not only for the Jewish debtors, but also for the cruel gentile creditors, who put Mar Jacob in chains of iron for a year — the Rus'ian *grivna*. However common, this notion is by no means unambiguous.

III. The early Rus'ian *grivna*

Grivna is the only Rus'ian value unit that is mentioned in the earliest stratum of the Rus'ian chronicles. *Grivna* is also the only value unit employed in the earliest stratum of the Rus'ian customary law, *Pravda Rus'kaya*, corresponding to the first 18 chapters (in the modern division) of the so-called *Short Pravda*. After a brief survey, this evidence will be confronted with the data on pecuniary fines contained in the tenth-century treaties between Byzantium and Rus', thus providing the key for the appraisal of the *grivna*'s value in silver. Some observations on silver ingots, also known as *grivny*, will sustain the solution proposed. Establishing the precise *grivna* value should suggest a possible evaluation of the debt cited in the Genizah Letter and, incidentally, of the monetary mass in circulation in the early Rus'.

a. Grivna in the most ancient layer of the chronicle
(Narration of 1016/7)

As I have argued elsewhere, both the junior version of the Novgorod First Chronicle (N1Chr. jun.) and the *Povest' vremennyh let* (Tale of Bygone Years) go back to a Chronicle composed in the Kiev Caves monastery in 1076, which was, in its turn, an expanded adaptation of a Narration (*Skazanie*) composed in 1016/7.³⁴ The Chronicle of 1076 adds no independent mentions of *grivna*. In its early layer, the mentions of *grivna* are few and mostly relate to events that are contemporary with the composition of the Narration. Thus, we learn that in 1014, prince Jaroslav, who ruled in Novgorod, repudiated the yearly levy of 2000 *grivny* that he used to expedite to his father Volodimer in Kiev; he distributed 1000 *grivny* each year to his retinue.³⁵ The ancient annual tribute that the city of Novgorod paid to Varangians and that Jaroslav abolished in 1016 is estimated at 300 *grivny* (N1Chr. jun., 107).³⁶ 300 *grivny* was also the amount distributed by Volodimer to the poor at the feast he threw for the consecration of the church of the Transfiguration of Christ (*Preobrazhenie*), built to celebrate his victory over the Petchenegs (N1Chr. jun., 166).

Jaroslav's reward to the Novgorodians who raised him to the throne of Kiev in the winter of 1015/6 is specified for three categories of warriors: 1 *grivna* for a conscribed peasant (*smerd*), 10 *grivny* for a village head (*starosta*), and the same sum of 10 *grivny* for a citizen (*novgorodets*) (N1Chr. jun., 175).³⁷ Jaroslav's army consisted of 3000 Novgorodians, all categories combined, and of 1000 Varangian mercenaries (N1Chr. jun., 175). The citizens of Novgorod proper were organized as a "thousand" (вои славны тысящу: N1Chr. jun., 174). A recent study reminds us that this notional number should not be pushed too hard;³⁸ however, at this early stage in the history of Novgorod, it was probably not very far removed from reality. All potential warriors could not be available for an expedition launched at very short notice, but if we estimate the number of Novgorod citizens in the troop at 750, we cannot miss the mark by more than 20%. Assuming that there were about 50 village heads, Jaroslav's expenditure on his Novgorod allies can be evaluated, with the same margin of error, at $(750+50) \times 10 + 2200 \times 1 = 10\,200$ *grivny*.³⁹

34 К. Цукерман, "Наблюдения над сложением древнейших источников летописи," in К. Цукерман (ed.), *Борисо-Глебский сборник/ Collectanea Borisoglebica*, vol. I (Paris, 2009), 183–305.

35 N1Chr. jun. in *Новгородская первая летопись старшего и младшего извода*, под ред. А.Н. Насонова (Moscow — Leningrad, 1950), 168. Further references to N1Chr. jun. are provided in the text.

36 On this episode, see Цукерман, "Наблюдения" (cited n. 34), 205–206.

37 For this episode, see also the senior version of the Novgorod First Chronicle, ed. Nasonov (cited n. 35), 15.

38 П.В. Лукин, "События 1015 г. в Новгороде. К оценке достоверности летописных сообщений," *Отечественная история*, 2007/ 4, 3–20.

39 For a calculation along the same lines, cf. <Н.П. Бауер>, Б.А. Романов, "Деньги и денежное обращение," *История культуры древней Руси: Домонгольский период*, vol. I: *Материальная культура* (Moscow — Leningrad, 1948), 370–396, on p. 378. In recent publications dedicated to N. P. Bauer, V. V. Guruleva and P. G. Gajdukov indicate that this chapter, initially written by Bauer, was completed after World War II by Romanov and published under his name alone, since Bauer was condemned and executed in 1942.

Jaroslav's Varangian mercenaries must have been duly rewarded as well, especially since Kiev was taken without resistance and the campaign produced little booty. The author of the Narration had no reason to dwell on their reward, but he provided us, I believe, with an indirect indication of its value. Jaroslav's expedition of 1015, in which the author might have participated in person, supplied him with a model for the description of prince Oleg's campaign against Constantinople. Most readers know this description in the revised version of the *Povest' vremennyh let*, which attaches it to the fictional expedition of 907.⁴⁰ Oleg appears in this description at the head of a host of many tribes ("Varangians, and Slovenians, and Chud, and Slovenians (sic!), and Krivichi, and Merja, and Derevljany" and seven more tribes) embarked on 2000 boats of 40 rowers each. This fantasy is a common fixture in standard works on Byzantine and early Rus'ian history.⁴¹ The original description, however, is well preserved in N1Chr. jun. There, the expedition is situated after Igor's wedding to Olga and the birth of Svjatoslav, about four years before Igor's death; this is a reminiscence, tainted by legend, of the Rus'ian raid on Constantinople in 941.⁴² Oleg's victorious army consists only of Varangians and Slovenians, embarked on 100 boats of 40 rowers each (N1Chr. jun., 108, with a preference for the common reading of the *Akademicheskij* and *Troitskij* manuscripts). These are the exact composition and numbers of Jaroslav's expedition of 1015. This is why I find significant the legendary figure of the indemnity that prince Oleg made the defeated Byzantines pay: 12 *grivny* for each Rus'ian warrior (N1Chr. jun., 108). My guess is that in constructing the glorious past, the author imagined a reward in line with Jaroslav's generosity. On this assumption, 12 *grivny* was the amount paid by Jaroslav to each Varangian. His total expenditure after the conquest of Kiev can be evaluated at about 22 000 *grivny*.

The only other mention of *grivna* in the Narration goes back to the onset of Volodimer's reign when, after a rapid victory over his half-brother Jaropolk, he had to commit himself to paying a ransom to his Varangian allies of 2 *grivny* for each person found in Kiev. The author makes it clear that Volodimer was unable to fulfill his promise and had to extricate himself from it by trickery (N1Chr. jun., 127–128). The number of people subjected to ransom is hard to evaluate. We learn that Jaropolk, unable to withstand Volodimer's assault, first locked himself in Kiev with his warriors, then escaped with some of them to the fortress of Rodnja; many of his soldiers must have stayed in Kiev and had to be ransomed together with its inhabitants and refugees from surrounding settlements. It would appear obvious that the amount that Jaroslav discovered in his late father's treasury, accumulated over 37 years of prosperous reign, was not available to Volodimer himself ca. 978.

40 *Повесть временных лет*, I: изд. текста Д.С. Лихачева, перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова (Moscow-Leningrad, 1950), 23–24. Further references to this edition (PVL) are provided in the text.

41 See, for a recent specimen, П.В. Кузенков, Русь Олега у Константинополя в 904 г., *Причерноморье в Средние века*, VIII, 2011, 7–35, with selective bibliography.

42 Цукерман, "Перестройка" (cited n. 5), 346.

b. *Grivna in the Short Pravda and in the treaties between Byzantium and the Rus*

The “Short” (*Kratkaya*) *Pravda* is transmitted in the entry for the year 6524/1016 of the N1Chr. jun. (pp. 176–180). It consists of two sections. Unlike the second section and unlike the “Long” (*Prostrannaya*) *Pravda*, its first section (pp. 176–177), which forms its earliest stratum, names the compensatory fines only in *grivny*. The highest penalty, of 40 *grivny*, is for murder (if the family renounces blood revenge) or for an injury resulting in the loss of a hand. The next level of penalties “for dishonor” (with no lasting injury involved) goes down to 12 *grivny*, and a range of minor offences is punished with a 3 *grivny* fine. When a pecuniary settlement is envisaged as a compensation for material damage, the text stipulates that the payment should be made in money (*skot*), with no further specification.

The status of the *Short Pravda*, as part of the chronicle and as a document, is controversial. According to the view most recently defended by Aleksej Gippius,⁴³ its first section reproduces the legal “charter” (*gramota*) granted by Jaroslav in 1016 to his Novgorod allies. This so-called *Pravda Jaroslava* was first inserted in the so-called “Novgorod chronicle of the eleventh century” (a hypothetical text reconstructed by Shakhmatov, which lacks substance in my view) and then replaced, in the “chronicle of 1167” composed by German Vojata (another Shakhmatov’s *Konstrukt*, which, this time, I find plausible), by an expanded legal compilation, our *Short Pravda*. By way of contrast, Oleksiy Tolochko depicts the *Short Pravda* as a fifteenth-century compilation produced, expressly for inclusion in the N1Chr. jun., through a radical abbreviation of the *Long Pravda*.⁴⁴ In a study in preparation, I admit that the *Short Pravda* was only inserted in the Novgorod chronicle in the late fourteenth or the early fifteenth century, but I also argue that the chronicler, in searching for a legal document apt to impersonate Jaroslav’s “charter,” did not make one up but rather selected the most archaic version of the *Pravda* that he could find. The norms recorded in the first section of this document may, as it is commonly assumed, go back to the reign of Jaroslav (1015/6–1018, ca. 1023–1054⁴⁵) and even further back in the past. In the perspective of this study, the exclusive use of *grivna* in this section becomes an indicator of its early date.

43 А.А. Гиппиус, “К истории сложения текста Новгородской первой летописи,” *Новгородский исторический сборник*, 6 (16), 1997, 3–72, see pp. 61–63.

44 О. Толочко, “The Short Redaction of *Pravda Ruskaia*: A Reconsideration,” *Palaeoslavica*, 15, 2007, 1–56; А. Толочко, *Краткая редакция Правды Руской: Происхождение текста* (Ruthenica. Supplementum 2), Kiev, 2009. For a recent edition of *Pravda Rus'kaya*, see “Русская Правда. Краткая и Пространная редакции,” изд. М.Б. Свердлова, *Библиотека литературы Древней Руси*, IV (Saint-Petersburg, 1997), 490–517, 668–669, 675–676 (also available online).

45 See Цукерман “Наблюдения” (cited n. 34), 200–202, 221–222, on the chronology of Svjatopolk, whose reign preceded and then interrupted the reign of Jaroslav.

The first section of the *Short Pravda* carries another indication of its archaicity. This indication is vastly significant not only for the history of the text but also in a wider context, because, as I will attempt to show, it leads to a solid appraisal of the value of the *grivna*.

At the heart of my argument is the long suspected link between the provision of *Rus'kaya Pravda* and the clause in each of the two treaties between Byzantium and Rus' (911 and 944), preserved in the *Povest' vremennyh let*, that settles the compensation for bad wounds. The legal provisions in both treaties are very close. Not only are they nearly identical in content, but they also show similarity in wording, which is without parallel in the treaties:

Treaty of 911 (PVL, 27)

Аще ли ударить мечем, или бьеть кацѣм любо сосудомъ, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону (v. l. покону) рускому; аще ли не имовит тако сотворивый, да вдасть елико можетъ, и да соиметь с себе и ты самыя порты, в них же ходитъ, а о процѣ да ротѣ ходитъ своею вѣрою, яко никакоже иному помощи ему, да пребываетъ тяжа отолѣ не взыскаема.

If one strikes with a sword or hits with any implement whatsoever, for this striking or hitting one should give 5 litras of silver according the Rus'ian law (v. l. custom); and if the one who performed the deed is impecunious, he should give as much as he can and he should take off the very clothes he wears, while for the rest he should take an oath according to his faith that there is no one to assist him, and from that time the amount at stake will no longer be collectable.

Treaty of 944 (PVL, 38)

Ци аще ударить мечемъ, или копьемъ, или кацѣмъ любо оружьемъ (v. l. съсудьмъ) русинъ грѣчина, или грѣчинъ русина, да того дѣля грѣха заплатитъ сребра литръ 5 по закону рускому; аще ли есть неимовитъ, да како можетъ, въ только же проданъ будетъ, яко да и порты, въ нихъ ж ходитъ, да и то с него сняти, а о процѣ да роту ходитъ по своей вѣрѣ, яко не имѣя ничтоже, ти тако пушень будетъ.

If a Rus'ian strikes a Greek or a Greek (strikes) a Rus'ian with a sword or a lance or with any weapon (v. l. implement) whatsoever, for this transgression he should pay 5 litras of silver according to the Rus'ian law; and if he is impecunious, he will be fined for as much as he can (pay) so that even the clothes, in which he walks, should be also taken off him, while for the rest he should take an oath according to his faith that he owns nothing, and so one will let him go.

The treaties contain several other references to the Rus'ian law (законъ) or custom (поконъ). This is the only case, however, when a whole clause, strikingly alien to the Byzantine legal practice, seems to have been dictated to the imperial officials by their Rus'ian counterparts in accordance with their unwritten customary law. What is more, Rus'ian law is specifically quoted as the source of the compensatory fine. Expectedly enough, scholars sought to discover the same legal norm and the same amount of fine in the *Pravda Rus'kaya*.

Both the *Short* and the *Long* versions of the *Pravda* contain provisions for compensating people who were struck with a weapon in a brawl. In both texts, however, two distinct cases are considered in a rather confused manner.

3. Аще ли кто кого ударить батогомъ, либо жердью, либо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснию, то 12 гривнѣ; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конецъ. 4. Аще утнеть мечемъ, а не вынемъ его, либо рукоятю, то 12 гривнѣ за обиду. 5. Оже ли утнеть руку, и отпадетъ рука либо усохнеть, то 40 гривенъ. 6. Аще будетъ нога цѣла или начьнетъ храмати, тогда чада смирать. 7. Аще ли персть утнеть которыи либо, 3 гривны за обиду.

3. If one strikes another with a stick, or a perch, or a fist, or a cup, or a (drinking) horn, or the reverse of his palm (?), then 12 *grivny*; if he is not caught, he should pay and that's the end. 4. If one stubs with a sword but does not unsheathe it, or with its handle, then 12 *grivny* for the offense. 5. Yet if one stubs a hand and it falls off or shrinks, then 40 *grivny*. 6. If the leg is intact or he starts limping, one should restrict the children (from seeking revenge?). 7. If one stubs any finger, then 3 *grivny* (are due) for the offense.

23. **Оже кто ударить мечемъ.** Аже кто ударить мечемъ, не вынезь его, или рукоятю, то 12 гривенъ продажи за обиду. 24. Аже ли вынезь мечъ, а не утнеть, то гривна кунь. 25. Аже кто кого ударить батогомъ, либо чашею, либо рогомъ, либо тылѣснию, то 12 гривенъ. 26. Не терпя ли противу тому ударить мечемъ, то вины ему в томъ нѣтуть. 27. Аче ли утнеть руку, и отпадетъ рука или усохнеть или нога, или око, или нос утнеть, то полувирье 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ. 28. Аже персть утнеть кии либо, 3 гривны продажѣ, а самому гривна кунь.

23. **If one strikes with a sword.** If one strikes with a sword without unsheathing it, or with its handle, then 12 *grivny* fine for the offense. 24. If one unsheathes a sword but does not stub, then 1 *grivna* of *kuny*. 25. If one strikes another with a stick, or a cup, or a (drinking) horn, or the reverse of his palm (?), then 12 *grivny*. 26. If, unable to support (the offense, the victim) strikes back with a sword, he carries no guilt. 27. If one stubs a hand and the hand falls off or shrinks, or a leg, or an eye, or one stubs the nose, then half the wergeld, 20 *grivny*, and for that person (the victim) 10 *grivny* for the mutilation. 28. If one stubs any finger, 3 *grivny* of fine, and for the person itself (he victim), 1 *grivna* of *kuny*.

The rulings of the *Short Pravda* belong to the most archaic part of the document (cf. above) and come shortly after the ruling on murder (§1 of the modern editions), which is punishable — unless avenged — with a fine (*vira* — wergeld) of 40 *grivny*. As noted by commentators, the *Short Pravda* preserves the original meaning of fine as a compensation for the victim or his family, while in the *Long Pravda* the prince collects the fine and the compensation for the victim is established separately in cases of bodily damage. Many other aspects of the text could call for a commentary, but we need to restrict ourselves to one. Leaving fingers apart, the *Short Pravda* distinguishes between two basic situations: a strike with a hand or any blunt implement that carries an offense but no bodily damage, and a grave mutilation of a major limb, manifestly by an unsheathed sword, involving a total

disability for a warrior. The same distinction is apparent in the better-preserved parallel section of the *Long Pravda*. While a permanently disabled hand entitles in the *Short Pravda* to a compensation equal to the full *vira* of 40 *grivny*, the *Long Pravda* attributes half of this amount as a fine to the prince, and 10 more *grivny* to the victim. The latter text, however, contains an expanded list of limbs, which strongly suggests that the withered §6 of the *Short Pravda* originally treated the loss of a leg at least with the same gravity as the loss of a hand. Thus both versions of the *Pravda* clearly distinguish between dishonor and disability. Now it remains to decide, whether the treaties of 911 and 944 relate to the former or the latter.

In making this decision, we find surprisingly little guidance in the abundant scholarly literature dedicated to the treaties and to the *Pravda Rus'kaya*. The often helpful commentary on the treaties by A. V. Longinov provides a good example of the common disarray.⁴⁶ He notes, as nearly all the commentators, the similarity between the beginning of the penal clause in the treaty of 911, “Аще ли ударить мечьмъ или биеть кацъмъ любо съсудъмъ, etc.” and the opening of §3 of the *Short Pravda*, “Аще ли кто кого ударить батогомъ, etc.” He claims that the treaties do not take into account “the quality of the strike” (which would be absurd), but then adds that the harshness of the fine would rather imply a wound with grave consequences for the victim’s health. The mention of the Rus’ian law or custom in the treaties, as Longinov rightly observes, refers most specifically to the amount of fine, but he can find no equivalent in *Pravda Rus'kaya* to the hefty sum of 5 Byzantine *litrai* of silver. In the numerous commentaries on these texts, I have discovered no alternative reasoning to the commonly drawn parallel between the “Аще ли ударить” clause in the treaties and the “Аще ли кто кого ударить” clause in the *Short Pravda*.

A straightforward translation in metrological terms of the alleged parallelism between the two clauses consisted in dividing the weight of five Byzantine pounds by 12; thus, it produced a *grivna* valued at ca 136 g of silver. Russian historical works from the second half of the nineteenth century onwards often cite this figure. The same simple calculation has been recently retained by Omeljan Pritsak.⁴⁷ Yet, when Valentin L. Yanin, in his renowned monograph of 1956, attempted a first comprehensive reconstruction of “the monetary and ponderal systems of the Russian Middle Ages,” the heavy *grivna* did not fit into any system. Parting from the same alleged parallelism, Yanin found a way to reduce the *grivna*’s weight by half, to 68.22 g, by adducing complex textological and metrological considerations.⁴⁸

46 A.В. Лонгинов, *Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Историко-юридическое исследование* (Odessa, 1904), 130–136.

47 O. Pritsak, *The Origins of the Old Rus' Weights and Monetary Systems: Two Studies in Western Eurasian Metrology and Numismatics in the Seventh to Eleventh Centuries* (Cambridge, Mass., 1998), 37–38.

48 В.Л. Янин, *Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период* (Moscow, 1956), 48–52. The incompatibility of the hypothetical heavy *grivna* with the metrological systems attested in the region had been previously pointed out by Bauer, see Н.П. Бауер, *Денежный счет Русской Правды, Вспомогательные исторические дисциплины* (Moscow — Leningrad, 1937), 183–244, on p. 212.

This *grivna*, supposedly a relic of an ancient Slavic ponderal system, was one of the cornerstones in Yanin's reconstruction, but it also became its most contested element.⁴⁹ The recent critical analysis of Yanin's reasoning by Nazarenko makes any further discussion superfluous.⁵⁰ In Yanin's scheme, this archaic *grivna* was replaced in the second half of the tenth century, after the conclusion of the treaties, by a *grivna* of 51.19 g. This scheme was revised by Nazarenko, who placed the emergence of the 51 g *grivna* in the ninth century.⁵¹ Since Nazarenko maintained the afore-cited parallelism, he had to justify anew the old equation of 5 pounds of silver with 12 *grivny*, his *grivny* being lighter by one quarter than those devised by his predecessor. Yet, the *grivna* of 51.19 g is a sheer phantom, just as the previous one. Before arguing this point, however, and for a better orientation of the reader, I should suggest an alternative solution.

If we break through the bibliographical maze and read the texts as they stand, we discover no ambiguity. A clause in a treaty, which provides for the case when one person strikes another with a sword or, more explicitly, with a sword or a spear, cannot be interpreted as if it carried a tacit stipulation that the sword was unsheathed and the spear specially wrapped or turned around for the occasion. The provision in both treaties concerns a bad open wound that could be inflicted with a weapon or with any sharp tool. In the terms defined above, it does not deal with dishonor, but with potential disability. The main distinction between the injury clauses in the treaties and in *Pravda Rus'kaya* resides in the fact that the *Pravda* judges the gravity of a wound by its final consequence: the atrophy of a limb. The latter criterion is absent from the treaties and the reason for this is very obvious. Whether the limb remained functional or not could only be established after the wound had healed, but by that time the caravan of Rus'ian traders would long have left Constantinople. The decision on penalty that had to be taken on the spot reposed necessarily on the "quality" of the wound alone and could not wait for its healing. Otherwise, it stands beyond doubt that both treaties contain, after a clause on murder, a clause on a grave open wound, such as a strike by sword or by spear would normally inflict, not lethal but potentially debilitating. This clause must be related, in the *Pravda*, to the provisions on wounds and not on offensive blows.

This analysis brings us to the main point, which concerns the amounts of fine. The hefty sum of 5 pounds of silver, which, as the treaties say, was collected "according to the Rus'ian law", should be related to the heaviest fine of 40 *grivny* and not to the fine of 12 *grivny*, as commonly believed. The Byzantine *litra*, like the Roman pound, used to be estimated at 327.6 g, but this classical estimation has long been recognized as excessive. In recent studies, the estimated weight of a

49 С.Н. Кистерев, *Русское денежное обращение в трудах В. Л. Янина* (Moscow, 2004), 46–51.

50 Назаренко, *Древняя Русь* (cited n. 32), 123–129.

51 Назаренко, *ibid.*, 130.

litra-pound has been reduced to 326.34 or even 324.72 g.⁵² Thus, the fine stipulated in the treaties should have represented between 1631.7 and 1623.6 g of silver.

In tenth-century Byzantium, however, the silver circulated in coins, not in ingots. Bankers and traders were required to accept coins with no visible defects by count, not by weight. Cécile Morrisson, following Philip Grierson, evaluates the nominal weight of a silver *miliaresion* at 2.98 g, close to the nominal weight of the dirham (the actual weight of the *miliaresia* preserved is mostly lower).⁵³ It would appear that the *miliaresia* were nominally struck at the rate of 108 coins per *litra*, in a clear ponderal relation of 3:2 to the *nomisma*, which was struck at 72 per *litra* but was also slightly underweight at the time. Five *litrai* of silver would then be equated to 540 *miliaresia* in coined money, perhaps a few more to compensate for the deficient weight of the silver coinage.

Tenth-century sources attest two exchange rates for a *miliaresion*: 12 or 14 to one gold *nomisma*. These sources are different in nature. The Book of Ceremonies, compiled towards 946, applies the old official rate of 12 *miliaresia* for 1 *nomisma* to the imperial distributions, and this is also the rate prescribed, not before the second half of the tenth century, in a *scholion* to the Book of Eparch.⁵⁴ These normative indications contrast with the forthright statement of a South Italian act from 959 equating a *solidus* (*nomisma*) with 14 *miliaresia*.⁵⁵ Michael Hendy, who discusses this evidence, also points out that the accounts of the Cretan expedition of 949, appended to the Book of Ceremonies, suggest for a *nomisma* an exchange rate superior to 12 *miliaresia*.⁵⁶ What is more, Grierson and Hendy relate to the same period the indication of a legal *scholion* (one of the *scholiae nomicae*, notoriously difficult to date), according to which the *miliaresion* used to be valued at 1 $\frac{3}{4}$ *keratia* (and thus the *nomisma* at 13 $\frac{5}{7}$ *miliaresia*).⁵⁷ Hendy suggests a fluctuation in the value of silver currency, while Morrisson believes in its slight devaluation in the course of the tenth century,⁵⁸ but the fact of the matter is that all our evidence

52 C. Morrisson, "Byzantine money: Its production and circulation," in A. Laiou (ed.), *The economic history of Byzantium from the seventh through the fifteenth century*, I–III (Washington, D.C., 2002), 909–966, see p. 920.

53 Morrisson, *ibid.*, 930; Ph. Grierson, *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*, vol. III: *Leo III to Nicephorus III, 717–1081*, part 2: *Basil I to Nicephorus III (867–1081)*, (Washington, D.C., 1973), 554–558 (with the indication of weight of the coins preserved).

54 Constantinus Porphyrogenitus, *De cerimoniis aulae byzantinae*, 55, ed. K. Reiske (Bonn, 1829), 799–800; *Das Eparchenbuch Leons des Weisen*, ed. J. Koder (Wien, 1991), 76 (in the apparatus to ch. I, 4, line 58), cf. introduction, pp. 37–39, on the traces left in the Book of Eparch by the editors between the mid-tenth and the early eleventh century.

55 *Codice Diplomatico Barese*, vol. I : G.B. Nitto de Rossi e F. Nitti, *Le pergamene del duomo di Bari (952–1264)* (Bari, 1897), p. 6 (n° 3).

56 M.F. Hendy, *Studies in the Byzantine monetary economy c. 300 1450* (Cambridge, 1985), 504–506.

57 F. Hulstsch, *Metrologicorum scriptorum reliquiae*, I (Leipzig, 1864), 308–309, with Grierson, *Catalogue* (as in n. 53), part 1: *Leo III to Michael III*, p. 67, and Hendy, *ibid.*, 504.

58 Hendy, *ibid.*, 505; Morrisson, "Byzantine money" (cited n. 52), 930.

is strictly contemporary. I would rather suggest that in the tenth century, the old official rate of 12 *miliaresia* to a *nomisma*, which overvalued the silver, was not abandoned, but in commercial transactions suffered a market correction (that will find an explanation below), which brought it closer to 14 silver coins to a *nomisma*. At the temptingly precise rate of $13 \frac{5}{7}$ to a *nomisma*, 540 *miliaresia* — the minimal equivalent in coined silver of the 5-*litrai* fines of the treaties — would be worth 39.4 *nomismata*, while 548.6 *miliaresia* would equal 40 *nomismata*. Thus the 40-*grivny* fines of *Pravda Rus'kaya* would equal in value 5 *litrai* of silver if we recognize in *grivna* the silver equivalent in of the Byzantine gold coin, the *nomisma*.

c. The “grivna” ingots and the value of the ancient grivna

The reader has understood by now that the ancient *grivna*, the value of which is so hotly debated, existed as “money of account” that had not materialized as a solid piece of silver. Silver ingots, which will be also, with time, designated in the sources as *grivny*, only appeared by the early twelfth century. Four types of ingots of standardized shape and weight circulated in Rus' (Fig. 2);⁵⁹ ingots of a different

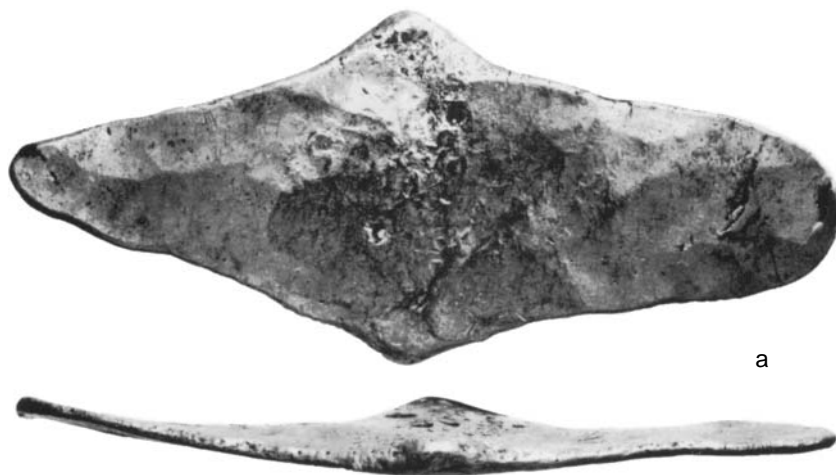

Fig. 2. Rus'ian monetary ingots (reproduced 1:1).

- a. Chernihiv type. Burge (Gotland, Sweden) hoard (Kotljars, cited n. 61, p. 119)
- b. Kiev (regular) type. H. Ivakin's excavations at Saint-Michael the Golden Domes Cathedral in Kiev (courtesy H. Ivakin)
- c. Novgorod type. E. Toropova's excavation at Staraya Russa (web posting).

⁵⁹ These ingots are little known outside the territory of ancient Rus', cf. P. Spufford, *How rarely did medieval merchants use coin?* (Van Gelder-lezingen 5) (Utrecht, 2008), 7, 10.

b

c

type were cast in Lithuania. Nikolaj P. Bauer was the first, to my knowledge, to affirm that the weight of the “*grivna*” ingots should reveal the weight of an earlier *grivna*, since concordant sources equate at least one type of ingots to four “old” *grivny*.⁶⁰ Bauer attributed to this old *grivna* 49.25 g and believed that it had emerged in the eleventh century as an equivalent of 50 West European pennies (cf. below), Yanin considered it to be the second-oldest Rus’ian *grivna* of 51 g from the second half of the tenth century, for Nazarenko, this was the very oldest Rus’ian *grivna* going back to the ninth century (see above), but despite these divergences, Bauer’s observation became the cornerstone for all future research in the field. The fact, however, that the four Rus’ian *grivna* types conform to two distinct ponderal standards complicates the matters considerably.

The latest survey of “*grivna*” ingots belongs to Nikolaj F. Kotljar.⁶¹ Kotljar’s study was prompted by the discovery, in the midst of a huge hoard from the 1140’s, unearthed in Burge (Gotland, Sweden), of 28 whole and 6 fragmentary Rus’ian ingots of the type traditionally designated as “Chernihiv.” Kotljar, following Bauer, contested the attribution of this ingot type to the principality of Chernihiv.⁶² He suggested renaming it “North-Rus’ian”, but the recent discovery of a hoard of such ingots in Chernihiv argues for retaining the traditional name.⁶³ Chernihiv ingots have a distinctive oblate form, yet they are less refined in execution than the other types; they carry traces of hammer blows, the simplest way to effect a rough assay of the silver alloy. Kotljar weighted the ingots from the hoard as well as the Chernihiv-type ingots conserved in the State Hermitage (Saint Petersburg) and the Historical Museum (Moscow), thus reaching a sample of nearly two thirds out of about 120 recorded ingots of this type. The average weight of the 28 whole ingots in the hoard is 196.42 g, in the State Hermitage (31 ex.) 195.74 g, and in the Historical Museum (15 ex.) 195.56 g. Kotljar tentatively suggested for this ingot type the “ponderal standard” of 196.72 g.⁶⁴

Kotljar’s appraisal came very close to the old estimate by Bauer, who indicated for these “flattened out (расплющенные)” ingots the average weight of ca. 197 g, which he considered identical to the ponderal norm of the much more common oblong ingots of the Novgorod type weighing on the average just over 197 g. Kotljar quotes Bauer, yet claims that Bauer was wrong, the average weight of the Novgorod ingots being ca. 204 g.⁶⁵ Likewise, the useful comparative table of ingot types provided by Kotljar (p. 87) indicates, for the “North-Rus’ian” (i.e. Chernihiv)

60 Бауер, “Денежный счет” (cited n. 48), 223ff.

61 Н.Ф. Котляр, “Северорусские («черниговские») монетные гривны,” *Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике* (Moscow, 1996), 80–142.

62 Котляр, *ibid.*, 98–99; Бауер, “Денежный счет” (cited n. 48), 225.

63 А. Казаков, Г. Жаров, “Клад гривен из Чернигова,” *Нумизматика*, 2001/2, 48–49.

64 Котляр, *ibid.*, 100–101.

65 Котляр, *ibid.*, 100; Бауер, “Денежный счет” (cited n. 48), 225.

ingots, the average weight of ca. 196 g, and for the Novgorod ingots, of ca. 204 g. Yet, Kotljar's position contains a paradox, which is highly revealing of the confused state of the question. Bauer, the leading specialist in Rus'ian numismatics before his execution by the NKVD in 1942, made no mistake regarding the average weight of the Novgorod ingots, which he personally studied at the State Hermitage. Their real weight, however, has been thoroughly obfuscated by the purely notional figure of 204.756 g, which has been introduced by V. L. Yanin. Removing this ghost figure from the debate is a crucial precondition for resolving the *grivna* question.

Yanin claimed that the ponderal value of the Novgorod *grivna*-ingots was not determined by their actual weight — for which he accepted Bauer's figure — but by the weight of the silver provided for their casting. Ca. 204 g of scrap silver would have suffered a loss (угар/ burned off) of ca. 7 g in the melting process, yet the reference value of the ingot would still be 204.756 g.⁶⁶ Divided by four, this figure supplied the ponderal value of the ancient *grivna*, 51.19 g, which (as pointed out above) emerged, according to Yanin, in the second half of the 10th century, and according to Nazarenko, a century earlier, and which is at the heart of their respective reconstructions of the Rus'ian monetary system. This figure is currently very popular among historians, as it allows attaching both the ingot and the ancient *grivna* to the Carolingian pound of 409.562 g, a crucial element in Nazarenko's construction. Yet, there is no point in exploring this "link". In a short but seminal study, Ivar Leimus has pointed out that Nazarenko's system of arguments, however ingenious, fails to convincingly demonstrate the origin of the "traditional" *grivna* of 51 g.⁶⁷ As Oleksiy Tolochko has recently observed, Yanin's assumption integrating the burned off in the nominal weight of the ingot has no parallel in numismatics and cannot be sustained.⁶⁸ The actual average weight of the Novgorod *grivna*-ingot divided by four would suggest an "old" *grivna* of slightly over 49 g, which was the figure retained by Bauer. In later layers of *Pravda Rus'kaya*, the *grivna* is subdivided into 50 *kuny* or *rezany*, and so Bauer hypothesized that 49.25 g represented the weight of 50 silver pennies (*denarii*) of ca. 1 g circulating in Novgorod in the eleventh century.⁶⁹ Leimus pointed out, however, that the average indicated by Bauer understated the weight of Western silver coins, which had actually circulated in Novgorod area.⁷⁰ Thus, Bauer's hypothesis does not lead us far.

Bauer, followed by Kotljar, explained the ponderal standard of 197 g for the ingots of "Chernihiv" and Novgorod type as reproducing the Scandinavian *marca*

66 Янин, *Денежно-весовые системы* (cited n. 48), 46.

67 И. Леймус, "Русский денежный счёт XII века — свой или заимствованный?," *Монета*, 8 (Vologda, 2001), 23–30, see p. 24.

68 А. Толочко, "О новгородской гривне серебра," *Ruthenica* 6, 2007, 359–365, see pp. 360–361.

69 Бауер, "Денежный счёт" (cited n. 48), 225ff.

70 Леймус, "Русский денежный счёт" (cited n. 67), 26.

of 8 öre (calculated at ca. 24.5 g).⁷¹ This explanation was revised and developed by Leimus and by Tolochko (who was not aware of Leimus' study). As pointed out by Leimus, ingots of ca. 197 g appear in hoards on the island of Gotland, as well as in Latvia and Estonia, as of the second half of the eleventh century. Then, both scholars insist on the fact that when references to a silver *grivna*, manifestly the Novgorod-type ingot, start appearing in Novgorod's treaties with Gotland and its other trading partners from the late twelfth century on, this means of payment is perceived as common to all contracting parties. They conclude that if the ponderal standard of the Novgorod *grivna* conformed to that of a Scandinavian *marca*, there is no reason to believe that by dividing it by four we would obtain the ponderal value of the ancient Rus'ian *grivna*. Last but not least, they point out that the idea itself of issuing *grivna*-ingots of quadruple weight and value as compared to *grivny* of coins goes back to Scandinavia and specifically to Gotland.⁷²

These valuable observations can be completed with another, also fairly recent and originating this time with V.L. Yanin himself. Unlike Bauer, who believed that Chernihiv-type ingots preceded those of Novgorod, which only emerged in the early thirteenth century,⁷³ Yanin considered the Novgorod type to be earlier in dating its appearance to the eleventh century.⁷⁴ This view has been retained in later publications.⁷⁵ However, in commenting on a newly discovered birch bark letter from the early thirteenth century that mentions a debt of a *grivena novaja* (n° 713), Yanin noted that this "new *grivna*" only emerged in the late twelfth century.⁷⁶ This remark must refer to Novgorod-type ingots, and in the absence of any recent survey of their finds, this personal testimony by the best-informed specialist in the field is precious

71 Бауер, "Денежный счет" (cited n. 48), 227–228; Котляр, "Северорусские" (cited n. 61), 102.

72 Леймус, "Русский денежный счёт" (cited n. 67), 24–25; Толочко, "О новгородской гривне" (cited n. 68), 62. I am very grateful to Dr. Leimus for a consultation (by mail) on the ingots weighing close to 197 g, found in the Baltic region, which he briefly mentions in n. 3. The most significant find is the Rijneki hoard of 18 ingots; if we exclude two aberrant ingots of 103 and of 159.9 g, the remaining 16 weigh 200.33 g on the average (between 189 and 209.6 g), see V. Urtans, *Senākie depoziiti Latvijā (līdz 1200. g.)* (Riga, 1977), 66–67 (n°63). Otherwise, relevant finds are extremely rare. Thus, the Baltic trading partners of Novgorod were unlikely to dispose, like their Rus'ian counterparts, of standardized "monetary" ingots; they probably had to pay their fines in irregular ingots or in coins.

73 Н.П. Бауер, Денежный счёт в духовной новгородца Климента и денежное обращение Северо-Запада Руси в XIII в., *Проблемы источниковедения*, III (Moscow-Leningrad, 1940), 175–203, see p. 202.

74 Янин, *Денежно-весовые системы* (cited n. 48), 161–162.

75 Notably Назаренко, *Древняя Русь* (cited n. 32), 120.

76 В.Л. Янин, А. А. Зализняк. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 годов)* (Moscow, 2000), 13; А. А. Зализняк, *Древненовгородский диалект*, 2nd edition (Moscow, 2004), 426. Meanwhile, Yanin seems to have given up on the ponderal standard of 204 g as well. In a study from 1979, he described the monetary system (кунная система) of the thirteenth-century Novgorod as "based on real ingots of silver with the norm of 196.2 g" (В. Л. Янин, "К истории формирования новгородской денежной системы XV в.," *Вспомогательные исторические дисциплины* 11, 1979, 251–259, see p. 251). It is regretful that the recent reprint of Yanin's studies on the monetary history of Rus', published over half a century (В. Л. Янин, *Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода*, Moscow, 2009), provides no guidance to the reader on the evolution of the author's views on the topics discussed.

and its implications are crucial. The propensity to set the emergence of *grivna*-ingots as early as the eleventh century goes back to the early twentieth-century historians, and while its support in the archaeological evidence is meager, its logic is clear. The circulation of dirhams ceased in Southern Rus' in the late tenth century; only in Northern Rus' were the dirhams replaced by imported western coinage, but its circulation declined and nearly ceased in turn in the early twelfth century. Thus, Rus' entered the so-called "coinless" (безмонетный) period, which lasted until the second half of the fourteenth century. The old chronology of the Novgorod-type ingots allowed attaching them directly to the last phase of the monetary circulation in the region. Their new dating makes it clear that they actually appeared after well over half a century without (or with very little) coins. I will argue below that this gap is essential for explaining the ponderal value of the new *grivna*.

My observations so far take stock of the progress achieved in the field of Rus'ian monetary history since the publication of the synthetic studies by Yanin and Nazarenko. The chronology of Chernihiv- and Novgorod-type ingots has been clarified, the former emerging in Southern Rus' no later than the 1130's and the latter, in Northern Rus', hardly earlier than the 1180's. Both ingot types adhere to a single Scandinavian weight standard. Thus, the attempts to reach back to the ancient *grivna* through the intermediary of the Novgorod-type ingots arbitrarily evaluated at ca. 204 g lead to a dead end. I would define both Chernihiv- and Novgorod-type ingots as export currency, ingots cast to facilitate trade with Scandinavia.

The third type of Rus'ian ingots, the "heavy Kiev-type" renamed "pseudo-Kiev-type" by Kotljар who contests their link to Kiev,⁷⁷ belong in the same category. By far the least common, with only about 50 ingots on record, this type has the distinctive shape of Kiev-type ingots (cf. below) and the average weight of ca. 197 g,⁷⁸ but is attached by scholars to the ponderal standard of "204 g";⁷⁹ it is dated to the first half of the thirteenth century.

These preliminary remarks may leave the reader with the impression that my whole aim is to bring him back to Bauer's positions, but this is only partially true. Bauer firmly believed that Kievan Rus' had borrowed its metrological system from the Scandinavians and focalized, therefore, on Chernihiv- and Novgorod-type ingots, which he attached to Scandinavian metrology. Yanin, as opposed to Bauer, sought to break this dependence on Scandinavia, but focalized, nevertheless, on the same Novgorod-type ingots; his attempt to attach them to a different ponderal standard was not a success. Both approaches, however, have left consciously in the shade the so-called "Kiev-type" ingots, distinguished by their hexagonal shape. This situation is at the very least surprising. While Kotljар knew of about

77 Котляр, "Северорусские" (cited n. 61), 87–88.

78 <Бауер>, Романов, "Деньги" (cited n. 31), 395.

79 М.П. Согникова, "Серебряный слиток с Изяславля-городища," *Культура средневековой Руси* (Leningrad, 1974), 64–66; Котляр, "Северорусские" (cited n. 61), 87.

120 Chernihiv-type ingots in all (cf. above) and an old, probably exaggerated, estimate of Novgorod-type *grivny* from the early thirteenth century and before put their number at 118,⁸⁰ the number of known Kiev-type ingots indicated by Kotljar (p. 87) is over 400. It is admitted by all that the production of such ingots ceased after the Mongol destruction of Southern Rus' in the late 1230's. Thus, the Kiev-type ingot, the Cinderella of the Rus'ian monetary history, was actually by far the dominant "monetary ingot" in pre-Mongol Rus'. Would it not be more likely for this mass product of Kievan Rus' to reflect the ponderal value of the ancient *grivna*?

The emergence of the Kiev-type ingots is variously dated to the eleventh or the twelfth century. Curiously enough, one and the same ingot discovered in an "undisturbed archaeological context" in Novgorod is cited as evidence both for the former⁸¹ and the latter⁸² date. In admitting a compromise dating very early in the twelfth century, I should insist on the fact that Kiev- and Chernihiv-type ingots emerge more or less simultaneously.

In the context of this study, the most striking feature of Kiev-type ingots is their weight. In Kotljar's (p. 87) table, as in many other studies, it is indicated as ca. 164 g, which is, again, a notional figure based on Yanin's (p. 54) claim that the nominal weight of a Kiev-type *grivna* was 163.73 g, a quarter of a Byzantine pound. The average weight of such ingots was calculated by Bauer as 158–159 g, but his own histogram shows that if one excludes a few aberrant specimens under 150 g, his sample of 376 ingots displays an impressive cohesion of weight within the range of 156–165 g,⁸³ with effective average at ca. 161 g. As I have pointed out above, recent studies suggest a slightly lower weight standard for the middle Byzantine pound than the classical estimate of 327.46 g for the Roman pound that served Yanin as reference. Thus, the actual average weight of Kiev-type ingots is still very close to half a pound, but this is not the main point. The weight of a Kiev-type ingot represents exactly four times the ponderal value of the ancient *grivna* as calculated above on the basis of the treaties of 911 and 944 in conjunction with the *Short Pravda*.

The idea of dividing the weight of a Kiev-type *grivna* by four has occurred to scholars before. In a survey of the Rus'ian monetary system published nearly thirty years after his monograph, Yanin asserts that in Southern Rus' the *grivna* acquired a distinctive ponderal value of $(163.73 : 4 =) 40.92$ g, as opposed to 51.19 g in the North.⁸⁴ Yanin's figures are admitted by Pritsak, who adds elaborate tables of ponderal values of the *grivna*'s subdivisions (*nogata*, *kuna*, etc.) in the South and

80 Янин, *Денежно-весовые системы* (cited n. 48), 46.

81 Янин, *ibid.*, 171; В. М. Потин, "Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в.," *Международные связи России до XVII в.* (Moscow, 1961), 84–115, see p. 107.

82 Сотникова, "Серебряный слиток" (cited n. 79), 64.

83 See Янин, *Денежно-весовые системы* (cited n. 48), 53.

84 В.Л. Янин, "Русские денежные системы IX–XV вв.," *Древняя Русь. Город, замок, село* (Археология СССР) (Moscow, 1985), 364–375, see p. 365.

the North respectively, based on the *grivna*'s presumed weight in each region.⁸⁵ Nazarenko proposes a complex system of his own, also based on the assumption that the “monetary and ponderal system” in Southern Rus’ was “completely different” from that in the North.⁸⁶ Many more studies integrate the idea of two distinct zones of monetary values, Kievan South and Novgorodian North, an idea going back to Yanin and Bauer (and possibly farther back).⁸⁷ Without going into unnecessary detail (and without denying regional varieties in the Rusi’an monetary system), I propose to reject this binary concept *en bloc* for two reasons, which I consider decisive.

One reason is particularly apparent to the readers of this article: if one takes into account the Chernihiv-type ingots, Rus’ cannot be conveniently divided in two zones. Unsurprisingly, these ingots are not discussed by Yanin (1956), Pritsak (1998) or Nazarenko (2001), and are also conspicuously absent from Yanin’s table of *grivny*.⁸⁸ Separating Chernihiv from Kiev and attaching it to the “northern” zone would be absurd. Therefore, Bauer, in half a sentence, and later Kotljar strived to dissociate the problematic “*grivna*” type from Chernihiv.⁸⁹ Rather than proposing another urban centre as an alternative site of production, Kotljar suggested that rural artisans could have fabricated the ingots “in the vast region from Pskov land and the Northern Dvina to the Middle Volga.” However, such a pattern of decentralized production is implausible and the proposed geographical setting is invalidated by Kotljar’s own map of finds. The only major find to the east of Pskov, a hoard of 44 ingots, was discovered near Velikie Luki on the Lovat’, on the main river route from Kiev and Chernihiv to Novgorod and Scandinavia. Thus, it can in no way contradict the southern origin of Chernihiv-type ingots. The four other finds are of seven ingots in all. By way of contrast, Kotljar indicates three hoards of 36 ingots in all from the region of Chernihiv and a hoard of 11 ingots found near Kiev; these are now completed by a significant find from Chernihiv itself (above).⁹⁰

Against this background, I would not follow Kotljar (p. 98) in describing the find near Kiev as “accidental.” I would also not consider at all surprising that ingots destined for foreign trade started being cast in Chernihiv, the economic powerhouse of Kievan Rus’ at the time. Lighter ingots based on the ponderal standard of the Rus’ian *grivna* (regular Kiev-type) were cast at the same time in Kiev. Since no Chernihiv-type ingots have been discovered in hoards associated with Mongol

85 Pritsak, *The Origins* (cited n. 47), 52–55.

86 Назаренко, *Древняя Русь* (cited n. 32), 194–195.

87 On the specificity on the Southern zone, see the important study by Kotljar: М. Ф. Котляр, *Грошовий обіг на території України доби феодалізму* (Kiev, 1971).

88 Янин, “Русские денежные системы” (cited n. 84), 373, tab. 152.

89 Бауер, “Денежный счет” (cited n. 48), 225; Котляр, “Северорусские” (cited n. 61), 98–99.

90 A major hoard including 32 Chernihiv-type ingots and 19 irregular ingots, so-called Kama silver pancakes (which also accompanied Chernihiv-type ingots in the Gotland hoard), was discovered in May 2002 by treasure hunters. It is only known from an announcement on the web (www.grivnaklad.narod.ru), which does not localize the find.

destruction, one may hypothesize that by the early thirteenth century they were replaced as export currency by the heavy Kiev-type ingots.

Throughout the major part of the twelfth century, Chernihiv- and Kiev-type “monetary” ingots were the only ones cast in all of Rus’. Since their respective areas of circulation mostly coincided, they cannot be related to two distinct currency zones. The only plausible distinction between the ponderal standards they represent is functional. The Chernihiv ingots were destined for northern trade, while the Kiev-type ones were cast for internal circulation. I should strongly emphasize that for neither one of these ingot types is there any indication that it was designated in the sources as “*grivna*”. The first ingots to “inherit” the name of the old Rus’ian *grivna* were those cast in Novgorod.

The second reason why the division of Rus’ into two currency zones is unsustainable is that not a single source as much as hints to its existence. Having in Novgorod and Kiev *grivny* distinct in weight and value would have created a huge inconvenience not only in conducting actual commercial transactions, but also in describing any kind of transaction involving both cities. In the famous episode (cf. above) of prince Jaroslav remunerating in the winter 1015/6, in Kiev, the Novgorodians who had conquered for him his father’s throne, it would have been essential to specify whether he paid them in Kiev *grivny* of ca. 40 g or in Novgorod *grivny*, 25% more valuable. In 1130, prince Mstislav of Kiev made a donation, together with his son Vsevolod, to Jur’ev Monastery in Novgorod.⁹¹ In the donation charter, which happens to be the oldest preserved Rus’ian document (other than birch bark letters), the princes use the term *grivna* twice, indicating the amount of annual taxes transferred to the monastery, that is, as a monetary unit, and indicating the weight of a silver plate donated, that is, as a weight unit. In this charter, issued in Kiev and destined for Novgorod, there is no hint that in each city the *grivna* could have a distinct value. The birch bark letters are even more eloquent. Two among the most ancient letters preserved, both dated to the mid-eleventh century, deal with *grivna* debts contracted outside Novgorod. In letter n° 246, which originated according to Andrej A. Zaliznjak in Smolensk or Polotsk, a certain Zhirovit claims from his Novgorod debtor Stojan four and a half *grivny*; he does not specify the *grivna* standard. In letter n° 915, the writer, possibly a Novgorodian, reminds his Novgorodian addressee of the *grivna* of silver he took in Kiev from the writer’s “lad” (*otorok*) and claims “the money” (*kouny*) back. It does not occur to the writer to qualify this *grivna* of silver, even though the transaction involves both Kiev and Novgorod.⁹² The lack of any indication in the sources that *grivna* could differ in silver content from one city to another condemns definitively the theory of distinct currency zones.

91 А.А. Гиппиус, “Загадки Мстиславовой грамоты,” in Ф. Б. Успенский (ed.), *Miscellanea Slavica: сборник статей к 70-летию Б. А. Успенского* (Moscow, 2008), 109–129.

92 Зализняк, *Древненовгородский диалект* (cited n. 76), A.29 (p. 282) and A.5 (p. 243), respectively.

Thus, from the late tenth/early eleventh to the late twelfth/early thirteenth century, the numerous attestations of the term *grivna* present no ambiguity. Before the introduction of ingots in Novgorod — still designated as “new *grivna*” in the 1220’s (cf. above) —, all references to *grivna* indicate ca 40 g of silver, eventually of gold, or the equivalent of ca 40 g of silver in furs. The various ways of expressing the value of *grivna* in furs is a complicated subject, on which I will make only a few brief remarks in the Appendix. However, the knowledge that there was one single *grivna* valued at ca 40 g of silver opens the way for a new appraisal of the ancient Rus’ian economy.

Eleventh- and twelfth-century figures relating to payments in silver and gold have been collected several times, notably by Bauer and Romanov in the volume dedicated to the material culture of pre-Mongol Rus’; the actual value of the amounts involved was, however, openly presented as a mere guess: “If we admit as the *grivna*’s weight not one pound [of ca 409 g, CZ], as do some, and not one tenth of a pound, as do others, but one third of a pound (as calculated by Prozorovski), we obtain...”.⁹³ The advantage of Prozorovski’s *grivna* of 136 g (cf. above) over the other estimations is not explained, and *grivna* values in the rest of the chapter are not translated in grams. Kotljar (p. 85), who believes that the term “*grivna* of silver” could designate an ingot as early as the 1140’s, admits even higher values. Thus, he values the fine of 1400 *grivny* paid by a minor prince, Volodimerko of Galich, to prince Vsevolod of Kiev in 1144 at “230 to 280 kg of silver, depending on the type, Kiev or Novgorod, of the monetary *grivny*.” Following my reasoning, the fine, described as heavy (много заплативъ) in the chronicle,⁹⁴ consisted of mere 56 kg of silver. With a *grivna* at 40 g we can evaluate precisely the various donations to the Caves Monastery in Kiev, expressed in hundreds of *grivny* of silver and/or in tens of *grivny* of gold.⁹⁵ We can also visualize the fine gesture of the young Volodimer Monomakh (in the late 1070’s), who gratified his father Vsevolod at dinner with a present of 300 *grivny* of gold (PVL, p. 159): they would make up a handy bag of 12 kg, probably filled with Byzantine gold coins and gold ingots of irregular weight often found in Rus’ian hoards.⁹⁶ 3000 *grivny* of silver and 300 *grivny* of gold, which are close in value, are the highest “monetary” figures that we find mentioned in

93 <Бауер>, Романов, “Деньги” (cited n. 31), 377.

94 *Ипатьевская летопись*, изд. А. А. Шахматова (Полное собрание русских летописей, 2) (Sankt-Petersburg 1908, reprint Moscow 1998), col. 316.

95 <Бауер>, Романов, “Деньги” (cited n. 31), 380.

96 While Rus’ entertained close political and trade contacts with Byzantium, it found little use for Byzantine gold coins, fairly rarely found in hoards and very rarely mentioned in the sources (as златьникъ/золотъникъ, златъница/златица). Rather than by export controls (which could never be efficient), I would explain this phenomenon by the rapid decline in weight and alloy of the Byzantine gold coins starting from the later tenth century. Thus, the *nomisma*, still the stable “dollar of the Middle Ages” at the time of the treaties, could not serve as reference for the Rus’ian economy during the formative eleventh century.

the sources. It is worth noting that the great Russian historian V.O. Ključevskij, the most widely read authority in the last century, belonged to those scholars, left unnamed in the quote above, who valued the *grivna* at one pound. The *grivna* value that I propose divides the “monetary” wealth of the ancient Rus’ by the factor of 10 as compared to his assessments.

These calculations bring us back to the problem of value of the Hebrew *zaquq* in the Kiev Letter. Identifying it with the pound of 12 ounces would set the debt inherited by Mar Jacob at well over 30 kg of silver (above), while equating it with the *grivna* would value the debt at about 4 kg of silver, the equivalent of ca. 1400 dirhams or, in particular in a period so close to the treaties with Byzantium, of 100 *solidi*. I believe that the Letter provides a crucial indication in support of the latter evaluation. It should be pointed out that the amount of debt was divided in two parts: the Jewish community of Kiev paid the creditors 60 *zequqim* and Mar Jacob was sent out with the task to collect the remaining 40 (lines 15-16). Since the Jewish community did not stand surety either for the initial loan or for the repayment of the remainder, this arrangement could have, for both sides, only one possible basis: Jacob’s sale’s value. In other words, the creditors could not expect to obtain for Jacob’s liberation and the Jewish community would not have paid for it much more than the price he would have fetched as a slave. If we value the 60 *zequqim* at 12 or even at 8 ounces of silver, the resulting amount is many times over the attested slave prices. The tenth-eleventh-century standard price in a case of a mass redemption stood at 100 *nomismata* (or dinars) for three captifs.⁹⁷ In the case of a personal redemption, sentimental considerations could bring the price up, but not entirely out of proportion with the market prices. I believe, therefore, that identifying the *zaquq* of the Letter as an Ashkenazi *zaquq* would make very little sense, while equating it with the *grivna* is economically defensible.

An old debate opposes scholars who consider the ninth-tenth-century hoards as witnesses of the monetary circulation within Rus’ to those who view them as, essentially, traders’ capital formed outside the Rus’ian territory and destined for transit to Scandinavia unless stopped by an unforeseen calamity. While it is not my aim to reopen this debate here, I note that the transaction mentioned in the Letter, bearing on many hundreds of dirhams – substantially more than the contents of nearly any preserved hoard – that could be borrowed and eventually repaid in Kiev, presumably in the 950’s-960’s, is our earliest secure evidence for “internal” monetary circulation in ancient Rus’.

97 Y. Rotman, *Byzantine slavery and the Mediterranean world* (Cambridge, Mass, 2009), 199–200.

Epilogue. *Grivna*, *dinar* and *nomisma*, and the open realm of the ninth-tenth centuries trade

Attempts to equate Rus'ian *grivna* and Byzantine *nomisma* go back to the origins of modern Russian monetary history of Rus' and to its founding fathers Iohann Philipp Krug and Dmitrij I. Prozorovskij. Thus, the latter observed that a Rus'ian synod assembled by metropolitan Cyril II in 1273 or 1274 had established the fee for appointing a deacon or a priest at 7 *grivny* in an obvious reference to a Byzantine ruling from ca. 1058 that set the fee at 7 *solidi*.⁹⁸ This fairly valid observation was accompanied by metrological considerations so obsolete that they need not be quoted. The Byzantine connection of the *grivna* was abandoned by the early twentieth century, when the tendency to search for its Oriental (cf. below), Scandinavian or Slavic roots prevailed.

Aleksandr Nazarenko has revived the issue in a study, often referred to above, which was first published as an article and then, in a revised form, as a chapter in a monograph.⁹⁹ He related anew the *grivna* to the Byzantine gold coin in describing it as a “*nomisma* of account” (счетный солид).¹⁰⁰ Far from neglecting the heritage of twentieth-century historiography and from denying the Oriental connection of the *grivna*, however, he pertinently defined it as “the worth of a gold coin [*dinar* or *nomisma*, CZ] expressed in silver”.¹⁰¹ Nazarenko's major aim was, in fact, to demonstrate that the Rus'ian *grivna* constituted the equivalent in silver of the Byzantine *nomisma* and the Islamic *dinar* alike. I cannot acknowledge more strongly the crucial novelty of this thesis, which I share in a somewhat modified form. If I try to support the same idea with evidence of my own, however, this is because I can retain no element of Nazarenko's demonstration based on the *grivna* value of 51 g. The reader would not expect me to take a different position after describing this *grivna* as a phantom. Since I have argued at length for an alternative *grivna* on the basis of Byzantine evidence, I will make this part of the exchange short and dwell more on the Oriental evidence.

In dealing with Byzantine metrological and monetary data, Nazarenko brings in notions and makes assumptions that I find highly contestable. One such notion is the “provincial Byzantine *nomisma*”, supposedly slightly lighter than the gold coin circulating in the capital and thus closer in weight to the *dinar*. This

98 Д.И. Прозоровский, *Монета и вес в России до конца XVIII столетия* (Saint-Petersburg, 1865), 169–173.

99 А.В. Назаренко, “Происхождение древнерусского денежно-весового счета,” *Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике* (Moscow, 1996), 5–79; Назаренко, *Древняя Русь* (cited n. 32), 113–218.

100 Назаренко, *Древняя Русь* (cited n. 32), 149.

101 Назаренко, “Происхождение” (cited n. 99), 30–33. My further references are limited to the monograph and provided in the text.

“provincial” *nomisma*, which is said to have circulated in the sixth-ninth centuries (pp. 144–148), is, in fact, an amalgamation of the light *nomisma*, which was struck in Constantinople in the sixth-seventh centuries, and of the *nomisma*, which can be more appropriately described as provincial, since it was struck and only circulated in Byzantine Italy in the eighth-ninth centuries. The two coin series, however, had nothing in common. The light *nomismata* introduced by Justinian¹⁰² had a steady weight and gold content; these issues, duly marked as light, could have no impact on the metrology of the *grivna*, with which they did not coexist in time. As for the gold coins struck in Byzantine Italy, their ponderal indications, which acquire a great significance for Nazarenko as a potential reference for the *grivna*, are basically irrelevant since the coins’ weight was so unstable (rarely reaching 4 g) and gold content so deficient¹⁰³ that they could not serve as reference for any metrological system. After aligning the standard *grivna* on the “provincial” *nomisma*, Nazarenko (p. 149) is forced to introduce a heavier “Constantinople variant of the *grivna*” weighing 54.58 g. Since neither *grivna* would fit with the data of the treaties, the author (p. 183–188) also introduces into Byzantine metrology a silver *litra*, alias “great *litra*” of 392.94 g, hitherto unknown to Byzantinologists; one half of this *litra* (196.47 g) is presented as the *grivna* of the *Pravda Rus’kaya* and the treaties. I spare the reader further revolutions of the *grivna*, based on metrological assumptions so daring that they are difficult to follow.

I believe, for my part, that the Byzantine evidence, as exposed above, is fairly straightforward, yet I would not say the same for the Oriental evidence, which is equally crucial for our topic. Here the problem lies less with Nazarenko’s original arguments than with his basic premise regarding the exchange rate of a gold dinar in silver dirhams, which is admitted by many scholars. Without being an Arabist, I will do my best to expose the state of the question, which, regretfully, lacks clarity in the scholarly literature.

One of the sub-divisions of *grivna* was *nogata*. The term *nogata* has been etymologized from the Arabic word *naqd*, designating a full-value silver dirham coin. An earlier etymology, from *noga* (leg), presenting the original *nogata* as a skin with paws (which, in Slavonic as in English, have never been called legs), was appropriately ridiculed by Bauer. The later part of the *Short Pravda* together with the *Long Pravda* and other evidence show conclusively that one *grivna* contained 20 *nogaty*.¹⁰⁴ Likewise, some Arabic sources equate a gold dinar with 20 silver dirhams (cf. below). Admittedly, this could not be a coincidence. Considering the original *grivna* as the silver equivalent of a dinar valued at 20 dirhams would be an obvious conclusion, except that, as pointed out by Nazarenko (pp. 114, 121), the

102 I have studied the emergence of this coinage in C. Zuckerman, *Du village à l’Empire: autour du Registre fiscal d’Aphroditô (525/526)* (Paris, 2005), 87–91.

103 Grierson, *Catalogue*, III, 1 (cited n. 57), 24–28

104 Бауер, “Денежный счет” (cited n. 48), 196–202, 212–213.

weight of 20 dinars, $2.97 \text{ g} \times 20 = 59.4 \text{ g}$, was hard to reconcile with any ponderal data that could be related to the Rus'ian *grivna*. Yanin and then Nazarenko made attempts to integrate the ponderal value of 59.4 g into their respective concepts of *grivna*, the latter by admitting an "Arabic" variant of the *grivna* with a distinct weight.¹⁰⁵ I find their arguments exceedingly complex and speculative, but what undermines them even more is the fact that the exchange rate at their base seems to me irrelevant.

Some modern authorities still cite the exchange rate of 20 dirhams to a dinar as an axiom, requiring no demonstration. This is notably the case of Ronald Findlay and Kevin H. O'Rourke, *Power and Plenty: Trade, War and the World Economy in the Second Millennium*, pp. 48–49, who indicate this rate for the entire period of classical Islam (I quote this textbook, published by Princeton University Press in 2007, as a random recent example). In vol. I of the first edition of the *Encyclopædia of Islam* (published by Brill in 1913), p. 979, the entry "dirham" by E. von Zambaur contained the explicit statement that "In the early days of Islam the relation of gold to silver was fixed at 14:1 (20 dirhams = 1 dinar)." When the first modern "Islamic" currency was created in Iraq in 1923, the dinar was divided into 20 dirhams. Among the students of medieval economic history, this rate was popularized by the influential studies of Sture Bolin (1953) and in particular Philip Grierson (1960).¹⁰⁶ No wonder that the notion of a dinar composed of 20 dirhams was taken by Yanin and Nazarenko for granted.

When, however, Claude Cahen was invited, in 1964, to provide an Arabist's comment on the post-Pirenne models of East-West trade produced by Bolin and Grierson (on which see below), he did not conceal his embarrassment regarding their monetary aspect. He judged the only testimony for the exchange rate of 20 dirhams to a dinar quoted by Grierson to be late and unreliable.¹⁰⁷ In vol. II of the second edition of the *Encyclopædia of Islam* (published by Brill in 1965), G.C. Miles, the author of entries "dinar" and "dirham", carefully avoided the question of the exchange rate between the two currencies. In 1969, Eliyahu Ashtor's comprehensive survey of medieval Islamic economic data featured one reference to a dinar valued at 20 or 22 dirhams in early-ninth-century Iraq.¹⁰⁸ In raising the issue again fifteen years later, Cahen took a more conciliatory position. He recalled his previous misgivings, yet conceded: "That said, it seems all the same that in the second and the third centuries of the Hijra, the *dirham* and the *dinar* conforming to the Law were both worth from 1 to 20, i.e., the *dirham* weighing .7 of the *dinar*,

105 See Назаренко, *Древняя Русь* (cited n. 32), 149ff, with a criticism of Yanin.

106 S. Bolin, "Mohammad, Charlemagne and Ruric," *Scandinavian Economic History Review*, 1, 1953, 5–39; Ph. Grierson, "The monetary reforms of 'Abd al-Malik: their metrological basis and their financial repercussions," *Journal of Economic and Social History of the Orient*, 3, 1960, 241–264.

107 Cl. Cahen, "Quelques problèmes concernant l'expansion économique musulmane au Haut Moyen Âge," *L'Occidente e l'Islam nell'alto medioevo (Spoleto, 2–8 aprile 1964)* (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo 12), Spoleto, 1965, 391–432, see pp. 396–397.

108 E. Ashtor, *Histoire des prix et des salaires dans l'Orient médiéval* (Paris, 1969), 40.

and there was a gold to silver ratio of 14”.¹⁰⁹ Unfortunately, he provided no source references for the exchange rate that he now admitted as plausible.

The best such evidence, absent from the debate, appears in the eleventh-century Book of Gifts and Rarities (*Kitab al-Hadaya wa al-Tuhaf*), first published in 1959 and now available in an English translation. It states that “When al-Muntasir bi-Allah died, the total sum of his private treasury was a million dirhams. He changed the gold coins (*al-‘ayn*) to silver coins (*wariqan*) because the rate was, at that time, twenty dirhams to one dinar.”¹¹⁰ The author clearly implies that the caliph al-Muntasir profited from a very favorable exchange rate, and the exchange he operated could be the first recorded case of insider trading since, as we shall see, this rate was about to change. What is more, the operation described can be dated with great precision: al-Muntasir ruled for only six months in 861-862. The evidence, ignored by the Arabists, of Rus’ian *grivna* divided into 20 *nogaty* acquires in this context a special significance. At an early stage in their commercial contacts with the Caliphate, Rus’ian traders must have picked up the notion of equating a dinar to 20 silver coins. It is possible that the custom of making a necklace — this is the meaning of the word *grivna* — of 20 dirhams emerged at this early stage.¹¹¹ This custom might explain why the Rus’ retained this division into twenty long after it lost all relevance in the Islamic monetary system itself.

Better evidence on the exchange rate of dinar in dirhams becomes available from the late ninth century, when the bimetallism was generalized on the scale of the Caliphate (previously one metal, gold or silver, prevailed in the monetary circulation of each region). As pointed out by Cahen, an official exchange rate needed to be established at this period for fiscal and other purposes. This rate, calculated at 14 2/7 dirhams to a dinar (based on the gold-silver ratio of 1:10), remained valid through most of the tenth century.¹¹² Thus, in the late ninth — early tenth century, the period of formation of the Rus’ian *grivna*, the dinar was officially valued not at 59.4 g of silver, as Yanin and Nazarenko believed, but at 42 g.

Different, and much more abundant data is provided by the documents from the Genizah of Cairo. They attest, not official norms, but to the real exchanges practiced from the late tenth to the thirteenth century, and there are few documents, in which the exchange rate is the same. Shelomo D. Goitein, who collected and commented this precious evidence, emphasized that there could be no stable ratio between gold and silver coins since both were, in the first place, commodities valued according to

109 C. Cahen, “Commercial relations between the Near East and Western Europe from the VIIth to the XIth century,” in Kh. I. Semaan (ed.), *Islam and the Medieval West: Aspects of intercultural relations* (Albany, 1980), 1–25, see p. 14.

110 *Book of Gifts and Rarities* (*Kitab al-Hadaya wa al-Tuhaf*), translated and annotated by Gh. al-Hijjāwī al-Qaddūmī (Harvard, 1996), 209, §306.

111 Much has been written on *grivna*-necklace, cf. Байер, “Денежный счет” (cited n. 48), 208, but I see no need to engage here in this fairly speculative topic.

112 Cahen, “Commercial relations” (cited n. 109), 14.

their quality (alloy and weight) and availability on the market. The value of silver coins was particularly unstable, the transactions being conducted in debased dirhams. Goitein points out, however, that in many cases the exchange rate of such dirhams reveals the underlying assumption that “1 gold dinar is worth 13 1/3 pieces of full silver”, a ratio intermittently attested for over two hundred years.¹¹³ At this rate, a dinar would be worth 39.6 g of silver in good dirhams of the kind that reached Rus’.

Unlike in Byzantium, where the official exchange rate slightly overvalued the silver currency, silver would seem to have been slightly undervalued by the official exchange rate in the Caliphate. In both cases, however, the market correction was small and, most remarkably, resulted in bringing the two rates closer to one another, to the point of making them, for all practical purposes, identical. This leveling of the exchange rates, which has not been noticed by modern scholars, did not escape the Rus’ian merchants.

The Rus’ian grivna of ca. 40 g emerged after the official exchange rate in the Caliphate changed from 20 to 14 2/7 dirhams to a dinar, that is, after the reign of al-Muntasir bi-Allah in the early 860’s and probably not before the late ninth century (see above). The old exchange rate is perpetuated in the division of *grivna* into 20 *nogaty*, but it is not reflected in its weight. This inconsistency can be explained by the discontinuity of the ninth-century Rus’ian history, which I have once described as “two stages” in the emergence of the Rus’ian state. From the early 830’s to ca. 870, several sources mention Rus’ headed by a *qagan*, which trades and occasionally fights with Byzantium and the Caliphate and which corresponds to the archaeological traces left by Scandinavians in North-Eastern Russia, mostly in the Novgorod and Ladoga region. Then, traces of massive destruction on the sites associated with Scandinavian presence attest to a major upheaval, the supply of Oriental silver to Scandinavia practically grinds to a halt, and signs of a new start can only be seen, in Ladoga and at Rjurikovo Gorodisce, ca 890, while new settlements, such as Gnezdovo (Smolensk) and Shestovica (Chernihiv), are created ca. 900. Numerous tenth-century sources, Byzantine and Oriental, which refer to the Rus’, never designate their chief as *qagan*. I have related this upheaval to the story in the chronicles, going back to the ancient Narration (*Skazanie*), of the expulsion and recall of the “Varangians”. Some Russian scholars deny the historicity of this narrative, other reduce the duration of the Varangians’ exile to a few months (following the chronology of PVL, which they admit to be late and artificial), but actually, as I hope to have shown, the Scandinavian presence in Russia had been interrupted for nearly twenty years.¹¹⁴

113 S.D. Goitein, *A Mediterranean society: The Jewish communities of the Arab world as portrayed in the documents of the Cairo Geniza*, vol. I: *Economic foundations* (Berkeley — Los Angeles, 1967), 368–392 (Appendix D on the exchange rates), see p. 390 for the quote.

114 C. Zuckerman, “Deux étapes de la formation de l’ancien État russe,” in M. Kazanski, A. Nersessian, C. Zuckerman (eds.) *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient* (Réalités byzantines 7) (Paris, 2000), 95–120; cf. К. Цукерман, “Два этапа формирования Древнерусского государства,” *Археология* 2003/1, 76–99, and the same text, slightly abridged, in *Славяноведение* 2001/4, 55–77.

When Rus'ian merchants resumed their trade activities both in Byzantium and the Caliphate, they must have soon observed that the *nomisma* and the dinar, nearly equal in weight, were now also nearly equal in their silver value. Their preferred currency being silver, they devised a unit of account in silver that bridged both markets.

Thus, I believe that the Rus'ian *grivna*, which emerged ca. 900, acquired from the start a fixed ponderal value of ca. 40 g, which remained unchanged until the late twelfth — early thirteenth century when a distinct “new *grivna*” started circulating under this name in Novgorod. This value could easily find its place in the Scandinavian ponderal system as a quintuple of its basic unit, *ertog*, estimated at ca. 8 g. In this system, the *nogata* of ca. 2 g (1/20 of a *grivna*) was a highly convenient sub-division. It is important to notice, however, that Unn Pedersen, in her recent survey of Scandinavian ninth-century weight finds (focused on but not limited to Kaupang), draws attention to the absence, in Scandinavia, of weights of ca. 40 g.¹¹⁵ By way of contrast, weights of ca. 40 g are common among those discovered in tenth-twelfth-centuries Rus',¹¹⁶ otherwise very similar in composition to the Scandinavian finds. The *grivna* of ca. 40 g was a Rus'ian addition to the Scandinavian ponderal system.

Influential studies by Bolin and Grierson introduced the notion of strong disparities in the comparative value of gold and silver between the Merovingian and Carolingian West, the Byzantine Empire, and the Caliphate. I could quote at random a dozen of recent studies carrying speculations on the flow of gold and silver one way or another, depending on where the exchange rate was presumed to be more favorable for each metal. Thus, most recently, in speaking of “monetary realities” of the early medieval economy, Gene W. Heck names as “chief among them . . . a sharp disequilibrium in the gold to silver exchange rate amongst the various proximate commercial regions — a differential that also could have substantially contributed to the disappearance of gold in the Christian West. For the gold silver ratio, it appears from various medieval sources, was then 1:12 in Carolingia; 1:14 within the *Dar al-Islam* itself; and 1:17 in Byzantium.” In such conditions, the merchants become specialists in “currency arbitrage.”¹¹⁷ Peter Spufford muses on the consequences of gold being plentiful and cheap in Byzantium (and, therefore, escaping to the West),¹¹⁸ while Diana Wood reflects, on the contrary, on gold moving to Byzantium and Byzantium losing its silver.¹¹⁹ Such speculations are dangerous without firm evidence and a clearly defined chronological framework. The seventh-early eighth

115 U. Pedersen, *Weights and Balances*, in D. Skre (ed.), *Means of Exchange. Dealing with Silver in the Viking Age* (Kaupang Excavation Project Publication Series 2, Norske Oldfunn 23) (Oslo, 2008), 119–195, see p. 144 (and the tables at the end).

116 See Назаренко, *Древняя Русь* (cited n. 32), 161–163.

117 G.W. Heck, “First century Islamic currency: mastering the message from the money,” in J. Haldon (ed.), *Money, power and politics in early Islamic Syria* (Ashgate, 2010), 97–123, see p. 118 for the quote.

118 P. Spufford, *Money and its use in Medieval Europe* (Cambridge, 1988), 51.

119 D. Wood, *Medieval economic thought* (Cambridge, 2002), 128–129.

century ratios are still fairly obscure,¹²⁰ but when the evidence becomes more plentiful and the Mediterranean trade gains a new momentum, the ratios between precious metals in the different parts of the Mediterranean show a tendency to level out. I should specially emphasize the fact that when, in the late ninth-early tenth century, the gold:silver ratios in Byzantium and the Caliphate reach equilibrium, they meet at the level (of 1:10) traditionally admitted for the Western Europe.

The Rus'ian *grivna*, created by traders active in all three markets, embodies and exemplifies this new equilibrium.

Appendix. The *kuna*

The etymology and the original meaning of the old Rus'ian word *kuna* are debated. Some scholars maintain “that this word – like Old Frisian *cona* (in *skilling cona*) – goes back to the late Latin *cuneus* (> Old French, *coing* > Old English, *coin*) meaning ‘wedge, design stamped on a coiner’s die, coin’”. This would suggest that the word *kuna* was a Scandinavian import in Slavonic.¹²¹ Others stick to the view that the word was Slavonic in origin and always designated a small furry animal, most commonly a marten with which it is exclusively associated in later Russian usage.¹²² The Slavonic etymology of *kuna* is supported with appropriate Baltic parallels yet faces the objection that the word is absent from the written corpus of Old Slavonic and that its attestations in other Slavic languages are fairly late. Since I can claim no competence in this linguistic debate, I see no better way to grasp the meaning of the word than by arraying its actual attestations in chronological order.

In the oldest layer of the chronicle, which I refer back to the Narration of 1016/7, the word *kuna* is used once with the qualifier “black” (черна куна), and in this combination it means incontestably “black marten.” This usage originally belongs in the description of prince Igor’s conquest of the Drevljane tribe in the early 940’s. Victorious Igor and his general Sveneld raised from the Drevljane the tribute of one black marten per hearth (“имаша по чернѣ кунѣ от дыма”) (N1Chr. jun., 109). The author of the *Povest’ vremennyh let* (ca. 1115) deemed it more fitting to attribute the conquest of the Drevljane to Igor’s predecessor, Oleg: “имаша на нихъ дань по чернѣ кунѣ.”¹²³ In this version of the story, the Drevljane rebel after Oleg’s death against their lawful master, Igor, who increases upon his victory

120 Thus, in an unjustly neglected study, Jean Durlat, “La valeur relative de l’or, de l’argent et du cuivre dans l’empire protobyzantin (IVe–VIIIe siècle),” *Revue numismatique* 6e série, 22, 1980, 138–154, argued convincingly that Grierson had underestimated the value of silver in the seventh-century Byzantium.¹²¹ Pritsak, *The Origins* (cited n. 47), 40–41.

122 *Этимологический словарь славянских языков*, 13 (Moscow, 1987), 162–164.

123 *Лаврентьевская летопись*, вып. I: *Повесть временных лет*, изд. Е. Ф. Карского (Leningrad, 1926), col. 24; cf. А. А. Шахматов, “О Начальном Киевском летописном своде,” first published in 1897, reprinted in: А. А. Шахматов, *История русского летописания*, I,2 (Saint-Petersburg, 2003), 31–70, see p. 66 (Shakhmatov’s view of the transformation of the text is more complex than mine).

Oleg's original tribute. Yet in transposing the phrase into a different context, the author committed two blunders. Thus, he kept the plural *имаша* (preserved in the Lavrent'evskaja recension, the other recensions of the *Povest'* correct giving the singular *имаше*), which is aberrant in the context of the *Povest'*, where the subject of the sentence is Oleg alone.¹²⁴ What is more, in placing the description of the tribute at the beginning of Oleg's reign, the author carelessly omitted to specify the tax base, the hearth ("дымъ"). Taking this secondary version of the text as primary evidence, Janet Martin transforms a hearth tax into a poll tax: "Oleg, as prince of Kiev 'imposed... a tribute of one black marten skin per man' on the Drevliane (a Slavic tribe dwelling northwest of Kiev). After the Drevliane rebelled, Prince Igor reasserted Kievan authority over them and in 914 'imposed a tribute larger than Oleg's upon them'."¹²⁵ Incidentally, this revision of the tax base, in making every single Drevljanian liable for a black marten, makes the fur-producing capacity of the Rus'ian land go through the ceiling.

Twice the word *kuny* (pl.) is employed in the Narration without any qualification. When Volodimer was faced, ca. 980, with the ultimatum of his Varangian allies to ransom each dweller of Kiev for 2 *grivny* (cf. above), he asked for a one-month reprieve, so that *kuny* could be gathered: "пождите, оже вы куны сберуть, за мѣсяць" (N1Chr. jun., 128). *Kuny* can only be translated in this context as "money", or more specifically "coins." Another passage from the same ancient layer of the chronicle is equally explicit. Late in his reign, Volodimer, now a devoted Christian, extended his charity to every beggar and wretch, who could come to the princely court and be provided with all he needed: food and drink, "и от скотницъ кунами" (and with money from the treasury) (NFChr. jun., 166).

The Chronicle of 1076 adds one independent mention of *kuny*, which is quite revealing. It describes the spoliation of prince Izjaslav's treasury in 1068 by the rebellious people of Kiev, who "took countless multitude of gold as well as of silver in *kuny* and in furs (и кунами и скорою)" (N1Chr. jun., 189). Following Yanin against Nazarenko,¹²⁶ I admit that *kuny* are opposed here to furs and can only mean (silver) coins. The chronicler of 1068, in describing a recent event, clearly conceived of the furs as an equivalent of silver coins: one could pillage wealth (described as "gold" and "silver") in the form of either coins or furs. It is quite instructive that when the abbot Sil'vestr copied the *Povest'* in 1116, he mechanically replaced "скорую," a generic term for furs, by "бѣлью" (as in the Lavrent'evskaja and

124 The same phenomenon, with only the Lavrent'evskaja recension preserving the original unadapted verbal form in a revised context, has been observed by A. A. Shakhmatov in the interpolated part of the description of Olga's revenge against the Drevljane, see A. A. Шахматов, "Киевский Начальный свод 1095 г.," first published posthumously in 1947, reprinted *ibid.*, 428–464, see p. 432.

125 J. Martin, *Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and Its Significance for Medieval Russia* (Cambridge, 1986), 9.

126 Янин, *Денежно-весовые системы* (cited n. 48), 114; Назаренко, *Древняя Русь* (cited n. 32), 151.

Radzivilovskaja/ Akademicheskaja recensions of the *Povest'*), squirrel furs, the specific furs that were used as coin equivalent in his time and, possibly, already half a century beforehand.¹²⁷

The two remaining mentions of *kuny* in the *Povest'* belong in the description of the infightings that broke out after Volodimer's death. They do not appear in the original account going back to the Narration, preserved in the N1Chr. jun., but rather, as I have recently argued,¹²⁸ in parts rewritten or written in the 1090's. The first passage is not very telling. In N1Chr. jun. (p. 169), Svjatopolk, after he seized the throne upon Volodimer's death, is described as distributing property to the people of Kiev ("нача даяти имъние имъ"). The same scene is more elaborately rephrased in the *Povest'*: Svjatopolk, having gathered people, bestowed (upper) clothes on some and *kuny* on others, and distributed plenty ("созвавъ люди, нача даяти овъмъ корзна, а другымъ кунами, и раздая множество"). There is no indication in the text regarding the means of payment, coins or furs, distributed by Svjatopolk.¹²⁹ The second passage, in the *Povest'* entry for AM 6526 (AD 1018), concerns the voluntary collect of money by the Novgorodians in order to recruit Varangian mercenaries on behalf of Jaroslav, who had sought refuge in Novgorod after the conquest of Kiev by Svjatopolk and his Polish ally Boleslav. Each citizen contributed 4 *kuny*, each village head gave 10 *grivny*, and each nobleman (*bojarin*), 18 or 80 *grivny*. I will not discuss here the historicity of the story as a whole or the divergence between manuscripts regarding the latter figure. What matters is that this is the first datable use of *kuna* designating not a skin or a coin in general, but a specific value unit, obviously a subdivision of *grivna*. It is possible that the context of this use was not chosen at random.

Specialists in numismatics have long debated prince Jaroslav's emission of the so-called "small-sized" silver. In the latest catalogue, Marina P. Sotnikova lists five whole coins of this emission weighing 1.57, 1.55, 1.49, 1.37 and 1.34 g (and a fragment of 1.18 g). She maintains with new arguments the view that these coins were struck in Novgorod to pay Jaroslav's Varangian mercenaries and that they were adapted, therefore, to the ponderal standards of "Scandinavian" *denarii*.¹³⁰

127 The Ipat'evskaja recension of the *Povest'* keeps the original reading скапору, which goes back to the Chronicle of 1068, see *Ипатьевская летопись* (cited n. 94), col. 161.

128 Цукерман, "Наблюдения" (cited n. 34), 252-257.

129 I cannot but wonder why N. F. Kotljар (Н. Ф. Котляр, Еще раз о "безмонетном" периоде денежного обращения древней Руси (XII-XIII вв.), *Вспомогательные исторические дисциплины* 5, 1973, 152-169, see p. 162) quotes this passage as an explicit example of use of the term *kuny* to designate coins (and, incidentally, as a proof that the eleventh and the twelfth centuries were not as "coinless" in Southern Rus' as most scholars believe).

130 М. П. Сотникова, *Древнейшие русские монеты X-XI веков. Каталог и исследование* (Moscow, 1995), 118-120, 211-215. The new text proposes quite a few modifications as compared to the first edition of the catalogue (see М. П. Сотникова, И. Г. Спасский, *Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X-XI веков* [Leningrad, 1983]), notably in removing one dubious item from this series.

The two heaviest coins must be the closest to the norm that Jaroslav had in mind; incidentally, their weight is very close to 1/25 of a *grivna*, ca. 1.6 g. The *kuna* in the Short Pravda is valued at 1/25 of a *grivna* (cf. above), and this cannot be a coincidence. This would suggest that the word *kuna* was only associated with a specific coin and with a specific fraction of *grivna* when heavy Western *denarii* started circulating in Northern Rus' in the late tenth century. Jaroslav's emission appears to be the only attempt to "materialize" *kuny* as coins. Yet, since the weight of the silver coins that continued to come to Northern Rus' was very uneven, the *kuna* was maintained, like *nogata*, as an "immaterial" ponderal sub-division of *grivna*.

Nearly 130 years after Jaroslav struck his "small-sized" silver coins, an Islamic scholar and merchant, Abū Hāmid al-Gharnāī, visited the country of the Slavs (Rus') and discovered with great surprise their monetary system:

Ils utilisent pour les échanges entre eux de vieilles peaux de petits-gris qui n'ont plus de poils, dont on ne peut plus tirer aucun profit et qui ne sont propres à rien. Quand la peau de la tête et [celle] des pattes de devant du petit-gris sont en bon état, dix-huit [animaux] font un dirham d'argent selon leur compte. Il les lient en ballots et le nomment "ğukn". Pour chacune de ces peaux, on a une excellente galette de pain qui suffit à un homme fort. Ils s'en servent pour acheter toutes sortes de biens dont des esclaves de deux sexes, de l'or, de l'argent et des castors. Dans n'importe quel pays, on n'achèterait pas avec mille charges de ces peaux un seul grain, et elles ne seraient bonnes à rien. Quant elles se gâtent dans leurs maisons, ils les portent pour les faire arranger, alors qu'elles tombent déjà en morceaux. Ils les amènent à un marché connu où se trouvent des gens en présence d'artisans; ils les leur confient. Les pelletiers les lient avec des fils solides. Avec dix-huit peaux, ils font un ballot. Ils mettent à l'extrémité du fil un morceau de plomb noir et ils y apposent un cachet à l'effigie du roi. Et de cette manière, ils marquent les peaux les unes après les autres. Il n'est pas possible de refuser une telle peau tant à l'achat qu'à la vente.¹³¹

The Russian translation adds an important detail, which is omitted from the French: the officials, who seal the bundles of squirrel skins, take a skin for each seal.¹³²

The testimony of Abū Hāmid al-Gharnāī on the circulation of "fur-money" in Rus' (ca. 1150) is one of many, but it is by far the most detailed and has the advantage of originating with an eyewitness, who exchanged his own dirhams for worn squirrel furs. This testimony became known too late to be used by

131 *De Grenade à Bagdad. La relation de voyage d'Abū Hāmid al-Gharnāī (1080-1168)*, traduction annotée de J.-Ch Ducène (Paris, 2006), 91.

132 *Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.)*, публ. О. Г. Большакова, А. Л. Монгайт (Moscow, 1971), 35-36.

Bauer and by Yanin (in his monograph). Since the publication of the text in a Russian translation, it has often been quoted but, to the best of my knowledge, never integrated with the main body of evidence on the “monetary” circulation in twelfth-thirteenth century Rus’, mostly drawn from the *Pravda Rus’kaya*. I will limit myself here to a few short explanatory remarks, and then dwell more on one point, which is particularly relevant for the present study.

Al-Gharnāṭī’s *ḡukn* can only be the *kuna*, as suggested by the Spanish editor of the Arabic text, César E. Dubler, and as admitted, with some hesitation but no alternative proposal, by the Russian editors.¹³³ A *ḡukn* could be exchanged for a silver coin. This means that whatever debased dirhams al-Gharnāṭī brought along from Volga Bulgaria (which did strike its own coins at the time), their silver content was evaluated at ca. 1.6 g, a plausible figure. *Kuna-ḡukn* was composed of 18 squirrel skins, loose or tied in a bundle by the owner, with their heads and paws intact. When these skins got worn and started falling apart, they had to be trimmed and sown in a fixed bundle, officialized by the prince’s seal. This procedure explains the origin of the monetary term *rezana* (meaning “cut” or “trimmed”) as a short way of saying *rezana kuna*, a trimmed *kuna*.¹³⁴ As pointed out above, the name *kuna* is reserved in the *Short Pravda* for 1/25 of a *grivna*, while 1/50 of a *grivna* is named *rezana*; by way of contrast, in the *Long Pravda*, 1/50 of a *grivna* is designated as *kuna*, with no intermediate unit between it and the *grivna*. The change of name of 1/50 of a *grivna* from *rezana* to *kuna*, much debated but never explained, is easy to understand if we admit that a *rezana kuna* started being named simply *kuna* in regions, where there was no longer any other *kuna* in circulation. The obvious advantage of a *rezana (kuna)* over the old-style *kuna* consisted in the fact that the emission of the former was controlled by the prince and brought him profit, while the latter could be injected into the money supply by any hunter. A single worn-down squirrel skin can be identified as *veksha*, the smallest known denomination in the Rus’ian “fur-money” system. 18 such *vekshy* formed a sealed bundle, a *rezana* or a (*rezana*) *kuna*. This number fits with the only indication provided by the *Pravda Rus’kaya* regarding the number of *vekshi* in a *rezana*: they should be more than 12.¹³⁵

133 Большаков, Монгайт, *ibid.*, n. 99 to the text (pp. 73-74); on pp. 110-119, the reader will find an excellent survey of evidence on the “fur-money” in Rus’.

134 The great number of dirhams in the hoards that are either trimmed around or cut in fragments explains the current consensus that the word *rezana* originally described a cut or trimmed silver coin. A. I. Cherepnin and later V. L. Yanin invested much effort in the study of fragmentary dirhams, in an attempt to discover ponderal norms in their great diversity; cf. recently along this line: В. П. Лебедев, А. В. Зорин, “Денежное обращение на территории курских северян в IX-X вв.,” *Стены Европы в эпоху средневековья*, 7, 2009, 575-598. Such studies produced interesting observations, but not the results, at which they aimed. No ponderal norm could be discovered, either for *kuna* or for *rezana*, in the ninth-tenth-centuries numismatic material. I believe that neither of these terms was employed in that period to designate a specific coin, fragment of a coin, or a weight.

135 Cf. Бауер, “Денежный счет” (cited n. 48), 206, 215. Г. В. Семенченко, “Несколько дополнительных замечаний о денежном счете домонгольской Руси,” *Древнейшие государства Восточной Европы. 1991 год* (Moscow, 1994), 245-251, suggests 4 *vekshi* for a *rezana*, with arguments that I do not find convincing.

I should make it clear to the reader that in combining the data of al-Gharnāṭī and of *Pravda Rus'kaya*, I introduce the assumption that a sealed bundle of 18 worn and trimmed squirrel skins, in which I recognize a *rezana*, was worth half of the value of 18 better quality skins, my *kuna*. On this assumption, the “monetary” system witnessed by al-Gharnāṭī ca. 1150 fits the scheme of the *Short* rather than of the *Long Pravda*. For al-Gharnāṭī, one system applied in the whole of Rus', which he crossed from East to West.

From this short commentary I pass to my main point. The long period of “fur-money” circulation, during which the means of payment did not have an intrinsic value (like gold and silver) but only a conventional one, is essential for understanding the transition to the “new *grivna*” in Novgorod. When four old *grivny* (*grivny kun* or *grivny vetkhikh kun*) were recognized as equal in value to a silver ingot of ca. 197 g, the nominal silver value of an old *grivna* was enhanced by nearly 25%. This transition must have occurred in the early thirteenth century, and within two or three generations the old *grivna* disappeared entirely: as pointed out by Bauer, it was last mentioned, in Novgorod, in the testament of Kliment from the 1270's.¹³⁶ About the same time, in an entry dated to AM 6796 (AD 1288), the Galician-Volhynian Chronicle describes the last days of the Volhynian prince Volodimer Vasilkovich who, in order to facilitate the distribution of his wealth to charities, breaks down gold and silver ornaments and vessels and recasts them as *grivny* (*pol'ja v grivny*).¹³⁷ This is the only “Southern” source that I know, which applies the term *grivna* to ingots.*

École pratique des hautes études
Paris

¹³⁶ Бауер, “Денежный счет в духовной Климента” (cited n. 73).

¹³⁷ *Ипатьевская летопись* (cited n. 94), col. 914.

* When the preparation of this article was in its final stage, I had the privilege to present some of its conclusions at the “Oriental Numismatics Workshop: Monetary Circulation in 10th-century Northern Europe” (Oxford, 1-2 August 2011). I am very grateful to the organizers, Luke Treadwell and Marek Jankowiak, for their kind invitation. Clive Sweeting read the text in proofs and greatly contributed to the improvement of its style.

Richard Price

Tradition and Innovation in Metropolitan Ilarion

The debt of the Christianity of Rus' to its Byzantine models is obvious, and has been widely explored in areas such as art, architecture and spirituality. The debt to literary sources, however, remains a field where there is much virgin soil. I write myself as an English researcher in patristics, interested to explore how the patristic inheritance was adopted and adapted in medieval cultures, and in particular in Rus', where the linguistic factor made both the desire to preserve the old and the stimulus to create the new all the more strong.¹

Simply to note that themes recur through the centuries is not itself of great interest, and it is natural to look out for originality. Where this is to be found (and we shall find it in Ilarion), it can be welcomed, but there is a danger of imposing our own preference for originality on cultures which attached more value to the faithful transmission of tradition. Often, too, the mere context produced novelty: themes familiar from the Greek Fathers could take on a new meaning simply by being transported into the novel world of Rus'. An example is a passage in Vladimir Monomakh's *Pouchenie* where he quotes from one of the ascetical writings of St Basil the Great:

As St Basil taught, when he had gathered the young:... 'Eat and drink without making a great noise, keep silence in the presence of the old, listen to the wise, be submissive to your elders, preserve love with those of your own age or younger than you. Do not talk deceitfully, but ponder much; do not speak either fiercely or abusively. Do not laugh a lot, be modest in the company of your elders, do not talk foolishly to women; keep your eyes down but your soul erect, to avoid them.'²

To apply instructions intended for Cappadocian novices to the junior princes of Rus' changes their meaning.

1 Publication of this essay is due to Professor Andrzej Poppe, who overcame my scruples and put me in touch with this journal. My piece is but a preliminary study, intended to invite scholars better equipped than I to carry the subject further.

2 *IBJ*: 99. This passage is taken from St Basil, "Discourse on Ascetical Discipline," Migne, *Patrologia Graeca* 31, 648–9.

The same point can be made about the subject of the present paper — the *Slovo o zakone i blagodati*, a sermon preached, probably in Kiev, in the middle of the eleventh century by Ilarion the first Rus’ian-born metropolitan of the city (though before his elevation to this dignity), and the acknowledged masterpiece of Rus’ian homiletics.³ The familiar theme of the superiority of the New Covenant to the Old takes on a new meaning when, as throughout this work, Ilarion applies it to the conversion of Rus’. At times he treats biblical history with remarkable freedom: on the first page of the *Slovo* he writes, ‘[God] did not abandon His creation forever to be oppressed by the darkness of idolatry and perish through service to demons, but He first justified the race of Abraham by the tables and the Law.’⁴ The Pentateuch is quite clear, however, that even before Moses the Israelites were not idolaters, but worshippers of the one true God. If Ilarion writes as if they were, it is in order to strengthen the parallel with the conversion of Rus’.⁵

Ilarion on Christ

Before embarking, however, on Ilarion’s treatment of the conversion of Rus’, I would like to treat that part of his work that is most indebted to a particular Greek source. This is the passage where he develops the antithesis between the human and divine natures of Christ:

[The Son] was one of the Trinity, in two natures, Godhead and manhood. . . , and displayed on earth both the divine and the human. As man He grew in His mother’s womb, and as God He issued from it without harming her virginity. As man He received His mother’s milk, and as God He made the angels sing with the shepherds ‘Glory to God in the highest’. As man He was wrapped in swaddling-clothes, and as God He led the Magi by a star.

And so he continues at considerable length.⁶ Though the two natures in Christ are contrasted to the same effect in countless patristic texts of the fourth and fifth centuries, the character and length of the treatment of this theme in Ilarion betrays a debt to one particular source — the Sermon on the Transfiguration in the Greek

3 The edition I shall cite is that in Акентьев К.К. «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591, *Византинороссика*. Т. 3. СПб., 2005, 116–52. As well as the chapter and line numbers I shall provide the page number in the manuscript, to enable reference to the publication of the same manuscript in Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона. К., 1984, 78–100.

4 *Слово* 1.2–5, 168.

5 An equally unexpected departure from familiar biblical material occurs at 11–12, p. 173a: ‘Judaism is justified by the shadow and the law, but not saved; Christians by truth and grace are not justified but saved. Among the Jews is justification, among the Christians salvation, for justification is in this world, but salvation is in the world to come.’ How could Ilarion ignore the Pauline doctrine of justification by faith?

6 *Слово* 18–21, 176–177об.

Ephraemic corpus.⁷ It is striking what an impact this text had on him. Not only does he follow it at length in a work that otherwise avoids direct borrowings from a single source, but he does so with little concern for relevance: the contrast between the human and divine natures of Christ has nothing to do with the essential themes of the *Slovo*. We may note that this same Ephraemic text is echoed in the other significant text of Ilarion that survives, his ‘Profession of Faith’. Here we find echoes of the following phrases of the Greek: ‘born without seed and ineffably, while preserving the virginity [of Mary] uncorrupted’, ‘begotten from the Father without a mother and from the Virgin Mary without a father’, ‘one Godhead, one power, one kingdom in three persons.’⁸

It is unexpected to find in Ilarion so great a debt to a text that was never celebrated and has been completely forgotten in modern patristic studies. Russian specialists go on attributing it to the famous St. Ephraem the Syrian (who died in 373), but it is obvious to any student of the Early Church that it postdates the Council of Chalcedon (451) and echoes the Chalcedonian Definition, with its teaching of two natures in Christ united in one hypostasis, and also echoes the Tome of Leo the Great (449), which was canonized in the same definition and contains a very similar passage on the relation between the human and the divine in Christ. This sermon on the Transfiguration belongs, in fact, to the corpus known as ‘Ephraem Graecus’ — texts which survive only in Greek, never existed for the most part in Syriac, and date to the fifth or sixth centuries.⁹ The sermon illustrates a Christology which, with its emphasis on the distinction between the two natures and its treatment of them in a symmetrical framework, has been called ‘palaeo-Chalcedonian’ (or Old Chalcedonian), to distinguish it from the so-called ‘Neo-Chalcedonianism’ that supplanted it in the mid-sixth century, at the ecumenical council of 553, which reaffirmed the emphasis in Cyril of Alexandria on the union of natures and the subjection of the human nature to the divine hypostasis.¹⁰ As long as winning back the so-called Monophysites was a prime aim of the Byzantine government, the Tome of Leo was looked upon as an embarrassment, as open to a charge of the Nestorian error of separating Christ’s manhood from his Godhead, but from the ecumenical council of 680/1, with its definition of two wills and operations in Christ, the authority of the Tome was reaffirmed. Its status in the Russian context

7 For a complete edition of this sermon one has to go back to J.S. Assemani’s edition of the works of St Ephraem, vol. 2 (Rome, 1743), 41–9. The part that Ilarion echoes extensively is usefully reprinted in Ludolf Müller, *Des Metropoliten Ilarion Lobrede auf Vladimir den heiligen und Glaubensbekenntnis* (Wiesbaden, 1962), 187–8. Both Müller (*Des Metropoliten Ilarion Lobrede*, 153) and Francis Thomson (“Quotations of Patristic and Byzantine Works by Early Russian Authors,” *Slavica Gandensia* 10 (1983), 75 n. 16) cite Cyril of Jerusalem, *Catechetical Homilies* IV.9, but the passage is too brief to be comparable to the passages in Pseudo-Ephraem and Leo the Great.

8 Ephraem, ed. Assemani, p. 42D, 49B, 49E, echoed in the Profession of Faith (included in Ludolf Müller, *Des Metropoliten Ilarion Lobrede*, 141–3) at 52.28–9, 53.1–2 and 52.14–15 respectively.

9 See *Dictionnaire de Spiritualité*, vol. IV.1 (Paris, 1960), 800–15, ‘Éphrem grec’.

10 To state things in this way is not to make any assumptions about the intentions of the Fathers of Chalcedon, who combined their ‘two natures’ formula with great veneration for St Cyril.

may be illustrated from a period later than Ilarion, when the metropolitan Daniil (1521–39), in his *Slovo o voploshchenii*, written in opposition to the prince-monk Vassian Kosoj, attacked Aphthartodocetism — the belief that Christ’s flesh was incorruptible — by citing, alongside other texts, the whole of the Tome of Leo, as well as the passages of Ephraem Graecus and Ilarion that we have been examining.¹¹ Even so, the dominant note in Orthodox Christology remained, and always has remained, a stress on the unity and divine personhood in Christ, whereby the divine and human predicates are distinguished, but always attributed to one and the same divine subject, the divine Son and Word of God.

None of this, however, contributes to an understanding of the purposes, or theological acumen, of Ilarion. There is no reason to suppose that he was even aware of the particular theological tendency in this Ephraemic sermon. In his Profession of Faith mentioned above he makes use of Ephraem Graecus in a context that otherwise follows the very different Christological model favoured by St Cyril of Alexandria, where the incarnation is described not in terms of two symmetrical natures, but of a history undergone by the Second Person of the Trinity. For example, Ilarion writes, ‘He did not lay down what He had been but assumed what He had not been... The immortal one died, so that He might bring me, who was dead, to life’¹² — an attribution of suffering to the Godhead that was avoided by the palaeo-Chalcedonians. Ilarion’s enthusiasm for the passage on the two natures of Christ in the Ephraemic sermon must have arisen from admiration of its rhetorical verve rather than an appreciation of its theological implications.

We may with confidence exclude the possibility that in the *Slovo* Ilarion was intending to correct or alter the Byzantine doctrine of Christ. The suggestion by the Soviet scholar Zamaleev that Ilarion preferred Arianism to Nicene Orthodoxy is based not merely on mistaking echoes of St Paul as proof of Arianism,¹³ but also on a false conception of the mentality of Rus’ian churchmen: with their desire to make Byzantine Christianity their own, they would have been horrified at the suggestion that their theology departed from Byzantine norms. The search for originality in Rus’ian texts can falsify the aims of the writers, who were concerned to preserve the culture they had adopted without change. They did not share the conventional wisdom of our own age, with its love of cultural diversity and rejection of the notion that some cultures are simply better than others. Having said this, I would like to proceed to a theme of the *Slovo* that is not only much more central to the text but arguably innovative, and this is its treatment of the conversion of Rus’. I intend to argue that Ilarion treats the conversion as a climactic moment not just in Rus’ian history but in salvation history as a whole, and that in doing so he was strikingly original.

11 Макарий. *История Русской Церкви*. Т. 4. М., 1996, 375–6.

12 Ludolf Müller, *Des Metropoliten Ilarion Lobrede*, 142, 53.5–9.

13 Замалеев А.Ф. *Философская мысль в средневековой Руси*. Л., 1987, 114–5.

Evangelization in earlier tradition

Simon Franklin in the introduction to his English translation of the *Slovo* describes Ilarion as presenting the Christianization of Rus' as 'an integral and necessary part of the sacred history, of the divine plan for mankind'.¹⁴ What he means is that Ilarion does not merely say that the conversion of Rus' was in accordance with the divine will active in all places at all times, but that the conversion belonged to sacred history. By sacred history we mean the sequence of biblical narrative and prophecy, and the fulfilment of prophecy, that constitutes God's revelation to his people and the work of redemption. This sacred history is not to be confused with world history as a whole, where individuals work out their salvation (with God's aid) but the historical events are not themselves salvific.

This distinction received attention in a classic work for English students of late antiquity, *Saeculum* by the late Robert Markus.¹⁵ This work contrasted the disenchantment with the Roman state expressed in St Augustine's *City of God* to the celebration of the Christian empire as the fulfilment of Scripture that we find in a group of texts written in around 400, in response to the apparent triumph of the Christian Empire after the defeat of a pagan-led revolt of Eugenius (in 394), the enforcement of the anti-pagan laws of Theodosius the Great, and almost a century of steady evangelization. Of the view of Christian history expressed in these texts Markus writes, 'The establishment of the Christian Empire and the repression of paganism have entered the sacred history. They have become part of God's saving work and are described in the categories of the biblical prophecies. The *tempora christiana* have become a distinct phase in the history not only of the Roman Empire, but of salvation.'¹⁶

But how convincing, in truth, is the evidence for the strength of this view at the end of the fourth century? That Christian orators liked to describe the victory of the faith under Constantine and Theodosius as a fulfilment of biblical prophecy is certainly true, but it is less obvious how seriously they intended their language. How much was implied when, for example, Eusebius of Caesarea in his accounts of the victory of the newly converted Constantine over his pagan rival Maxentius in AD 312 interprets the event in terms of the destruction of the Egyptians in the Red Sea, according to the Book of Exodus?¹⁷ Was this meant to imply that Constantine's victory fulfilled Scripture in a way that made it part of the very meaning of Scripture, as the consummation of the victory of Christ over the powers of darkness, or simply that a biblical type could be borrowed as a literary motif for rhetorical effect? The distinction is not clear-cut. But we need to attempt it when

14 *Sermons and Rhetoric of Kievan Rus*, transl. and with an introd. by Simon Franklin (Cambridge, MA, 1991) [Harvard Library of Early Ukrainian Literature, vol. 5], xxxii.

15 Robert Markus, *Saeculum: History and Society in the Theology of St Augustine* (Cambridge, 1970).

16 Robert Markus, *Saeculum: History and Society in the Theology of St Augustine*, 31.

17 Eusebius, *Ecclesiastical History* IX.9, and *Life of Constantine* 1.38.

we come to consider texts that, in the context of successful evangelization, quote the great biblical passages that foretell, or enjoin, the conversion of the nations — Ilarion's *Slovo* being, of course, a prime example. In such texts biblical quotations could be mere decoration, to add a note of piety or elevation to the narration of a recent event; but they could mean much more than that: they could imply that the event in question is part of the meaning of Scripture and makes Scripture true. We need to ask: did churchmen in the centuries before Ilarion look at the biblical prophecies of the conversion of the nations as relating to their own age?

Martin Goodman, in his Wilde lectures of 1992 on Jewish proselytism (or rather the lack of it) in the first century AD,¹⁸ brings out the novelty in the ancient world of the Christian endeavour, initiated by St Paul, to convert outsiders to the Christian faith. He comments, 'Only familiarity makes us fail to appreciate the extraordinary ambition of the single apostle who invented the whole idea of a systematic conversion of the world, area by geographical area'¹⁹ — though this statement needs to be qualified in view of the lack of any expectation on St Paul's part that whole populations would be converted to the faith: he saw his task as communicating the gospel to the elect few scattered around the Mediterranean. But he did not downplay the importance of this task. Far from it: he saw it as an essential prelude to the return of Christ in glory.²⁰ The Christian Church is founded on the Pauline version of the gospel, and contains in its sacred books such resonant statements as the commission of the risen Jesus to his disciples at the end of the gospel of Matthew (28.19), 'Go therefore and make disciples of all nations, baptizing them in the name of the Father and of the Son and of the Holy Spirit.'

Modern western Christians take for granted that Christianity is a proselytizing religion, always in search of new converts. But the post-Pauline Church very quickly abandoned this priority, and mission only came to the fore in a sustained way in the early modern period, with the work of Roman Catholic missionaries in the Americas and the Far East. On the same page that I have already cited Goodman continues:

It is a separate question how many Christians believed a proselytizing mission to be desirable after the eschatological fervour of the first generations. Against any view that such a mission was generally seen by Christians as applicable in later times is the treatment of the texts of Jesus' commission to the apostles (Matt. 28.19–20; Mark 16.15–16) in patristic writings of the second to fourth centuries. By most of the Church Fathers these texts were treated historically (for example, Euseb. *Hist. Eccl.* 3.5.2): the gospels recorded the teaching given at that time to the apostles, and by implication the injunction to spread the gospel and baptize the world was not understood to apply to

18 Martin Goodman, *Mission and Conversion: Proselytizing in the Religious History of the Roman Empire* (Oxford, 1994).

19 Martin Goodman, *Mission and Conversion*, 106.

20 See J. Cristian Beker, *Paul the Apostle. The Triumph of God in Life and Thought* (Edinburgh, 1980), 135–81.

later generations. So far as I can discover, when these texts were interpreted to apply to their own day, the religious messages which early Christian writers derived from them did not include an injunction to missionary activity. Thus Eusebius (*Dem. Ev.* 1.6.74–5) cited Matthew 28.19–20 to show that ‘Christianity’ was what Christ told the apostles to teach. Epiphanius (*Ancoratus*, 7.1; 8.7) quoted the same text to illustrate the concept of the Trinity. Tertullian (*De Bapt.* 13.3) and Cyprian (*Ep.* 27.3) used the commission text as an example of the desirability of obeying Christ’s commands (*Ep.* 63.18).

One further patristic text is worth citing, because it is fuller and less incidental than these examples, and by a writer who was far more read in later centuries than the ones Goodman cites, and that is the passage in St John Chrysostom’s *Homilies on the Gospel of Matthew* where he treats the key injunction by Jesus, ‘Go therefore and make disciples of all nations, baptizing them in the name of the Father and of the Son and of the Holy Spirit, teaching them to observe all that I have commanded you; and lo, I am with you always, to the end of the age’ (Matt 28.19–20).²¹ In his treatment of these verses Chrysostom distinguishes between the injunction to make disciples of all nations, which he interprets as addressed specifically to the original Apostles, and the moral injunctions, summed up in the phrase ‘all that I have commanded you’, which he sees as addressed to all Christians. This interpretation goes out of its way to limit the call to convert the nations to the Apostles themselves. It is obvious that this lack of interest in converting the nations excluded any notion that ongoing evangelization belonged to sacred history.

There are, of course, examples of notable missionary endeavour in the Early Church after the age of the Apostles. But for our purposes we must exclude what are best called ‘home’ missions to convert the inhabitants of the Roman Empire; even the mission of St Augustine of Canterbury to England, directed by Pope Gregory the Great, falls into this category, since Gregory viewed England (or Britain) as still part of the Roman world. Once we place these missions to one side, what remains is curiously isolated and accidental. Frumentius in Ethiopia, Ulfilas among the Goths, and Patrick in Ireland, the three great early missionaries outside the borders of the empire, had all spent significant periods outside the empire (or, in the case of Ulfilas, were born there) and lost the sense of an exclusively Roman identity; these missions won the approval of the mainstream Church, but remained private initiatives that the main body of the Church did little to assist and did not greatly value.

St Patrick probably needs an introduction for non-British and non-Irish readers. Brought up on the north-west British coast at the turn of the fourth century, he was carried off in adolescence to slavery in Ireland. Though he escaped back to Britain, he later returned to Ireland as a missionary, the first Christian missionary in that country.²² Criticisms of his mission by bishops in Britain, who had no wish to see

21 John Chrysostom, “Homilies on Matthew” 90.2–3, Migne, *Patrologia Graeca* 58, 789–91.

22 We know of one earlier bishop in Ireland — Palladius, but he ministered to those Irish who (through

their Irish enemies enjoying the benefits of the gospel, led him to write an apologia (his *Confessio*), in which he defends his mission on the basis of a very personal appropriation of the teaching of the Apostles and prophets. He is, in fact, the first Christian writer to apply the Matthaean injunction and related texts to ongoing Christian evangelization:

I am a great debtor to God, who granted me such grace that through me many peoples should be reborn in God and afterwards be confirmed and that clergy should everywhere be ordained for them, to serve a people just now coming to the faith, and which the Lord took from the ends of the earth, as He had promised of old through His prophets, 'The nations will come to Thee from the ends of the earth' (Jeremiah 16.19b)... And I wish to wait for His promise in the gospel, 'They will come from the east and from the west and will recline with Abraham and Isaac and Jacob' (Matt 8.11), as we believe that believers will surely come from the whole world... He urges and teaches in the gospel, saying, 'Go therefore and make disciples of all nations, baptizing them in the name of the Father and of the Son and of the Holy Spirit' (Matt 28.19).²³

St Patrick proudly identifies his mission to the Irish as the expansion of the gospel to 'the ends of the earth' prophesied in Scripture. A phrase that in its original context is scarcely more than an expression of God's sovereignty over the whole earth is interpreted as a precise pointer to the regions most on the margin of the known world. Their evangelization becomes the climax of sacred history, the final event that will usher in the end of time. Patrick himself had no doubt but that the end was near, and would have been startled to know that he was initiating two thousand years of Irish Christianity.

If the Church of the Later Roman Empire took singularly little interest in evangelization beyond the borders of the empire, the same cannot be said of its successor (or continuation), the Byzantine Empire. The military weakness of the Byzantine state, which even in its initial period of glory under Justinian perilously overstretched its resources, led it to develop a sophisticated diplomacy; and one of the tools of this diplomacy was evangelization.²⁴ The goal of evangelization was to reconcile and civilize potential enemies of the Byzantine state, and make them clients of the empire. This did not exclude a spiritual dimension, since the empire and the emperors viewed themselves as essential for the divine governance of the world. From the time of Basil I (867–86) the responsibility of the emperor to spread the faith was linked to his status as one 'equal to the Apostles'. This ideology was centred not on the notion of a sacred history continuous with biblical history, but on a sacralization of the Byzantine state. The Church played its role as the ally

contact with Britain) had already become Christian. He was not a missionary.

23 *Confessio* 38–40. Saint Patrick, "Confession et Lettre à Coroticus," *Sources Chrétiennes* 249 (Paris, 1978), 110–4.

24 See Иванов С.А. Византийская религиозная миссия VIII–XI вв. с точки зрения византийцев. *Христианство в странах восточной, юго-восточной и центральной Европы на пороге второго тысячелетия*. Под ред. Б.Н. Флори. М., 2002, 9–34.

of the state, but did not adopt evangelization as essential to its own mission. It is significant that a missionary hagiography did not develop: lives of missionary saints, of which there are notable western examples, particularly in the Frankish kingdoms, are absent from Byzantine hagiography.²⁵

Does the position change when we turn to Slavonic writing before Ilarion? What do we find, for instance, in the tenth-century accounts of the mission of Sts Cyril (Constantine) and Methodius? The early Slavonic Lives of these saints deserve close scrutiny.²⁶ Here, in the context of the Slav mission, some of the great biblical texts on the conversion of the world are indeed cited. For example, 1 Timothy 2.4 (the Saviour ‘desires all men to be saved and to come to the knowledge of the truth’) occurs in a letter written by the emperor Leo to the newly converted Ratislav of Moravia (Life of Constantine 14) and in the account early in the Life of Methodius of the raising up of the saint (ch. 2). Such citation may seem to anticipate Ilarion, but the one just mentioned is the last of its kind in the Life of Methodius, while in the Life of Constantine the great texts are cited in the very specific context of a defence of the saint’s use of the Slavonic language, where they are listed together with such passages as 1 Corinthians 14 on speaking with tongues. In fact, the emphasis in these Lives is not on mission at all, but on the creation of Slavonic Christian culture; these texts are not used to interpret the mission of Sts Cyril and Methodius as a fulfilment of Scripture, to locate it (that is) in salvation history. The most revealing passage is the opening of the Life of Methodius, which offers a compendium of salvation history. The text does not lead immediately into a treatment of Methodius’ work, thereby linking it to salvation history: instead we are offered, before we come to that, a history of the first six ecumenical councils. Methodius’ mission is given an honoured place in ecclesiastical history, but not in the sacred history treated in Scripture.

Ilarion and his heirs on the conversion of Rus’

What do we find when we proceed to Ilarion’s *Slovo o zakone i blagodati*? The theme of the contrast between law and grace, with which the work begins and from which it derives its title, leads on to an account of the history of salvation, whose climax is a citation of the injunction by Christ to his disciples to preach the gospel to the whole world (Matt 28.19). ‘Meet it was,’ Ilarion continues, ‘for grace and truth to shine forth upon new people’.²⁷ And this provides him with an immediate

25 It is significant that in Byzantium the city of Constantinople was seen as central to Christianity, and Holy Land pilgrimage was never of prime importance. It is most striking that Rus’ very soon developed a devotion to the Holy Land and Jerusalem that far surpassed that of its Byzantine teachers; see Richard Price, “The Holy Land in Old Russian Culture,” *The Holy Land, Holy Lands, and Christian History*, ed. by R.N. Swanson [Studies in Church History 36] (Woodbridge, 2000), 250–62.

26 I have used the translations in Francis Dvornik, *Les Légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance* (Prague, 1933), 349–93.

27 *Слово* 27.1, 180.

transition to the conversion of his own people: ‘And so indeed it is: the grace of faith has spread over the whole world, and reached our nation of Rus’.²⁸

He proceeds to cite twenty-one biblical prophecies fulfilled by the conversion of Rus’ (not to mention echoes of many more). He begins with two of the most striking, ‘From the east and from the west My name is glorified among the gentiles’ (Malachi 1.11), and ‘Thy name is wonderful in all the earth’ (Psalm 8.2).²⁹ It is the conversion of Rus’ that has made this true. A few pages later he declares, ‘There has been fulfilled what had been spoken about us, the nations, «The Lord shall reveal His holy arm before all the nations, and all the ends of the earth shall see the salvation that comes from our God».’³⁰ It is *now*, Ilarion is saying, that the gospel has reached the ends of the earth and the prophecies have been fulfilled.

In the same passage he deplores the pagan past of Rus’. But the contrast between Christian present and pagan past is soon replaced by one between the faithful people of Rus’ and the faithless Jews: ‘We do not insult Him like the Jews, but bless Him as Christians. We do not take counsel to crucify Him, but worship Him as crucified... We are not faithless, but like Peter say to Him, «Thou art the Christ, the Son of the living God», and with Thomas, «Thou art my Lord and God».’³¹ The implication is that the Christians of Rus’ stand shoulder to shoulder with the original Apostles, as witnesses to Christ before Jews and Gentiles. And this forms the resonant conclusion of the properly theological part of the *Slovo*, followed immediately by the encomium of Prince Vladimir and a closing prayer.

In all, we can indeed say that Ilarion treats the conversion of Rus’ as immediately and integrally connected to the sacred, biblical history of salvation, and virtually as constituting the climax of the whole story. In so doing, he gave evangelization an importance it had not received in Byzantine Christianity, nor before Ilarion in its Slavonic offshoots. We may therefore say that his glorification of the conversion of Rus’ as part of the history of salvation was original. We have seen that he had been anticipated by St Patrick; but since the latter’s *Confessio* was unknown in the Orthodox east, this does not reduce his originality or the novelty of his message in the context of the Byzantine tradition.

Once Ilarion had paved the way, other Rus’ian writers followed suit. The Lesson on Boris and Gleb by Nestor gives the following account of the conversion of Rus’:

The land of Rus’ remained in its former idolatrous delusion, for it had not heard from anyone the word about our Lord Jesus Christ, for no apostles had come to them and no one had preached to them the words of God. But then the Master Himself, our Lord Jesus Christ, looked in His goodness at His handiwork, for He did not permit them to perish in idolatrous delusion. After many years He took pity on His creation, desiring to

28 *Слово* 27.7–8, 180об.

29 *Слово* 28.2–5, 180об–181.

30 *Слово* 30.37–40, 183, citing Isaiah 52.10.

31 *Слово* 30.25–34, 182об–183, citing Matt 16.16 and John 20.28.

join them to His Godhead in the last days, even as He Himself declared in the gospel, speaking in parables.³²

This introduces the parable of the labourers in the vineyard (Mt 20.1–16), where those who are hired only at the end of the day receive the same pay as those who had worked throughout the day. Nestor continues, ‘The Lord told the parable in His foresight about these people’³³ — that is, Rus’. And there follows a narration of their conversion.

This passage is manifestly indebted to Ilarion. It in its turn influenced Epifany Premudry when at the turn of the fourteenth century he wrote his account of the missionary labours of St Stephen of Perm.³⁴ Epifany retells the Parable of the Labourers in the Vineyard in a way strongly reminiscent of Nestor. After following the first part of the gospel text closely, he expands the rest of it as follows:

At the eleventh hour he found others standing idle, and said to them, ‘Why do you stand here all day idle, Permians? Has no one hired you?’ And they answered, ‘No one has hired us — that is, no one has taught us the Christian faith, no one has illuminated us with holy baptism, no one has led us into the rational vineyard, that is, the Law of God.’... But when our Saviour was well-pleased, in the last days, at the end of the years, in the final times, at the close of the seventh millennium, the Lord had pity on them.³⁵

This bold application of the parable may be related to a long disquisition in Epifany on why the conversion of the Permians occurred so late in history. Why did the Apostles not come to the land of Perm? In an apology for their neglect of this clearly essential part of their mission, Epifany lists the great missionary journeys that legend attributed to the Apostles, commenting several times, ‘But they [*or he*] did not come to the land of Perm’³⁶ — developing a point made by Nestor in relation to Rus’. The clear implication, startling in its boldness, is that the work of St Stephen completes and indeed redeems the otherwise imperfect labours of the Apostles. When to this theme is added an explicit expectation that the end of the world is near, as in both Nestor and Epifany,³⁷ the spread of the gospel, first to

32 *Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им*. Под ред. Д.И. Абрамовича. Пг., 1916, 3, 13–20.

33 *Жития святых мучеников Бориса и Глеба*, 3, 29.

34 For the missionary theology of this work, and its relation to earlier Greek models, see Richard Price, “The Holy Man and Christianization from the Apocryphal Apostles to St Stephen of Perm,” *The Expansion of Orthodox Europe: Byzantium, the Balkans and Russia*, ed. by J. Shepard (Aldershot, 2007), 497–520.

35 *Житие св. Стефана епископа Пермского*. Под ред. В. Дружинина. СПб., 1887, 12–13.

36 *Житие св. Стефана*, 10–12.

37 Epifany was writing at a time when the end of the world was widely expected within the century, according to a traditional chronology which, starting from the creation of the world supposedly in 5508 BC and assigning it seven millennia of existence, predicted the end in AD 1492. Epifany refers to this several times, once in the context of critics who actually used it against his mission, saying that it was pointless founding new churches so near the end of time, *Житие св. Стефана*, 70.

Rus' and later to Perm, appears as the veritable climax of salvation history, paving the way for the return of Christ in glory, in fulfilment of the words of Christ, 'This gospel of the kingdom will be preached throughout the whole world, as a testimony to all the nations, and then the end will come' (Matt 24. 14).

Here, however, we are moving beyond the horizons of Ilarion, who lacks the theme of the nearness of the end. He remains the innovator and the decisive influence in this redefinition of sacred history, by means of which the newly converted people of Rus' on the very edge of the known world could feel that the Bible talked about them, and that their conversion was of significance not only for them, but for the whole human race.

Heythrop College University of London

Николай Котляр

Наступление удельной раздробленности на Руси (князья-изгои)

Историки недавнего времени, казалось бы, всесторонне обрисовали побудительные причины и динамику наступления удельной раздробленности. Но, как мне кажется, они рассматривали преимущественно экономические (социально-экономические) факторы изменения государственной структуры Руси. Недооценивались процессы и явления политической (социально-политической) жизни древнерусского общества. Между тем, существовали причины политического порядка, серьезно повлиявшие на наступление и нарастание раздробленности. Одна из них, как мне видится, состояла в появлении и сепаратистской деятельности князей-изгоев. Для того, чтобы оценить роль этого фактора, разобраться в феномене изгоев целесообразно вернуться более, чем на полстолетия назад, в 60-е годы XI в.

Скептически относясь к мнению о решающей роли землевладельцев-бояр в раскручивании механизма раздробленности, вижу одну из основных причин ее наступления именно в деятельности многих князей-Рюриковичей. В источниках отсутствуют сведения о порядке передачи земли и прочего имущества в семьях бояр-землевладельцев. Но естественнее всего думать, что они унаследовали свои земли исключительно по отчинному праву, от отца к сыну, тогда как князья долгое время вынуждены были довольствоваться родовым правом «лествичного восхождения», когда земли и прочее добро передавались от старшего брата к следующему по времени рождения. Младшее же княжеское поколение (сыновья, племянники и др.) не участвовало в этом процессе, многие чувствовали себя обделенными и протестовали против такого порядка, часто берясь за оружие и отстаивая выгодное им «отчинное» право.

Таких безземельных (потерявших волость или вовсе не имевших ее) князей историки называли изгоями. Изгои вообще упоминаются в историко-правовых источниках с начала XI в. как свободные или феодально зависимые люди. В *Правде Русской* и *Краткой*, и *Пространной* в первой статье, где речь идет о каре за убийство, изгой перечисляется в ряду свободных людей:

аче будет княжь мужь или тиуна княжа; аче ли будет русинь, любо гридь, любо купець, любо тиунь боярескъ, любо мечникъ, любо изгой, любо словѣннъ, то 40 гривен положити за нь¹.

По наблюдениям Б.Д. Грекова, осиротевший князь (т.е. изгой) упоминается в древнем «Уставе великого князя Всеволода»². Но и он не уделил князьям-изгоям особого внимания. И в наше время об изгоях, тем более о князьях-изгоях, писали очень мало. Можно вспомнить разве что недавно вышедшую в Оренбурге статью А.Н. Полякова, частично обобщившую работы предшественников³.

Обычно историки обращаются к «Курсу русской истории» В.О. Ключевского, в котором ученый поместил краткую справку о князьях-изгоях. Он писал о том, что такие князья появлялись, если нарушался естественный порядок вещей:

когда у князя отец умирал раньше деда, у внука не оставалось в передовой цепи отцовского места, ибо в ней не стоял его отец. Он становился князем-сиротой, изгоем, бездольным вечным внуком, генеалогическим недорослем. Не имея генеалогической отчины, он лишался права и на территориальную, т.е. терял участие в очередном владельческом порядке как не попавший в очередь⁴.

Правовое регулирование владельческих земельных отношений на Руси среди Рюриковичей долгое время отсутствовало. Надежды обзавестись волостями среди младшего поколения князей были порождены «рядом» (завещанием) Ярослава Владимировича 1054 г., в котором был провозглашен давний порядок замещения столов, от старшего брата к следующему по возрасту. Но младшее поколение князей в ряде не было даже упомянуто. Это, надо думать, и подтолкнуло их к решительным действиям.

О наиболее многочисленных князьях-изгоях Святославичах рассказывает *Повесть временных лет*. Кончина Святослава (бывшего киевским государем с 1073 г.) в конце декабря 1076 г. превратила его девятерых (!) сыновей из могущественных наследников киевского стола в бесправных изгоев, поскольку источники не дают оснований думать, будто хоть кто-нибудь из них получил от Изяслава или Всеволода даже незначительные волости. Особенно остро переживал свое общественное падение второй по времени рождения Святославич — Олег. Он одним из первых среди поколения изгоев конца 70-х годов XI в. и взялся за оружие, при этом поднялся не против равных себе, а против самого великого князя киевского. Примерно так же появились на свет другие

1 Зимин А.А. *Правда Русская*. М., 1999, 358, 367 (текст источника).

2 Владимирский-Буданов М.Ф. *Хрестоматия по истории русского права*. Вып. 1. К., 1876, 245. (См.: Греков Б.Д. *Киевская Русь*. М., 1953, 248).

3 Поляков А.Н. К вопросу об изгоях в Древней Руси. *Вестник Оренбургского университета*. 2006. Ч.1.

4 Ключевский В.О. *Сочинения в девяти томах*. Т.1. *Курс русской истории*. Ч.1. М., 1987, 194.

изгои. Стоит упомянуть первого из них по времени упоминания в летописи (в 60-х годах XI в.) — Ростислава, отпрыска старшего сына Ярослава Мудрого Владимира, после смерти отца выпавшего из числа получивших волости.

Недостаточное внимание историков прошлого и настоящего к изгоям выглядит тем более досадным ввиду той большой роли, которую они помимо воли сыграли в наступлении разделения Руси на уделы. По мнению М.Н. Тихомирова, Б.А. Рыбакова, Л.В. Черепнина, В.Т. Пашуто и др. раздробленность была следствием возникновения и развития феодальных отношений в древнерусском обществе. Она вызревала в недрах общества не одно десятилетие благодаря социально-экономическому прогрессу на всей территории государства, в землях и княжествах⁵. Эта концепция преобладает в сочинениях русских и украинских ученых.

Следовательно, в наиболее важных исследованиях причин возникновения удельной раздробленности, ее нарастания и воздействия на древнерусскую жизнь основное внимание уделялось общественно-экономическим факторам. Но в ее появлении немалую роль сыграла политическая (социально-политическая) составляющая: деятельность князей различных статусов и могущества, главное же, на мой взгляд, — борьба изгоев за наследие отцов, за отчины. Среди многочисленных подобных деяний князей-изгоев второй половины XI в. стоит остановиться на соперничестве с киевским государем одного из старших сыновей Святослава Ярославича — Олега.

Еще за год до выдвижения Олега Святославича на политическую сцену Руси попытался вернуть себе отцовскую волость сын одного из младших Ярославичей Вячеслава Борис. Весной 1077 г., воспользовавшись отсутствием Всеволода Ярославича, занимавшего киевский стол после смерти Святослава, он дерзким изъездом внезапно захватил Чернигов. Но смог удержаться в городе лишь 8 дней (с 4 по 12 мая) и бежал в Тмуторокань, где сидел другой изгой, старший сын Святослава Ярославича Роман⁶. Это стало началом широкомасштабной борьбы князей-изгоев против Всеволода Ярославича, развернувшейся в следующем, 1078 г.

Олег Святославич и Борис Вячеславич объединились, наняли половецкую орду и двинулись на Чернигов, разбив дружину сидевшего там Всеволода. Тот попросил помощи у старшего брата Изяслава, вернувшегося незадолго перед тем на киевский стол из эмиграции. 3 октября 1078 г. Изяслав и Всеволод Ярославичи совместными усилиями разгромили изгоев в кровопролитной битве на Нежатиной Ниве (вблизи Чернигова). Во время сражения погибли

5 См.: Рыбаков Б.А. *Первые века русской истории*. М., 1964, 145–157; Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси. *Древнерусское государство и его международное значение*. М., 1965; Черепнин Л.В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII вв. *Исторические записки*. 1972. № 89.

6 *ПВЛ*, 85.

Изяслав и Борис, Олег с остатками дружины бежал в Тмуторокань, а Всеволод сел на киевском столе⁷.

И в дальнейшие годы киевского княжения Всеволода изгои продолжали отстаивать свои отчины. Вновь наиболее активным оказался Олег Святославич. Вероятно, по велению Всеволода в 1079 г. «Олга емше козаре и поточиша за море Цесарюграду»⁸. Вплоть до кончины Всеволода Ярославича (1093 г.) Олег и прочие изгои не осмеливались воевать с киевским государем и его сыном, отважным полководцем Владимиром Мономахом. Положение изменилось после смерти Всеволода.

Отчинный порядок престолонаследия подрывал саму идею и практику единовластной монархии и вел к ее структурному ослаблению. Б.Д. Греков считал наивным летописное объяснение неспособности Всеволода Ярославича удерживать в повиновении изгоев его немощью и старостью. Историк писал, что тогда уже наступили «новые времена» и присоединился ко мнению С.М. Соловьева, что при Всеволоде началась борьба за создание обособленных от Киева «вотчин-княжений»⁹.

Вопреки распространенному мнению о решающей роли землевладельцев-бояр в раскручивании механизма раздробленности, вижу одну из основных причин ее наступления именно в деятельности князей-Рюриковичей, прежде всего изгоев. В источниках отсутствуют сведения о порядке передачи земли и прочего имущества в семьях бояр-землевладельцев. Но естественнее всего думать, что они наследовали свои земли исключительно по отчинному праву, от отца к сыну, тогда как князья долгое время вынуждены были довольствоваться родовым правом «лествичного восхождения», когда волости и прочее добро передавались от старшего брата к следующему по времени рождения. Младшее же княжеское поколение (сыновья, племянники и др.) не участвовало в этом процессе, поэтому многие чувствовали себя обделенными и протестовали против такого порядка, часто берясь за оружие. Думается, прав был А.Е. Пресняков, утверждая, что изгои расшатывали устои государства¹⁰.

Когда 13 апреля 1093 г. в Киеве скончался Всеволод Ярославич, его сын Владимир Мономах неожиданно для всех отказался от престола и пригласил княжить своего старшего двоюродного брата Святополка Изяславича, сидевшего в захолустном Турове на окраине Киевской земли. Тем самым он отдал дань древнему и традиционному порядку родового старейшинства, о чем поведала Несторова летопись¹¹. А сам отправился княжить в полученный еще при жизни отца Чернигов.

7 ПВЛ, 85–86.

8 ПВЛ, 85–86.

9 Греков Б.Д. *Киевская Русь*. М., 1953, 499.

10 Пресняков А.Е. *Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории*. М., 1993, 35–41, 48.

11 ПВЛ, 92.

Это подтолкнуло к решительным действиям Олега Святославича, не осмеливавшегося требовать отеческой волости при жизни Всеволода и его соправителя Мономаха, но не побоявшегося Святополка Изяславича, не обладавшего государственными и военными талантами. Наняв громадную половецкую орду, Олег Святославич в следующем, 1094 г., вынудил Владимира Всеволодича отдать ему Чернигов. Так вооруженным путем было реализовано отчинное право черниговского князя. Но ненадолго.

Весной 1093 г. по инициативе неуютно сидевшего на киевском столе Святополка Изяславича тот вступил в союз-дуумвират с Владимиром Мономахом. Этого требовали усилившийся натиск Половецкой степи и действия Олега Святославича и прочих изгоев. К тому же Олег и его братья систематически и постоянно вовлекали половецких ханов в межкняжеское соперничество на Руси. Свою непримиримость к черниговскому князю, недавнему изгою, Владимир Всеволодич объяснит более, чем через двадцать лет после того, в своем *Поучении*: «Зане ся баше [Олег] приложил к половецм»¹².

Решительный отказ Олега пойти вместе с дуумвирами против ханов в 1096 г., его постоянное уклонение от борьбы с этими страшными врагами Руси привели к тому, что вскоре он был лишен Святополком и Владимиром отчего Чернигова и получил взамен, вероятно, провинциальный Курск в Новгород-Северском удельном княжестве¹³. А на княжеском съезде в Витичеве 1100 г. у другого изгоя Давида Игоревича отняли стольный град Владимир Волынский, дав ему взамен несколько небольших городков¹⁴. Так мягко был он наказан за варварское ослепление другого изгоя Василька Ростиславича и намерение отнять у того Теробовльское княжество.

Эти оба наиболее активных князя успокоились вследствие решительных мер, предпринятых Святополком и Мономахом, в том числе и серии победоносных походов на половецкого врага. Олег тихо прожил еще почти двадцать лет (умер в 1115 г.), а Давид — двенадцать (умер в 1112 г.). Но свое разрушительное дело они сделали, подорвав единство государства. Их деятельность всецело способствовала дроблению страны.

В течение первого сорокалетия XII в. изгои обзавелись волостями и перестали быть безземельными. Другое дело, что почти все они были недовольны имевшимися у них землями и претендовали на лучшие. А решения Любечского съезда 1097 г. в сущности стерли разницу между изгоями и прочими князьями, признав легитимность их владений¹⁵. Посему почти все изгои успокоились, за исключением сына Святополка Изяславича Ярослава (погиб в 1123 г.), которого можно назвать последним изгоем.

12 ПВЛ, 103.

13 Котляр Н.Ф. *Древнерусская государственность*. СПб., 1998, 246–259.

14 ПВЛ, 116.

15 ПВЛ, 110.

Почти все процессы и явления, происходившие в Древнерусском государстве в 20-х — 30-х годах XII в., скрыты под спудом летописного текста. У летописцев было свое понимание того, о каких событиях и персонажах нужно писать, а о каких — нет. Они вовсе не собирались учитывать читателей грядущих поколений. Между тем, в то время протекали важнейшие процессы и события политической жизни страны. Главнейшие среди них — образование и упрочение княжеских кланов, сыгравших определяющую роль в межкняжеских отношениях.

В начале XII в. в западном регионе Южной Руси укрепились недавние изгои, галицкие Ростиславичи Володарь и Василько, с оружием в руках отстоявшие свои волости от Святополка и Мономаха. В течение первой трети столетия Ольговичи с Давидовичами постепенно овладели громадной Чернигово-Северской землей, и это укрепило их экономически, социально и политически, позволив конкурировать с ранее недостижимыми для них Мономашичами. А среди самих Мономашичей после смерти Мстислава Владимировича (1132 г.) постоянно возникали противоречия и несогласия. Младшее их поколение составило земельные кланы, оформившиеся к середине 1140-х годов (Мстиславичи и Ростиславичи). Раздоры среди Мономашичей впоследствии позволили потеснить их черниговским Ольговичам и Давидовичам¹⁶.

Подтверждение этим конспективно изложенным мыслям дает богатый летописный материал. Обратимся к могущественному и разветвленному клану чернигово-северских Ольговичей. Если прочие земельные кланы появляются на страницах летописей в 40-х годах XII в., то Ольговичи — полувеком раньше. Этот феномен социально-политического бытия Древнерусского государства нуждается в серьезном изучении и объяснении.

В 1116 г. киевский государь Владимир Всеволодич решил укротить непокорного князя Глеба, затворившегося в Смоленске, и «поиде к Смоленську, съ сынъми своими, и с Давыдомъ Святославичемъ, и Олговичи»¹⁷. Важно отметить, что другой чернигово-северский клан Давидовичей был тогда еще далек от складывания. Тогда Ольговичи беспрекословно повиновались самовластному киевскому государю. А через двенадцать лет глава Ольговичей Всеволод напал на своего дядю Ярослава и по обыкновению позвал на помощь половцев, но во время не заплатил им, и «половци же не взявше вести отъ Олговичь бѣжаша усвосяи»¹⁸.

В конце 20-х — начале 30-х годов XII в. Ольговичи пребывают во власти тяжелого на руку киевского суверена Мстислава, старшего сына Владимира Мономаха. В 1132 г. «ходи Мъстиславъ на Литву, съ сынъми своими, и с Олговичи, и съ Всеволодомъ Городеньскимъ»¹⁹. Но в киевское княжение

16 Котляр Н.Ф. *Дипломатия Южной Руси. Ч.3. Междукняжеская дипломатия*. СПб., 2003, 158 и сл.

17 *Летопись по Ипатскому списку*. СПб., 1871, 203.

18 *Летопись по Ипатскому списку*, 209

19 *Летопись по Ипатскому списку*, 212.

слабого брата Мстислава Ярополка Ольговичи уже осмеливаются «каторовать» с ним.

Особенно выразительна, на мой взгляд, запись *Киевского летописного свода* 1136 г. о сражении между Ярополком с братьями (кланом Мономашичей) и Всеволодом во главе Ольговичей: в ее ходе половцы «Олговѣ» побежали, за ними погналась «Володимерича [Ярополка] «дружина лутшая», «а князья их Володимеричи²⁰ бяхуся со Олговичи»²¹. А далее «Олговичи с половцы переидоша Днѣпръ ... и почаша воевати отъ Трьполя». В результате компромисса с киевским государем «вда Ярополкъ Олговичемъ отчину свою, чего и хотели»²². В процитированном последнем тексте речь идет несомненно о предоставлении Ольговичам «части» в южной Русской земле, земельного владения в великокняжеском домене.

И на следующих страницах *Киевского свода* клановое определение Ольговичи встречается чаще, чем перечисление имен князей, принадлежавших к этому клану. Вначале Ольговичами в источниках назывались сыновья Олега Святославича: Всеволод, Игорь и Святослав, а затем сыновья Всеволода Ольговича Глеб, Святослав и Ярослав, сыновья Святослава Ольговича Всеволод, Игорь и Олег; сыновья Глеба Ольговича Игорь, Олег, Изяслав и Ростислав, сыновья следующего князя поколения Олега Святославича Давид и Святослав.

В конце 30-х — 40-е годы XII в. Ольговичи вступили в соперничество с другими княжескими кланами вокруг обладания Киевом, южной Русской землей и общерусской властью. Постепенно набирали силу прочие кланы, прежде всего отпочковавшиеся от Мономашичей-Владимировичей Мстиславичи и Ростиславичи. Киевская летопись содержит множество примеров солидарных действий членов этих кланов, хотя упоминания об Ольговичах намного преобладают над известиями о деятельности названных кланов. Приведу лишь несколько характерных известий о потомстве Олега Святославича-«Гориславича»²³ в этом источнике 1140-х — начала 1150-х лет.

В 1144 г. Всеволод Ольгович затеял поход на Володимирка Володаревича галицкого. Недавний изгой, член клана галицких Ростиславичей Володимирко ослушался своего киевского сюзерена, которого он таковым, по-видимому, не считал. Запись киевского летописца свидетельствует, что клановый термин «Ольговичи» к тому времени прочно вошел в общественное сознание: «Ходиша Олговичи на Володимирька, Всеволодь съ братома, съ Игоремъ, Святославомъ, Давыдовиць Володимирь...»²⁴, глава складывавшегося тогда клана Давидо-

20 Первичное название многочисленного клана Мономашичей.

21 *Летопись по Ипатскому списку*, 214.

22 *Летопись по Ипатскому списку*, 215.

23 Названного так в *Слове о полку Игореве* за разжигание усовиц и наведение половцев на родную землю.

24 *Летопись по Ипатскому списку*, 225.

вичей, но не упомянутый в этом качестве. Согласно моим наблюдениям над летописью, до 1144 г. никакой другой клан (кроме обширного рода Володимировичей, не имевших тогда клановой окраски) не выступает столь часто на страницах *Киевского* и других летописных сводов.

Киевский летописец, отражавший мнения Мономашичей и новых кланов Мстиславичей и Ростиславичей, в рассказе о событиях 40-х годов XII в., решительно встает на их сторону в конфликте с Ольговичами. Уже при описании первого прихода Мстислава Изяславича в Киев в 1146 г. он пишет о словах киевских вечников, обращенных к нему: «Ты наш князь, поѣди [к нам], Ольговичевъ не хочемъ быти, акы в задничи»²⁵. Точно так же в следующем году, когда Изяслав Мстиславич зовет киевлян в поход против Юрия Долгорукого, они отвечают ему, что не могут поднять руку на «Володимере племя, ... на Гюрья», а на Ольговичей охотно пойдут.

В кровавой гражданской войне 1146–1151 гг. между Изяславом и Юрием, в которую были втянуты почти все остальные Рюриковичи, Ольговичи, как и раньше, выступают единым кланом, под общим этим родовым именем²⁶.

Вплоть до начала XIII в. Ольговичи действуют в летописи совместно, под этим клановым наименованием. С 1181 по 1194 г. их глава Святослав Всеволодич совместно с главой Ростиславичей Рюриком управлял южной Русской землей. Но после смерти Святослава Ростиславичи и Мономашичи («Володимеричи») потребовали от Ольговичей «не искати отцины нашея, Кыева и Смоленска, подъ нами, и подъ нашими дѣтми, и подо всимъ нашимъ Володимеримъ племенемъ», на что Ольговичи отвечали, что Киев является и их отчиной и они не собираются от него отказываться. Вмешательство владими́ро-суздальского государя Всеволода Большое Гнездо вынудило их искать компромисс: «Олговичи же убоявьшеся» и послали к Рюрику послов с предложением воздержаться от военных действий²⁷. Характерная запись помещена в *Киевском своде* под 1196 г.:

Того же лѣта во Олговичехъ преставися князь Всеволодь Святославичъ, ... и тако спряташа тѣло его вся братья во Олговичехъ племени²⁸.

Как известно, *Киевский свод* в дошедшем до нас виде завершается на последних годах XII в. Отдельные известия об Ольговичах содержатся в *Воскресенском своде* за XIII в., который, по мнению многих знатоков летописания, отразил не сохранившуюся *Киевскую летопись* первого сорокалетия XIII в. По-прежнему в первые годы этого столетия они выступают единым кланом, о чем свидетельствуют статьи 1202–1207 гг. В 1202 г. Роман Мстиславич входит

25 т.е. в наследстве (*Летопись по Ипатскому списку*, 230).

26 *Летопись по Ипатскому списку*, 251, 253, 265, 278 и др.

27 *Летопись по Ипатскому списку*, 462–463.

28 *Летопись по Ипатскому списку*, 467.

в Киев и «посла на Гору²⁹ к Рюрикови и ко Олговичемь, ... и пусти Рюрика [Ростиславича] во Вручий³⁰, а Олговичи за Днѣпръ»³¹.

В 1205 г. Роман Мстиславич, князь галицко-волынский, погиб в Польше. «Слышавше же се Олговичи и идоша къ Киеву»³², поскольку раньше они не решались напасть на Киев, находившийся под властью Романа. В следующем году они пытаются захватить Галич, оставшийся без князя после кончины Романа Мстиславича, но безуспешно: «Король же омиривъ Ляхы³³ и поиде за горы, а Олговичи поидоша назадъ»³⁴. Последнее упоминание об Ольговичах в *Воскресенской летописи* относится к 1207 г. Они тогда по обыкновению навели половецкую орду на Русь. «Слышавъ же великий князь Всеволодъ Юрьевичъ, внукъ Володимера Маномаха, яко Олговичи воюють землю Русскую съ погаными, и сжалися о томъ...»³⁵.

Так выглядит участие князей-изгоев и рожденного одним из них клана Ольговичей в политической жизни Руси XI–XII вв.

Інститут історії України НАН України

29 Верхняя часть города, где располагались княжеские дворцы и многие храмы.

30 Овруч, родовое гнездо Ростиславичей.

31 *Летопись по Воскресенскому списку*. СПб., 1856, 107.

32 *Летопись по Воскресенскому списку*, 112.

33 Краковский князь Лешек также стремился наложить руку на Галич.

34 *Летопись по Воскресенскому списку*, 113.

35 *Летопись по Воскресенскому списку*, 114.

Євген Осадчий

Ще раз про проблему історичних назв волинських міст, згаданих у статті 1240 р. Іпатіївського літопису

Під 1240 р. *Галицько-Волинський літопис* (далі — *ГВл*) згадує декілька міст, через які пролягла дорога монголів від Києва на Волинь. Історіографічна традиція віддає перевагу читанню *Іпатіївського* списку (далі — *Inam.*), вважаючи, що у тексті йде мова про п'ять міст: Колодяжин, Кам'янець, Ізяславль, Крем'янець і Данилів.

Батью же вземшо гра^а Къевь . и слышавъшоу емоу в Данилѣ . яко Оугрѣхъ есть . поиде самъ Володимероу и приде к горо^а . Колодажноу . и постави порока . вѣ . и не може разбити стѣны . и начать перемольвливати люди . вни же послоушавше . злого свѣта его . передашася . и сами избити быша . и приде Каменцю Изаславлю взать а . видивъ же Креманѣць и градъ Даниловъ . яко не возможно прияти емоу . и ѿиде ѿ нихъ . и приде к Володи^ароу¹.

Разом з тим, *Софійський I* літопис (далі — *Соф. I*), що безсумнівно користувався *ГВл* на початку XV ст.,² передає його текст дещо інакше:

Батью же вземше гра^а Киевъ и слышавшу емоу о Данилѣ, яко въ Угре^х есть, и поиде самъ к Володимерю. И прииде къ городу Кълодажну, и постави пороковъ 12, и не може разбити стѣнь городных. И нача перемолвливати люди, они * послушавше злаго свѣта его и предаша^а, и самы избьбени быша. О^атоле же прииде к Каменцю, граду Изяславлю, и взя его. Видѣвъ же Кременецъ, град Даниловъ, и не възможе взяти его, бѣ бо крепокъ велми, и о^аиде о^а него, и прииде къ Володимерю³.

Тотожно знаходимо й у *Московському літописному зводі XV ст.* (далі — *МЛС*)⁴.

Отже, в цих літописах, на відміну від *Inam.*, мова йде, власне, тільки про три міста: Колодяжин, Кам'янець Ізяславів та Кременець Данилів. Метою

1 *ПСРЛ* 2: 786.

2 Толочко А.П. Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи, *Palaeoslavica* XIII, 1 (2005), 81–108.

3 *ПСРЛ* 6, 1: 302.

4 *ПСРЛ* 25: 131.

нашого дослідження є спроба з'ясувати дійсну кількість згаданих у *ГВл* волинських міст, а також їхню локалізацію.

Підстави не довіряти беззастережно букві *Інатіївського списку*, здається, існують. Як відомо, саме у частині, що нас цікавить, текст *Inam*. значною мірою дефектний: він переписувався з екземпляра, де були поплутані аркуші, наслідком чого стало переміщення значних фрагментів тексту. Так, наприклад, стаття 1240 р. несподівано уривається на словах «стояша по побѣдѣ три лѣ⁵», а її закінчення («а Татарове воеваша до Володавы . и по взерамъ много зла створше») опинилося перенесеним до статті 1243 р.⁵ Ця фраза у повнішому виді («а Татарове воеваша до Володавы . и по озеромъ и воротишася много зла сотвориша хрстіаном») читається на своєму належному місці в *Хлєбніковському списку*, і тотожно — в *Соф. I* та *МЛС* («И стояша по побѣдѣ 3 лѣта, и воеваша до Володавы и по озеромъ, и възвратишася в землю свою, многа зла створиша кре^стияномъ»⁶). Отже, не виключено, існують випадки, коли *Соф. I* та *МЛС* точніше передають древній текст *ГВл*, ніж *Inam*.

Враховуючи сказане, спробуємо дати відповідь на декілька питань: чим пояснити саме таку послідовність в переліку відзначених у повідомленні під 1240 р. міст, які на час подій 1241 року, як виходить, мали справжні назви — «Кам'янець Ізяславль» і «Крем'янець Данилів», і що, в такому випадку, можна сказати про історичну локалізацію кожного з них?

Серед обставин, пов'язаних з історією добре відомого у домонгольські часи волинського міста Кам'янця, яке в сюжеті про Батиїв похід 1241 року згадується слідом за Колодяжиним, найголовнішим, мабуть, є те, що всі намагання дослідників з'ясувати його місцезнаходження, спираючись тільки на інформацію з *Інатіївського списку*, й дотепер не мають успіху. Дискусії, то згасаючи, то поновлюючись, так і не виходять за межі досить ефемерних гіпотез. Адже на згаданій території існувало багато поселень з такою, або схожою назвою. В цілому, обмежуючи район існування літописного Кам'янця річками Случ і Горинь, дослідники зазвичай вказують на один з населених пунктів, який має (або мав) досить розповсюджену назву, один з найпростіших варіантів походження якої так пояснював літописець: «кназь же [...] оулюби мѣсто то . надъ берегомъ . рѣкы Лысны . и штереби е . и потомъ сруоби на немъ городъ . и нарче има емоу Каменѣць зане бы⁶ земля камена»⁷.

Ще у XIX ст., аналізуючи історичні джерела, вчені звернули увагу на те, що згаданий у повідомленні за 1241 рік волинський Кам'янець не слід плутати з іншими однойменними містами. Якщо не брати до уваги нічим не обгрунтовані намагання ототожнити його з сучасним містом Кам'янцем-Подільським⁸, то стан вивчення цього питання зводиться до наступного.

5 ПСРЛ 2: 794.

6 ПСРЛ 6, 1: 303; ПСРЛ 25: 131.

7 ПСРЛ 2: 876.

8 Дашкевич Я.Р. Каменец — еще раз. *Russia mediaevalis* V, 1 (München, 1984), 7–8.

М.П. Дашкевич, М.П. Барсов, О.М. Андріяшев і П.А. Іванов вважали, що літописний Кам'янець був розташований біля сучасного с. Кам'янка Романівського району Житомирської області⁹. Таку ідентифікацію підтримує, зокрема, М.Ф. Котляр, який, щоправда, зауважує на її труднощі¹⁰. Іншої думки дотримувався І.П. Крип'якевич, локалізуючи Кам'янець на притоці Горині — р. Цвітось¹¹. Не був певен з цього приводу і М.С. Грушевський, який розглядав різні варіанти: «З волинськими Каменями й Каменцями є чимала трудність: було їх кілька, і між ними не легко зорієнтуватись»¹². Несподіваним внеском у розв'язання проблеми є дослідження Л. Ленчевського, який схилився до думки, що спадкоємцем літописного Кам'янця є сучасне місто Теофіполь Хмельницької обл.¹³ Існували також «пропозиції» щодо Каменя-Каширського, Кам'янця Литовського, навіть, Закаменя тощо. З цього приводу О.М. Андріяшев писав:

*Обыкновенно, при определении какой либо местности, сперва намечают ее положение приблизительно, по сравнению с другими уже известными местностями, а затем уже подыскивают местности с именами, происходящими от одного корня с именем искомого пункта, но при этом часто на данной территории оказываются целые десятки таких названий, и, конечно, в таких случаях эта местность остается так же мало определенной, как если бы здесь ни одного такого названия не было*¹⁴.

Останнє слово в таких випадках вчений залишав за археологією.

Погодимось з цим та поки що звернемо увагу на те, що волинський Кам'янець у домонгольські часи був досить значним і відомим (в тому числі і за кордоном) містом. Неодноразово у XII–XIII ст. на сторінках історичних хронік знаходимо згадки про нього¹⁵. У Кам'янці після загибелі князя Романа деякий час переховувалась його родина разом з вірними боярами¹⁶. Тому природно, що мусила існувати певна міська інфраструктура, церква та відповідна система оборони. В літописах за 1228 р. повідомляється: «и придоша къ Каменцю Володимерь же сос всеми князи . и Коураны . и

9 Дашкевич Н. Княжение Данила Галицкого по русским и иностранным известиям. К., 1873, 52; Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии: География начальной летописи. Варшава, 1885, 117; Андріяшев А.М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV ст. К., 1887, 73; Іванов П.А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века. Одесса, 1895, 98.

10 Котляр Н.Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. К., 1985, 73–74, 148–149.

11 Крип'якевич І.П. Галицько-Волинське князівство. К., 1984, 25.

12 Грушевський М.С. Історія України-Русі XI–XIII в. Т. II. К., 1992, 252, 380, 608.

13 Ленчевський Л. Літописний город Кам'янець. Спроба розвідки в царині історичної географії. Науковий Збірник за рік 1927 [Записки Українського наукового товариства в Києві. Т. 26]. К., 1927, 14–26.

14 Андріяшев А.М. Очерк истории Волынской земли, 51.

15 Детальніше див. Ленчевський Л. Літописний город Кам'янець, 17–19.

16 ПСРЛ 2: 728.

Пинанъ . и Новогородци . и Тоуровъци вбъсѣдоша Каменѣць»¹⁷. Кам'янець був адміністративним центром волості¹⁸. Отже, таке значне місто не могло зникнути раптово і, головне, безслідно!

Для розв'язання проблеми повернімося до зроблених вище спостережень стосовно того Кам'янця, який, на наше переконання, у повідомленні за 1241 рік (фактично востаннє в історії) згадується під назвою «Кам'янець Ізяславль» та спробуємо зрозуміти, чому виникла така назва, де його слід шукати і яке відношення має до нього сучасне місто Ізяслав (Заслав) на річці Горинь.

В адміністративно-політичній структурі Волинського князівства XII–XIII ст. завжди помітну роль відігравала прикордонна з Київщиною історична область Погорина, серед поселень якої у літописах з десятків разів кожний згадуються міста Дорогобуж, Пересопниця, Шумськ, Тихомль, Кам'янець, Полонне та інші¹⁹. Усі вони, розташовані на стародавніх торговельних шляхах в межиріччі річок Стир і Горинь, свого часу були добре відомі сучасникам. Жодного разу не згадується в такому щільному оточенні тільки Ізяславль, спадкоємцем якого можна було б вважати місто Ізяслав (Заслав) Хмельницької обл., яке, як засвідчили археологічні розкопки (згадаємо пораду О.М. Андріяшева), принаймні у XII ст. вже існувало і, судячи з усього, мало відігравати не останню роль в житті регіону²⁰. Якщо припустити, що це є те літописне місто, про яке нібито говориться в *Іпатіївському* списку, то виникає закономірне питання, чому воно, на відміну від інших, до 1241 р. залишалось поза увагою сучасників.

Взагалі, історикам неодноразово доводилось стикатися з цією проблемою. Відомий дослідник Волині Тадеуш Стецький у розпачі писав: «Немає, мабуть, іншого такого міста на Волині, початок якого був би менш ясний, ніж Заслав,

17 ПСРЛ 2: 753.

18 Куза А.В. Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X–XIII вв. *КСИА*. № 179. М., 1984, 4.

19 Крип'якевич І.П. *Галицько-Волинське князівство*, 24–25.

20 Розкопки на місці сучасного Ізяслава Хмельницької обл. проводилися у 1980–1982 роках архітектурно-археологічною експедицією інституту «Укрпроектреставрація», м. Київ. Зокрема, було підтверджено сам факт існування давньоруського городища, розташованого на західному високому березі р. Горинь, в місці впадіння в неї р. Сошни. Ця територія являє собою значно зруйнований останець з стрімкими (до 10–12 м) схилами, що обіймають його верхню терасу, початкова площа якої становила близько 1,5 га. На не порушених ділянках були досліджені два житлових комплекси XII–XIII ст., міського типу. Серед знахідок, крім великої кількості характерної кераміки і скляних браслетів, слід відзначити: бойову сокиру, деталі кінської зброї, шпори, свинцеву гирьку (39,36 гр.), шматки криці, залізний шлак, бронзовий злиток, пряслице, деталі ткацького станку, фрагменти віконного скла типу «віконниця». Крім того, у розкопках були знайдені уламки тонкої плінфи (18,5×13,5×2,7 та 19,0×15,3×4,0 см) Всі взірці мають виробничі дефекти і не мають слідів будівельного розчину, що дозволяє стверджувати, що плінфа вироблялася на місці і використовувалась для зведення монументальних споруд. Не викликає сумніву і дата загибелі міста — 1241 р. Давньоруський культурний шар, глибина залягання якого на окремих ділянках сягає 70 см, завершується чіткими ознаками сильної і останньої у домонгольській історії міста, пожежі. (Див.: Никитенко М.М., Осадчий Е.И., Полегайлов А.Г. Древнерусское жилище в г. Изяслав, Хмельницкой обл. *СА*. 1985, №1, 270–274).

і про яке хроністи висловлювали б такі протилежні думки»²¹. Намагаючись розв'язати проблему, М.К. Каргер висунув припущення, що цей «невловимий» Ізяславль у XIII ст. міг існувати не на Горині, а на березі р. Гуска, тобто за 18 км на схід від сучасного міста. Обґрунтовуючи свою версію, він припускав, що зруйноване монголо-татарами місто на р. Гуска відродилося пізніше, але вже на новому місці, як це інколи траплялося²². Однак, він попереджав, що це всього лише гіпотеза, очевидно тому, що в такому разі не зовсім зрозуміло: або спалений на р. Гуска Ізяславль відродився на місці такого ж спаленого міста на Горині, назва якого, в свою чергу, зникла без сліду, або на березі Горині все ж відродилося те саме місто, яке й існувало там до 1241 р., але вже чомусь під назвою сусіднього Ізяславля (на р. Гуска). М.П. Барсов, розглядаючи практично всі літописні міста південно-західного регіону Русі домонгольського часу, не називає серед них Ізяславля²³. В.Т. Пашуто, простежуючи літописний маршрут Батия, також уникає згадки про Ізяславль (на жаль, не пояснюючи причини)²⁴. Не знаходиться місця для цього міста і в дослідженнях О.М. Рапова²⁵. Отже, немає нічого дивного, що кінець кінцем процес пошуків «літописного» Ізяславля (а, через те, і Кам'янця), остаточно перетворився на своєрідне кружляння у зачарованому колі, про яке, можливо, сам того не підозрюючи, так написав Л. Ленчевський:

Для літописця все здавалося ясне. Кам'янець, як і Ізяслав, були важливими Даниловими твердинями, відомими усім. Тому він не вважає за потрібне пояснювати, де саме стояли згадані замки, ці опорні пункти, що славно боронили Данилову монархію. Старший Ізяслав зацілів до нашого часу, і ніхто не має сумніву, чи то той самий город, що про нього оповідає літопис. А Кам'янець стає предметом суперечок, бо ані Кам'янець Литовський, збудований 1276 року, ані Кам'янець Подільський з XIV в., а ні Камінь Коширський — теж старий, але як і Галицький Білий Камінь — не підходять до літописного оповідання; вони далекі для Колодяжна, не по дорозі до Ізяславля. Текст літопису ніби вимагає шукати Кам'янець поблизу Колодяжна — але над Случчю — та м. Ізяслава, на шляху між цими пунктами»²⁶.

Красномовніше про існуючу плутанину в цьому питанні важко й сказати.

Отже, абсурдність ситуації очевидна — гадаємо, що в такий спосіб реальний Кам'янець та фантастичний Ізяславль не вдасться локалізувати ніколи. Однак все стає на свої місця, якщо припустити, що сучасний Ізяслав (Заслав) на Горині і є тим самим спадкоємцем літописного Кам'янця, про який насправді йшлося в оригіналі повідомлення за 1241 рік. Але внаслідок яких причин

21 Т. Stecki, *Wołyń pod względem statystycznym i archeologicznym*, t. I (Lwów, 1864), 304.

22 Каргер М.К. Отчет о раскопках Галицко-Волынской экспедиции ИИМК АН СССР и ЛГУ в 1957 г. *Архив Ин-та археологии АН СССР*, 16–17.

23 Барсов Н.П. *Очерки русской исторической географии*, 289.

24 Пашуто В.Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*. М., 1959, 221.

25 Рапов О.М. *Княжеские владения на Руси в X — первой половине XII вв.* М., 1977.

26 Ленчевський Л. Літописний город Кам'янець, 19.

виникла назва «Кам'янець Ізяславль» і які передумови для цього існували в той час, спробуємо з'ясувати далі.

Композитні назви давньоруських міст, де другою частиною є прикметник, утворений від імені князя, добре відомі. Як правило, це міста, що мали чимало «тезок» і потребували точнішої ідентифікації. Такими були, наприклад, Новгород Святополч («Новгородъ Святополческыи», «Святополчъ») в Київській землі, або ж Городок Юріїв («Городечъ Гюрговъ»²⁷). Перший випадок вказує на засновника міста (Святополка Ізяславича), другий — на князя, який володіє містом (Юрія Володимировича). Близький випадок до другої моделі зустрічаємо у *ГВл*: «Лештько в за Переворескъ . городъ . Лвовъ»²⁸. Літописець міг би сказати стисліше: «Превореск Лвов»²⁹. Подібні назви відомі й від пізнішого часу: у XIV ст. були відомі «Кременецъ Витофтовъ»³⁰ та «Danilow Zakanian» (про який нижче).

Отже, можна висунути два припущення щодо пояснення походження назви «Кам'янець Ізяславль». Перше полягало б у тому, що його засновником був Ізяслав (здогадно, Ізяслав Мстиславич). Друге — що на момент нападу монголів місто тримав якийсь Ізяслав. В літературі навіть існують спроби ідентифікувати цього князя. М.М. Карамзін гадав, ніби у повідомленні згадується «Ізяслав Владимирович, внук Игорев, друг Михайлов», натомість В.Т. Пашуто вважав, що мова йде про Ізяслава Свислоцького, який у 1240–1250-х рр. був незмінним спільником Данила Романовича³¹.

Наступне місто, до якого, спустошивши Кам'янець Ізяславль з округою, підійшли монголо-татари, був Крем'янець Данилів. Якщо в даному випадку не виникає сумнівів щодо існування міста Крем'янця, то відносно його тогочасної назви — «Крем'янець Данилів» все ж доведеться говорити.

Як вже зазначалося, згідно з версією *Inam.*, оповідається про два окремих міста — Крем'янець і Данилів. Довірившись цій версії, дослідники, незважаючи на те, що в літописах за весь домонгольський період окреме місто Данилів (так само, як і Ізяславль) жодного разу не згадується, почали шукати його серед існуючих сьогодні (або у минулому) топонімів з такою або схожою назвою, застосовуючи при цьому схему, від якої застерігав О.М. Андріяшев. Спочатку, в результаті аналізу даних місцевої топоніміки, пропонувалось кілька варіантів; однак, майже одноставно перевагу було віддано місцевості, відомої, як гора «Трійця», за 16 км на північний схід від Крем'янця³². Як і

27 *ПСРЛ* 2: 312.

28 *ПСРЛ* 2: 890.

29 Так, власне, й вчинив компілятор XVII ст., автор *Густинського літопису*: «а Лешко король поїде за нимъ, и взявъ градъ Преорскъ Ильвовъ, и вся люди изсѣче» (*ПСРЛ* 2 (1843), Прилож., 346).

30 *ПСРЛ* 20, 1: 232 (*Львовський літопис*).

31 Пашуто В.Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*, 139.

32 Тадеуш Стецький (Т. Stecki, *Wołyń pod względem statystycznym*, 41) та слідом за ним О.М. Андріяшев вважали, що Данилів — це «Даниловка прямо к северу от Ляховцов и к северо-востоку от Ямполя, либо одно из городищ у сел. Кокоров, Старый Тараж, Перенятин, Пешатинцы, Борщевка, Иваничи и др.» (Андріяшев А.М. *Очерк истории Волынской земли*, 70).

рекомендував О.М. Андріяшев, там у 1968 році під керівництвом П.О. Раппопорта були проведені стаціонарні археологічні розкопки, в ході яких було виявлено давньоруський культурний шар XIII ст.³³, що, в свою чергу, одразу ж стало трактуватися на користь версії *Inam*. Дослідники також посилаються на інші історичні документи, які, на їхню думку, переконливо підтверджують факт існування літописного міста Данилова.

Таких відомо три: повідомлення *Inam*. під 1261 р.; звіт Платона Карпіні про подорож в Орду, зроблений після 1246 р., і, нарешті, договір про розподіл Волинських земель, складений між всіма литовськими князями і королем Казимиром Великим у 1366 р. Розглянемо їх послідовно.

1. Фрагмент тексту повідомлення під 1261 р., що нас цікавить, у варіанті *Хлебніковського* списку виглядає так:

и потомъ ре^ѣ боуро^ѣдаи и василкови . еже есте мои мирници . размечѣте * города всѣ своя . левъ розмета . даниловъ истожекъ . о^ѣтоле * посла . лвовъ розмета^ѣ . а василко посла^ѣ креманецъ розмета^ѣ . и лоуцескъ^ѣ

На думку багатьох істориків, в повідомленні, серед іншого, йдеться про два окремих міста — Данилів і Стіжок. Але, на наше переконання, фразу слід розуміти інакше. Акцентуємо увагу на те, що окремі блоки слів у наведеному тексті розділено крапками, що, в даному випадку, дуже важливо. Аналізуючи аналогічні приклади, М.М. Тихомиров підкреслював:

Особое значение имеет точка для понимания обозначения географических названий. Например, в летописи в «Списке русских городов дальних и ближних» было бы трудно прочесть названия отдельных русских городов, если бы они не выделялись точками³⁵.

Очевидно, з тим треба рахуватись і в нашому випадку, тому перевагу у розумінні відділеного крапками словосполучення слід віддати не варіанту «даниловъ» і «стожекъ», а все-таки «даниловъ истожекъ», тобто Стіжок, місто князя Данила³⁶. «И» тут вжито не в значенні сполучника, а як приставний голосний між двома приголосними звуками.

2. У 1245 році, за дорученням папи Інокентія IV, з дипломатичною місією в Орду був направлений монах францисканського ордена Платон Карпіні. Здійснивши тривалу подорож через німецькі, польські та розорені руські землі, він зібрав інформацію, значення якої було таке важливе для сучасни-

33 Раппопорт П.А. Данилов. *КСИА*. Вып. 125, 1971, 82–86.

34 *ПСРЛ* 2: 849.

35 Тихомиров М.Н. *Русская палеогеография*. М., 1982, 31. Спостереження М.М. Тихомирова знаходять підтвердження практично у всіх випадках, коли маємо справу із літописними переліками населених пунктів.

36 «Стожек» двічі згадується в *Галицько-Волинському літописі* (під 1261 та 1288 рр.) і ще два рази – в польсько-литовських договорах 1352 і 1366 р. Сьогодні — городище на околиці села Стіжок Шумського району Тернопільської обл.

ків, що, як підкреслював сам автор, з його ще не оформлених подорожніх чернеток знімали копії до того, як він повернувся в Ліон³⁷. Відомо, що ще за життя Карпіні, існували дві його авторські редакції *Історії монголів* — коротка і доповнена. У останній, яку автор характеризував як «докладнішу й виправлену»³⁸, наведено чимало деталей і подробиць маршруту експедиції. Наприклад, докладно описано зустріч з князем Васильком у Кракові, після того — переїзд в «його землю». Відзначено особливу прихильність князя до Карпіні: розуміючи значення місії, Василько допоміг з організацією каравану та надав проводиря, з яким Карпіні і прибув до Києва у лютому 1246 р. Також докладно описано перебування в Києві та підготовку до подорожі в Орду. І тільки після цього, порушуючи хронологію, Карпіні згадує ще про одну важливу подію, яка трапилась з ним до прибуття в Київ. На думку перекладачів, йшлося про раптову хворобу, яка мало не зруйнувала всі його плани. Сталося це, як вважається, в Данилові³⁹.

Сьогодні існують два рукописи, які походять від другого, доповненого варіанту *Історії монголів*. Це манускрипт «Пету», кінця XIII — початку XIV ст.⁴⁰ та переказ Вінсента з Бове, в складі розлогого твору *Speculum Majoris*, кінця XIII ст., далі — «Бове»⁴¹. Отже, цитуємо.

«Пету»: «*Antequam in Kyoviam veniremus, in Darifone usque ad mortem fuimus infirmati; nihilominus tamen in vehiculo in mango frigore per nivem fesimus nos trahi...*»⁴² («Прежде чем попасть в Киев, мы смертельно заболели в Данилове, тем не менее приказали, несмотря на сильную стужу, везти себя на повозке по снегу...»⁴³ (переклад О.І. Малєїна).

«Бове»: «*Porro in Danilone usque ad mortem tune infirmati fuimus. Nihilominus tamen in vehiculo per niuem et frigus magnum trahi nos fesimus*»⁴⁴ («Затем в Данилове изнемогли мы почти до смерти, однако, несмотря на это поехали в повозке по снегу и в ужасную стужу»⁴⁵ (переклад Д.Д. Языкова).

Як видно, тексти дещо відмінні. Хоча варіант «Бове» можна було б вважати другорядним по відношенню до «Пету», відомо, що укладач *Speculum Majoris* отримував консультації у самого Карпіні і, здається, не повинен був

37 Джованни дель Пано Карпіні. *История монгалов. Путешествия в восточные страны Пано Карпіні и Рубрука*. Ред., вступ. статья и прим. Н.П. Шастиной. М., 1957, 9. Тут і далі цитуємо за вказаним виданням в якому використано переклад О.І. Малєїна. (Див: Иоанн де Пано Карпіні. *История монгалов*. СПб., 1911).

38 Джованни дель Пано Карпіні. *История монгалов*, 9.

39 Джованни дель Пано Карпіні. *История монгалов*, 66–67.

40 M. d'Avezac, *Recueil de Voyages et de Memoirs publié par la Société de Géographie* (Paris, 1839).

41 R. Beazley, *The Text and Versions of John de Plano Carpini, and William de Rubruquis* (London, 1903), VII–XVIII.

42 M. d'Avezac, *Recueil de Voyages*, 737.

43 Иоанн де Пано Карпіні. *История монгалов*, 45.

44 R. Beazley, *The Text and Versions*, 92.

45 *Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII–XIV–XV столетиях*. Т.І. (Пано Карпіні). Пер. Д. Языкова. СПб. 1825, 11.

би припускатися принципових помилок⁴⁶. Нас цікавить передусім варіативність передачі назви міста, яке дослідники одностайно перекладають як Данилів: *Darifone* («Пету»), *Danilone* («Бове»), і також *Dambone* в одній з копій *Speculum Majoris*⁴⁷. Варіативність цілком пояснима як помилки переписувачів. Однак, щоби зрозуміти, що ж сталося з Карпіні і про який Данилів він згадував, необхідно повернутись до обставин самого маршруту експедиції.

Отже, залишивши Краків, Плато Карпіні їде з князем Васильком в «його землю», де і перебуває деякий час «на його утриманні»⁴⁸. Більшість дослідників вважає, що тут йдеться про столицю Волинського князівства — місто Володимир. Невдовзі після відповідних приготувань місія вирушає до Києва. Якщо Карпіні мав на увазі Володимир, то найбільш оптимальним маршрутом, в такому разі, був би т. зв. «верхній шлях» через Луцьк, Возвягель і далі, про який О.А. Спіцин писав, що він, хоча і був більш швидкісним, але й більш небезпечним⁴⁹. Якоюсь мірою на це вказує сам автор: «...тим не менше, ми все ж їхали у смертельній небезпеці через литовців, котрі часто й таємно робили набіги на землі Русії і особливо в тих місцях, через які ми мусили проїжджати»⁵⁰. Але в такому разі Карпіні не міг опинитися біля Крем'янця, а також і в гіпотетичному Данилові на горі «Трійця». Звичайно, міг бути обраний інший маршрут — південний, через Перемишль, Переворськ, Городок, Львів на Крем'янець і далі, яким пройшов Батий у 1241 році, але всі міста на ньому, як відомо, були розорені і це, напевно, не свідчило на його користь.

Коли б раптова хвороба Карпіні сталася у Данилові поблизу Крем'янця, це означало б — при початках подорожі. Навряд чи він наказав би продовжувати її засніженим шляхом в сильну холоднечу, маючи в перспективі близько 400 км небезпечної дороги. Таку відстань у той час (особливо взимку) можна було подолати з інтервалами у 20–25 км на добу (один кінний перехід), отже мандрівники мали зупинятися не менше 16–20 разів. Отже, Київ аж ніяк не міг би бути для Карпіні найближчою ціллю⁵¹. Навпаки, рішення могло бути виправданим тільки тоді, коли до Києва залишалося б значно менше, ніж

46 А.М. Любопытнейшее путешествие монаха францисканского ордена Жана дю План Карпина, посланого в 1246 г. к Татарам. М., 1795, XVIII—XXI.

47 R. Beazley, *The Text and Versions*, 226.

48 *Собрание путешествий к татарам*, 9.

49 Спіцин А.А. *Торговые пути Киевской Руси*. СПб., 1911, 5. («Партии купцов, выйдя из Киева, могли следовать на запад двумя путями — горным и лесным... Южный путь, горный, шел на Василев, Житомир, Полонное, Заслав, Дубно, Белз, Червен. Северный, лесной, — через Белгород, Воздвижен, Взвягель, Пересопницу, Луцк, Владимир, Холм... Верхний имел лучшее полотно,... нижний был более обеспечен водою, травою и дровами: «въ конских кормах и дровами способнѣ»).

50 Джованни дель Плато Карпини. *История монгалов*, 67.

51 Про швидкісні можливості мандрівників того часу свідчить сам Карпіні: «Однако наш татарин не покинул нас, пока мы не выехали с последней заставы Татар [Канів]. Те же, другие, приставленные Коренной, в шесть дней довели нас от последней заставы до Киева». (Див.: Джованни дель Плато Карпини. *История монгалов*, 81). Відстань від Канева до Києва — близько 120 км; 120/6 = 20 км за один день.

вже було подолано. Тому, скоріш за все, ця подія відбулася десь на під'їзді до Києва, в межах впливу галицько-волинської адміністрації⁵². Згаданий Карпіні пункт *Danilone*, гадаємо, слід шукати в 30-кілометровому секторі на захід від Києва.

3. Серед документів, в яких висвітлюється історія Волинської землі в другій половині XIV ст., значне місце займають два дипломатичних акти, складені в 1366 р. між польським королем Казимиром Великим і литовськими князями. Прискриплива увага до них з боку дослідників не випадкова, адже пропри свою лаконічність, вони містять цінні відомості правового, політичного та історико-географічного характеру⁵³. Розглянемо перший з них — договір про замирення 1366 року, в якому йдеться про розподіл Волинських земель між Казимиром і всіма литовськими князями. Для нас цей документ цікавий тим, що в ньому, як вважають, йдеться про місто Данилів⁵⁴.

Переліки міст, що нас цікавлять, звучать наступним чином:

Stozek, Danilowo Zakamien, Sziumesk, Ostroh, Polonyc, Mezybozyie (var. Оболенського);
Stozek, Danilow Zakamian, Sziumesk, Ostroh, Polonyi, Mezy bozyie (var. Нарушевича).

Для нас важливо, що в обох варіантах тексту *Danilow* та *Zakamian* не розділені комою, на відміну від інших пунктів переліку. Можна впевнено припускати, що коми в публікації відповідають інтерпункції (крапкам) оригіналу «писаного

52 Такий сценарій вважаємо найбільш вірогідним ще й тому, що уривок з «Пету» точніше було б перекласти так: «Перед тим як прибути до Києва (тобто, вже під Києвом), *in Darifone (Danilone)* ми були смертельно виснажені, але, тим не менш, наказали везти себе (продовжувати рух) на возах (санях) по снігу, незважаючи на сильну холоднечу...», що більш збігається з «Бове»: «Потім (тобто, після чогось) *in Danilone* виснажилися ми майже до смерті, але, незважаючи на це, поїхали на возах (санях) по снігу і в жахливу холоднечу». Отже, в такому разі, в звіті Карпіні про хворобу взагалі не йшлося, а повідомлялося про те, що вже на під'їзді до Києва, очевидно на одній з останніх застав князя Данила, мандрівники, які почувалися вкрай втомленими, вагалися — або зупинитися на відпочинок, який був їм *in Danilone* гарантований, або продовжувати рух. Враховуючи, що відстань до цілі була відносно невеликою, тобто фактично залишався останній перегін, Карпіні вирішив все ж таки їхати, що вони й зробили.

53 Щодо дискусії про походження й автентичність документів див.: Довнар-Запольский М.В. *Из истории литовско-польской борьбы за Волынь*. К., 1896, 1–13.

54 Місцезнаходження оригіналу договору, на жаль, невідоме, тому ми змушені (зрештою, як і інші дослідники цього питання) користуватись копіями з копії, виконаної у 1777 р. «не русскими, как было в оригинале, а польскими буквами, с сохранением впрочем всех форм подлинника и русского произношения» (див.: *Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические отношения Литвы в государство короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 г.)*. Изд. М. Оболенским и Н. Даниловичем. М., 1843, X–XX). Одна з цих копій була опублікована М.А. Оболенським і І.М. Даниловичем у 1843 р. Друга копія, зроблена для Адама Нарушевича, нині зберігається в бібліотеці Музея кн. Чарторийських у Кракові (Муз. Czart., Arch. A. Naruszewicza, тека № 8, 245–247). Там же знаходиться латинський переклад з колекції Матвія Догеля, але, чи робив він його з оригіналу, або з якоїсь іншої копії — невідомо (Довнар-Запольский М.В. *Из истории литовско-польской борьбы за Волынь*, 249–250). Існує також інший варіант латинського перекладу, опублікований Енгелем, який не співпадає з текстом Догеля, але в них обох слова «Данилів» і «Закамень» розділені комою, гадаємо, на власний розсуд авторів, див.: Cristian Engel, *Geschichte von Halitsch und Wladimir bis 1772*. (Wien, 1792), 80).

сплошь, без отделения одного знака от другого»⁵⁵. Враховуючи конкретні особливості розглянутих текстів, *Danilow Zakamian* з формальних підстав слід розуміти як назву одного населеного пункту — «Данилів Закамень».

В контексті всього вищесказаного, на нашу думку, необхідно нагадати історію самого питання, тому що, навіть короткий її огляд красномовно свідчить про те, що думка стосовно окремих міст Ізяславль і Данилів не завжди була панівною у науковій історіографії.

Першим дослідником, який публічно висловився з приводу розуміння статті 1240 р., був В.М. Татищев, який мав можливість користуватися багатьма джерелами, але *Inamiivського* списку серед них не було. У своїй *Истории Российской*, він слідує за версією, близькою до тексту *МЛС*: «И оттуда иде ко граду Каменцу Изяславлю, и бив пороки, и взят. И иде ко граду Кременцу Данилову и не може взяти его крепости ради»⁵⁶. Згодом, М.М. Карамзін, до числа заслуг якого належить відкриття самого *Inamiivського* списку, не побачив в ньому окремих міст — Ізяславля і Данилова: «Завоевав Каменец, где господствовал друг Михайлов Изяслав Владимирович, внук Игорев, татары отступили с неудачей от Кременца, Данилова города»⁵⁷. Майже одночасно з М.М. Карамзіним цю тему розглядав М.С. Арцибашев: «Подошедши оттуда, вожьд татарский взял Каменец, городъ Изяславовъ, и осадилъ Кременецъ Даниловъ; однако не осилил твердости крепостной и отступил»⁵⁸. В історико-географічному дослідженні М.П. Погодіна, опублікованому у 1848 р., літописні міста Ізяславль і Данилів також не згадуються⁵⁹. Як вже говорилося, не розглядав ці міста і М.П. Барсов,

55 *Книга посольская*, XX. Утім, публікатори не надали значення цій обставині: у російськомовній реконструкції Оболенського бачимо: «...Стожекъ, Данилово, Закамьянъ, Шюемскъ, Острогъ...» З тексту договору зрозуміло, що, згідно з домовленістю між двома сторонами, володіння князя Любарта обмежувались територією, яка була визначена, як «Луцька земля»: «...з всіма волостями отчизними і з селами, як здавна пішло». Можна зрозуміти також, що волості, позначені як: Стіжок, Шумськ, Острог, Полонне і Меджибіж, мали загально визнані межі своїх територій, які питань не викликали. Крім того, усі вони перелічені послідовно, в напрямку, що утворює чітку лінію розмежування, тобто Данилів Закамень слід було б шукати між Стіжком і Шумськом, але, враховуючи, що відстань між останніми не більше 24 км, можна припустити, що, в даному випадку, йшлося не про окрему територію, аналогічну волості, а про якийсь необхідне уточнення, бо в цьому місці кордон підходив близько до Крем'янця, який належав Казимиру I, якщо Стіжок, Шумськ, Острог, Полонне і Меджибіж в той час були добре відомими містами, то про Данилів Закамень цього сказати не можна. Не зміг розібратися з цим і М.В. Довнар-Запольський (в його джерелі між цими словами вже стояла кома), тому він, посилаючись на А.М. Андріяшева, розмістив Данилів біля Теофіполя, не рахуючись з тим, що це далеко від Стіжка і Шумська і не між ними. З тієї ж причини не вдалася йому спроба локалізувати також Закамень: «...точного местоположения его мы не знаем» (див.: Довнар-Запольский М.В. *Из истории литовско-польской борьбы за Вольнь*, 7–9.) Гадасмо, Данилів Закамень (так само, як і Єфімкове село, згадане в другому договорі Любарта з Казимиром (*Archiwum Książąt Lubartowiczów Sanguszków w Slawucie*, t. I (Lwów, 1887), 6), був невеличким поселенням в трикутнику Крем'янець, Стіжок, Шумськ, тому локалізувати його коли-небудь навряд чи вдасться.

56 Татищев В.Н. *История Российская*. Т. 3. М., Л., 1965, 30.

57 Карамзин Н.М. *История государства Российского*. Т. IV. СПб., 1889, 12.

58 Арцибашев Н.С. *Повествование о России*. Т. I., кн. II., отд. II. М., 1838, 355.

59 Погодин М.П. *Разыскания о городах и приделах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г.* СПб., 1848.

чий *Материалы для историко-географического словаря России* побачили світ у 1865 р.⁶⁰. І, от нарешті, А.Н. Труворов, складаючи географічний покажчик до чергового видання *Ипатьевского летопису* (1871 р.), вперше пропонує розуміти поняття «Ізяславль» як назву окремого міста, однак про Данилів у нього ще немає мови⁶¹. Тим не менше, подібна думка утвердилася не одразу. Не згадують, пишучи у 1873 р., ці міста М.П. Дашкевич⁶² та М.І. Костомаров⁶³. Дуже обережно підходив до цього питання О.М. Андріяшев (1887 р.)⁶⁴, і тільки в розвідках П.А. Іванова⁶⁵ і В.Б. Антоновича (1900 р.)⁶⁶, було вперше висловлене припущення про можливий зв'язок між місцевостями Заслав (на Горині) і Данилівка (біля Крем'янца) з текстом *Ипатьевского* списку, що було сприйнято більшістю істориків як довгоочікуване розв'язання незручної проблеми. Насправді ж, дослідники створили фантоми: міста Ізяславль і Данилів ніколи не існували.

«Планъ города Заславля повету Кржеменицкаго...», кінець XVIII ст.

60 Барсов Н.П. *Материалы для историко-географического словаря России*. Вильно, 1865, 289.

61 Труворов А.Н. *Указатель имен личных и географических. Летопись по Ипатьскому списку*. СПб., 1871.

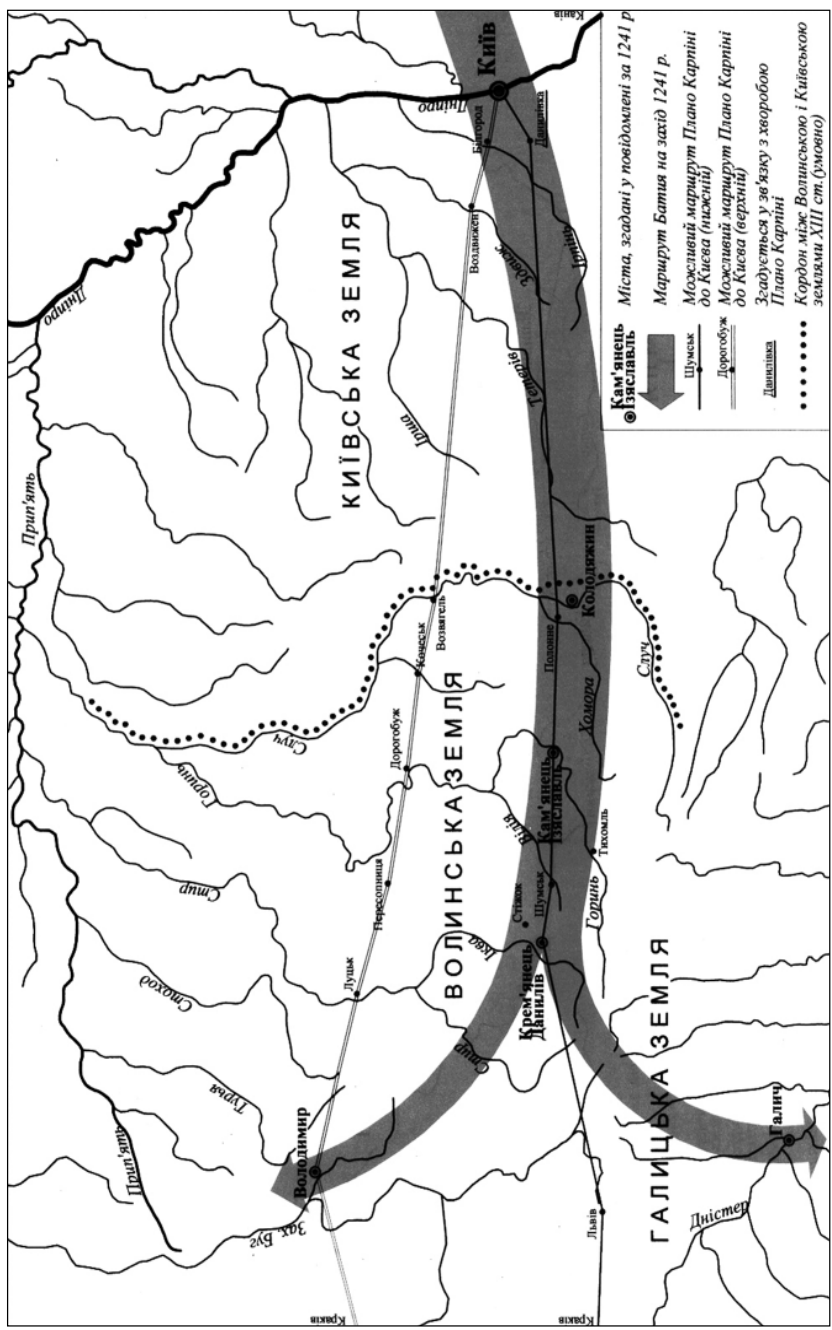
62 Дашкевич Н.П. *Княжение Данила Галицкого*. К., 1873, 52

63 Костомаров Н.И. *Князь Данило Романович Галицкий. Исторические произведения*. К., 1990, 259. Серед міст, які наказав «розметати» Бурундай у 1261 р., він впевнено вказує на «город Стожок, недавно воздвигнутый Данилом».

64 Андріяшев А.М. *Очерки истории Волынской земли*. К., 1887, 70, 73 (Кам'янець), 77 (Ізяславль).

65 Иванов П.А. *Исторические судьбы Волынской земли*, 102 (Данилів, Кам'янець, Ізяславль).

66 Антонович В.Б. *Археологическая карта Волынской губернии*. М., 1900, 88 (Данилів), 103 (Ізяславль).

Карта походу Батия. Мапа-ілюстрація до викладеного

З МАТЕРІАЛІВ КОЛЛОКВІУМУ

«КИЇВСЬКИЙ ЛІТОПИС ТА ДАВНЬОРУСЬКЕ ЛІТОПИСАННЯ XII СТ.»

Ірина Юрєва

Из наблюдений над текстом Киевской летописи по Ипатьевскому списку*

Киевская летопись в составе *Ипатьевской* (далее *КЛ*) является одним из важнейших и интереснейших источников по истории русского языка. *КЛ* значительна по объему (около 79000 словоформ) и охватывает широкий круг языковых явлений.

В памятнике сохраняются многие древнейшие черты, в том числе правильная последовательность энклитик в прямой речи светских лиц¹, конструкция «начьноу + не + инфинитив»², древнейшее управление глаголов (например, «оударити + на + местный падеж») архаичное древнерусское употребление перфекта и т. д.

До сих пор к *Киевской летописи* не было словоуказателя, что существенно затрудняло и замедляло работу с источником. В Отделе лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН была создана электронная база, включающая морфологическую разметку *Киевской летописи* по *Ипатьевскому списку*³. Такая разметка значительно увеличивает скорость и эффективность работы исследователя за счет использования многокритериального поиска любых интересующих его форм, позволяет отсортировать полученные данные по различным параметрам.

Помимо собственно морфологической разметки, база содержит информацию об особенностях словоупотребления (например, прилагательное в значении существительного, местоимения и пр.) и сочетаемости. Поиск и сортировка может производиться по определенному слову, части слова, букве, по частям речи, времени, лицу, числу, падежу, особенностям словоупотребления, спорным местам и др., а также одновременно по нескольким критериям.

* Исследование проведено при поддержке гранта НШ-3402.2010.6.

1 Зализняк А.А. *Древнерусские энклитики*. М., 2008, 84.

2 Юрєва И.С. Особенности древнерусских инфинитивных сочетаний с глаголом **начати**. *Русский язык в научном освещении*. 2010. № 2 (20), 280.

3 http://www.lrc-lib.ru/rus_letopisi/Kiev/index.php

Ниже представлены некоторые примеры особенностей языка *КЛ* — в основном, морфологических — выявленных с помощью электронной разметки.

Эффекты переписчика

Многие исследователи отмечали, что *Ипатьевская* летопись — скорее всего, псковский список с южнорусского оригинала⁴. В *Киевской летописи* по *Ипатьевскому* списку отражены морфологические формы, привнесенные, по всей вероятности, псковским переписчиком, например:

1. В *КЛ* у твердых основ женского рода *а-склонения встречаются новгородско-псковская⁵ форма родительного падежа на **-ѣ**:

- (1) а ѡчѣвнѣ своеѣ не дастъ вѣтичь (*КЛ*, под 1142 г., л. 115);
- (2) и ждаша дружинѣ своеи двѣ нѣдѣлѣ (*КЛ*, под 1173 г., л. 201);
- (3) и много вы (сѣ) Мьстиславѣ дружинѣ раненыхъ. и смртѣвнхъ вы (сѣ) добрыхъ (*КЛ*, под 1174 г., л. 204 об.);
- (4) ѡ дружинѣ своеѣ (*КЛ*, под 1180 г., л. 218 об.);
- (5) ѡ Черниговьскон сторонѣ (*КЛ*, под 1183 г., л. 221);
- (6) Тотъ же веснѣ (*КЛ*, под 1185 г., л. 223);
- (7) не переѣхалѣ еще рѣкѣ Юрли (*КЛ*, под 1185 г., л. 223 об.);
- (8) и потче к нимѣ. и по немь мало дерьзнуѡвъ дружинѣ (*КЛ*, под 1185 г., л. 225 об.).

В *Галицко-Волынской летописи* по *Ипатьевскому* списку (далее *ГВЛ*), следующей непосредственно за *КЛ*, это явление также отражается, ср.: (1) до рѣкѣ Доунаа (*ГВЛ*, под 1240 г., л. 265 об.), (2) до Сѣѣвн Горѣ (*ГВЛ*, под 1262 г., л. 266). При этом в *Хлебниковском* и *Погодинском* списках как *КЛ*, так и *ГВЛ* в соответствующих контекстах везде представлено окончание **-ы**; таким образом, можно заключить, что приведенные формы родительного падежа на **-ѣ** принадлежат перу переписчика.

2. В *КЛ* фиксируется форма повелительного наклонения **стерези** вместо **стерези**:

да то ты а то Киевъ и Роука вѣласть а комоу еси в нен часть дасть с темъ же ен и блуди и стерези <*Хлебниковский* и *Погодинский* списки: **стерези**> (*КЛ*, под 1195 г., л. 236).

Большая часть форм императива с шипящей согласной вместо свистящей обнаружена в памятниках северо-западной диалектной зоны⁶, а поскольку

4 Шахматов А.А. *Повесть временных лет*. Пг., 1916. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания, ЛП; Лихачев Д.С. *Русские летописи и их культурно-историческое значение*. М.;Л., 1947, 431; Орлов А.С. О галицко-волыньском летописании. *ТОДРЛ*. СПб, 1947. Т. V, 15.

5 Зализняк А. А. *Древнерусские энклитики*. М., 2008, 84.

6 *Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение* /Ред. В.И. Боровский. М., 1978, 141.

псковским говорам свойственно неразличение <з'> и <ж'>⁷, то, по всей видимости, в приведенной глагольной форме отражается псковское «шоканье».

3. Наряду со старыми формами повелительного наклонения на -и у глаголов в *КЛ* встречаются примеры императива с -ь:

ѣхати: 2 ед. **ѣдь**: и посла Мнѹна мѣчьника. **ѣдь** к Ростиславичемь (*КЛ*, под 1174, л. 203) <в Хлебниковском и Погодинском списках с выносной д>;

ѣздити: 2 ед. **не ѣзьдъ**: и берендѣевѣ таша конѹ за поводъ рекуще княже **не ѣзьдъ** (*КЛ*, под 1172 г., л. 198 об.) <в Хлебниковском и Погодинском списках **езди**>;

поѣхати: 2 ед. **поѣдь**: и оустрѣте и вѣсть ѿ Гѣпополка из Галича. **поѣдь** **страпати** (*КЛ*, под 1173 г., л. 201) <в Хлебниковском и Погодинском списках с выносной д>; 1 мн. **поѣдьмы**: тоуда же к ни(м) **поѣдьмѣ** (*КЛ*, под 1147 г., л. 131)

<в Хлебниковском и Погодинском списках **поедем**>, но **уже хочемъ то възраче на Бѣѣ** своего труда **не праваче поѣдьмѣ** (*КЛ*, под 1150 г., л. 150) <в Хлебниковском и Погодинском списках **поеде(м)**>, а **поѣдьмы въ свою волость** (*КЛ*, под 1172 г., л. 196 об.) <в Хлебниковском и Погодинском списках **пое(д)мы**>; 2 мн. **поѣдьте**:

поѣдьте ко своему королеви (*КЛ*, под 1151 г., л. 151 об.) <в Хлебниковском и Погодинском списках **поѣдите**>, но **поѣдьте оу свои Киевъ** (*КЛ*, под 1151 г., л. 154 об.) <в Хлебниковском и Погодинском списках с выносной д>; 2 дв. **поѣдьта**: а **вѣ поѣдьта** ко своему ѿцю (*КЛ*, под 1150 г., л. 151 об.) <в Хлебниковском и Погодинском списках **поѣдита**>, а **поѣдьта** к намъ княжить (*КЛ*, под 1175 г., л. 210)

<в Хлебниковском и Погодинском списках с выносной д>;

пожалитиси: 2 мн. **пожалтеси**: братѣе. **пожалте си** в Рускон земли. и в своиѣ ѿцигѣ и **дѣдинѣ** (*КЛ*, под 1169 г., л. 192) <в Хлебниковском и Погодинском списках так же>;

поноудити: 2 ед. **поноудъ**: и корола **поноудъ**. ать ма приме(т) (*КЛ*, под 1152 г., л. 162 об.) <в Хлебниковском и Погодинском списках **поноуд(и)**>;

правити: 2 мн. **не правьте**: сего **не правьте** (*КЛ*, под 1151 г., л. 154 об.) <в Хлебниковском и Погодинском списках **пра(в)те**>;

стати: 2 мн. **станьте**: **станьте же** около его (*КЛ*, под 1146 г., л. 122) <в Хлебниковском и Погодинском списках **станете**>.

Самые ранние случаи утраты -и в императиве встречаются в берестяных грамотах с XII в.⁸, но поскольку в подавляющем большинстве случаев в *Хлебниковском* и *Погодинском* списках формы с -ь не отражаются, в *Ипатьевском* списке императивы с утратой конечного и, вероятнее всего, появились у переписчика.

7 Ср., напр.: Горшкова К.В. *Историческая диалектология русского языка*. М., 1972, 65.

8 *Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение*, 140; Зализняк А.А. *Древненогородский диалект*. М., 2004, 140.

Древние черты

В языке *КЛ* встречаются многие архаичные явления, принадлежащие первоначальному тексту летописи, в том числе:

1. Управление при отрицании. Везде в летописи при отрицании последовательно употребляется объект в родительном падеже. Можно отметить только «полтора» отклонения:

(1) **не пүстиша чѣ** (*КЛ*, под 1160 г., л. 181), причем в *Хлебниковском* и *Погодинском* списках в соответствующих чтениях вместо винительного падежа — родительный **н(ч)**, и

(2) **князь бо не носить мѣчь Бигѣи нбо слуга естъ** (*КЛ*, под 1175 г., л. 209), где **не** ошибочно употреблено вм. **тоуѣне** <так в *Хлебниковском* и *Погодинском* списках летописи>, точнее, вместо **не тоуѣне** (Рим. 13.3–4).

Интересно, что в *ГВЛ* по тому же *Ипатьевскому* списку признаков расшатывания системы «не + родительный падеж» несколько больше: (1) **створитѣ обѣтъ. егоже** (родительный падеж) **за множество весь** (винительный падеж) **не списахомъ** (*ГВЛ*, под 1254 г., л. 275); (2) **не видѣхъ тѣ г(сѣ)не мон. николи же противоу нхъ. злоу. никоторого же. зла воздающа** (*ГВЛ*, под 1289 г., л. 303 об.); (3) **а вы мь не позрѣти**. на нихъ **кровь** (*ГВЛ*, под 1289 г., л. 306); (4) **число же лѣтомъ. здѣ не писахомъ** (*ГВЛ*, под 1251 г., л. 272) — впрочем, в последнем примере можно предположить изначальный номинатив.

2. В *КЛ* существительное *а-склонения **воевода** один раз выступает в грамматическом женском роде:

сѣ своєю воеводою Жирославомъ (*КЛ*, под 1149 г., л. 141 об.) <в *Хлебниковском* и *Погодинском* списках в параллельном контексте местоимение **свои** стоит в мужском роде>.

Такое употребление унаследовано древнерусским языком из праславянского и изредка встречается в ранних памятниках — хотя с самого раннего времени наблюдается переход группы слов типа **воевода**, **соудни** в грамматический мужской род⁹. В остальных контекстах *КЛ* **слуга**, **воевода** и **соудни** сочетаются с прилагательными мужского рода, ср: и **Бориса Жирославича. воеводу же своего** (*КЛ*, под 1173 г., л. 199 об.); с **воеводою своимъ. Володиславомъ** (*КЛ*, под 1173 г., л. 200 об.); **Лазора воеводу своего** (*КЛ*, под 1180 г., л. 218 об.) — и под.

⁹ *Историческая грамматика древнерусского языка*. Том III. Прилагательные (А.М. Кузнецов, С.И. Иорданиди, В. Б. Крысько), 176 — 177.

3. Один раз в КЛ фиксируется безличное употребление глагола **мочи/мощи** — в форме аориста **може** ‘было можно’ + не:

и вѣже Игорь в болото. Дорогожичьское. и оугрже под нимъ конь. и не **може** (‘не было можно’ = ‘было нельзя’) емоу яти. вѣ бо ногама боленъ. (КЛ, под 1146 г., л. 120 об.).

Безличное употребление глагола **мощи/мочи** (**можетъ** в значении ‘можно’) встречается в *Истории иудейской войны* Иосифа Флавия: **то мѣсто тако тепло. акы можетъ и безъ ризъ ходити**¹⁰ — и в древнерусском переводе *Пчелы*: **и рече, тако въ единомъ корабли плочти можетъ терпѣти, или въ единомъ домоу [бы] жити, а въ пироу съ злыми съмѣситиса без оума ксть**¹¹; и сгажания **ѡта можетъ шпачь довыти**¹².

4. Имперфект от перфективов. Всего примеров имперфекта совершенного вида в КЛ не так много (10 из 767 форм имперфекта в летописи). В подавляющем большинстве случаев (9 из 10) такие имперфекты выражают **кратно-перфективное** значение¹³ ‘каждый раз...’ или, с отрицанием, ‘никак / никогда не...’:

(1) **башать (!) бо в ты дни игумень сѣаго Андрѣа. Григорин. любимъ бо вѣ прежде Володимеромъ. чтенъ же ѡ Мьстислава и ѡ всихъ людеи. тотъ бо не вадаше** (‘[никак] не давал’) **Мьстиславу вѣстати ратью по Ярославѣ** (КЛ, под 1128 г., л. 108 об.);

(2) **а мъ (!) просимъ оу тебе Черниговьскон и Новгородкон волости. а Киевьскоѣ не хочемъ внъ же Валтичь не състоупашеть** (‘[никак] не отступал’) **но дашеть намъ. д. городы. каже и прѣди нарекомъ** (КЛ, под 1142 г., л. 115);

(3) **а кормьника два вѣста единъ на носѣ а другъин на кор(м)ѣ аможе хотахоутъ тамо пандахоутъ** (‘[каждый раз] шли’) **не шбрацающе лодин** (КЛ, под 1151 г., л. 153 об.);

(4) **Гюргевичъ же и Ѣтославъ Всеволодичъ и Половци дицини. приѣхаша к Зароувескомуу бродоу. на сен же сторонѣ башеть Шварно съ сторожи. и нандахоу** (‘[много раз] нащупывали, пробовали’) **въбрести въ Днѣпръ** (КЛ, под 1151 г., л. 154);

(5) **и многы(м) добро нздаваста. аче кто оу Половецъ оутечашеть** (‘[каждый раз] убегал’) **оу городъ. а тѣхъ не вѣдашеть** (КЛ, под 1154 г., л. 171);

10 «История иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод. Том I. М., 2004, 267.

11 «Пчела». Древнерусский перевод. Том I. М., 2008, 249.15.

12 Там же, 307.

13 Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Маслов Ю.С. *Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание/Сост. и ред. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян.* М., 2004, 150–151.

(6) и вѣ(с) сѣдѣныа его всего Киевѣ. д̄. м(с)цѣ се же много подъя. вѣды вѣгаа. передо Мьстиславомь. ово в Галечь. ово оугры ово в Рязань. ово. в половцихъ. за свою вину. занеже не оустоаше ('никак не соблюдал') вѣ кр(с)тномь цѣлованыи всегда же и то гонаше (КЛ, под 1174 г., л. 201 об.);

(7) сторожевѣ же тѣ. слоушахуѣт его. и чьстахуѣт его. и гдѣ послашеть ('[каждый раз] посылал') кого вьсѣ прл. творахуѣт повелѣное и(м) (КЛ, под 1185 г., л. 226 об.);

(8) а Игорь и Всеволодъ. по малюу идаша не распоусташа ('[никак] не распустили') полкоу своего (КЛ, под 1185 г., л. 223 об.);

(9) но Ярославъ Рюриковѣ рѣчи не имашеть вѣрты. твора тако же свѣчатиса хотѣть на нь. и того дѣла не поусташеть ('[никогда] не пропускал') пословъ Рюриковъхъ сквозѣ свою волюсть (КЛ, под 1196 г., л. 239 об.).

С помощью имперфекта совершенного вида в КЛ выражается не только кратноперфективное значение. В одном из контекстов рассматриваемая форма выступает в начинательном значении (обозначает действие, которое началось и продолжалось):

и со(н)ма шоломъ погнаше <в Хлебниковском и Погодинском списках погна> вплатъ к полкомъ (КЛ, л. 224, под 1185 г.).

В подчеркнутом глаголе собственно начинательность выражает и приставка **по-**, которая наряду с другими значениями как в древнерусском языке, так и в современном русском языке может указывать на начало глагольного действия (ср. современные глаголы *погнаться*, *побежать* и т. д.). Таким образом, в приведенном контексте начинательность выражена дважды — и имперфектом совершенного вида, и приставкой. Возможно, пишущий четко осознавал здесь Aktionsart: действие началось и далее длилось. В параллельном чтении *Хлебниковского* и *Погодинского* списков употреблен уже аорист — соответственно, использование формы имперфекта в таком контексте не было, вероятнее всего, понятно переписчикам.

5. **Се ми хочеть вѣгги Ідрославла смѣрть** (Об одном значении глагола **хотѣти**).

В КЛ встречается одно из архаичных значений, реализуемых древнерусским глаголом **хотѣти** в сочетаниях с инфинитивом, — значение **'быть близким к чему-либо'**.

Сочетания форм презенса **хотѣти** с инфинитивом традиционно рассматривали просто как морфологическую форму будущего времени — наряду с аналогичными конструкциями с **имѣти** (**имамь**) и **начати** / **почати**. Как известно из типологии, план будущего всегда осложнен какой-либо модаль-

ностью и именно грамматикализация показателей намерения — один из наиболее распространенных способов развития форм будущего¹⁴. Именно такая грамматикализация произошла в большинстве южнославянских языков — болгарском, македонском, сербском (напр., в болг. *ще пиша / ще напиша* = ‘буду писать’ / ‘напишу’ частица *ще* — остаток формы *хѡ-щѣ-тъ*). В древнерусском языке инфинитивные сочетания с глаголом *хочю* так и не стали морфологической формой будущего времени, хотя такая тенденция (имевшая, очевидно, праславянские корни) явно наблюдалась.

Мысль о том, что глаголы *хочю*, *имамь* и *начьноу / почьноу* никогда не были в древнерусском языке собственно вспомогательными, а всегда вносили в конструкции с инфинитивом собственные значения, впервые прозвучала у П.С. Кузнецова¹⁵. Что заставляет считать инфинитивные конструкции с *хочю*, *имамь* и *начьноу / почьноу*, употреблявшиеся в древнерусских текстах со значением будущего, синтаксическими сочетаниями, а не морфологической формой? Во-первых, само количество «вспомогательных» глаголов и отсутствие явного предпочтения хотя бы одному из них на протяжении всего древнерусского периода; во-вторых, различия в значениях этих глаголов, которые не нивелируются и в инфинитивных конструкциях со значением будущего. Это было описано в работах Г.А. Хабургаева и его учениц Ц.Г. Янакиевой и Э.К. Мустафиной¹⁶. В-третьих, инфинитивные конструкции в тех же самых значениях, то есть для *хотѣти* не только в значениях желания и намерения, но и якобы «чистого» будущего, образуются и с формами претеритов и причастий. Такое наблюдение — впрочем, четко следуя семантической классификации Э. К. Мустафиной и Г.А. Хабургаева — провела И.В. Круглова¹⁷.

Значение близости события глагола *хотѣти* встречается достаточно редко. Так, например, в *Новгородской Первой летописи младшего извода* по *Комиссионному* списку (далее — *НПЛК*) *хочю* с этой семантикой зафиксирован 6 раз — из 142 *хочю*-конструкций, в *СЛ* таких случаев 3 из 75, в *Московском своде* кон. XV в. (далее *МС*) названное значение реализуется в шести контекстах из 338, в *Летописи Авраамки (ЛА)* — в двух из 112. Значение ‘быть близким к чему-либо’ выражается у *хотѣти* в разных формах: и в презенсе, и в прошедших временах, и в формах причастий. Подавляющее большинство

14 Плуныян В.А. *Общая морфология*. М., 2000, 317.

15 Кузнецов П.С. *Очерки исторической морфологии русского языка*. М., 1959, 235.

16 Янакиева Ц.Г. Система спрягаемых глагольных форм в языке деловой и бытовой письменности древнерусского Северо-Запада XI–XIII вв. (в аспекте категории времени). *АКД*. М., 1977; Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. *Историческая грамматика русского языка*. М., 1981; Мустафина Э.К. Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет». *АКД*. М., 1984; Мустафина Э.К. Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет». *Канд. дис.* Душанбе, 1984; Мустафина Э.К., Хабургаев Г.А., Проблема древнерусских форм сложного будущего с глаголами *имамь*, *хощ* и *мог* (на материале ПВЛ по спискам XIV–XVI вв.) *Вестник МГУ*. Сер. 9. Филология. 1985. №2, 20–32.

17 Круглова И. В. Семантика инфинитивных сочетаний с глаголами *хотѣти*, *имѣти*, *мочи* и *начати (почати)* в языке житийных и летописных памятников XII–XIV вв. *Дипломная работа*. М., 2002.

хочю-конструкций с таким значением в древнерусских памятниках зафиксировано в контекстах до начала XIII в., чаще всего — в наиболее архаичных. Особенно редки конструкции с формами прошедшего времени и причастий. К примеру, в **презенсе хочю** с семантикой близости события зафиксирован 5 раз в *НПЛК*, по 1 разу в *СЛ* и *ЛА*, 4 раза в *МС*; **прошедшее время** представлено по одному разу в *НПЛК* и *ЛА*; **причастий** зафиксировано соответственно по 2 в *СЛ* и *МС*). По всей видимости, в этих формах рассматриваемое значение глагола достаточно рано практически перестало реализовываться.

Контекстов *КЛ* с **хочю**-конструкцией в таком значении всего три, причем представлены и форма презенса, и аорист, и причастие; один из примеров — с одушевленным подлежащим:

(1) и не може с того места ни мало постүпити. и хотѣ летѣти (собрался упасть — чуть было не упал). и тѹ подхыгнша и подѹ рүцѣ и несоша и въ горенкѹ (*КЛ*, под 1152 г., л. 166 об.).

Никакого желания (или намерения) упасть князь явно не испытывал. Это произошло против его воли. Слуги заметили определенные признаки, по которым они заключили, что князь вот-вот упадет, и успели помочь.

Значение близости события реализуется и в конструкциях с неодушевленным подлежащим:

(2) ...толко ѿ меншихъ дѣтскихъ. его два. видивши кнѣзѹ своего оу великѹ вѣдѹ впадша. зане обистүплень бы(с) ратными. и гнаста по немъ. гатъ бо вѣ двѣма копиема под ни(м) конь. а третьимъ въ переднии лүкъ. сѣделнѹи. а с города. тако дождь камень метаху нань. единъ же ѿ нѣмчичь. вѣдѣвъ и хотѣ просүити рогатиною по Бѣ сблюде и... кнѣзь же Андрѣи помысли совѣ въ ср(д)ци ре(ч)се ми **хощеть быти** (собирается случиться) Ярославча (вм. Ярославла) смѣртъ Изяславича (*КЛ*, под 1149 г., л. 142).

Князь почувствовал, что ему предстоит умереть так же, как до этого Ярославу Изяславичу. Формально это выражено через так называемое «желание» со стороны смерти, значение то же, что и в предыдущем контексте, — близкая возможность.

(3) слышахомъ преже трѣи лѣтъ. бывшее знаменне в Новѣгородѣ всимъ людемъ видашимъ. въ трѣхъ во цркѣвахъ новгородскы(х). плакала. на трехъ иконахъ сѣга Бѣа видѣвши во Мѣти Бѣи пагүбѹ хотѣщую **быти** (собирающуюся произойти, готовую разразиться) надѹ Новымъ городомъ. и надѹ его волостью. (*КЛ*, под 1173 г., л.200).

Употребление глагола *хотеть* в значении близкой возможности встречается и в современном русском языке. Вот несколько примеров из *Национального корпуса русского языка*:

(1) *Невысокий худой мальчик держал двумя руками саксофон, и казалось, что инструмент хочет вырваться, а он его от себя не отпускает.* Людмила Улицкая. *Путешествие в седьмую сторону света. Новый Мир*, № 8–9, 2000¹⁸.

(2) *Но, если языковая политика хочет достичь каких-нибудь результатов, хочет быть общественно-полезной, она должна быть рациональной и целесообразной политикой, а для этого она должна опираться на научную теорию.* Л. П. Якубинский, А. М. Иванов. *О теоретической учебе писателя* (1932)¹⁹.

(3) *То есть же / как лодырям / которым не хочется ничего предпринимать / количеством чиновников растёт / а где взять деньги на зарплату / даже на минимальную / об этом голова ни у кого не хочет болеть.* Беседа А. Климова с Л. Слисской в эфире радиостанции «Эхо Москвы». «Эхо Москвы», 2003–2004²⁰.

Особенно продуктивны образование с «никак не», «всё не», «ни за что не», например:

(4) *У меня, как я ни старался, он подсказывал раз пять или шесть, а «дядя Володя» пошепчет над ним какое-то волшебное слово, разбежится и так зашвырнёт его в воду своей сильной, короткой рукой, что тот, словно и впрямь заколдованный, летит рикошетом и ни за что не хочет погружаться на дно.* К.И. Чуковский. *Короленька в кругу друзей* (1940–1969)²¹.

(5) *Примерно после часа долбёжки во время пауз я обнаружил, что мой пульс никак не хочет опускаться ниже 160 ударов в минуту, и непривычная боль сжимает виски.* Игорь Вольский. *Пропасть им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд?* (1994)²².

(6) *Горючего там можно разместить сколько угодно, но гореть оно никак не хотело.* Геннадий Горелик. *Андрей Сахаров. Наука и свобода* (2004)²³.

(7) *А городская архитектура ну никак не хочет позировать...* Анатолий Фомин. *Объять необъятное* (2004). «За рулем», 2004.04.15²⁴.

(8) *Солнце зависло в небе, как пузырь на луже, и никак не хотело опускаться.* Алексей Иванов. *Сердце Пармы* (2000)²⁵.

(9) *Но когда Колюня, затаив дыхание, старательно, торопливо и оттого неловко закинул удочку, у него зацепился за рукав крючок, и пока дядюшка таскал хоть и*

18 www.ruscorgora.ru.

19 Там же.

20 Там же.

21 Там же.

22 Там же.

23 Там же.

24 Там же.

25 Там же.

не сомов, но больших и удивительно светлых окуней — то был очень короткий и странный период, когда на карьере попёр на живца окунь, — мальчик отцеплял, бессильно плача, здоровенный крючок, который никак не хотел отцепляться. Алексей Варламов. *Журавна*. *Новый Мир*, № 11–12, 2000²⁶.

(10) Единственное, кашель все никак не хотел проходить, даже не кашель, а уже какая-то перхачка. Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005)²⁷.

Не все приведенные контексты обнаруживают близкое сходство с древними конструкциями. Так, в примере (1) инфинитивное сочетание *хочет вырваться* — явная метафора. Не исключено также, что метафоричность таких конструкций осознается говорящим во всех случаях такого употребления.

Однако формы презенса глагола *хотеть* в сочетаниях с инфинитивом со значением близости события «в первоизданном виде» в некоторых русских говорах сохранились до сих пор — ср. *хочу*-конструкции из диалектных словарей:

(1) как завьёца она [капуста] така́я, как врёде хóчет в виток закру́чиваца (то есть ‘вот-вот закрутится, готова закрутиться, ей пора закрутиться’ — по совокупности имеющихся признаков);

(2) это призапоттали, а там цвесту́и хóчет (то есть ‘скоро зацветет’, так как появились бутоны);

(3) дэнь хóчет б́ить хоро́шим (то есть, ‘[по определенным приметам] день, скорее всего, будет хорошим’);

(4) ви́и, лук уи хóч’от ѓибнуть (т.е. ‘лук, [по всем признакам], гибнет’, так как перья желтеют);

(5) Шо, до́и хóчед бы’ть ит́и? До́и хóчод бы’ть (то есть ‘собирается пойти’, так как небо затянуто тучами)²⁸.

Деулинский словарь приводит такой пример с глаголом *хотеть* в рассматриваемом значении:

(6) *Нъ каво́ жа он хóчить п́хад́ить* [о двухмесячном мальчике]²⁹.

Ясно, что младенец никакого активного желания быть похожим на кого-нибудь не выражает, а речь идет о его врожденных свойствах, которые проявятся в будущем.

26 www.ruscorpora.ru.

27 Там же.

28 *Картотека Архангельского областного словаря*.

29 *Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанской области)*. М., 1969.

Видимо, в ходе истории русского языка значение близости события у **хотѣти** со временем становится связанным только с формами презенса — и в чистом виде в некоторых современных говорах русского языка используется и сейчас.

Морфологический анализ *КЛ* дает возможность установить соотношение древних и новых (внесенных переписчиком) черт и ясно показывает, что несмотря на поздний список, в статьях с 1119 по 1200 г., составляющих текст *КЛ*, хорошо отражается язык самой летописи XII в.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Татьяна Вилкул

Займствования из Восьмикнижия у киевских летописцев XII — начала XIII в.

Библейские книги, по-видимому, оказали влияние на всех ранних¹ древнерусских летописцев. Во всяком случае, прямые и не прямые библейские цитаты, парафразы отмечены для всех сохранившихся до нашего времени летописных сводов XII–XIII вв. Благодаря работам недавнего времени, показавшим моделирование по библейским образцам, затрагивающее самые основы «исторического мышления» древних книжников², становится ясно, что летопись *в принципе* нельзя «очистить» от церковно-книжных наслоений, и сделать ее повествование истинно-светским.

Тем не менее, систематическая разработка библейской топики и семантики связанных с ней летописных сообщений коснулась преимущественно *Повести временных лет* (далее — *ПВЛ*). И только для этого свода мы имеем, так сказать, путеводитель — определение точных цитат из Библии. Он сделан А.А. Шахматовым в подготовленном им издании-реконструкции этапов составления *ПВЛ*³. Для других сводов библейские параллели подбирались окказионально, по ходу исследования тех или иных сюжетов. Не составляет исключения и *Киевский свод* — записи *Ипатьевской* летописи за XII в.⁴, где с этой точки зрения, например, неплохо изучены так называемые княжеские

-
- 1 Ранними летописными сводами обычно считают либо летописи от начала летописания (как бы ни датировать этот процесс) до начала XII в., либо домонгольские, с добавлением Галицко-Вольнской летописи, т.е. до конца XIII в. В данном случае подразумевается последнее.
 - 2 Данилевский И.Н. *Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.)*. Курс лекций. М., 1999; Данилевский И.Н. *Древняя Русь глазами современников и потомков (XII–XIV вв.)*. Курс лекций. М., 2000; Данилевский И.Н. *Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов*. М., 2004; Толочко А.П., Толочко П.П. *Київська Русь*. К., 1998; Oleksiy P. Tolochko, “The Primary Chronicle’s ‘Ethnography’ Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus’ State,” *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe*. 2007, 169–188; Петрухин В.Я. «Русь и все языци». *Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки*. М., 2011, 127–146 и др.
 - 3 Шахматов А.А. *Повесть временных лет*. Пг., 1916. Т. 1 (переизд. Шахматов А.А. *История русского летописания*. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003, 527–977). Для нас издание наиболее ценно тем, что в нем отмечены прямые библейские цитаты.
 - 4 От продолжения *ПВЛ* до статьи 1197/1198 г. Ранее эту летопись называли *Киевским сводом XII в.*, но в недавнее время была убедительно обоснована новая датировка составления, началом XIII в. Толочко А.П. О времени создания Киевского свода «1200 г.», *Ruthenica V* (2006), 73–87.

жития⁵. Но полный каталог заимствований или издание, где были бы полно отмечены библейские источники *Киевской летописи*, к сожалению, все еще дело будущего.

Идентификация цитат осложняется несколькими обстоятельствами. Прежде всего, сложной традицией древнеславянской Библии: книги не были собраны под одной обложкой фактически до конца XV в., в раннее же время существовало три типа текстов (служебный или, иначе, паримейный, полный или же четий, и, для некоторых библейских книг, толковый)⁶, сохранившихся во множестве разнообразных сборников и редакций. Некоторые книги Библии известны только в рукописях, критически изданы лишь Книга Бытия, паримейная версия Исхода и части Евангелия⁷. Соответственно, ученые предпочитают использовать печатные церковно-славянские версии XVI–XVIII вв., где имеется разметка на главы и стихи, минимальный критический аппарат и возможности поиска. Но *Острожская*, *Московская* 1663 г. и, тем более, *Елизаветинская Библия*, отражают все же не тот вариант, с которым были знакомы древнерусские летописцы. Церковно-славянские тексты основываются на поздней версии одной из редакций (а именно, на русской редакции), однако многократно сверялись, в т. ч. по латинской Вульгате и греческой Септуагинте. Во многих сложных случаях лексика существенно поновлена, а пропуски, сделанные в свое время древнеславянскими переводчиками, заполнены⁸.

5 Повести об убийстве Игоря Ольговича, Андрея Боголюбского и др. См.: Gerhard Podskalsky, "Principal Aspects and Problems of Theology in Kievan Rus'," *Harvard Ukrainian Studies* XI, 3–4 (1987), 270–286. В переводе Л.Е. Махновца отмечены отдельные цитаты, преимущественно из Евангелия и Псалтири. *Літопис Руський. За Іпатським списком*. Пер. Леонід Махновець. К., 1989, 180, 189, 198 и др.; анализ некоторых библейских заимствований имеется в диссертации Флорана Мушара: Florent Mouchard, *La Maison de Smolensk. Recherches sur une dynastie de princes du Moyen Age russe (1125–1404)*. Thèse de doctorat en études slaves (Université Paris IV–Sorbonne), soutenue le 9 décembre 2009 (благодарю автора за возможность ознакомиться с рукописью).

6 См.: Алексеев А.А. *Текстология славянской Библии*. СПб., 1999, 23–39; Пичхадзе А.А. К истории четяго текста славянского Восьмикнижия. *ТОДРЛ*. Т. 49. 1996, 10–11.

7 См.: Михайлов А.В. *Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе*. Варшава, 1900–1908. Вып. 1–4; Брандт Р. Григоровичев паримийник в сличении с другими паримийниками, *ЧОИДР*. М., 1894, кн. I и III; 1900, кн. II; 1901, кн. III; Пичхадзе А.А. Книга «Исход» в древнеславянском Паримейнике, *Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова*. Вып. 4. М., 1998, 5–60; *Евангелие от Иоанна в славянской традиции*. Изд. подготовили А.А. Алексеев, А.А. Пичхадзе, М.Б. Бабицкая, И.В. Азарова, Е.Л. Алексеева, Е.И. Ванеева, А.М. Пентковский, В.А. Ромодановская, Т.В. Ткачева. СПб., 1998 [Novum testamentum palaeoslovenice, I]; *Евангелие от Матфея в славянской традиции*. Изд. подготовили А.А. Алексеев, А.А. Пичхадзе, И.В. Азарова, Е.Л. Алексеева, М.Б. Бабицкая, Е.И. Ванеева, В.А. Ромодановская, Т.В. Ткачева. СПб., 2005 [Novum Testamentum Palaeoslovenice, II].

О сложностях, с которыми ученые сталкиваются при попытке сверки летописных библейских цитат с древними версиями, см., напр.: Donald Ostrowski, "Introduction," *The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis*, ed. Donald Ostrowski [Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Vol. X, 1–3 (Cambridge, Massachusetts, 2003)], LIII.

8 По моим подсчетам, сделанным на материале Книги Исход, в древнеславянской версии 2-й книги Восьмикнижия было допущено св. 100 пропусков. Большинство из них (около 90) восполнены уже в *Острожской Библии*. Вилкул Т.Л. *Древнеславянская книга Исход*. Текст в хронографической редакции, с разночтениями из других редакций по спискам XIV–XVI вв. (в печати).

Не облегчает работу и манера киевских летописцев. Составитель или составители *Киевского свода* зачастую оперировали микроцитатами и свободно пересказывали свои источники. Это, кстати, прослеживается на другой группе текстов — хронографических сочинениях, таких как *Хроника* Георгия Амартола, *Хроника* Иоанна Малалы, *История Иудейской войны* Иосифа Флавия и *Александрия Хронографическая*. Так, составитель *Киевского свода* знал Амартола, но в киевской летописи отмечены всего несколько небольших, хотя и ярких заимствований, ему был известен Флавий, однако в нашем распоряжении, снова-таки, единичные краткие изречения⁹. При самом тщательном сопоставлении количество выуженных примеров не идет ни в какое сравнение с *ПВЛ*, где находят обширные заимствованные фрагменты из хроник. В таких условиях критическое значение приобретает как раз точность воспроизведения ранних версий. В нашем случае — ранних версий древнеславянского библейского текста.

Интенсивные исследования и издательская работа в славянской библеистике ныне ведутся по многим направлениям¹⁰. Автору этой статьи приходилось работать с некоторыми списками Восьмикнижия — первых восьми книг Библии, и хотелось бы представить некоторые материалы из этой, по-видимому, наименее изученной части «цитатника» киевских летописцев. Так, в новом очень полезном каталоге библейских параллелей к *Киевскому своду* XII в. из Бытия назван 1 пример, Второзакония — 2 цитаты, параллели к книгам Исход, Левит, Числа, Иисуса Навина, Судей и Руфь не найдены¹¹. В дальнейшем, в основном, речь пойдет о небольших цитатах, парафразах и редкой лексике¹², и перечень ни в коем случае не претендует на окончательность и полноту. Вероятно, некоторые сопоставления в дальнейшем будут уточнены либо пересмотрены. Помимо всего прочего, заимствования из Библии могли передаваться и через посредство житий, поучений и др., но круг чтения составителя либо составителей *Киевского свода* мы также представляем себе весьма приблизительно¹³.

Далее летописный текст цитируется по стандартному изданию *ПСРЛ*, отмечены столбцы и строки издания¹⁴. Параллели из древнеславянской

9 См.: Толочко А.П. Печерский мятеж 1182 г. *Ruthenica* VI (2007), 351–352; Вилкул Т.Л. О хронографических источниках Киевского летописного свода. *ТОДРЛ*. Т. 61. СПб., 2010, 382–397.

10 Избранную библиографию см., напр.: Francis Thomson, “The Slavonic Translation of the Old Testament,” *Interpretation of the Bible* (Ljubljana, 1998), 882–918.

11 Florent Mouchard, “Les citations scripturaires dans la Chronique Нупатиенне: Typologie et usage,” *Mémoire de maîtrise, Université Paris IV–Sorbonne*, 2001 (приложение 5, Index des citations scripturaires dans la Chronique Нупатиенне selon l’ordre des livres bibliques), 82. Цитата из Второзакония — в продолжении *ПВЛ*.

12 Привлекается словоуказатель по *Киевскому своду*, составленный И.С. Юрьевой, см. сайт Института русского языка РАН: http://www.lrc-lib.ru/rus_letopisi/Kiev/index.php.

13 В этом смысле очень интересна статья П.П. Толочко: Толочко П.П. «Емше, влачаху поверзше ужи за ноги». *Ruthenica* IX (2010), 17–22.

14 Напр.: 354.2И — Ипатьевская летопись, *ПСРЛ* 2: 354, строка 2; 315.16Л — Лаврентьевская летопись, *ПСРЛ* 1: 315, строка 16.

Библии приводятся согласно четъему варианту Восьмикнижия¹⁵. При этом, текст подается на основе сравнения списков русской, южнославянской и хронографической редакции¹⁶. Основной список для Бытия — преимущественно, Троицкий № 44¹⁷, для остальных библейских книг — Виленский или Архивский¹⁸.

- 15 Служебный или паримейный тип библейского текста также часто использовался летописцами. Паримейный вариант местами кардинально отличается от четъего, но, во-первых, в Паримейник тексты Библии вошли далеко не в полном объеме (лучше всего представлена Книга Бытия, пророка Исайи и Притчи), и во-вторых, различия можно выявить при точном цитировании. Больше таких случаев в *ПВЛ*. Ср. напр., Быт. 27.34 и Быт. 39.14 «взьпи жреломъ великымъ» в четъем тексте и «...гласомъ великомъ» в паримейном («гласомъ великомъ» — также еще, напр., ПЦ.4.5). В статье *ПВЛ* под 6594/1086 г. о смертельно раненном Ярополке Изяславиче сказано: «возпи великыи глѣмь», 206.11Л.
- 16 Традиционно выделяют южнославянскую и русскую редакцию, а также «промежуточную группу». Мне удалось на материале Книги Исход уточнить, что на самом деле «промежуточные» списки следует относить к отдельной редакции. По одному из памятников (*Иудейскому хронографу*) эта редакция названа хронографической. Хронографическая редакция во многих случаях наиболее консервативна и сохраняет исходные чтения: Вилкул Т. Л. *Древнеславянская книга Исход...* Что важно, первые книги Библии сохранились в Древней Руси в виде комплексов: Восьмикнижия, Пятикнижия и начальных частей ранних хронографов, и выводы, сделанные на материале одной из частей, Исхода, могут быть распространены и на оставшиеся.
- 17 В издании: Михайлов А.В. *Книга Бытия пророка Моисея*, — за основной список взят Ундольского №1. Троицкий №44 текстологически чрезвычайно близок к нему и принадлежит к этой же группе (ранняя группа русской редакции Пятикнижия), но, по-видимому, представляет собой более раннюю рукопись. Рукописи РГБ из этого собрания оцифрованы и доступны на сайте Троице-Сергиевой Лавры (главный фонд рукописей): <http://www.stsl.ru/manuscripts/index.php>.
- 18 Краткая информация о списках в Приложении. Представители хронографической редакции (**Chr**): Троицкий-1 (Т1) и Троицкий-45 (Т45) списки Пятикнижия, а также списки *Иудейского хронографа*: Архивский (Арх), Виленский (Вил), Варшавский (Варш). Привлекавшиеся представители русской редакции (**Ru**): Троицкий-44 (Т44), Доброхотова-13 (Дб), Троицкий-2 (Т2), Ундольского-1 (У), Троицкий-728 (Гр), МДА-12 (Д). Представители южнославянской редакции (**So**): Григоровичев (Гр), Севастьянова (Сав), Румянцевский (Р). Русская редакция представлена наибольшим числом рукописей, для цитат из Бытия разночтения см. по изданию А.В. Михайлова, *Книга Бытия пророка Моисея* (исследователь привлек св. 20 списков русской редакции, но из хронографической у него — лишь 2: Т1, обозначенный как Л, и Арх). Характеристику рукописей см.: Михайлов А.В. *Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе*. Ч. 1. Паримейный текст. Варшава, 1912, 1–LXXVIII.
- Набор рукописей, привлекаемых далее в разночтениях, будет несколько различаться. 2 списка **Chr** являются Пятикнижиями, в *Иудейский и Академический* (МДА-12) хронографы и южнославянскую редакцию Восьмикнижия включено полностью, с добавлением Книг Царств, а списки русской редакции расходятся. В некоторых (Дб У) состав аналогичен вышеперечисленному, в других же отражен только текст Пятикнижия (Т44 и др.), или, наоборот, оставшиеся книги Восьмикнижия: Иисуса Навина, Судей и Руфь (Т2). *Троицкий хронограф* также начинался, по-видимому, с Ис. Нав.: древнейший Троицкий список открывается фрагментом *Толковой Палеи* и продолжался четъим текстом Ис.Нав., а другие 2 списка этого хронографа — У и НСРК F 15 (РНБ) — композитные, причем разные их части скопированы из разных сборников (Творогов О.В. Материалы к истории русских хронографов. 3. Троицкий Хронограф, *ТОДРЛ*. Т. 42. СПб., 1989, 287–290; Вилкул Т.Л. Александрия Хронографическая в Троицком хронографе, *Palaeoslavica*, vol. XVI, no. 1. (Cambridge, Mass., 2008), 103–104). Библейские составляющие *Троицкого хронографа* практически не исследованы, текст привлекал внимание исследователей, в основном, благодаря компиляциям из *Хроник* Георгия Амартола и Иоанна Малалы, а также *Александрии* Хронографической. Однако по предварительным наблюдениям, например, в Ис. Нав. разночтения показывают принадлежность к русской редакции.
- Следует также сделать оговорку: поскольку при колляции списков библейских книг разночтений получается чрезвычайно много (иногда издателю приходится отмечать варианты в каждом

1. Под 6636/1128 г. повествуется о походе сыновей Мстислава Великого на полоцких князей. В самом рассказе говорится о том, что Мстислав послал своих детей на «кривичи»¹⁹ «четырьмя пути». Рассказ для этой части свода исключительно подробный, описывается сам поход, соединение войск, осада и взятие города. См. 292.22–23И: князь Изяслав Мстиславич «водя съ собою Брячислава зятя своего . иже бяше пошелъ . къ оѣо своему и бывъ посредеѣ пути и острашився не мога *поити ни сѣмо ни онамо* . и иде шюрину своему в руцѣ».

Подобное же выражение видим в рассказе о взятии города Гая в Книге Иисуса Навина. Здесь также подробно рассказано о военной операции: разделении войска, засаде и бое — детальнее описывается только взятие Иерихона с известным чудом-падением городских стен. В том числе, в гл.8 читается эпизод, где защитники Гая бросились за войском Иисуса, притворно отступившем от городских стен, а в это время в город вошла засада израильтян и зажгла его. Пишется о том, что «насельници гаистии», увидев дым и оказавшись между двух огней, «по семь не имѣяхоу камо *бѣжати*²⁰ . *ни сѣмо ни онамо*²¹», Ис. Нав. 8.20.

2. Пополнить следует весьма обширный список библейских цитат в повести об убийстве Игоря Ольговича под 6655/1147 г. Судя по некоторым данным, в XII — нач. XIII в. Игоря считали святым²², а рассказ о его убийстве

слове того или иного стиха: см., напр., указанные выше издания Книги Бытия А.В. Михайлова и паримейного Исхода А.А. Пичхадзе), далее приводятся только наиболее значимые варианты.

- 19 Точнее, текст почти идентичен в *Лаврентьевском* и *Ипатьевском* сводах, но именно в *Лаврентьевском* («посла на кривичи» (297.25Л), тогда как *Ипатьевском* порча: «посла многы кривичи» (292.3И), что идет вразрез с контекстом летописной статьи. О соотношении *Ипатьевского* и *Лаврентьевского* сводов в записях за XII в. см.: Вилкул Т.Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки), *Palaeoslavica* (Cambridge, Mass., 2005) XIII, no. 1, 21–80; там же литература вопроса. .
- 20 Вил л. 208 об. Списки расходятся: Т2 Д не имѣша камо побѣгнути; Гр Дб не мѣяхут камо бѣжати /Дб имѣяхоу/; Арх Вил Варш недооумѣяхъса побѣжати; Сав Гр Р не имѣяхоу камо бѣжати; καὶ οὐκέτι εἶχον ποῦ φύοσιν. Отсылки к греческому тексту здесь и далее по изданию Альфреда Ральфа: *Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes*. Ed. Alfred Rahlfs. Duo volumina in uno. Stuttgart (1935, 1979).
- 21 Арх Варш Дцвамо; (ѡде ѣ) ѡде.
- 22 Согласно *Киевскому своду*, Игорь Ольгович добровольно идет на мученическую смерть: «и помяну вся Иинова . и размышляше . въ срѣци своемъ . тако толики стрѣти и различнаа смѣрти на **праведники** находили соуть и како стѣи прѣри апѣли съ мѣнки вѣнчаша^с и по гѣдѣ крови своа прольаша их же мѣтвами ги избраномъ твоємъ стадѣ причти ма» (350И). Приведены признаки святости: тело имеет силу исцелять, над ним сами собой зажигаются свечи (352–354И). См., напр.: Толочко Олексій. Смерть митрополита Константина (До розуміння давньоруської моделі святості). *Mediævalia Ucrainica. Ментальність та історія ідей* 2 (1993), 30–48; Gerhard Podskalsky, “Principal Aspects and Problems,” 284–285; Вилкул Т.Л. Літописна повість про вбивство Ігоря Ольговича 1147 р., *Київська старовина*. 1999, № 6, 29–31. Необходимо, видимо, добавить еще одну деталь, существенную для понимания текста и ранее не отмечавшуюся исследователями: тут в летописи заимствован один из Вопросо-ответов Анастасия Синаита. В *Изборнике Святослава* 1073 г., статья под номером .лѣ. (85) по 1-й нумерации, соответствующий фрагмент звучит так: «...ельма же и **правдѣнымъ** моужемъ . многашѣды такы сѣмрѣти находили соуть . нѣкихъ невѣдомыхъ дѣлма винъ...». См.: *Изборник Святослава 1073 года в 2-х томах. Факсимильное издание*. М., 1983, л.109б.

принадлежит к наиболее проработанным в этой части свода. По-видимому, среди многочисленных источников повести был также и выдержка из гл. 19 Книги Бытия о Лоте и жителях города Содомы, хотя речь идет не о прямом использовании текста, а о введении парафраз и характерной лексики по припоминанию. Точно нельзя сказать, содержались ли тут идейные импликации, хотя тема Содомы и Гоморры устойчиво связывалась с несправедливой расправой²³. Во всяком случае, использованы выразительные сюжетные ходы и лексика. При оценке вероятности заимствования следует учитывать низкую частотность некоторых выражений и сюжетных ходов, как, напр., «от мала и до велика»²⁴ и мотива «затворяемых» и разбиваемых/выламываемых «вратъ» или «дверей», которому ранее не находилось аналогий в этом чрезвычайно насыщенном библейскими аллюзиями фрагменте.

349.27–28И ... <i>народи</i> ²⁵ идяхоу по мостоу...	Быт. 19.4 моужи же града Содомска обыдоша домъ ²⁶ . от юнотъ и до старецъ . ве ^а <i>народъ</i> вькоупѣ .
351.26–352.1И <i>бра^{ме}</i> моя <i>не</i> мозите сего <i>створити зла</i> ни <i>оубиваите</i> Игоря	Быт. 19.7–8 никако же <i>братіа</i> ... точіно моужема сима <i>не створите</i> ничто же ²⁷ <i>зла</i>
352.6–8И Володимиръ же вмча и во дворь мѣре своея . Игоря хороня и <i>затвори ворота</i> бьоче же Михаиля...	Быт. 19.6 излѣз ²⁸ же Лоть пре ^а двери къ ни ^а ²⁹ . <i>двери</i> же <i>затвори</i> за собою .
352.15И и хотѣша <i>оубити</i> про Игоря	19.9 ннѣ оубо тя <i>оубіємъ</i> ... и бѣдоу творяхоу
352.17–18И и тако наро ^а двигноушася . и выломиша <i>ворота</i> .	Лотоу сѣло . и пристоупиша да <i>разбѣютъ двери</i>
348.3–4И кияно ^а же всимъ съшедши ^а ся . <i>от мала и до велика</i> .	Быт. 19.11 моужа же соушя пре ^а дверми побиста невидимо <i>от мала до велика</i> . и погыбоша ишоушци <i>двери</i> .

3. В *Киевском своде* неоднократно используются формулы свидетельства перед Богом. Ряд этот («суди... Господь», «а Богъ буди межю нама», и пр.) начинается с оправдательной речи Изяслава Мстиславича перед дружиной.

23 Ср. Иса. 1.1–20, паремию на 1-й понедельник Великого поста: «оуслышите слово гдне . князи содомъсти . вьнѣмлѣте законъ бжи людие гоморьсти .» (Иса. 1.10); «ѡврашжъ шчи мои ѡ вась . ржкы ва^м испльнѣть крѣве» (Иса. 1.15). *Григоровичев Паримејник*. Сост. Рибарова Зденка, Хауптова Зое. Скопје, 1998, л.14—14v. Искренне признательна Флорану Мушару, обратившему мое внимание на эту параллель.

24 О выражении «от мала и до велика» в древнерусских источниках см.: Вилкул Т.Л. *Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв.* М., 2009, 67–72.

25 Именно этот фрагмент почти полностью совпадает с текстом более краткой *Лаврентьевской* редакции статьи 1147 г., но в *Лаврентьевской* нет слова «народи» — только «людие», 317.15Л. При этом большую часть библейских цитат и книжной топики находим именно в *Ипатьевской* версии.

26 Так *Chr So* (Т1 Т45 Арх Вил Варш Гр Сав, Р дв^а лтвовь); *Ru* большинство списков ош.: град; при греч. τήν οίκίαν. Ср.: Михайлов А.В. *Книга Бытия пророка Моисея*, 124.

27 Так *Chr So* (Т1 Т45 Арх Вил Р, Гр Сав никого же); в *Ru* проп.; при греч. (ποιήσῃτε) μηδέν (ἄδικον).

28 Часть списков *Ru* исше^а; Р изыде.

29 *Chr So* к нимъ предъ двери; πρὸς αὐτοὺς πρὸς τὸ πρῶθιρον.

Изяслав предполагал, что его будут подозревать в убийстве Игоря Ольговича, не смотря даже на отсутствие в Киеве в это время. См. запись под 6655/1147 г.: «...тому **бѣ послуухъ** . яко не повелѣлъ . ни наоуцилъ», 354.25–26И. Соответствующее выражение находим в Книге Бытия, когда после тайного ухода Иакова от своего тестя Лавана, Лаван собрал «всю братию свою», «гна» за Иаковом и «постиже и (его — *T.V.*)»³⁰. Чуть было не разгорелся серьезный конфликт, если бы не вмешательство Господа, который запретил Лавану «вредить» Иакову. Вслед за чем обе стороны договорились, призвав в свидетели Бога, Быт. 31.44: «ре^a же емоу се нѣ^c с нама никого же . се **бѣ послуухъ** межю мною и тобою»³¹.

Правда, подобные формулы в библейских книгах повторяемы, см., напр., Суд. 11.10 (судье Иефтаю клянутся «старцы» Галаада): «бѣ боуди послуух^x ме^ждоу вами³² и нами». Вдобавок, это же выражение использовано в *ПВЛ*³³, а в *Киевском своде* имеются следы повторного привлечения ее материала. Таким образом, путь заимствования, к сожалению, точному определению не поддается, можно лишь отметить, что «бѣ послуухъ» встречается в статьях *Ипатьевской* летописи за XII в. лишь однажды³⁴, и не принадлежит к ординарным выражениям.

4. Под 6656/1148 г. Юрий Долгорукий разгневался на Изяслава Мстиславича, который изгнал его сына Ростислава из Киевской земли, и якобы произнес патетическую речь: «так ли **миѣ части нѣтоу** в роуской земли . и моимъ дѣтемъ», 374.2–4И³⁵. На этом известии пытались даже построить теорию о «коллективном созеренитете». Предполагали, что киевский князь должен

30 Парафразы из эпизода погони за Иаковом использованы, видимо, ранее одним из составителей *ПВЛ*, в описании погони Ярослава за Брячиславом 6529/1021 г. Здесь сохранилось число дней погони, семь — что представляет собой уникальное известие для этой части свода, представленной в основном, краткими статьями, где дневные даты отсутствуют. Сравнение с библейским текстом позволяет предполагать, что во всех списках *ПВЛ* в статье 1021 г. пропущено необходимое по контексту «гна».

ПВЛ, 146.17–19Л

и Ярославъ ис Кысва въ .з. днѣ . Постиже
и ту . и побѣди Ярославъ Брячислава .

Быт. 31.23

и поимъ (**Ru** поять) всю братию свою съ
собою . гна (**Ru** доб. же) вслѣдъ седмь днѣн .
и постиже и въ горѣ Галаадовѣ.

31 Цитируется по списку Т45, л.32. В Т44, как и в большинстве списков Ru, гаплографический пропуск окончания стиха Быт. 31.44, сохранилось только начало: «и будетъ въ послуухство межю мною и тобою». См. Михайлов А.В. *Книга Бытия пророка Моисея*, 260. Здесь не используется более ранний список Т1, т.к. в нем в этом месте множество вторичных чтений, в т.ч. проп. «емоу», перестановка: «бѣ межю мною и тобою послуухъ».

32 Вил л.231об.; Т2 Тр Д межю тобою; из греческого текста неясно, каково было первоначальное чтение: ἀνά μέσων (ήμῶν).

33 257.24Л «бѣ ти буди послу^x» под 6605/1097 г., в повести об ослеплении Василька Теревольского. При этом, слово «послуухъ» встречается в *ПВЛ* единственный раз именно в этом выражении.

34 Само слово «послуухъ» — дважды, еще 535.28И.

35 Почти в идентичен в этом месте текст *Лаврентьевской летописи*: «так ли миѣ нѣту **причастья** в земли русстѣ...», 321.2–3Л.

был наделять своих союзников-влиятельных представителей княжеского рода некоей «частью» в Русской земле в узком смысле этого слова (т.е. волостями в Киевской, Черниговской и Переяславской области). Как отметил А.П. Толочко, это известие — одно из двух, каковыми обосновывают эту теорию³⁶. Вдобавок, по-видимому, у патетических речей Юрия иная, библейская подложка. «Часть» и «причастие» множество раз упомянуты в Восьмикнижии, сюжетную параллель находим в Книге Бытия. Когда Иаков решает уйти от своего тестя Лавана в «землю отчую», он прежде всего, «пославъ» посланца, вызывает своих жен Лию и Рахиль на поле и произносит перед ними обличительные речи о резком изменении отношения Лавана ко всему их семейству³⁷ и о несправедливости тестя. Обе жены вторят Иакову, обвиняя своего отца. См. Быт. 31.14: «оуто (‘разве’ — Т.В.³⁸) ... **нѣ** нама части и еще . ни причастия³⁹ въ домоу оца наю» (греч.: *μη ἔστιν ἐπι μερίς ἢ κληρονομία...*). Чуть ниже, Быт. 31.16, речь заходит о «чадах», т.е. об интересах детей и всего семейства, и о неизбежном и целиком оправданном выходе из ситуации: «ннѣ оубо елико ти гла бѣ творити твори». Если найденная параллель верна, смысл речей Юрия — отнюдь не заявление в нарушении правил коллективного сюзеренитета, а обвинение в вопиющей несправедливости среди близких родственников и, видимо, намек на резкое изменение отношения Изяслава Мстиславича к суздальской «братии».

Разбираемый текст летописи принадлежит не составителю *Киевского свода*, а одному из ранних (киевских?⁴⁰) летописцев, поскольку читается и в *Лаврентьевском*, и в *Ипатьевском* сводах. Книжник ощущал сильную потребность в обелении Юрия, видимо, потому, что вся эта история была довольно темной. Достаточно сказать, что ранее Ростислав, оставшийся к тому времени старшим сыном Юрия Долгорукого, явился к своему двоюродному брату Изяславу Мстиславичу, правившему в то время в Киеве, с жалобами

36 Толочко А.П. *Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология*. К., 1992, 58. Представление о Русской земле в широком и узком значении утвердилось со времени монографии А.Н. Насонова: Насонов А.Н. *«Русская земля» и образование территории древнерусского государства*. М., 1951. О коллективном сюзеренитете см., напр.: Котляр Н.Ф. *Древнерусская государственность*. СПб., 1998, 357.

37 Напомню, когда Иаков заявил Лавану, что намерен вернуться в свою землю, тот его спросил о «мъзде» за труд, и они договорились о разделе. Но Иаков начаровал с Божьей помощью таким образом, что стал чуть ли не богаче тестя, так что сыновья того возмущались, что он все их («наше») имение превратил в собственное, или «отче»: Быт. 31.1 «слышав же Иаковъ рѣчь / So рѣчи, та рѣцата/ сновъ Лавинъ глѹшь . възя Иаковъ все оца нашего . и очемъ наше /вар.: оцмъ нашего оца, оцмъ наше, очимъ, очее наше/ створи». Михайлов А.В. *Книга Бытия пророка Моисея*, 247. Соответственно, и отношение Лавана к зятю резко изменилось.

38 Списки расходятся, в Арх Варш Вил «оуто» (Михайлов А.В. *Книга Бытия пророка Моисея*, 251 — отмечен только Арх); в других списках ош. «оубо» или проп.; именно «оуто» соответствует греч. *μη*.

39 Арх Вил Гр Сав причастіа, что соответствует греческому *κληρονομία*, в **Ru** и T45 ош.: *приатіа*; T1 паримейное: *ли наслѣдье*.

40 Один из ранних киевских летописцев был автором и составителем «про-юриевских статей». Юрий Долгорукий неоднократно пытался взять Киев, но окончательно утвердился в городе в 1154 г. после смерти Изяслава Мстиславича (и правил до своей смерти в 1157 г.).

на отца и с просьбой принять под свое покровительство⁴¹. Случай беспрецедентный, по крайней мере, ранее не фиксировавшийся в летописях. Изяслав наделил его волостью, но после очередного военного конфликта с Юрием и обвинений в предательстве и предполагаемом пособничестве отцу выгнал из земли. Ростислав возвратился к Юрию с повинной головой и призывом отомстить за обиды. Именно за этой частью летописного нарратива и следует пассаж о «части» (или «причастьи»).

5. Под 1151 г. состоялось несколько решительных боев за Киев. Объединенные, наконец, силы киевского князя Изяслава Мстиславича, его дяди Вячеслава Володимерича и брата Ростислава, встретились у Перепетовых с коалицией, собранной Юрием Долгоруким. Согласно *Киевскому своду*, Изяслав отдал приказ войскам в таких словах: «...река **зрите** же на **мои** полкъ . а како вы поиде^т мои полкъ . **также** и вы поидите», 437.21–23И. Аналог отыскивается в Суд. 7.17 — имеются в виду слова Гедеона, приготовившегося с избранными тремястами воинами победить бесчисленные полчища «моавлянь, аммонитян и сыновъ вьстокъ»: «...рече имъ **мене смотрите** . **также** [же] творите⁴² . и се азъ въхожу среде полка . и да боудеть яко * створю **также** творите⁴³...».

6. Под 6667/1159 г. в благожелательном тоне говорится о Рогволоде Борисовиче, начавшем поход в Полоцкую землю против своей «братьи» с целью «искать себе волости». Этот полоцкий князь был протеем Святослава Ольговича и опирался на его военную помощь (при этом в *Киевском своду* видим большой блок известий о Святославе Ольговиче и, вероятно, использован летописец этого князя)⁴⁴. В оправдывающем все мероприятие пассаже видим библейский топос «сътворити милость». Ближе всего, по-видимому, выражение из Суд. 8.35, где оно появляется в отрицательном высказывании «не сътвориша милости» и говорится о несчастливой судьбе сыновей Гедеона-Ероваала⁴⁵. Ср.:

41 Ср. речи Изяслава Мстиславича к Ростиславу Юрьевичу: «отець тя **приобидель** и волости ти не даль...», 372.24–25И. Кстати, «приобидѣти» — также типично для Восьмикнижия, и, в том числе, встречается и в сюжете ухода Иакова, ср. слова Иакова Лаве: «прѣобидѣ мьздоу мою», Быт. 31.41.

42 Вил, л.228: тако творите; Т2 Д (смотрите .) **яко** * азъ творю . **также** и вы с'творите; Тр **также** же творите; *Ал' ѣмоу ѡвѣсте каі оубоу лоуѣсте.

43 Т2 Тр Д **также** да с'творите; оубоу лоуѣсте:

44 См. Вилкул Т.Л. Літопис Святослава Ольговича у складі Київського зводу XII століття, *До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя*. Т. II. К., Львів, 2004, 63–74, там же література.

45 Обычно в положительном смысле: «сътворити милость съ...». См. Ис. Нав. 2.12, 2.14; Суд. 1.24; 1Ц. 14.45, 15.6, 20.8, 20.14; 2Ц. 2.5, 2.6, 3.8, 9.1, 9.7, 10.2, 15.20, 23.17; 3Ц. 2.7, 3.6...; Пс. 17.51, 102.6, 139.13, 142.8; библейская песнь 9, Лк. 1.68... В отрицательном высказывании редко, ср. Пс. 108.26 «зане не помяну с'творити милости». См.: *An Early Slavonic Psalter from Rus'*, vol. 1, ed. Moshé Altbauer and Horace G. Lunt (Cambridge, Mass., 1971), 157. Ср. также из Апостола (Иак. 2.13), процитировано в летописных сводах XII в.: «су^а бо безъ мл^ати не створшему мл^ати» (Ипат под 6680/1172 г. 553.6–7И; 356.16–17Л, текст общий с *Лаврентьевской летописью*). В *Киевском своду* «сътворити милость» трижды: 493.14, 553.7, 632.14И.

493.14–16И зане *не створиши*
мл̑ти ему бра'я его . вземше . под
ни^м волость е^т и жизнь его всю .

Суд. 8.35 и *не сотвориши мл̑ти* с̑номъ Гедеономъ...
9.1 и иде Авимеле^х с̑нъ Еровааль в Сикимоу къ братии
м̑три его реки^н ... 9.5 и изби братию свою .

7. В двух некрологах, Ростиславу Мстиславичу под 6676/1168 г. и его сыну Давыду Ростиславичу под 6705/1197 г. встречается характерное выражение «*приложися къ оцѣмъ своимъ*»⁴⁶. Ближайшую параллель находим Суд. 2.10, где говорится о том, что Иисус Навин и весь родъ «старцев», знавших Моисея и видевших чудеса Господня, «...*приложишиася къ оцѣмъ и^х*». Кроме того, сходные выражения имеются в Книге Бытия, в рассказах о смерти Авраама, Исаака, Исаака и Иакова и в словах Бога-обещании дать Аврааму наследника, а также достойную старость и смерть.

Быт. 15.15 ты же отидеши⁴⁷ *къ оцѣмъ своимъ* . живь съ миромъ въ старости добрѣ .
25.8 и скончавъ⁴⁸ оумре Авраамъ въ старости добрѣ . старецъ испльнь д̑ни . и
приложися къ люде^м своимъ .
25.17 (Измаил) ... и приложися къ роженію своему .
35.28 (Исаак) ... приложися къ роженію своему . старецъ исполнь д̑ни .
49.33 ...Иаковъ ... и приложися къ людемъ своимъ .

Судя по всему, эти цитаты привлекли внимание уже составителя *ПВЛ*⁴⁹. Как и в предыдущих случаях, точный путь заимствования не прослеживается, но посредничество *ПВЛ* едва ли обязательно: помимо всего прочего, в *Киевском своде* имеется прямая ссылка на «Судиискія книги»⁵⁰. Некрологи из *Ипатьевской* летописи — довольно примечательное явление⁵¹. Они касаются в основном смоленской княжеской ветви, Ростиславичей, т.е. самого Ростислава Мстиславича и его сыновей, с двумя исключениями: посмертные похвалы вписаны также черниговскому Всеволоду Святославичу и шурина Рюрика Ростиславича, Глебу Туровскому. Хотя во многих некрологах повторяются одни и те же выражения, вместе с тем, они существенно разнятся по объему и литературной проработанности. Приведенная библейская цитата указывает на сопоставление только самого Ростислава и его сына Давида, и, возможно, это небольшой штрих к иерархии ценностей составителя *Киевского свода*⁵².

46 532.18И, 706.7И.

47 *Chr* изидеши /парим/; часть *Ru* ѿходиши; Р прѣставиши; ἀπελεύσῃ.

48 Т1 Гр Сав скончався; Арх Варш Вил кончавъ; καὶ ἐκλιθὼν.

49 191.19Л «почивъ в старости добрѣ» — печерский старец именем Матфей, запись под 6582/1074 г.; 217.12Л–208.15И «приблизися /РАИХ приложися, Лавр порча/ ко оцѣмъ своимъ» — под 6601/1093 г., Всеволод Ярославич.

50 655.20И «обрѣтаемъ бо въ соудинскихъ книгахъ».

51 См., напр.: Толочко А.П. Похвала или житие? Между текстологией и идеологией княжеских панегириков, *Palaeoslavica* VII (1999), 26–38; Florent Mouchard, *La Maison de Smolensk*, 191–216. В этих же трудах литература вопроса.

52 Попутно, отмечу, что даже слово «приложитися» — показатель использования библейских и хронографических образцов. Напр., в *ПВЛ* оно встречается всего лишь дважды: помимо

8. В драматическом рассказе 6698/1190 г. о бегстве галицкого князя Владимира Ярославича из башни «изъ Угоръ» с помощью разрезанного на «оужи» (веревки) шатра и последующих хождений по дворам различных властителей встречаем примечательный эпизод. «Цесарь немецкий» отнесся к нему благо-склонно и «*приставя к нему мужь свои*» «*допровадил*» до польских земель (666.17–18И). Закончилось эта история зависимостью от суздальского князя Всеволода Юрьевича. Аналогичную деталь находим в Книге Бытия. Исав встречает своего брата Иакова, идущего от тестя Лавы со многочисленным семейством и «рухлом», во главе 400 мужей. Встреча обещала быть непростой, ведь после того, как Иаков украл благословение Исава, тот грозился его убить, и, возвращаясь в «отчю землю» через два десятка лет, Иаков все еще опасался мести (ср. Быт. 32.6 «и възвратишася слы⁵³ къ Иаковоу глѣюще . ходихомъ къ братоу твоему Исавоу . и се⁵⁴ самъ идетъ противоу тебѣ . и .̄ӯ . мужь съ ни⁵⁵»). Устроенная встреча, тем не менее, проходит мирно, но затем Исав предлагает, Быт. 33.15: «и ре⁵⁶ Исавъ *оставлю* ли с тобою от *мужь*⁵⁵ иже *съ мною*». Иаков вежливо отказывается, что позволяет ему остаться независимым.

9. Под этим же годом в сообщении о крестовом походе «немецского цесаря» против «агарян» пишется о том, что Иерусалим был захвачен благодаря тому, что Господь «попустил» этому за грехи. В подтверждение приводится цитата из начала Бытия (перед потопом). В пересказе использована паримейная⁵⁶, по-видимому, версия Быт. 6.11,13⁵⁷. Ср.:

667.18–19И зане исполнися злобъ
нашихъ вся земля.

Быт. 6.11–13 оскврѣни же ся земля . прѣ⁵⁸ бѣмъ . и
наплънися⁵⁸ неправды ... 6.13 яко наплънися⁵⁹ земля
неправды от ни⁵⁸ . и се азъ разсыплю⁶⁰ землю

сцены смерти Всеволода Ярославича, еще в «Речи Философа», 91.8Л. В *Киевском своде* — трижды. Кроме двух некрологов, также в сообщении 6669/1161 г. о конфликте Святослава Ольговича с Ростиславом, где было задействовано множество князей с обеих сторон. Святослав сообщил своим советникам, «мужам», что «Всеволодича и Олегъ *приложилися* ко Изяславу», 513.26И. Названы племянники Святослав и Ярослав Всеволодичи и сын Святослава Олег — присоединившиеся к Изяславу Давыдовичу, двоюродному брату Святослава Ольговича, в очередной раз попытавшемуся захватить Киев. Все из черниговской ветви. Примечательно, кстати, что в диалогах князя и дружины используются книжные выражения.

53 T1 вѣстници; Вил и часть списков Ru послы; Гр Сав слоугы; Р посланнии; оі ἄγγελοι; Михайлов А.В. *Книга Бытия пророка Моисея*, 265–266.

54 **Ru** проп.; καὶ ἰδοὺ (αὐτὸς ἔρχεται).

55 **Ru** от мужь с тобою; καταλείψω μετὰ σοῦ (ἀπὸ τοῦ λαοῦ).

56 В первых главах Бытия, в том числе, и в приведенных стихах Быт. 6.11–13 в Chr So часто используется паримейный тип текста, версия же Ru резко отличается, и возможно, сохраняет исходные четыре чтения.

57 Отмечено: Florent Mouchard, “Les citations scripturaires,” 82; текст см.: Михайлов А.В. *Книга Бытия пророка Моисея*, 38.

58 T1 T45 исполнися земля /парим/; Ар Вил Гр Р Сав исполнися; ἐπλήσθη ἡ γῆ.

59 T1 T45 Вил Ар исполнися /парим/.

60 T1 T45 Г М РЗ Сав растля я и /парим/; Вил Арх растлю я и; καταφθείρω αὐτοὺς καὶ.

10. Под 6691/1183 г. в речах черниговских князей видим примечательное выражение: «не можемъ своѣ **земль поусты** оставити», 631.7–8И. Здесь возможно значение «пусть» — ‘без войска’, но учитывая затаенное недовольство летописца «черниговской братьей» в этом сюжете (родичи тогдашнего киевского правителя Святослава Всеволодича отказались принять участие в общем походе против половцев, и, вместе с тем, намекали, что они не прочь бы повоевать против ближнего переяславского князя⁶¹), возможно, еще примешивается игра словами. Слово «пусть» не столь уж часто встречается в летописных сводах⁶², видимо, потому, что «пусть градъ» и «пуста земля» читалось в проклятиях Бога Израилева «невѣрным» людям, ср.: Лев. 26.33 «боудеть **земля** ваша **поуста** и гради ваши поусти боудоуть». Как обычно, более точное и более обильное цитирование из этой главы Книги Левит находим в *ПВЛ*⁶³.

Следует оговорить, что летописцы, конечно, часто допускали весьма простую «экзегезу». Напр., в *Галицко-Волынской летописи* 747.19–21И, под 6734/1226 г., о «льстивом» боярине Жирославе. Здесь использована паримейная версия Быт. 4.11 (слова Бога к Каину), далее же слова из Библии вызывают несложную ассоциацию. См.: «реки . проклять ты . боуди стоня и тряссы на земли . яко же **раздвѣже** земля оуста своя прияти кровь брата твоего якоже / *Хлебн такоже!* / и *Жирославъ . раздвѣже* оуста своя на зѣна своего да не боудеть емоу пристанька» (курсивом выделено толкование летописца, идущее непосредственно вслед за библейской цитатой — *Т.В.*). Однако как раз составитель или составители *Киевского свода* в этом плане часто демонстрируют свою ученость и вполне неординарные решения.

В нескольких случаях, как кажется, имеем дело с сюжетными аллюзиями. Например, под 6686/1178 г. в описании доблестных деяний смоленского князя Мстислава Ростиславича, приглашенного на княжение в Новгород, встречаем уникальное обоснование справедливости военного похода. 608.19–24И: «... ъдоума с моужи своими . поиде на Полтъськъ . на зятя своего . на Всес-

61 В этих годах начался конфликт переяславского князя Володимира Глебовича и Игоря Святославича. Игорь опустошал переяславскую волость и взял один из городов. Позже, после разгрома от половцев в 1185 г. черниговскому князю приписаны покаянные речи — и одной из причин поражения выступает как раз кара за безрассудную мстительность по отношению к людям Переяславской земли.

62 В *Киевском своде* еще раз под 1159 г., 500.4–5И: «взя ти Черниговъ съ зю городъ пустыхъ Морювиескъ . Любескъ /Х Любець/ . Оргощъ . Всеволожь . а въ нѣхъ сѣдять псареве же и половци». В *ПВЛ* дважды в цитате из Книги Левит (см. ниже). За XII в. в *Лаврентьевской летописи* дважды: «Греполь . и Халѣль пуста», 304.14Л; «рекъ моя волость пуста от половецъ . пусти мя оче Стославе напередъ с сторожи», 395.17–18Л. В *Новгородской первой летописи (НПЛ)*: 36 «и положиша всю Вылгу пусту, и города вся пожыгоша» 6688/1180 г.; с. 69 «и землю нашу пусту положиша», «истеряхомъ свою власть, и тако бысть пуста» 6738/1230 г.; с. 80 «и створиша волость ихъ пусту» 6761/1253 г.; с. 83 «но господь не хотя мѣста сего святой Софьи оставити пуста» 6767/1259 г.; с. 327 «положиша всю землю пусту» 6801/1293. В *Летописце Переяславля-Суздальского* под 6717/1209 г. «и сътворивъ землю ихъ пусту» (*ПСРЛ* 38: 163).

63 Арх л.124d–125b. А. А. Шахматов предполагал, что здесь в *ПВЛ* цитируется Лев. 26.17, 19, 20, 33, 23, 24, 27, 28?, 20: Шахматов А.А. *Повесть временных лет*. Т. 1, кн. 2. СПб., 2003, 858). Благодаря сверке с четким и паримейным текстом можно внести уточнения: Лев. 26.17, 19, 20, 33, 41 (и в начале Лев. 26.32?, 36?).

лава . ходиль бо бѣше дѣдъ его на Новѣгородъ и взялъ ер^лмъ цр^квннѣи... и погость одинъ завель за Полтескъ⁶⁴». Подобное историческое обоснование притязаний и мести напоминает Суд. 11.13. Пришедший на израильтян некий «цесарь сыновъ Аммонъ» заявляет, что он имеет право воевать, «яко *взя Гиль землю мою* внегда изыде изъ Египта . от Арнонь до Иавока . и до Иордана . и ннѣ възврати ю с миромъ . и отиду»⁶⁵.

Небесполезны, как кажется, и сопоставления отдельных обозначений. Так, в *Киевском своде* среди квази-родственных наименований не только повсеместное «братие», «братия», но и «отець». Ср. под 6682/1174 г. слова Андрея Боголюбского, обращенные к Ростиславичам: «нарекли мя есте собѣ *оцѣмъ* . а хочю вы . добра», и чуть ниже отголосок в речи Ростиславичей: «брате въ правду тя нарекли есмы *оцѣмъ* собѣ» (567.23–24И, 570.12–13И)⁶⁶. Вспоминается диалог Иосифа Прекрасного и его братьев в Египте, гл. 45 Быт., когда Иосиф одновременно и упрекает, и успокаивает братьев, и хвалится своим

Лев.26.17 и опрю лице свое . и *падѣте прѣдъ врагы вашими* . и отженуоть от васъ /Т1 *Со поженуть вы*, Т45 Т44 о^женуоть ва^г/ *ненавидящеи ва^г* . и *прибѣнете* /др. списки: пробѣгнете/ *не гоними никимъ же* . 26.18 ... 26.19 и *скрушио* оукоризноу презора *вашего* /Т1 *ругание гордыни вашия*/ . и положю нбо вамъ акы желѣзно . и землю вашу яко мѣдяноу . 26.20 и *будеть вѣт^тце* /Т1 во *тицету/ крѣпность ваша* . и не изведеть земля ваша сѣмене своего . древо села вашего не дасть плода своего . 26.21–26.31 ... 26.31 и поставлю *грады* ваша поусты... 26.32 и *опоую* землю вашу . и вси чюдятся /др.: въчюдятся/ о неи враси ваши . и вселяющася в неи . 26.33 и рас^ссыплю васъ на страны . и потребить ва^г /Т1 *оубѣть вы*/ мечь приходяи /др.: *приходяи мечь*/ . и *будеть земля ваша пуста* и гради /Т1 *двори/ ваши пусти боудоуть* /Т1 доб. *яко вы ходисте* ко мнѣ *лукави*/ . 26.34–35... 26.36 и въставши^и от ва^г . и вложю стра^г въ срѣце ваше . и въ землю *врагъ* и^г . и пропоудит я шоумъ листа парима . и *прибѣзнуоть* /др.: пробѣзнутъ/ акы бѣжащеи рати . и падоутся акы не походими /Арх ош., Т44 *Со никымъ же гоними*/ . 26.37 и призри^ите акы братъ брата на рати . и не възможете соупротивитися враго^и вашимъ . 26.38 и погибнете въ страна^г . истребится вся земля гра^г ваши^г . 26.39 ... 26.40 исповѣдять грѣхъ своя и грѣ^г отѣцъ свои^г . яко престоупиша мя и презрѣ^гша мя . яко ходиша прѣ^г мноу странни . 26.41 и *азъ* ходи^г с *вами* /Т44 *Со* съ ними страна^г *яростию* . и погоублю и^г въ земли врагъ и^г . тогда ся оусрамляеть срѣце и^г и не покоривыя и тогда блговолять грѣхъ и^г .

ПВЛ, 222.21–223.2Л (=Лев. 26.31–32?) *опустѣ*ша села наша и *городи* наша . (=Лев. 26.36?) быхо^и *бѣз*аючи прѣ^г *врагы* нашими . яко * прр^ккъ глше (Лев. 26.17) *падете прѣ^г врагы вашими . поженуть вы ненавидящии ва^г* . и *побѣзнет* никому женуццо *ва^г* . (=Лев. 26.19) *скрушио руганье гордыни вашая* . (Лев. 26.20) и *будеть в тицету крѣпность ваша* . (Лев.26.33) *оубѣть вы приходив в мѣста* . [и] *будеть земля ваша пуста . и двори ваши пусти . буду^и* . // *яко вы хоуди есте и лукави* . (Лев.26.41) и *азъ* поиду к вамъ *яростью* лукавою . тако глтъ гь бѣ излвѣ .

Как видно из разночтений, в *ПВЛ* использована версия, близкая к Т1, а этот список регулярно включает чтения из Паримейника. В Т1 здесь имеется ремарка, что это чтение «новомоу лѣтоу» (1 сентября, Т1 л.109с–д). Но Лев. 26 имеются не во всех списках Паримейника, см.: *Григоровичев Паримейник*, 437, 444 (в аппарате этого издания приведено лишь указание на чтение на день Симеона Столпника, т.е. 1 сентября, Лев. 26.3–17). Отрывок из Лев. 26.3–26.32 имеется также в *Изборнике Святослава 1073 г.* (л.102а, но буквального совпадения с *ПВЛ* нет). Помимо этого, в *ПВЛ* еще «пробегает» «не гонимъ никымъ же» — Святополк, 145Л, в статье под 1019 г.

64 Х за Полтескъ, И ош. тескъ.

65 Вил л. 232. Далее сюжет развивается. Судья Иефтае отвечает в том духе, что все происходило вовсе не так, сыны Израилевы просили лишь пропустить их сквозь землю, и лишь когда им было отказано, вынуждены были пробиваться с боем (Суд. 11.15–22), и что произошло это 300 лет назад, а нынешние люди, в том числе сам Иефтае, ничего худого «сынам Аммоном» не сделали (Суд. 11.26–27).

66 Ср. также 6703/1195 г. 688.8–9И, Рюрик Ростиславич о зяте Романе Мстиславиче: «аше... отцѣмъ мя имѣти почнеть . во правдоу и добра моего хотѣти».

нынешним высоким положением. В том числе, говорит, что «Богъ его сътвори *отъца* фараону»⁶⁷. Аналогично, в Суд. 17.9 бродячему «левитину» предлагают осесть и выполнять свои жреческие функции: «сяди со мною . и боуди»⁶⁸ *оѣць* и жрецъ». Разумеется, подобные обозначения могли быть обусловлены характером древнерусской государственности, где правил разветвленный род Рюриковичей, и родственные и властные отношения теснейшим образом переплетались⁶⁹, или инспирированы отношениями в монашеских общинах, с которыми имели непосредственное знакомство многие летописцы (предполагают, что составителями сводов могли быть монахи Киево-Печерского, Выдубицкого монастыря). Тем не менее, необходимо, по-видимому, учитывать и наличие подобных библейских квази-родственных обозначений. Ср. также под 6703/1195 г. речи князей о Всеволоде Юрьевиче «положили есмы на немъ *старъшиинство* . вся братья», 685.28–686.1И, и Быт. 41.40 слова фараона Иосифу Прекрасному о том, что на него отныне возлагается достоинство великого вельможи: «оустъ твои^x да послоушають вси людїе мои . развѣ столо^m азъ *старъи* тебе боудоу».

Под 6557/1149 г. Изяслав Мстиславич заявлял, по словам его дяди Вячеслава, о неразрешимых противоречиях в отношениях с Юрием Долгоруким в таких словах: «а съ Гюргемъ не могу жити», 386.4И — ср. Быт. 13.6 «и не можахоу жити въкоупѣ» об Аврааме и Лоте, и близкое выражение Быт. 36.7 об Иакове и Исаве. Родичи не могли «жити», земля их «не вмѣщаше»; обилие «имѣнїя» вело к невозможности разделить власть.

Под 6693/1185 г. упоминаются «господичичи» в половцах, — и Быт. 24.65 «господичичем» назван Исаак⁷⁰. Ср. в той же статье «рядъ полчннїи» 643.27И — и «мужи полчннїи» Суд. 20.17, «оружье полчное» Суд. 18.11⁷¹.

Завершая эту небольшую скорее «разведывательную» статью, и оглядываясь назад, легко увидеть, что «възьоранѣ» лишь самый край поля. В свое время работы И.Н. Данилевского заставили, по крайней мере, некоторых историков постсоветского времени вновь обратиться к проблематике моделирования в летописи по библейским книгам, но многие вопросы привлечения древними хронистами Библии и летописательской «экзегезы» не имеют однозначного решения. Разумеется, только полный комплекс библейских цитат даст возможность текстологических сопоставлений — при этом, при точном цитировании

67 Быт.45.8: «нѣѣ оубо не вы (Т44 У проп. не вы) есте мя поустили сѣмо нѣ бѣ и сътвори мя оѣца (Т1 и 3 списка *Ru* яко оѣца) фараону и властелина всемоу домоу его . и князя всеи земли египетстѣи». Михайлов А.В. *Книга Бытия пророка Моисея*, 395.

68 Вил л.236; Т2 Тр доб. ми.

69 Oleksiy Tolochko, “Problems of the Rurikids and Sacral Legitimization,” *Monotheistic Kingship. The Medieval Variants*, ed. Aziz al-Azmeh and Janos M. Bak (Budapest, 2004), 249–268.

70 Слово использовано помимо этого в *Законе Судном людем*, а также в *Галицко-Волынской летописи*, где «господичичем» назван литовский князь Войшелк. См. *СДРЯ*. Т. 2, 367.

71 Вил л.236об., 238 (так Т2, Вил ош. ополчени, Тр польчени). Срезневский И.И. *Материалы для словаря*, Т. 2: 1752 (при этом, исследователем приведены только цитаты из Книги Судей и *Киевского свода*).

библейские и летописные фрагменты могут служить друг для друга контрольными текстами. Ведь и списки славянской Библии, и дошедшие до нас рукописи летописных сводов отделены от времени их создания значительным промежутком времени⁷². Соответственно, сопоставление текстов позволяет иногда распознать позднейшие наслоения переписчиков и исходные чтения. Определение всего круга чтений из Библии, по-видимому, предоставит некоторый дополнительный материал и для определения этапов составления летописей, в том числе, *Киевского летописного свода*⁷³. Возможно, в будущем будет найден ответ на вопрос, распространялись ли ветхозаветные цитаты вместе с переводными хрониками, и были ли они частью хронографов. А также, существовали ли «стили» введения библейских заимствований, т.е. характерны ли для одного и того же автора прямое цитирование, нанизывание, включающее целые ряды заимствований, сюжетные параллели, переработки и парафразы. Все перечисленное касается особенностей историописания, но влияет в конечном счете и на наше понимание истории. Пока же, тешу себя надеждой, найдены крупницы информации, позволяющие уточнить детали и смысл сообщений *Киевского свода* и некоторых предыдущих летописей.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Краткие сведения о списках

Виленский (Вил), Библиотека АН Литвы, F 19–109, 1-я треть XVI в.
 Архивский (Арх), РГАДА, ф.181, оп. №1, собр. МГАМИД, №279. 3-я четв. XV в.
 Варшавский (Варш), Biblioteka Narodowa, Dział zbiorów specjalnych, BOZ, sim. 83, 1-я четв. XVI в.
 Троицкий-1 (Т1), РГБ, ф.304.1, собр. Троице-Сергиевой Лавры, №1, 2-я пол. XIV в.
 Троицкий-2 (Т2), РГБ, ф.304.1, собр. Троице-Сергиевой Лавры, №2, к. XIV в.
 Троицкий-44 (Т44), РГБ, ф.304.1, собр. Троице-Сергиевой Лавры, №44, XV в.
 Троицкий-45 (Т45), РГБ, ф.304.1, собр. Троице-Сергиевой Лавры, №45, к. XVI в.
 Троицкий-728 (Тр), РГБ, ф.304.1, собр. Троице-Сергиевой Лавры, №728, нач. XV в.
 Григоровичев (Гр), РГБ, ф.87, собр. Григоровича, №1, сер. XVI в.
 Севастьянова (Сав), РГБ, ф.270, собр. Севастьянова, №1 1431, нач. XV в.
 Румянцевский (Р), РГБ ф.256, собр. Румянцева, №29, 1537 г.
 Ундольского-1 (У), РГБ, ф.310, собр. Ундольского, №1, посл. четв. XV в.
 Доброхотова-13 (Дб), БАН, собр. Доброхотова, №13, 2 четв. XVI в.
 МДА-12 (Д), РГБ, ф.173.1, собр. Московской Духовной Академии, №12, нач. XVI в.
Ru — русская, **Chr** — хронографическая, **So** — южнославянская редакции Восьми-книжия

Інститут історії України НАН України

72 Быт. 45:8: «ниѣ оубо не вы (Т44 У проп. не вы) есте мя поустили сѣмо нѣ бѣ и сѣтвори мя оца (Т1 и 3 списка Ru яко оца) фараоноу и властелина всемоу домоу его . и князя всеи земли египетстѣи». Михайлов А. В. Книга Бытия пророка Моисея, 395.

73 Только лишь дополнительный, т.к. заимствования из Библии носили универсальный характер. В тех фрагментах текста, которые анализировались выше, имеются и общие с *Лаврентьевской* блоки, т.е. это текст, принадлежащий летописцу более раннему, чем составитель *Киевского свода*.

Вадим Аристов

Проблемы происхождения сообщений Киевской летописи

Принято считать, что завершение летописи, продолжающей *Повесть временных лет* в списках *Ипатьевской* группы, произошло в Выдубицком монастыре. Этот летописный труд известен под именем *Киевского свода* (далее — *Ксв*), а саму летопись, в нем отраженную обычно называют *Киевской летописью* (далее — *КЛ*). Именно летописание, ведшееся в Киеве на протяжении XII в. стало фундаментом *Ксв*. Такой образ *КЛ* естественно возникает при чтении ее текста и уверенно закрепился в историографии.

Общее признание летописи киевской, а свода выдубицким, тем не менее, соседствует с мнениями об отражении в *Ксв* летописных традиций различных регионов Руси и разных центров летописания в самом Киеве. Существует много вариаций на тему того, какие именно региональные летописные традиции отразились в *Ксв* и какой монастырский летописец внес большой вклад в формирование текста *КЛ*. В сравнении с *общим знанием* о киевском характере летописи и выдубицком происхождении свода все эти взгляды много более гипотетичны. В целом, представление об истории *КЛ* выглядит как ядро — общее знание — и периферия — разной степени обоснованности гипотезы, детализирующие его. Противоречивое соотношение «общего знания» и «периферии гипотез» о *КЛ* образует проблему, которую можно озвучить так: где писалась *КЛ* и где впервые записывались сообщения о событиях, отраженных в ней?

Идея полицентризма летописания (как в общем на Руси, так и в Киеве в частности), по-видимому, восходит к концепции К.Н. Бестужева-Рюмина, поддержанной А.А. Шахматовым и развитой его последователями. До сего времени замечаем попытки ученых представить *Ксв* как архив летописания чуть ли не всей Киевской Руси. Характерно, что речь идет именно о несохранившихся, гипотетических, традициях XII в. (галицкой, переяславской, черниговской, а возможно, смоленской и полоцкой). Что касается центров летописания в самом Киеве, то в шахматовской традиции устойчиво мнение о значительной роли Печерского монастыря: в середине — второй половине XII в. киевское летописание якобы велось в этой обители, особенно при игумене Поликарпе.

Отношение к *Ксв* как к архиву спровоцировало мнение, что источники *КЛ* (различные княжеские летописцы и провинциальные летописи) можно без особых трудностей изымать из текста летописи. Наследуя манеру мышления Бестужева-Рюмина, некоторые ученые (например, Б.А. Рыбаков) впоследствии довольно легко и уверенно обращались с реконструированными источниками *КЛ* — так будто эти летописцы и летописи непосредственно нам даны. В результате, заинтересованный читатель получал набор гипотетических текстов, а собственно реальный текст *КЛ* как бы переставал существовать, распадаясь на эти многочисленные структурные единицы. Представляется, что следовало бы вернуться назад и восстановить примат реального текста над его предполагаемыми источниками и попытаться разобраться в самих возможностях вынесения суждений о них.

Одним из ключевых вопросов истории киевской летописи является вопрос о ведении летописания в Печерском и Выдубицком монастырях. От него мы и оттолкнемся в данном исследовании и к нему же вернемся в конце. Решение вопроса является задачей, открывающей более серьезное исследовательское задание. Оно заключается в установлении происхождения известий *КЛ* (и, в конечном счете, древнерусских летописей вообще), чему и посвящена данная работа. Для этого мы должны рассмотреть критерии определения происхождения сообщений. Очертим кратко эти критерии, применяемые в литературе. Происхождение сообщения может определяться по самоидентификации автора в тексте или привязке содержания сообщения или их серий к определенным реалиям (монастырь, князь, город, княжество/регион). Большое значение имеют упоминания деталей и точная датировка событий. Наряду с этим важно выяснение временной дистанции между событием и первым письменным рассказом о нем. Рассмотрим эти критерии последовательно.

1. Самоидентификация автора с монастырем или храмом, указание автора на самого себя, а также присутствие личных местоимений и форм глагола первого лица. В *КЛ* есть три случая употребления глагола в первом лице, возможно, указывающие на автора. Впрочем, они не поддаются однозначной интерпретации.

На один из них, в статье под 1171 г., обратил внимание еще Н.И. Костомаров¹. Летопись сообщает о перенесении тела умершего князя Владимира Андреевича для погребения в Андреевском монастыре. Для этого в Вышгород были отправлены два игумена: печерский Поликарп и св. Андрея Симеон:

¹ Костомаров Н.И. *Лекции по русской истории. Часть первая. Источники русской истории.* СПб., 1861, 39–40.

Того же лѣта исходача престависа кнѣзь Володимиръ . Андрѣвичъ . мѣца генвара въ . ки . и привезоша Вышегороду . Фешдоровы недѣли в патокъ . бѣ бо лежалъ не погребенъ . нѣколико днѣвъ и посла Глѣбъ кнѣзь . игумена . стѣна Бѣа Перьскаго монастыра . Поликарпа . и Семевна игумена стго Андрѣа . до Вышегорода вела има доправити . Володимира . до Киева [вставка о Владимире Мстиславиче; летописец ведет две сюжетные линии: похороны князя и дела его семьи] [...] мы же на прѣднее възвратимъса . наутрѣа же в субботу поидохомъ с Володимиромъ из Вышегорода . Дѣвдъ же кнѣзь не поустити . кнагинѣ с мужемъ до Киева . ре^а ей како та могу ѣтры пустити . а пришла ми вѣсть ночьюъ вже Мьстиславъ въ Василевѣ . а дружинѣ его ре^а а кому васъ годно а идеть . вни же рекоша ему кнѣже ты самъ вѣдаеши что есмы издѣяли Кианомъ . а не можемъ ѣхати избыють ны . игумень же ре^а Поликарпъ . кнѣже се дружина его не ѣдутъ с нимъ . а пусти своеѣ дружины нѣсколько нѣ кто ни конь доведа . ни стага донеса . Дѣвдъ ре^а того стагъ и чѣтъ съ дшѣю . ищѣла но ре^а что ти попове Мѣнчъскыи . и игумени . чьрнцы . попове Киане съ блгодарениемъ съ блгохвалными пѣ^ами . положиша и въ монастыри въ стмъ Андрѣи . мѣца феврала . въ . еі . днѣ въ первую недѣлю поста . в субботу (*Ипат.*, л. 195–195 об.)

Описывая событие, летописец оперирует глаголом первого лица «поидо-хом». В *КЛ* это уникальное место. Для *Повести временных лет* авторские ремарки от первого лица не редкость. А.А. Шахматов, следуя своей идее о печерском летописании XII в., без особых усилий признал авторство Поликарпа². Позднее по этому же пути пошел Б.А. Рыбаков, отстаивая идею печерского летописания³. Однако, сам Костомаров небезосновательно считал, что автор как раз не Поликарп, а Симеон, поскольку в данном рассказе о Поликарпе идет речь в третьем лице⁴. М.Х. Алешковский также признавал авторство Симеона и интерпретировал сообщение в духе своей идеи об Андреевском монастыре как центре киевского летописания⁵.

Впрочем, обе точки зрения не бесспорны. Игумены явно отправлялись не одни. Об этом говорится в самом сообщении: «[Давыд] ре^а что ти попове Мѣнчъскыи . и игумени . чьрнцы . попове Киане [...] положиша [...]». Получается, что в составе делегации, возвращавшейся в Киев, кроме игуменов (причем необязательно только двух упомянутых по именам), были клирики церкви Бориса и Глеба в Вышгороде («мученические»), чернецы (вероятно из нескольких монастырей), некие другие священники киевских храмов. Кроме того, с ними была княгиня и дружина покойного князя (которую Давыд не пустил в Киев).

2 Шахматов А.А. *Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.* М., Л., 1938, 70–71.

3 Рыбаков Б.А. *Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве».* М., 1972, 48–53.

4 Костомаров Н.И. *Лекции по русской истории.* Часть первая, 39–40.

5 Алешковский М.Х. *Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси.* М., 1971, 46–47. Ученый считал, что из Андреевского монастыря происходил Василий, редактор *ПВЛ* 1119 г. К такому выводу Алешковский приходил на основании двух фактов: внимания редактора к легенде об апостоле Андрее и наличия целой серии известий об этом монастыре в редакторском тексте *ПВЛ*, т.е. отразившемся в *Ипатьевской* летописи.

Автором сообщения (если автор действительно участвовал в перенесении) теоретически мог быть кто угодно из этой разнородной публики. Шансы Поликарпа, Симеона, а может и выдубицкого монаха, практически равны. Последнее допущение также усиливает впечатление, что сообщение о перенесении тела князя из Вышгорода в Киев в нынешнем его виде появилось только при составлении *Ксв.*

Во-первых, оно не относится к общему тексту *Ипатьевской* и *Лаврентьевской* летописей (*Ипат.–Лавр.*), что уже заставляет подозревать его более позднее происхождение⁶. К общему тексту относятся только несколько фраз в начале и в конце сообщения *Ипат.*, которые в сумме дают единое сухое анналистическое точно датированное известие. Во-вторых, оно содержит характерные стилистические особенности, присущие текстам составителя свода (обилие «речей», внимание к практике крестоцелования, употребление фразеологизмов — «никто конь доведа, ни стяга донеса»). То есть, участником перенесения и автором данного текста вполне мог быть будущий выдубицкий монах, который и составил свод.

Наконец, не исключено, что знаменитое в историографии место вообще не несет в себе свидетельств авторства. В списках *Хлебниковском* и *Погодинском* вместо формы первого лица (*поидохом*) читается аорист 3 лица мн. — *поидоша*⁷.

Второе и третье сообщения, на которые обратил внимание А.П. Толочко⁸, помещены в *Ипат* под 1151⁹ и 1173¹⁰ гг. В статье 1151 г. содержится «поговорка Изяслава» о том, что не место идет к голове, а голова к месту. По словам летописца, Изяслав сказал «слово то . акоже и переж слышахомъ». Кем мог быть этот, слышавший, летописец, между тем, остается только гадать. Как указал А.П. Толочко, «поговорка» книжного происхождения (из *Пчелы*). Ее мог придумать, немного переделав образец, начитанный князь. Но вот кто ее слышал, и непосредственно ли от князя или в пересказе одного из княжих мужей типа Петра Бориславича (о нем см. ниже) — вопрос вряд ли разрешимый. Фрагмент с «поговоркой» лежит вне общего текста *Ипат.–Лавр.* Между тем, иные схожие выражения с употреблением слова «голова»¹¹, находятся как внутри, так и вне общего текста. Фрагмент с «поговоркой» равным образом мог появиться и при составлении *Ксв* и на предшествующей стадии редактирования киевской летописи. Даже если поговорку от князя слышал

6 О важности общего текста для изучения *КЛ* см.: Вилкул Т.Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки). *Palaeoslavica* XIII, 1 (Cambridge, Mass., 2005), 21–80.

7 Благодарен А.П. Толочко, обратившему мое внимание на этот факт.

8 Толочко А. Поговорка Изяслава Мстиславича. *Ruthenica*. Т. 9. К., 2010, 158–160; Толочко А. «Слышахомъ преже трѣи лѣтъ». *Ruthenica*. Т. 10. К., 2011.

9 *Ипат.*, л. 159 об.

10 *Ипат.*, л. 200.

11 Их отметил А.П. Толочко: Толочко А. Поговорка Изяслава Мстиславича, 159–160.

более ранний автор, о его социальном происхождении (княжий муж или осведомленный монах) судить сложно.

В сообщении под 1173 г. говорится о знамени в Новгороде, которое «слышахомъ преже трѣи лѣтъ». Однако сообщение дает еще меньше зацепок для идентификации летописца. Более того, весь крупный фрагмент, к которому оно относится, мог вообще не быть киевского происхождения. Фрагмент преимущественно посвящен церковной и политической истории Суздальского княжества («делу» Федорца, походу Андрея Боголюбского на Новгород и др.). Он относится к общему тексту *Ипат.–Лавр.* Причем в *Лавр.* он расположен на том участке, который вполне мог отражать уже не киевское (как в части до второй пол. XII в.), а суздальское летописание¹².

КЛ не содержит, в отличие от *ПВЛ*, отражающей яркую печерскую идентичность одного из летописцев, явной идентификации с Печерской обителью¹³. Более того, можно указать на свидетельства ведения киевского летописания (по крайней мере, в первой половине XII в.) именно вне Печерского монастыря¹⁴.

2. Косвенная идентификация с монастырем или храмом посредством частого упоминание или особого внимания. В большинстве исследований киевского летописания XII в. (вероятно, по традиции, идущей от Шахматова) тезис о существовании печерского летописания зиждется на одном главном аргументе: частом упоминании и пристальном внимании к монастырю и его игумену Поликарпу (которого и считают ответственным за летописание обители в XII в.)¹⁵.

Действительно, Печерский монастырь упоминается чаще остальных — в 15 сообщениях. О монастыре св. Федора — 12 упоминаний, 8 — о Выдубицком, о монастыре св. Андрея — 6¹⁶. Вместе с тем, упоминания Печерского монастыря богаче в контекстуальном плане. Можно условно выделить пять контекстов, распределение количества сообщений по которым, согласно нашим подсчетам, выглядит так:

1) смена игуменов (смерть, поставление) — 3,

12 Можно также отметить схожесть выражений в двух указанных употреблениях первого лица: «... переж слышахомъ» и «слышахомъ преже...». Случайность ли это? Свидетельство ли единого авторства или наследования манеры предшественника? Опять таки, ответить невозможно.

13 Даже в тех случаях, где употреблено выражение «отец наш Феодосий», оно является частью прямой речи Ростислава (статья 6676 г.).

14 Под 1128 г. в *Лавр.* содержится запись: «В се лѣѣ . преѣша цѣркъ Дмитриа Печеране . и нарекоша ю Петра . съ грѣхо^ѣ велики^ѣ . и неправо». Эта запись не только не печерская, она написана в духе резкого осуждения печерян. Данного сообщения нет в *Ипат.*, однако вполне возможно, что оно не попало в окончательный текст *Ксв.* Поскольку весь основной текст *Лавр.* на этом участке, без сомнения, восходит к киевскому летописанию, можно предполагать, что именно в нем изначально находилось известие о «грехе» печерян. И это, киевское, летописание не было печерским.

15 Рыбаков Б.А. *Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»*, 52–53.

16 Мы не имеем в виду просто количество упоминаний названий монастырей. Речь идет именно об отдельных сообщениях (за разные годы или не связанных между собой сюжетно в рамках одного года), в которых само название может употребляться и несколько раз.

- 2) погребение князей и описания благодеяний в пользу монастыря — 2,
- 3) междукняжеские отношения и военные действия — 5,
- 4) встречи князей при вступлении в город, другие торжественные события — 3,
- 5) случаи из жизни отдельных лиц (князья, епископы), связанные с монастырем — 2.

Сообщения, упоминаящие другие монастыри, преимущественно кратки или находятся в составе более крупных рассказов. Однако есть случаи, когда рассказы о событиях в монастыре самостоятельны и весьма пространны, а также когда определенной обители наряду с другими уделено особое внимание. Применительно к Печерскому таких случаев пять (против одного у Выдубицкого — в завершении летописи). Эти «печерские сообщения» таковы:

1156 г. — рассказ о смерти новгородского епископа Нифонта в Печерском монастыре и его предсмертном видении;

1158 г. — сообщение о дарении земли монастырю дочерью Ярополка Владимировича;

1168 г. — рассказ о желании Ростислава Мстиславича постричься в Печерском монастыре и о его «беседах» с Поликарпом;

1170 г. — особое сожаление о разорении монастыря при взятии Киева коалицией князей;

1182 г. — рассказ о трудном выборе игумена после смерти Поликарпа.

Действительно, в *КЛ* заметно повышенное внимание к Печерскому монастырю и игумену Поликарпу. Но само по себе это не свидетельствует о ведении летописания в Печерском монастыре. «Печерские сообщения» не образуют устойчивой серии и представляют собой фрагменты иных сюжетов, принадлежащих составителям свода (см. ниже). Полагают, что выдубицкий автор должен был уделять большее внимание своему, а не соседнему монастырю. Собственно, почему же? По общему убеждению, *Киевский свод* составлен в Выдубицком монастыре, хотя сведений о нем значительно меньше, чем о Печерском. И это вполне может быть отражением особой роли Печерского монастыря в жизни Древней Руси и отношения к нему в других киевских обителях.

Иллюстрацией интереса к Печерскому монастырю у соседей может служить рассказ об избрании нового игумена в статье 1182 г. Это сообщение несет признаки выдубицкого происхождения¹⁷. Сообщения о печерских событиях в *КЛ* могут быть непечерскими по месту записи. Следовательно, и выделенный выше критерий определения происхождения сообщения оказывается ненадежным.

Упоминание Поликарпа также не защищает от сомнений в непечерском происхождении «печерских» известий. Поликарп находился в близком знакомстве с Ростиславом (см. статью 1168 г.), и особые отношения князя к Печерскому монастырю объясняют повышенный интерес к нему составителей

17 Толочко А. О заглавии «Повести временных лет». *Ruthenica* 5 (2006), 250–251.

Ксв, лояльных к семье Ростислава и его сына Рюрика. По существу, указанные выше сообщения о Печерском монастыре представляют собой эпизоды семейной истории Ростислава, тем самым «лоббируя» Рюрика, патрона Выдубицкого монастыря¹⁸.

В целом, нет причин считать «печерские сообщения» неестественными для выдубицкого свода. Избитые аргументы вроде «почему выдубицкий автор не вставил в летопись историю своего монастыря» или «почему не изъять печерские сообщения своего предшественника» основаны не на наблюдениях над фактами, а на их отсутствии. Они (аргументы) исходят из априорного убеждения в том, что должна представлять собой монастырская летопись. Этот образ «полюемической» летописи покоится, скорее всего, на предубеждении о киевских монастырях как конкурентной среде и летописцах как писателях современной эпохи, борющихся за аудиторию. Но ведь ничего подобного об отношениях Выдубицкого и Печерского монастырей мы не знаем, а умозрительные суждения о конкуренции обитателей являются, по-видимому, модернизацией.

3. Лояльность князю или княжескому дому/внимание к князю или княжеской семье. И в этом случае позиция А.А. Шахматова послужила примером для исследователей. Они пытались уловить в летописном тексте положительное или отрицательное отношение к тому или иному князю, дабы определить пристрастность автора. Исходя из полученных результатов, можно было судить о месте, а иногда и времени записи определенной информации. После трудов Д.С. Лихачева тезис о политической ангажированности летописцев и обслуживании ими интересов князей¹⁹ стал общим местом, явно или скрыто присутствующим в работах ученых. Политическая лояльность как критерий выяснения происхождения сообщений достиг абсолютизации у Б.А. Рыбакова. Ученый разделил текст летописи на участки, описывающие правления разных киевских князей и предположил, что чуть ли не при каждом князе трудился «свой официальный летописец»²⁰.

Заметим, что Б.А. Рыбаков, как и другие исследователи, апеллирующие к пристрастности летописцев, не отделял собственной инициативы летописца как причины «прославления» (или, скорее, позитивного освещения деятельности) князя от прямого княжеского заказа. Все покрывалось общим понятием «официальное летописание»²¹. Подразумевалось, что летописание

18 На то, что окрашенные этим «лоббизмом» фрагменты появились не раньше составления целого свода, указывает исследование Флорана Мушара (см. в настоящем издании).

19 Лихачев Д.С. *Русские летописи и их культурно-историческое значение*. М.; Л., 1947, 181–197.

20 Рыбаков Б.А. *Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»*, 26–29.

21 На сложность употребления понятия «официальная история» обращал внимание Бернар Гене (Гене Б. *История и историческая культура средневекового Запада*. М., 2002, 382–383). Важно разграничение ученым истории «официальной» и «официозной». Вторая, хотя и была вдохновлена властями, не признавалась таковой в открытую. Первая же могла не быть явно заказной, но использовалась властями и тиражировалась как «принятая» история.

XII в. (за редким исключением) заказное, и в то же время летописцы сами по себе политически ангажированы²². Между тем, само использование термина «официальная историография» по отношению к древнерусским памятникам очень спорно.

Большая популярность политико-идеологического критерия определения происхождения сообщений²³ контрастирует с обоснованностью его применения. Анализ политических пристрастий летописцев позволяет подвести базу под разнообразные текстологические гипотезы — в этом одна из причин его успеха. Впрочем, рамки избыточно положительного отношения к князю, за которым скрывался бы «особый источник», неясны. Как кажется, исследователи исходят из убеждения, что «нормальной» позицией летописца была оппозиционность к власти, лояльность же есть следствием особого заказа. Если принять во внимание все примеры «положительной» оценки действий князей в *КЛ*, то ее текст распадется на лоскуты-выдержки из источников, по количеству почти равные количеству князей.

Примечательно, что вне историографии шахматовской традиции (а иногда и в ее рамках), тезис об идеологичности летописных текстов всегда воспринимался с известной долей скепсиса, а решающая роль политической ангажированности оспаривалась²⁴.

Остается без ответа вопрос, почему книжник должен был благоволить только к одному князю или княжескому дому. И почему лояльность князю определенной земли должна определять происхождение текста и автора. Как мыслили книжники политическое устройство Руси: в образе территориальных образований («земель») или в образе княжеских кланов (чьи столы не обязательно совпадают с како-либо «землей»)?²⁵ Если где-то обнаруживается хорошее отношение к суздальскому князю (Андрею Боголюбскому или его брату Всеволоду), означает ли это, что данное сообщение происходит из

22 Например, см.: Рыбаков Б.А. *Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»*, 172–173.

23 См. недавно: Шеков А.В. Заметки о черниговском летописании XII в. *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2008, № 33, 106–114.

24 Хрущев И.П. *О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI–XII столетие*. К., 1878, 173–174; Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания (окончание). *ИОРЯС*, 1922. Т. XXVII. Л., 1924, 232–235; Еремин И.П. «Повесть временных лет» как памятник литературы. *Литература Древней Руси*. М.; Л, 1966, 53, 60–64; Лурье Я.С. О шахматовской методике исследования летописных сводов. *Источниковедение отечественной истории*. 1975 год. М., 1976, 88–89; Кузьмин А.Г. *Начальные этапы древнерусского летописания*. М., 1977, 46; Гимон Т.В. Для чего писались русские летописи? *Журнал «ФИПП» (факультета истории, политологии и права РГГУ)*. № 1 (2). М., 1998, 9–11; Данилевский И.Н. *Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов*. М., 2004, 37–38; Сендерович С.Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии. *Из истории русской культуры*. Том I. М., 2000, 473; Толочко А. О времени создания Киевского свода «1200 г.». *Ruthenica 5* (2006), 86; Толочко А.П. *Краткая редакция «Правды Руской»: происхождение текста* [Ruthenica. Supplementum 2]. К., 2009., 52–53.

25 Ср. наблюдения А.П. Толочко А. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., К., 2005, 294.

суздальского летописания? Если киевская летопись внимательна к галицким событиям, означает ли это, что за текстом стоит особая галицкая летопись?

Вопрос оценки летописцем событий и лиц неоднократно поднимался в литературе. Обсуждение вопроса оставляет мало места для свободного оперирования критерием лояльности летописца. Достаточно вспомнить исследования И.П. Еремина и И.Н. Данилевского, которые доказывали наличие различных оценок в текстах одного летописца применительно к одним и тем же лицам и сходным событиям, а также вообще неполитическую (религиозную, эсхатологическую) основу для оценки, которая могла доминировать над сиюминутной конъюнктурой.

Показательным может быть оценка дерзких поступков Андрея Боголюбского в 1174 г. в отношении младших князей Мономахова племени. «Андрѣи же князь толикъ оумникъ сы . во всихъ дѣлѣхъ . добль сы и погуби смыслъ свои . и невоздержаниемъ . располѣвса гнѣвомъ» (л. 203 об.). В одной фразе присутствует и позитивная оценка, и осуждение. Это еще раз подтверждает мысль И.П. Еремина, что один и тот же персонаж под пером одного и того же летописца мог оцениваться по-разному в соответствии с разными деяниями.

Единственной группой сообщений, которая может свидетельствовать об отражении особого источника, следящего за действиями определенного князя, является группа сообщений середины XII в. (на участке 1146–1154 гг.), особо внимательных к Святославу Ольговичу. Специальное исследование вопроса Т.Л. Вилкул²⁶ выявило, что эта группа сообщений, «вплавленная» в текст *Ксв* и полностью отсутствующая в общем тексте *Ипат.*–*Лавр.*, могла быть основана на синхронных записях в кругу князя. Сообщения выделяются деталями о семейных делах князя (например, сведения о рождении дочерей, что нечасто можно встретить в *КЛ*), датировками событий (на указанном участке текста *КЛ*, отсутствующего в *Лавр.*, более половины датировок связаны с событиями, в которых участвует Святослав Ольгович), использованием специфической лексики, пик которой приходится именно на фрагменты с известиями о Святославе Ольговиче (выражение «в то же веремя», с помощью которого в текст вводятся отдельные сообщения).

Но свидетельствует ли все это о ведении в XII в. черниговского летописания? Как могли выглядеть записи о Святославе Ольговиче в оригинале? Т.Л. Вилкул отметила, что они напоминают итинерарий, что-то вроде «ловов и походов» Мономаха. Эта идея представляется довольно продуктивной. Действительно, читая сообщения «лишнего» текста *Ипат.* о Святославе Ольговиче, складывается устойчивое впечатление, что события из жизни князя записывались, чуть ли не по ходу его многочисленных перемещений.

26 Вилкул Т. Літопис Святослава Ольговича у складі Київського літопису XII ст. *До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя*. Т. II. К., Львів, 2004, 63–74.

Далеко не все записи на промежутке 1146–1154 с участием Святослава точно датированы и не все концентрируются на его действиях. Если приглядеться внимательно, можно выделить узкую группу записей. С одной стороны, они точно датированы (чаще святочное датирование и указание на день недели). С другой — они связаны исключительно с взаимоотношениями Святослава и Юрия Долгорукого. Первой такой записью можно считать запись о смерти Иванка Юрьевича, посланного Юрием Долгоруким в помощь Святославу в конце 1146 (мартовского) года. Событие датировано с удивительной точностью: 24 февраля, понедельник Масляной недели, в ночь. Можно предположить, что именно это событие и стало поводом ведения записей. Первая запись должна была зафиксировать точную дату смерти молодого князя, находящегося далеко от дома, ведь до его погребения прошло бы немало времени. Следующая запись вносится уже через полтора месяца — 4 апреля 1147 г. Дальнейшие датированные записи (еще одна 1147, одна 1148, три 1149, три 1151) посвящены или важным событиям в семье и окружении Святослава (рождение дочери, выданье другой дочери замуж, смерть «княжьего мужа») или встречам Святослава с Юрием. После 1151 г. такие записи не прослеживаются.

В каком виде могли сохраняться и пополняться такие записи?²⁷ Записи могли заноситься на последние, пустые, листы книги (или приложенные к ней листы), постоянно находящейся при князе. Например, это могла быть Псалтырь. Упомянутый Мономах, как известно, «в печали» открывал именно Псалтырь, бывшую под рукой в дороге. В случае Святослава Ольговича записи мог заносить и не сам князь, но человек очень близкий к нему, например, духовник.

Другим, и возможно более вероятным,местилищем записей Святослава Ольговича могло быть Евангелие. К такой мысли склоняет то, что Евангелия, особенно апракосы, содержали Месяцесловы, располагавшиеся в конце книг²⁸. Последние, пустые, листы Евангелия после Месяцеслова тем более подходили как место записей, если первая из них, о смерти Иванка, была задумана как запись для поминания²⁹. В дальнейшем заметки продолжались на свободном листе (или листах) рукописи, пока место в рукописи не закончилось. Такие записи могли быть скорее похожи на анналы, чем на тот пространный рассказ, который ныне читается в летописи. Последний был, скорее всего, составлен только в *Ксв* на основании имеющегося каркаса.

27 Отвечая на этот вопрос, во многом опираюсь на консультации Ярослава Затяглока и Катерины Кириченко.

28 В отличие от евангелий-тетр, именно апракосы обычно содержали месяцесловы, нередко полные (каждодневные). Подробнее см.: Лосева О.В. *Русские месяцесловы XI–XIV вв.* М., 2001, 28–30.

29 Осторожно предположим, что такая аккуратность записи смерти умершего в походе молодого князя могла кроме всего прочего объясняться «предусмотрительностью» на случай посмертных чудес и необходимости прославления, а в перспективе и канонизации.

Кратковременная личная летопись или, точнее, спонтанно возникший тематический «дневник», нетождествен «местной летописи». А ведь записи Святослава Ольговича — единственная не вызывающая сомнений группа сведений, так или иначе связанная с Черниговской землей или черниговскими князьями. Таким образом, признавая существование своеобразного «личного летописца» Святослава Ольговича, мы отрицаем существование регулярной местной черниговской летописи в XII в.

Как такие личные записи могли попасть в *Ксв*? М.Д. Приселков в свое время подчеркивал внимание, уделяемое составителями *Ксв* Игорю Святославичу (сыну Святослава Ольговича)³⁰. Он выделял серию сообщений о семейных делах Игоря и считал их отражением некоего «летописца Игоря». Ученый, также отмечая внимание летописи к Святославу Ольговичу, считал «летописец Игоря» продолжением «летописца Святослава», и оба вместе — примером семейного летописания в Древней Руси.

На поверку не все оказывается так просто. Почти все известия о семейных делах Игоря (за вторую половину XII в.) не имеют точных дат и отсутствуют в общем тексте *Ипат.–Лавр.*, в то время как другие подобные сведения в *Ипат.–Лавр.* (да и дополнительном тексте *Ипат.*) обычно датированы. Сей факт наводит на мысль о ретроспективном характере этих известий, когда сводчик мог восстановить только год, но не дату. Следовательно, хотя прямых доказательств существования «летописца Игоря» и нет, внимание к князю³¹ и сбор информации о нем вряд ли оспоримы. По причинам только угадываемым (например: Игорь был в близком родстве с Ростиславичами; его сестра была женой Романа Ростиславича, а его сын Святослав был женат на Ярославе Рюриковне) составители *Ксв* могли интересоваться личностью Игоря и именно через него или приближенных к нему лиц получить Псалтырь или Евангелие его отца.

Следует еще раз подчеркнуть, что предполагаемый Летописец-дневник Святослава Ольговича скорее является исключением, да и то не подтверждающим существование развитого областного летописания в Черниговской земле.

4. Тематика сообщений и детализация: характер событий, регион, город, лица, точные хронологические показания, местные подробности. В свое время К.Н. Бестужев-Рюмин, разрабатывая свою концепцию свода, предполагал ведение летописей чуть ли не в каждом крупном городе и княжестве Руси³². Его манеру перенял А.А. Шахматов. По этому принципу определял происхождение сообщений и А.Н. Насонов, специально исследовавший южнорусское летописание. Например, сообщения о переяславских епископах,

30 Приселков М.Д. *История русского летописания XI–XV вв.* Л., 1940, гл. 2.2.

31 Показательно замечание Приселкова о характеристиках иных князей по отношению к Игорю: например, «сват Игорев», «шурин Игорев».

32 Бестужев-Рюмин К.Н. *О составе русских летописей до конца XIV века.* СПб., 1868, 1–69. См. также: Иконников В.С. *Опыт русской историографии.* Том 2. Кн. 1. К., 1908, 438–538.

особенно оснащенные точными датами, ученый считал переяславскими записями. Наоборот, киевскими записями в общем тексте *Inam.*–*Лавр.* он считал те, где не упомянуты переяславцы или речь идет о политике киевского князя³³. Между тем, исследователь был не вполне последователен в своей аргументации. Если взглянуть шире, окажется, что не только «переяславские», но и «киевские», а точнее, нейтральные или т.н. «общерусские», известия в *Лавр.* зачастую исправнее, нежели в *Inam.* Сравним, например, серию записей за 6629–6632 гг. Известия о знаменьях, пожаре, черниговском и юрьевском епископах и другие в *Лавр.* имеют точную датировку и содержат некоторые подробности в отличие от *Inam.* Тем не менее, подозревать здесь черниговскую или юрьевскую редакцию нет оснований. Видимо, текст *Лавр.* исправнее сохранил киевский источник, изначально содержавший точные даты.

Конечно, топографические детали Переяславской земли, отраженные в *Лавр.*, и общая окраска излишних в сравнении с *Inam.* фрагментов (добавочная информация о князьях Переяславля, например, Ярополке Владимировиче) могут действительно отражать работу переяславского летописца. Но это не означает, что в Переяславле развивалось самостоятельное регулярное летописание. Указанные особенности могли появиться в результате простых добавлений поверх киевского текста, т.е. в ходе одномоментной редакции. Иными словами, если переяславский период в истории бытования летописных текстов (*ЛВЛ* и его киевского продолжения, отраженного в *Лавр.* до 1160-х гг.) выглядит небезосновательной гипотезой, то идея самостоятельного переяславского летописания — слишком оптимистической.

Те же приемы Насонов применял и в исследованиях ростово-суздальского летописания. Записи, где упоминался Ростов и ростовская церковь, он относил к ростовским, записи с упоминаниями Владимира и местных церквей — к владимирским. Между тем, применяя эту методику к *КЛ* видно, насколько она ненадежна. Следуя ей, пришлось бы, разлагая каждый большой нарративный фрагмент на упоминания того или иного крупного центра, топографических деталей или церквей, предполагать большое количество местных летописаний. Надо признать, что в этом отношении со времен Бестужева-Рюмина изменилось мало. Кроме того, здесь чувствуется предубеждение о широкой распространенности летописания или, по крайней мере, естественности ведения летописи. Это, видимо, не так³⁴. Летописи возникали в особых случаях и при особых обстоятельствах. Нельзя вывести формулы, по которой каждый крупный политический центр Руси обязан был бы иметь собственное летописание.

Место происхождения информации неравнозначно месту первой письменной фиксации. Маловероятно, чтобы летописец в Киеве не знал о событиях

33 Насонов А.Н. *История русского летописания. XI — начало XVIII века.* М., 1969, 83–87.

34 См. также: Лурье Я.С. О шахматовской методике исследования летописных сводов. *Источниковедение отечественной истории.* 1975 год. М., 1976, 88–89.

в Чернигове или Галиче, особенно имея контакты с непосредственными участниками событий. Также трудно представить, чтобы информацию о событиях из иных земель он получал преимущественно в письменном виде. Степень информированности киевских летописцев, в том числе, о деталях происходившего, нельзя недооценивать. Информаторы могли доносить точные даты и даже дни событий, а также местные подробности (топонимы, имена людей). «Черниговские», «галицкие» или «полоцкие» известия необязательно попали в *КЛ* из провинциальных летописей.

С какой социальной средой следовало бы связывать ведение летописей? Писали ли их только духовные лица или летописи³⁵ могли вести светские люди, даже бояре? Свидетельствуют ли точные (указание дня и времени суток) хронологические показания об участии автора записи в событии, а, следовательно (при описаниях походов, например), о его светском статусе? Попробуем раскрыть данную проблему на примере текстов, традиционно приписываемых частью ученых Петру Бориславичу³⁶.

В тексте *КЛ* особенно выделяется участок с 1146 до 1154 г. включительно. Здесь практически отсутствуют короткие заметки анналистического типа. Зато именно тут в описаниях княжеских походов и перемещений имеется удивительно много точных хронологических указаний («на ночь заоутра же в среду», «въ четвержьнии же днь переже слнца», «свитающю же патьку» и др.). Так, под 1151 г. в описании одного из эпизодов борьбы князей за Киев находим описание событий более чем целой недели, расписанное по дням недели. Оговоримся, что в целом указания на время суток не всегда свидетельствуют о синхронной письменной фиксации, а иногда, напротив, указывают на позднее припоминание. В то же время указание на дату дня — признак синхронной записи о событии³⁷. Однако в данном случае, утверждать о позднейшем припоминании было бы определенной натяжкой. Точные хронологические показания встречаются и в других местах летописи. Но всюду, кроме указанного участка *КЛ*, они заметно реже и, вероятно, действительно воспроизведены по памяти или происходят из кратких анналистических записей. Тут же видим некую системность.

Точно датированные нарративные фрагменты 1146–1154 гг. входят в общий текст *Ипат.–Лавр.*, т.е. были вставлены в летопись не при составле-

35 Не все исследователи полагают на основу *КЛ* именно летопись/летописи. Н.Ф. Котляр считает главной разновидностью исторического текста «воинскую повесть» (Котляр М.Ф. *Київський літопис XII ст. Історичне дослідження*. К., 2009, 6–50 (тут же историография вопроса). Однако суть дела это не меняет, поскольку ученый фактически заменяет повестями то, что другие исследователи считали летописями.

36 Рыбаков Б.А. *Петр Бориславич и «Слово о полку Игореве»*. М., 1991, часть II.

37 Обстоятельства события (весна, осень, вечер, утро, церковный праздник) запоминаются гораздо лучше, чем число дня, и могут воспроизводиться по памяти через десятилетия после самого события. Следует учитывать и то, какие группы населения в древнерусское время могли хорошо ориентироваться в числах и церковном календаре.

нии *Ксв*, а в середине XII в. В *Лавр.*, впрочем, они отражены не полностью. В *Лавр.*, например, в упомянутой недельной росписи событий под 1151 г. отражены события только части дней, тогда как в *Inam.* — роспись полная. Данные фрагменты используют набор клише, среди которых особо показательно «*оутрии же дни*», используемое практически в каждом из них³⁸. Каково же происхождение записей? То, что они имелись в общем киевском источнике *Inam.—Лавр.*, означает, что записывались они вряд ли позже, чем через два десятка лет после самих событий (см. ниже). Вспомнил ли дни недели настолько точно очевидец-информатор летописца через двадцать лет? Или очевидец был постоянным информатором летописца (т.е. пространное описание заносилось в летопись или отдельную тетрадь после каждого очередного события)? Или участник событий вел краткие «дневниковые» записи, а позже они были в один прием интегрированы в летопись (так же, как записи Святослава Ольговича)³⁹? Два последних ответа выглядят достаточно правдоподобно; решать точнее нет возможности.

Еще К.Н. Бестужев-Рюмин, развивавший идею Н.И. Костомарова, замечал, что «биография Изяслава» (так ученый называл это обширное сказание длиной в восемь лет и размером в одну треть всей *КЛ*) была написана светским лицом, приближенным князя⁴⁰. Одним из первых опроверг эту мысль И.П. Хрущев, считая, что княжеского «соратника, военного человека мы здесь не видим», зато подробности походов от этих самых соратников мог узнать и записать духовник⁴¹. Все исследователи, считавшие Петра Бориславича летописцем, развивали, по сути, идею Бестужева-Рюмина. Нам же кажется, что прав скорее Хрущев.

Петр Бориславич упомянут как герой двух весьма детальных рассказов (особо выделяется второй, где подробно освещены обстоятельства смерти Володимирка Володаревича) о посольских миссиях от Изяслава Мстиславича к Володимирку Володаревичу в 1152 г.⁴² Однако, ничто не свидетельствует прямо, что он сам вел летопись, а не просто был информатором.

Сюжеты с Петром не связаны прямо с теми фрагментами текста, где имеются точные хронологические показания, а представляют собой самостоятельные завершённые истории⁴³. В них отсутствуют характерные для

38 Это и другие клише («на ту же ночь», «ста ту на ночь») встречается по всему тексту *КЛ*, но именно на данном участке особенно густо.

39 И.П. Хрущев склонялся к этому решению, называя краткие, точно датированные, путевые заметки «памятjami», см.: Хрущев И.П. *О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI–XII столетие*, 177.

40 Бестужев-Рюмин К.Н. *О составе русских летописей до конца XIV века*, 79–80.

41 Хрущев И.П. *О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI–XII столетие*, 176–177.

42 Не берем в расчет еще одного упоминания о Петре и его брате Несторе под 1169 г. Братья повздорили с Мстиславом Изяславичем, после чего, «отпущенные» им, пустились клеветать на князя Ростиславичам.

43 Так, Хрущев считал только рассказы о посольствах несомненным «отрывком мемуара» Петра Бориславича (Хрущев И.П. *О древнерусских исторических повестях и сказаниях*, 181).

рассказов 1146–1154 гг. точные подневные росписи событий и присущие им языковые клише. В отличие от них, повествования о Петре вовсе не отражены в общем тексте *Ипат.–Лавр.*, т.е., по-видимому, попали в летопись только в конце XII в. Показательна частотность упоминания имени Петра в этих сюжетах и полное отсутствие указаний на Петра во всех остальных точно датированных текстах 1146–1154 гг. Это недвусмысленно указывает на разное происхождение сюжетов с Петром и окаймляющих их, точно датированных, рассказов о событиях. Создается впечатление, что о Петре рассказывает кто-то другой. Если фрагментам, упоминающим Петра, искать аналогии, то они отыщутся в *ПВЛ*, и это будет рассказ о Яне Вышатиче под 1071 г. (борьба Яня с волхвами на Белоозере). К счастью, в *ПВЛ* сохранилось признание летописца, что он записывал со слов Яня. В противном случае мы бы (как и в случае с Петром) представляли себе самого Яня летописцем. Увы, составитель *Ксв* не проговорился о своих беседах с Петром. В свете выше сказанного логичнее видеть в Петре Бориславиче не летописца, всего лишь информатора составителя *Ксв*.

Все эти нехитрые соображения заставляют поставить под сомнение или, по крайней мере, очень осторожно отнестись ко всем идеям о местном летописании, якобы существовавшем и сохранившемся лишь в *КЛ*: галицком, черниговском или каком-то еще. Точно так же сомнительным выглядит широкое распространение практики писания летописей в кругу грамотных и приближенных к князьям лиц.

5. Время составления рассказов. Вопрос о происхождении записей *КЛ* имеет и временное измерение. Какая временная дистанция отделяла описываемые события от первой письменной фиксации? Была ли информация записана по горячим следам (на протяжении не более года-двух), в анналистической манере, или она была восстановлена по памяти по прошествии многих лет?

Тексты *КЛ* неоднородны. В ней явно присутствует анналистическая составляющая. Она представлена короткими, большей частью точно датированными, записями, простирающимися по всему протяжении летописи. Они, вероятно, фиксируют погодную, анналистическую основу киевского летописания XII в.⁴⁴ Такие записи, заносившиеся по горячим следам, не могут служить для датирования каких-либо крупных этапов в летописной работе.

Основное в тексте *КЛ* — обширные нарративные пассажи. Исследователи, признающие существование «своего летописца» у каждого следующего князя, вынуждены признавать, что нарративная составляющая нарастала долго и не в один-два приема. В литературе вопроса зачастую отмечают подробности при описании событий. Их наличие должно означать близость автора (и не только

Причем ученый, как видно, не зачислял Петра в летописцы, а лишь признавал за ним авторство «воспоминания».

44 Об анналистических записях в *КЛ* см.: Еремин И.П. Киевская летопись как памятник литературы. *Литература Древней Руси*. М.; Л., 1966, 98–131.

территориальную, но и хронологическую) к событию. Это, в свою очередь, узаконивает идею множества политически ангажированных летописцев. Но насколько детальным должен быть рассказ, или какими качествами он должен обладать, чтобы однозначно признать его синхронным? Вопрос, требующий не столько строгого ответа, сколько постоянного звучания в лаборатории исследователя.

Нарративная составляющая *КЛ* уверенно делится на две группы текстов. Одна из них (1) — тексты, написанные/вставленные при составлении *Киевского свода*. Вторая (2) — фрагменты, отраженные в общем тексте *Ипатьевской* и *Лаврентьевской* летописи, что прекрасно показала Т.Л. Вилкул.

(1). Еще М.Д. Приселков обращал внимание на характерные формулы, присущие некрологам князьям дома Ростиславичей и связывающие их с «речью Моисея», завершающей *КЛ*⁴⁵. Наблюдения В.Ю. Франчук над лингвистической структурой *КЛ* дали возможность полнее определить тексты, попавшие в летопись при составлении свода⁴⁶. В частности, исследовательница выделила значительный пласт «высокой лексики», присущей «речи Моисея» и многим панегирическим или некрологическим отступлениям в основном тексте *КЛ*. Специальное исследование техники создания панегириков провел А.П. Толочко⁴⁷, что продемонстрировало идеологические основания клиширования в данном типе летописных текстов. Фрагменты, имеющие в своем составе хронографические вставки или ориентированные на хронографические образцы (преимущественно *Александрию*), также, по всей вероятности, принадлежат перу составителей свода и относятся к концу XII в.⁴⁸ Например, показательной выглядит крупная вставка из *Александрии* (а именно из присоединенной к ней статьи «О рахманех»⁴⁹) в предсмертной молитве Давыда Ростиславича под 1197 г.⁵⁰ А текст последних статей *КЛ*, в числе которых статьи 1197–1198 гг., без сомнения написан тем книжником, который составлял весь свод⁵¹.

45 Приселков М.Д. *История русского летописания XI–XV вв.* Л., 1940, гл. 2.2.

46 Франчук В.Ю. *Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении.* К., 1986, 15–50.

47 Толочко А.П. Похвала или Житие? (между текстологией и идеологией княжеских панегириков в древнерусском летописании). *Palaeoslavica* VII (1999), 26–38.

48 Вилкул Т.Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки). *Palaeoslavica* XIII, 1 (2005), 67–69, 76–79. О датировании свода началом XIII в. см.: Толочко А.П. О времени создания Киевского свода «1200 г.», 73–87.

49 Предполагается, что *Александрия* была доступна авторам *Ксв* не отдельно, а уже в составе *Хронографа* (типа *Иудейского*). Основанием для такого вывода служит то, что в *Ксв* была использована одновременно *История Иудейской войны* Иосифа Флавия. Вместе с *Александрией* она входила в состав *Иудейского Хронографа*, посредством которого оба произведения использовались составителями Галицкой части *Галицко-Волынской летописи*. См.: Вилкул Т.Л. «Литредакция» летописи (о вставках из Александрии Хронографической в Киевском своде XII в.). *Герменевтика древнерусской литературы.* Сб. 13. М., 2008, 436.

50 Вилкул Т.Л. «Литредакция» летописи (о вставках из Александрии Хронографической в Киевском своде XII в., 433–436.

51 Доклад А.П. Толочко «Панегирик Рюрику Ростиславичу и структура Киевской летописи» на настоящей конференции.

(2). Общий текст *Ипат.–Лавр.* представляет собой более простой и фактографический нарратив. В отличие от (1), он более сконцентрирован на событиях собственно киевских, тогда как *Ксв* в целом имеет скорее характер общерусской истории. Со второй половины XII в. (а именно с 1160-х гг.) общий текст меняет характер — тут представлен владимирский свод. Этот последний пользовался киевским летописным нарративом, включающим (1), но позже сам был использован в Киеве при составлении *Ксв*. Таким образом, киевский нарративный источник общего текста простирается где-то до середины XII в. (вероятно, до конца 1160-х гг.).

Отталкиваясь от исследования Т.Л. Вилкул общего текста *Ипат.–Лавр.*, видно как в *Ксв* нарастал и усложнялся текст более простого и фактографического нарративного тела летописи. В текст добавлялись многочисленные «речи» князей и дружины, описания посольств между князьями, разъяснения планов и даже мыслей участников событий. Много из этого, на самом деле, не детали, записанные современником, и даже не припоминания, а довольно искусные распространения. В них нет ничего, безусловно выдающего современника. Как иллюстрацию можно отметить такую псевдо-деталь, как княжеский «обед» — элемент стабильной структуры описания дружественных встреч князей. Особенно в статьях середины XII в. (начиная с 1142 г.) князья регулярно обедают, после чего с завидным постоянством отмечается: «и пребыша оу велицѣ весельи и оу велицѣ любви». Такие клишированные описания княжеских встреч встречаются до 1195 г. и отражают, по всей видимости, руку составителей *Ксв*⁵². В то же время, большинство фактографических деталей (по крайней мере, до второй половины XII в.) относятся именно к (2), т.е. более раннему нарративу.

Важно заметить, что наряду с внутренними, у нас есть два «внешних» критерия отделения настоящих фактографических деталей от фиктивных, опирающихся на параллельные тексты и источники *КЛ*. Во-первых, как было отмечено выше, критерием «настоящей детали» служит ее принадлежность к общему тексту *Ипат.–Лавр.* Во-вторых, все «фиктивные детали» (речи, посольства, бытовые подробности, характеристики князей) относятся к фрагментам, заимствованным или смоделированным по хронографическим образцам (преимущественно повлияла *Александрия*)⁵³. Наложение двух критериев (общий текст *Ипат.–Лавр.* и хронографические вставки) дает надежный инструмент в выделении двух основных разновременных слоев нарративного тела *КЛ*.

52 В.Ю. Франчук, следуя за Б.А. Рыбаковым, видит в этом клише руку Петра Бориславича, якобы ведшего княжескую летопись с 1146 до 1196 г. Франчук В.Ю. *Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении*, 83.

53 Вилкул Т.Л. «Литредакция» летописи (о вставках из Александрии Хронографической в Киевском своде XII в.), 425–446; Вилкул Т.Л. О хронологических источниках Киевского летописного свода. *ТОДРЛ* (в печати). Благодарю автора за возможность ознакомиться с этой работой в рукописи.

В качестве примера можно привести отрывок из статьи 1147 г., из фрагмента о гибели Игоря Ольговича в Киеве. Приведем ниже параллельные тексты *Ипат.* и *Лавр.*, а также выделим места в *Ипат.*, связанные с *Александрией*⁵⁴.

Ипат. (л. 129-129 об.)

и тако из народа стоащєи възрѣша Игоря вбѣгша въ Мьстиславль дворь . и тако наро⁵⁴ двигнушася . и выломиша ворота и тако побиха Игорь же побиваемъ **ре⁵⁵ влѣко в роуцѣ твои прѣдаю тебе дѣхмои**⁵⁰ . прими в мирь твои дѣшо мою . незаконнии же . немлѣтивии побивше . и ѿиноудь тѣло его . наго вставиша и поверзъше оужемъ за ногы . оуворозиша . и **ѣще живоу соущоу емоу рѣгаощеса црьскомо и сѣеномѣ тѣлоу**⁵¹ . и волокоша и съ Мьстиславла двора чересь Бабинь торжекъ на кнѣж дворь и тоу прикончаша и . и тако скончаша и Игоря кнѣза сѣна Ѡлгова . башеть бо добрый и поборникъ ѿчѣства своего . в рѣцѣ Бѣи преда дѣхъ свои . и сѣвлѣкъся ризы тлѣннаго члѣва . и в нетлѣнноую . и многострѣтноую ризоу вболкъса Хса ѿ негоже и вѣнцаса въсприемъ мѣνια нетлѣннии вѣнечъ [...] и ѿтоуда възложиша и на кола и везоша и на Подолье на торговице и повергоша пороуганью . незаконнии несъмьслении . ѿслѣплении ѿцима . своима . **вѣдоуще яко мьститель естъ Бѣ и взищеть крови неповиннаго**⁵² . члѣвци же блгѣвѣрнии . приходяще взимахоу ѿ крове его и ѿ прикрова соущаго на немъ . на тѣлѣ его . на спѣние себе . и на исцѣление . **и покрывахоуть . наготову телесе его своими ѿдежами**⁵³

Лавр. (л. 106)

и выломиша ворота . и вшедше въ дворь . оузрѣша Игоря на сѣне⁵⁶ и разбиша сѣни ѿ не⁵⁶ . и сомчаша и с сѣнии . и ту оубиша и конецъ всходь . и за тѣмъ оутече Михаль .

а Игоря поверзъше за нозѣ волокоша и сквозѣ Бабинь торжекъ . до стоє Бѣи . и ту вбрѣтоша мужа стоаща с колы

и возложше и на кола везоша и на Подолье

Итак, хронографические заимствования (выделены жирным) встречаются только во фрагментах, отсутствующих в общем тексте *Ипат.—Лавр.* (подчеркнуты). Они вставлены в пространные отступления, заключающие в себе: слова/молитву Игоря, панегирик князю, красочное описание надругательств людей над «священным телом», псевдо-подробности («царская ругань»). Все эти особенности присущи текстам составителей *Ксв.*, стилистически связанным между собой. В то же время, текст *Лавр.* сообщает действительные подробности события (напр., «разбиша сѣни ѿ не⁵⁶ . и сомчаша и с сѣнии . и ту оубиша и конецъ всходь»), более связный и, можно полагать, исправнее отражает слой летописного нарратива, предшествующий слою конца XII в.

Впрочем, в других местах при сличении *Лавр.* и *Ипат.*, можно заметить, что общий текст, отраженный в *Лавр.*, не полный. Например, под 1160 г. в обеих летописях имеется рассказ о противостоянии Изяслава Давидовича в союзе с половцами и Святослава Ольговича с союзными князьями в Черниговской земле. Описывая дружественные Святославу силы общий текст *Ипат.—Лавр.* указывает, что была и «галичская помощь». Ниже под тем же

54 Нижеследующие сопоставления основаны на наблюдениях Т.Л. Вилкул (Вилкул Т.Л. О хронологических источниках Киевского летописного свода . *ТОДРЛ* (в печати).

55 «и се рекъ Дарин, издыше духъ преда Александрови в роуцѣ».

56 «аще бо пришедъ Александръ нынѣ, црь макидонскыи, обрящет мя оубиена, црь цревом тѣломъ мьстити имать... оставивша Дария еле жива суца».

57 См. предыдущую ссылку.

годом в рассказе о дальнейших усобицах черниговских князей упомянута «муромская помочь». В статье 1155 г. выражение «галичская помочь» также имеется в общем тексте. Такие выражения (притяжательное от названия города + «помочь») редки и встречаются на довольно ограниченном промежутке (1155–1168 гг.). Вероятнее всего, они оставлены одной рукой. Тем не менее, ниже в статье 1160 г. *Inam.* выражение «галичская помочь» употреблено вне общего текста *Inam.*–*Лавр.*; то же — в статье 1158 г. Однако подозревать вставку нет оснований. Во всех случаях выражения употреблены в однотипных «воинских» рассказах, не содержащих явных внутренних границ, хронографических вставок, характерных для составителей свода клише.

Такой пример не единичен: наблюдается некая системность. Это указывает на то, что *Лавр.* не может быть безоговорочным контрольным текстом для *Inam.* И та, и другая летописи сохранили нарратив, предшествующий *Ксв.*, с изменениями. В *Inam.* — он расширен, в *Лавр.* — сокращен. В общем, наиболее полное представление о более раннем нарративе можно получить, дополняя критерий хронографических вставок и общего текста наблюдениями над внутренними особенностями *Inam.*

В целом, тексты, относящиеся к творчеству составителей *Ксв.*, вставлены в летопись единовременно. То же, вероятно, следует предполагать и в отношении более раннего нарратива *КЛ*, отразившегося в общем тексте *Inam.*–*Лавр.* Таким образом, возможность занесения в летопись пространных описаний событий вереницей сменявших друг друга официальных княжеских летописцев можно признать очень сомнительной.

Об основаниях «общего знания» о *КЛ*. На фоне выше сказанного нелишне вспомнить характер аргументов в пользу Выдубицкого происхождения *КЛ*. Они известны давно, добавить можно немного. И, как ни странно, аргументы стандартны: лояльность к Ростиславичам и особенно Рюрику, связь Рюрика с монастырем (из него происходил духовник князя), внимание к монастырю в летописи в последних статьях, где описывается строительство подпорной стены монастыря.

Политическая лояльность, историческая вероятность, внимание к монастырю — это те критерии, которые нередко критикуют как ненадежные (что было проделано и в данной работе) и которыми, между прочим, попрекают А.А. Шахматова и его последователей. Но в конкретной ситуации тезис о выдубицком происхождении *Ксв* вряд ли кто-то возьмется всерьез оспаривать. Критерии и их комбинация в этом случае работают. Видимо, дело не только в самих критериях, а в том, насколько корректно, уместно и системно они применяются на конкретном материале.

В конце концов, не станем уходить от одного из возражений, которые могут возникнуть как реакция на наши размышления. Где неопровержимые доказательства Выдубицкого происхождения свода? Коль скоро мы сомнева-

емся в печерском летописании, почему бы не усомниться и в выдубицком? Попробуем ответить. Здесь работает «аргумент финала» — то, как летопись закончена. Она заканчивается панегириком Рюрику в связи с его строительной деятельностью и помощью Выдубицкому монастырю в возведении подпорной стены. Финал *КЛ* не есть случайный обрыв, а продуманное завершение свода. Пусть монастырь св. Михаила упоминается по ходу текста реже, чем Печерский. Пусть в летописи нет рассказов из внутренней жизни обители. Но именно в финале сводчик мог проявить себя. Что он и сделал. Выдубицкий адрес *Ксв* — тезис, на котором сходится историография независимо от основных разломов, ее разделяющих (как, например, отношение к концепциям А.А. Шахматова). Он должен служить исходной посылкой. Признание же отражения в Выдубицком своде печерского или иных монастырских летописаний может происходить только тогда, когда «печерские» (или какие-то еще) фрагменты нельзя объяснить иначе. Увы или к счастью, можно.

Если представить историю летописи как путешествие, то отправным пунктом путешествия киевской летописи после *Повести* оказывается Выдубицкий монастырь. Характерно, что конечным пунктом был этот же монастырь. Как мы видели, судить о промежуточных остановках не представляется возможным; нельзя доказать перенесение летописания в Печерский монастырь или печерскую идентичность кого-либо из летописцев. Настолько же проблематичным остается вопрос о летописании в других монастырях, например, Андреевском. В этой ситуации наиболее логичным представляется объяснение, существующее уже давно (впервые высказанное, кажется, Д.И. Иловайским⁵⁸), о том, что летопись на всем протяжении XII в. находилась в Выдубицком монастыре.

Інститут історії України НАН України

58 Иловайский Д. *История России*. Ч. 2. М., 1880, 339–340.

Флоран Мушар

**Между братом и сыном:
Об образе Ростислава Мстиславича в Киевской летописи**

Введение

В науке давно и, по-видимому, окончательно обосновалось мнение, согласно которому *Киевская летопись* конца XII или начала XIII в. — свод, тесно связанный с именем князя Рюрика Ростиславича¹. Помимо исключительной важности данной летописи как исторического источника, следует подчеркнуть, что она и является одним из фундаментальных источников для реконструкции истории смоленской династии за XII в. Как известно, основателем этой ветви Рюриковичей был отец Рюрика Ростислав, сын Мстислава Владимировича Великого. Специальные труды, посвящённые Смоленску², равно как и исследования с более широким кругозором, обычно уделяют достаточно большое внимание Ростиславу, одному из главных политических деятелей Руси, в частности за время его правления в Киеве (1159–1167 гг.). Однако, при всей детальности разработки биографии Ростислава, некоторые стороны его жизни и деятельности, о которых *Киевская летопись* распространяется достаточно подробно, ещё слабо изучены; или, выражаясь точнее, вся та богатая информация о нём, которая дошла до нас на её страницах, до сих пор нуждается в критической проверке. В самом деле, Ростислав, как основатель одной из самых активных и (порой) успешных княжеских группировок домонгольской эпохи, не мог не рассматриваться с особым пиететом со стороны и его сыновей, и составителей *Киевской летописи* в окончательном её виде. Цель настоящей статьи — охарактеризовать этот пиетет, на материале одного

1 Ср., например: Присёлков М. Д. *История русского летописания XI–XV вв.*, СПб., 1996 [Studiorum Slavico-rom. monimenta 11], 87–89; или Шахматов А. А. *Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.* М.-Л., 1938, 71. Новейший пересмотр датировки *Киевской летописи* также не ставит под сомнение решающее значение Рюрика для составления *Киевской летописи*, хотя объясняет его по-другому: Толочко А. П. О времени создания Киевского свода «1200» г. *Ruthenica* 5 (2006), 86–87.

2 Главнейшими трудами являются: Голубовский П. В. *История Смоленской земли до начала XV в.* К., 1895 (о Ростиславе см. с. 188–189, 266–277); Алексеев Л. В. *Смоленская земля в IX–XIII вв.* М., 1980 (о Ростиславе см. в частности с. 198–211).

ключевого момента: тех летописных сюжетов, в которых выступает Ростислав подле старшего брата Изяслава, за годы правления последнего в Киеве (1146–1154 с перерывами).

1. Брат с братом

1.1. Ростислав и Изяслав. Начиная с 6654 г. — года вокняжения Изяслава Мстиславича — изложение в *Киевской летописи* становится особенно подробным и подробным, обладая вместе с тем и выдающимися литературными достоинствами. Многие исследователи также установили, что в особенно благоприятном свете выступает князь Изяслав Мстиславич³; некоторые даже полагают существование специального повествовательного источника, посвящённого этому князю, целиком или частично занесённого потом в *Киевскую летопись*⁴. По сравнению с этим, изложение фактов в летописях типа *Лаврентьевской* многим, вслед за А.А. Шахматовым и М.Д. Присёлковым, казалось сильно сокращённым вариантом подробных рассказов переяславльского летописания, предположительно лучше сохранившихся в летописях типа *Ипатьевской*⁵.

Однако некоторые исследователи, в частности Д.С. Лихачёв, обратили внимание на одно обстоятельство⁶: в отдельных местах текста (которых, можно добавить, нет в соответствующих сюжетах *Лаврентьевской* и сходных с ней), особенно подчёркивается достоинство Ростислава Мстиславича, младшего брата Изяслава — до такой степени, что он порой кажется даже активнее и подвижнее самого Изяслава (хотя последний, разумеется, всё-таки является главным героем текста). Это особенно примечательно в тех местах, где оба брата выступают вместе; например, когда они предпринимают совместные

3 Начиная с Бестужева-Рюмина: Бестужев-Рюмин К. Н. *О составе русских летописей до конца XIV века. 1. Повесть временных лет, 2. Летописи южно-русские.* СПб., 1868, 79 сл. Ср. литературу у Толочко П. П. *Русские летописи и летописцы X–XIII вв.* СПб., 2003 [*Славянская библиотека/Bibliotheca Slavica*], 106–107.

4 Иконников В. В. *Опыт русской историографии.* К., 1908, кн. 2/1, 445; и ср. предыдущее примечание.

5 Ср. Шахматов. *Обозрение русских летописных сводов*, 10–11; Присёлков. *История русского летописания*, 110–114.

6 Лихачёв Д. С. *Русские летописи и их культурно-историческое значение.* М., Л., 1947, 226–227. Ввиду исключительной важности этого наблюдения для данной статьи, позволю себе процитировать место полностью: «и последний текст [*киевский слой в КЛ 1146–1154.* — Ф. М.] далеко не однороден: значительная часть его носит свежий след редакторской обработки. Эта редакторская рука добавила всюду к имени Изяслава Мстиславича имя его брата Ростислава Мстиславича, явно стремясь изобразить княжение Изяслава как совместное княжение двух братьев (Изяслава и Ростислава) под духовным руководством престарелого и кроткого князя Вячеслава. Не трудно выяснить, чьё ревнивое внимание выделило и подчеркнуло всюду значение Ростислава Мстиславича. Ростислав был киевским князем в 1154–1155 и 1159–1167 гг. При нём игумен Печерского монастыря Поликарп вёл личный летописец своего князя, переработав предшествующее содержание киевской летописи к большей славе Ростислава». Ср. также: Вилкул Т.Л. «О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. Предварительные заметки», *Palaeoslavica* 13/1 (2005), 25.

военные действия, или ещё ярче, когда Изяслав советуется у младшего брата. По выражению Лихачёва, «редакторская рука добавила всюду к имени Изяслава Мстиславича имя его брата Ростислава Мстиславича, явно стремясь изобразить княжение Изяслава как совместное княжение двух братьев».

Это наблюдение Лихачёва можно только подтвердить. Например, когда в результате битвы 23 августа 1149 г. Изяславу приходится оставить киевский стол и бежать в Луцк, киевляне выражают верность не одному ему, но также и его брату Ростиславу⁷.

Более того, даже в тех местах, где Ростислав является как бы подчинённым Изяславу, в конце концов подчёркивается его ведущая роль⁸. Под 6656 годом, после удачного похода Изяслава, Ольговичи просят у него мира. Согласно рассказу *Киевской летописи*, киевский князь советуется у брата, о чём в тексте рассказывается весьма подробно (более полутора столбца в издании *ПСРЛ*). Ростислав в том числе и уверяет старшего брата в совершенной подчинённости:

Брате, кланяю ти ся: ты еси мене старѣи, а како ты вгадаеши, а язъ в томъ готовъ есмь: аже, брате, на мнѣ честь покладываешь, то я бых, брате, тако рекль, Рускихъ дѣля земль и хрестьянь дѣля...⁹

Однако здесь очень интересный момент. По-видимому, Ростислав, как он сам говорит, во всём действует по приказу Изяслава. Но он послушен брату только в своих заявлениях, а не на деле: именно он советует брату отправить посольство к Ольговичам, и даже сам предлагает условия мира¹⁰. А в дальнейшем всё идёт по его плану: в этом вопросе мнение Изяслава вообще не приводится, он действует только по указанию брата, и сразу посылает Ольговичам, используя буквально те формулировки, которые мы у Ростислава и встречаем¹¹; следова-

7 «Изяславъ же сгадавъ с братомъ своимъ Ростиславомъ явиста Княномъ, рекуче: ‘Се стрьи наю пришель... можете ли ся за наю бити?’ Они же рекоша: ‘Господина наю князя... аже по сихъ днехъ кде узримъ стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы’» (*ПСРЛ* 2: 383).

8 См.: *ПСРЛ* 2: 362–363.

9 *ПСРЛ* 2: 365.

10 «‘то я бых, брате, тако рекль Рускихъ дѣля земль и хрестьянь дѣля: то я люблю, брате, миръ лѣпле; ты были на рать встали, што успѣли; нынѣ же, брате, хрестьянь дѣля и всее Рускои земли, умирися; но оба ать ворожду про Игоря отложить, и паки того не створять, что же хотѣли учинити; а того лишатся, то мирися; паки ли имъ про Игоря ворожду имѣти, то лѣпле с ними в рати будучи, а како ны с ними Богъ дастъ’. Изяславъ же то слышавъ посла к Володимиру Давыдовичю и къ брату его Изяславу и къ Святославу Олговичю и къ Святославу Всеволодичю» (*ПСРЛ* 2: 365–366).

11 «‘вы еста ко мнѣ хрестъ цѣловала на томъ, оже вы брата Игоря не искати, и того еста съступила, и досыти ми пересердия учинила еста. Нынѣ же всего того не поминаю, Руския дѣля земля и хрестьянь дѣля; аже есте ко мнѣ прислалися мира дѣля, и о томъ ся каете, што есте хотѣли учинити, нынѣ же цѣлуйте на томъ хрестъ, оже вы про Игоря ворожды не имѣти, ни того учинити, што есте хотѣли преди учинити’. Тако на томъ цѣловаша хрестъ...» (*ПСРЛ* 2: 366). Особенно характерным является тот факт, что, по моим наблюдениям, слово ‘ворожда’ (именно в данной, полногласной, форме) встречается только в этом контексте во всей *Ипатьевской летописи* (за исключением ещё одного употребления, (*ПСРЛ* 2: 376), где Изяслав напоминает

тельно, истинным посредником между Ольговичами и Мономаховичами выступает не киевский князь, а его смоленский брат. Внешне Ростислав покорно слушает Изяслава, а на самом деле ситуацию решает он.

1.2. Уничжительные штрихи к портрету Изяслава. Но дело этим не ограничивается. На самом деле, образ Изяслава за годы 6654–6662 нарисован не так сочувственно, как кажется на первый взгляд. «Редакторская рука», по выражению Лихачёва, не только добавляет имя Ростислава, но и местами принижает заслуги самого Изяслава. Ср. во время первого неудачного возвращения последнего в Киев¹²: Изяслав, *один*, раздражается военной риторикой в адрес киевлян, которых он призывает его поддерживать:

Изяславъ же рече имь: ‘Луче, братие, измрѣмъ сде, нежели сесь соромъ възмемъ на ся’. Кияне же начаша стужати ему, рекуче: ‘Поѣди, княже, прочь’, и то рекше Кияне побѣгоша от него прочь.

Тут Изяслав показан в не очень благоприятном свете; возможно даже, что текст не лишён известной доли иронии в его адрес¹³.

В другом месте¹⁴, рассказывающем о том моменте, когда Изяслав решает выступить в поход против своего дяди Юрия Долгорукого, составитель текста не стесняется приспособить к нему традиционную формулировку, которая вероятно восходит в конечном итоге к Пс. 48,7 — и которая обычно употребляется только в отношении отрицательных героев летописи: «надѣяся на множество вои». Речь, конечно, идёт только об отдельных элементах текста; это всего лишь нюансы, которые тем не менее достаточно чётко выделяются на фоне общего положительного взгляда на Изяслава Мстиславича.

1.3. Сказка о том, как братья Русь поделили. Чем объяснить такое пристрастие к Ростиславу и такую сдержанность к Изяславу, которая появляется только в отдельных местах текста? Лихачёв считал, что мы тут имеем дело со вставками из личного летописца Ростислава, и приписывал их руке игумена

Святославу Ольговичу о данных переговорах); т.е. само слово, и те сочетания, в которых оно выступает (‘ворожда про Игоря’, ‘ворожду отложить’), являются в контексте *Ипатьевской летописи* в целом специфическими для Ростислава, и вторично для Изяслава.

12 *ПСРЛ* 2: 401. Речь идёт о событиях марта 1151 года; ср. Бережков Н. Г. *Хронология русского летописания*. М., 1963, 150–151.

13 Хотя, конечно, допустить наличие иронии в таком тексте, как *Киевская летопись* — не такая уж очевидная вещь; ср. об этом вопросе (из недавних работ) Pierre Gonneau, “Ironie et jeux de mots dans les textes narratifs vieux-russes,” *Nel mondo degli Slavi: Incontri e dialoghi tra culture (Studi in onore di Giovanna Brogi-Bercoff)* (Firenze, 2008), 255–261.

14 «Изяславъ отслуша обѣдную у святомъ Михаилѣ, и поиде изъ церкви, Иефимьяну же епископу слезы проливаючю, и молящюся ему: ‘Княже, умирися съ стрѣмь своим, много спасение примеши от Бога, и землю свою избавиши от великия бѣды’. Онъ же не восхотѣ, надѣяся на множество вои [*подчеркнуто мною — Ф. М.*], река: ‘Добыль есми головою своею Киева и Переяславля’». Ср. в Псалтыри: «Надѣющися силѣ своей, и множествомъ богатства своего хвалящися» (*ПСРЛ* 2: 380). Возможно, автор здесь имел в виду и Святополка Изяславича, о котором в повести об ослеплении Василька Тербовльского употребляется та же формулировка (Ср.: *ПСРЛ* 2: 244).

Поликарпа; он датировал их появление 1157–1167 гг., т.е. временем княжения в Киеве самого Ростислава¹⁵. Однако, помимо того факта, что существование личной летописи Ростислава подкрепляется лишь логикой исследователя и прямо не зафиксировано в сохранившихся памятниках, одно обстоятельство мешает принять его объяснение.

В некоторых местах, которые также не находят себе соответствия в *Лаврентьевской* и сходных летописях (каким бы ни было генетическое тех и других текстов), читаются в особенности несколько намёков на какую-то договорённость, согласно которой Изяслав и Ростислав разделили между собой свои владения в Руси. Первое место рассказывает о событиях (конца?) 1147 г., когда Изяслав просит Ростислава удержать Юрия Долгорукого на севере, пока он сам справляется со своими врагами на юге:

И тако угадавша рече Изяславъ брату своему Ростиславу: ‘Брате, тобѣ Богъ даль верхнюю землю... а тамо у тебе Смолняне и Новгородци и кто ротъниковъ твоихъ... а я ся сде оставлю, а мнѣ како Богъ да[сть] съ Олговичема и съ Давыдовичема’¹⁶.

Под следующим годом, т.е. вероятно в ноябре или декабре 1148 г., Изяслав приезжает в Новгород с тем, чтобы заручиться поддержкой новгородцев против того же Юрия. Согласно рассказу *Киевской летописи*, Изяслав по пути останавливается в Смоленске:

И ту даристася дарьми многими: Изяславъ да дары Ростиславу что от Рускии землѣ и от всихъ цсарьскихъ землѣ, а Ростиславъ да дары Изяславу что от верхнихъ землѣ и от Варягъ¹⁷.

Тут отчётливо противопоставляются две пары ‘земель’, из которых происходят взаимные подарки обоих князей друг другу: Византия/Скандинавия с одной стороны, Русская земля/‘верхняя’ земля, т.е. очевидно верховья Днепра¹⁸. Для нас тут важен тот факт, что у каждого князя поровну есть откуда брать подарки, как из собственных земель, так и из-за границы — у каждого князя как бы своя сфера влияния, для Изяслава — южная, для Ростислава — северная¹⁹.

15 Игумен Поликарп остаётся в построениях многих исследователей одним из основных авторов *Киевской летописи*: ср. Рыбаков Б. А. *Русские летописцы и автор Слова о полку Игореве*. М., 1972, 85. Толочко П. П. *Русские летописи и летописцы*, 114–116.

16 *ПСРЛ* 2:359

17 *ПСРЛ* 2:369

18 О значении выражения ‘Русская земля’ в летописях XI–XIII вообще и в *Киевской летописи*, в частности, См.: Serhii Plokhy, *The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus* (Cambridge, Mass.), 2007, 39 прим. 61; а также Кучкин В. А. ‘Русская земля’ по летописным данным XI-первой трети XIII вв. *ДГВЕ (1992–1993)*. М., 1995, 74–100 (там же — историография вопроса).

19 На этот факт мимоходом обращает внимание и Т.Л. Вилкул: *Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв.*, 2009 [Исторические исследования], 221.

Что именно подразумевается под ‘верхними’ землями, читатель может точнее узнать из следующего места *Киевской летописи*, особенно близкого по смыслу — однако в котором, правда, не употребляется само словосочетание. Несколько лет спустя 6656 г., Изяслав уже признаёт за братом что-то вроде законодательной власти в Новгороде и Смоленске :

Изяславъ же рече брату своему Ростиславу: ‘Ты ми еси, брате, много понуживаль, якоже положити честь на стрѣи своемъ и на отци своемъ: се же нынѣ Богъ привель мя въ Рускую землю... а я паки тебе, брате, молвлю: тамо по Бозѣ у тебе сынъ твои и мои Новѣгородъ Ярославъ, а тамо у тебе Смоленскъ: тоже же, брате, все урядивъ тамо поиди же къ намъ сѣмо, ать вси по мѣсту видимъ, што явить намъ Богъ’²⁰.

Перед нами опять с одной стороны ‘Русская земля’, которой владеет Изяслав; с другой — Новгород и Смоленск; по аналогии мы можем заключить, что северные города отождествляются с ‘верхними землями’. Кроме того, можно наблюдать, что в этих трёх местах *Киевской летописи* составитель текста вкладывает в уста самому Изяславу признание за Ростиславом чего-то вроде богоданного первенства в северных землях Руси (Новгород и Смоленск), что сводится к фактическому разделению земли: Ростислав здесь выступает на равных с киевским князем — чего последний вовсе не оспаривает.

На основании данных свидетельств *Киевской летописи* некоторые историки считали, что такое распределение «сфер влияния» имело место в действительности, и даже думали, что в фразе «брате, Богъ даль тобѣ верхнюю землю» составитель текста ссылается на официальный документ, подкреплявший его²¹.

Однако реальное существование такого распределения кажется весьма сомнительным. Не говоря уж о том, что оно не подкрепляется никакими другими источниками, следует во-первых заметить, что все три приведённые формулировки являются нарочито смутными и неопределёнными, лишёнными всякой дипломатической точности; в частности, в них (как и в других текстах подобного рода, нередких в *Киевской летописи*) не улавливается сколько-нибудь точный формуляр²², который бы заставлял предполагать существование письменного первоисточника, аналогичного немногочисленным дошедшим до нас княжеским актам; не приводится ни *intitulatio*, ни *inscriptio*

20 *ПСРЛ* 2: 422.

21 Уже несколько десятилетий продолжается спор о существовании письменной дипломатической переписки древнерусских князей; ср. главные аргументы той и другой стороны у В.Ю. Франчук. *Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом отношении*. К., 1984, 109–113. Основываясь на мнении Б.А. Рыбакова о том, что в *Киевской летописи* действительно сохраняются настоящие послания Изяслава, историк Смоленска Л.В. Алексеев (*Смоленская земля в IX–XIII вв.*, 202) пишет о вышеупомянутом месте под 6655 г. следующее: «Эта грамота надолго закрепила за Смоленском первенствующую роль во всех политических действиях северо-западных земель Руси». В другом основополагающем труде по истории Смоленска пера П.В. Голубовского, автор гораздо более осторожен (Голубовский П. В. *История Смоленской земли*, 268–270).

22 О формулярах сохранившихся княжеских грамот ср. Каштанов С.М. Интитуляция русских княжеских актов X–XIV вв. Опыт первичной классификации. *ВИД*. Т. 8, 1976, 72–77.

(за исключением обращения ‘брате’, которое даже не обязательно стоит на обычном для акта месте). Во-вторых, предположение о распределении сфер влияния между Ростиславом и Изяславом мало вписывается в контекст тех лет; принцип сеньората и попытки его модификации, «основные законы» 1054 и 1097 гг. и их применение на каждой смене киевского князя не оставляют, как кажется, места для такого соотношения сил старшего и младшего Мстиславичей²³.

2. Взгляд на Изяслава и Ростислава во второй половине XII в.

Итак, можно считать, что взгляд *Киевской летописи* (в такой форме, какой мы её читаем) на Изяслава и Ростислава и их взаимоотношения не соответствует действительности 1140-х гг.; следовательно, напрашивается вывод о том, что её составитель не рассказывает о состоявшихся фактах, но по-своему интерпретирует факты уже некоторой давности. Но тогда возникает вопрос: чему обязаны своим существованием такие понятия у составителя, и при каких обстоятельствах они смогли появиться?

2.1. Образы Изяслава и Ростислава в контексте событий 1160-х и 1170-х годов. Мы успели выше познакомиться со мнением Д.С. Лихачёва, который думал, что все упомянутые и др. места — плод редакторской работы игумена Поликарпа, автора личного летописца Ростислава за время княжения последнего в Киеве, т.е. в 1160-е гг. Однако с подобной датировкой трудно согласиться. Хотя и принижение Изяслава и всяческая поддержка Ростислава как будто говорит в её пользу, этому мешает на мой взгляд идея о разделении сфер влияния. В самом деле, даже если бы мы допустили существование такого сочинения, как личного летописца Ростислава, было бы весьма странным, что киевский князь, пользовавшийся таким весом и авторитетом, как Ростислав, выдвинул в официальном тексте, или считающемся таковым, идею о том, что Киев и Новгород/Смоленск образуют как бы две равные половины одного государства (тем более, что за 1159–1167 гг. в Смоленске княжит не брат Ростислава, а его сын Роман).

Можно также вспомнить о гипотезе Т.Л. Вилкул, усматривавшей в *Киевской летописи* вторичность текста по сравнению с летописями типа *Лаврентьевской*, и объясняющей её посредством редакторской правки, соответствующей запросу Ростиславичей в 1170-е гг.²⁴ Однако и тут, кажется, политический контекст не позволяет объяснить, почему образ Изяслава получает такую трактовку: основной представитель Изяславичей, князь луцкий Ярослав, вплоть до весны-лета 1174 года находится в союзе с Ростиславичами, благодаря помощи

23 О принципах престолонаследия в первой половине XII в. см.: Назаренко А.В. Династический проект Владимира Мономаха. Попытка реформы киевского столонаследия в 30-е годы XII века. *Древняя Русь и славяне [Древнейшие государства восточной Европы 2007]* М., 2009, особенно с. 98–100.

24 Вилкул Т.Л. О происхождении общего текста, 75–76, 79–80.

которых он даже правит в Киеве два раза (несколько недель в ноябре-декабре 1173 г., несколько месяцев в первой половине 1174 г.²⁵); в июне 1174 он покидает Киев и возвращается в Луцк²⁶, после чего исчезает со страниц летописей, тогда как Ростиславичи заняты, вплоть до соглашения 1181 г., ожесточённой борьбой с Ольговичами. Что касается другого видного потомка Изяслава, племянника Ярослава Романа Мстиславича, он тогда правит в Владимире-Волынском. Поэтому, как кажется, переписывание истории сороковых годов мало соответствует политической обстановке семидесятых.

2.2. Изяслав и Ростислав на переломе XIII ст. Но если такие датировки неприемлемы, то к чему возводить эти две концепции, о превосходстве Ростислава и о разделении «сфер влияния»? Почему составитель *Киевской летописи* так интерпретирует события, или точнее, какими мотивами он руководствуется? Кажется, что в ответ на этот вопрос можно указать злободневные темы 1190-х и 1200-х гг., того времени, когда летопись была составлена — или по крайней мере её окончательный вариант.

В этом плане особенно интересна идея разделения «сфер влияния» между севером и югом, Смоленском (и Новгородом) и Киевом. Эта концепция, как я уже говорил, не находит себе соответствия ни в политической действительности Руси, ни в теории и практике престолонаследия. Однако более близкая аналогия обнаруживается в ситуации последних двадцати лет XII в. Как известно, в эти годы сидел в Смоленске сын Ростислава Давыд, тогда как его брату Рюрику, по договору 1181 г., досталась «Русская земля» (киевским князем формально являлся Святослав Всеволодович). В особенности, под 6703 г. в *Киевской летописи* читается текст, во многом перекликающийся с процитированными местами. Это относительно пространный рассказ о том, как Давыд приезжает в Киев по призыву Рюрика (это происходит как раз по горячим следам смерти Святослава²⁷). Оба брата встречаются то ли в Вышгороде, то ли в самом Киеве, и обмениваются приглашениями на пиры и дарами, как их отец с Ростиславом более пятидесяти лет назад.

В лѣто 6703. Посла Рюрикъ по брата своего по Давыда къ Смоленьску, река ему: 'се, брате, се вѣ осталася старѣиши всѣхъ в Руськой землѣ; а поѣди ко мнѣ Киеву; что будетъ на Руской землѣ думы и о братьи свои о Володимерѣ племени, и то все укончаевѣ, а сами ся во здоровьи видевѣ'. И поиде Давыдъ и-Смоленьска в лодьяхъ Смолняны, и приде Вышегородъ (...) И с братомъ своимъ Рюрикомъ ряды вся уконча о Руской землѣ и о братьи свои о Володимерѣ племени; и иде Давыдъ во свои Смолнескъ.

25 Я пользуюсь тут хронологией А. Поппе (Подскальски Г. *Христианство и богословская литература в Киевской Руси, 988–1237 гг.* СПб., 1996, 473).

26 «тогда же пришелъ башеть Романъ ись Смоленьска къ братьи свои въ помощь. Ярославъ же рече: 'Привели есте брата своего Романа, а даете ему Киевъ', и поиде въ Луческъ. Они же [почаша] слаги по немъ, вабяче опять въ Киевъ; онъ же не послуша ихъ, и поиде въ Луческъ» (*ПСРЛ* 2: 600).

27 *ПСРЛ* 2: 681–682. О дате события ср. Бережков Н.Г. Хронология, 207: оно состоялось 17 мая 1195 г.

Тут, конечно, не упоминается ‘верхняя’ земля; но перед нами та же речь о южном (Киев) и северном (Смоленск) пунктах — точках опоры князей с равным достоинством (хотя чуть выше в иерархии стоит, естественно, Рюрик). А контекст повествования такой же, как и в текстах об Изяславе и Ростиславе — встреча между двумя князьями-братьями, веселие и обмен дарами (как читатель может заметить, я опустил длинный пассаж о приглашениях, пирах и подарках между Рюриком, Давыдом и разными князьями и общинами).

Естественно объясняются в данном контексте и недоброжелательные попутные замечания об Изяславе. Как известно, между 1194 и 1205 гг. шёл ожесточённый конфликт Рюрика с Романом Мстиславичем Волынским, кульминационным пунктом которого стало насильственное пострижение Рюрика в монахи в 1204 году²⁸; а Роман Мстиславич, как мы помним, был не только зятем Рюрика, но приходился и внуком Изяслава. Не следует также упускать из виду, что Ростиславичи ещё в 1167–1170 гг., после смерти своего отца, боролись и против отца Романа Мстислава Изяславича. Ввиду всего этого представляется целесообразным считать, что «проростиславская» редакция 6654–6662 гг. *Киевской летописи* произвелась не только с целью повышения престижа Ростислава, но и с желанием принизить, насколько можно, и память Изяслава. (Тогда, однако, приходится считать, что эта редакция производилась, когда конфликт был ещё актуальным, т.е. до смерти Романа в 1205 году, и во всяком случае до смерти Рюрика, в 1208 или 1212 году²⁹).

Если мы принимаем классическую датировку (свод «1200» года), тогда всё объясняется актуальностью конфликта Рюрика и Романа — и вышеприведённые наблюдения представляют собой ещё один аргумент, подкрепляющий её. Если наоборот мы допускаем, согласно новейшей попытке А.П. Толочко³⁰, что *Киевская летопись* не могла быть создана раньше 1212 года, т.е. в любом случае после смерти Рюрика, то «про-ростиславская» и вместе с тем «про-рюриковская» обработка сюжетов о событиях середины XII в. объясняется, вероятно, не только стойкой лояльностью выдубицких монахов к памяти Ростислава и Рюрика (и Давыда), но и текущей политической ситуацией. В самом деле, в 1212 г. Ростиславичам вновь удаётся захватить киевский стол: туда приходит Мстислав Романович, вероятно с помощью сыновей Рюрика Владимира и Ростислава³¹; впоследствии он правит киевским княжеством вплоть до битвы на Калке³².

28 Об этом конфликте и его подробностях см. Martin Dimnik, “Ryurik Rostislavich (d. 1208?). The Unsung Champion of the Rostislavichi,” *Ruthenica* 8 (2009), 49–59 (там же литература вопроса).

29 О весьма спорной дате смерти Рюрика Ростиславича см. Dimnik, “Unsung Champion,” 62; Martin Dimnik, *The Dynasty of Chernigov, 1146–1246* (Cambridge, 2003), 265 прим. 91 (с литературой).

30 Толочко А.П. *О времени создания Киевского свода «1200» г.*

31 Об этих событиях см. Dimnik, *The Dynasty*, 276–280.

32 Но тогда Изяславичи уже не играли большой роли в киевской политике, вплоть до тех пор, пока Романовичи (Данило и Василько) не обосновались прочно в Галичине и Волыни, т.е. несколько лет позже. Поэтому, если составители *Киевской летописи* действительно писали с

Заключение

Какие выводы извлечь из сказанного? Какими бы ни были общие гипотезы о путях составления и времени написания *Киевской летописи*, думается, что нельзя отрицать (относительно) систематический характер редактуры текстов 6654–6662 гг., касающихся отношений Изяслава и Ростислава Мстиславичей. Они не встречаются в *Лаврентьевской* и сходных летописях; они противоречат общему тону повествования, достаточно лояльно настроенного к Изяславу; они выражают последовательную политическую линию, состоящую из двух главных элементов (1. Ростислав равен Изяславу, если не выше его; 2. он фактически занимает в северной территории ту же позицию, что киевский князь в южной). Поэтому был смысл анализировать их вместе, и возводить их, хотя бы условно, к одному автору, который, по-видимому, писал во время и под эгидой Рюрика Ростиславича.

Поэтому также позволительно сказать, что образ Ростислава Мстиславича в *Киевской летописи* можно понять, только если учесть, что текст выдвигает его как бы прообразом: он вспоминает о нём, но вместе с тем видит в его фигуре свои собственные взгляды и проблемы: «разделение труда» между севером и югом, опасность, представленная активным и непримиримым Романом Мстиславичем, и т.д. Таким образом, стараясь вникнуть в мысль составителя, мы можем сформулировать тот насущный вопрос, на который значительные части *Киевской летописи* представляют собой ответ³³: *кто, из Изяславичей или Ростиславичей, является настоящим наследником Мономаха и Мстислава на киевском столе?* Именно под таким углом зрения, как мы попытались выявить, следует анализировать роль Рюрика в данном своде. Конечно, практически все авторы, кто когда-либо исследовал *Киевскую летопись*, отмечали исключительно важную роль Рюрика в её создании, основываясь на последних годах (6707–6709). Сделанные наблюдения позволяют установить, что Рюрик опосредованно появляется и в предыдущих годах: через образ его отца Ростислава мы улавливаем именно его взгляды, его понятия, его политические приоритеты и чаяния.

Université Rennes 2 Haute-Bretagne (France)

оглядкой на текущие события, остаётся всё-таки предпочтительной «классическая» датировка (до 1200 г.).

33 В рамках данной статьи не представлялось возможным предлагать более общий анализ *Киевской летописи* в этом ракурсе; в частности, следовало бы остановиться на отрицательных чертах в образе Мстислава Изяславича в 1167–1170 годы. Это, может быть, дело будущего.

Сергей Цыб

О хронологических показаниях Киевской летописи

В 1969 г. один из немногих исследователей XX в., специально занимавшийся изучением летописной хронологии, А.Г. Кузьмин писал:

Разные системы отсчета лет могут служить одним из наиболее объективных показателей при разложении летописного свода... Объединенные в определенную систему летописные хронологические показания могут служить также важным фактором интеграции, собирания в единое целое тех летописных текстов не дошедших до нас... памятников, которые оказались разбросанными и перемешанными с другими источниками в составе известных нам сводов¹.

Это утверждение остается актуальным и ныне и не требует каких-либо развернутых доказательств кроме простого здравого смысла. Действительно, является безусловной, хотя и умозрительной, мысль о том, что один и тот же летописец мог с полярной противоположностью и не единожды менять свои политические пристрастия и идейные убеждения, но он не мог считать время двумя или тремя различными способами и с их помощью вразной датировать описываемые исторические события. Каждый случай соединения в летописных сводах противоречивых датирующих показаний это — своеобразная закладка, которую ненамеренно оставляли компиляторы для подачи сигнала о соединении здесь не только разных времяисчислительных систем, но и текстов разных письменных произведений.

Одну из таких закладок мы обнаруживаем между летописными статьями 6652 и 6654 гг. *Ипатьевской летописи*, которые описывают одно и то же событие — юго-западный поход киевского князя Всеволода Ольговича. На первый взгляд, полноценное сравнение этих двух статей невозможно, потому как первая из них (6652 г.) описывает поход на Галич подробно и с весьма выразительными деталями, но вторая (6654 г.) искусственно обрывает описание похода на моменте сбора дружин князя Всеволода. Неравномерность описания не помешала, однако, издателям второго тома *Полного собрания русских летописей* в 1908 г. отметить дубликацию (редактировал этот том

¹ Кузьмин А.Г. *Русские летописи как источник по истории Древней Руси*. Рязань, 1969, 98. **Ruthenica X (2011), 147–157**

А.А. Шахматов). Это было сделано в примечании к оборванному рассказу статьи 6654 г. и выглядело так: «Судя по *Вскр. (Воскресенской летописи — С.Ц.)*..., здѣсь читалось то, что было рассказано выше подь 6652...»². Двусмысленность редакторской пометки (можно понять дело так, что статья 6654 г. *Воскресенской летописи* восполняет пробел *ипатьевского* текста) приводила, однако, к недоразумению, так как содержательно и формально воскресенский текст за 6654 г. разительно отличался от рассказа синхронной статьи *Ипатьевской летописи*, впрочем, как и от ее рассказа в 6652 г.:

**Ипатьевская летопись
(статья 6654 г.)**

Всеволодъ съвокупи братью свою . Игора и Стослава же встави в Киевѣ . а со Игоремъ иде к Галичю... и бы̄ множество вои. идоша к Галичю на Володимирка...

**Воскресенская летопись
(статья 6654 г.)**

Володимеръ Галичскій пришедь взя Прилукъ. Всеволодь же посла по брати своей и повелѣ имъ готовымъ быти, хотяше бо съ Бориша дни поити на Володимера, ... и мало пробывъ разболѣся велми, и повезоша Вышегороду...

**Ипатьевская летопись
(статья 6652 г.)**

В то лѣто . роското растася Всеволодьс Володимѣркомъ . про сна вже съде снѣ его Володимери... Всево лодь же съ бра̄ею иде нань...³

А.А. Шахматов, тем не менее, в своем «Обзрении...» писал о повторе известия в 6652 и 6654 годах *Ипатьевской летописи* как об очевидном текстологическом факте⁴, который, все же, требует сейчас весомых доказательств в связи с недосказанностью упомянутого редакторского примечания. Это необходимо тем более, потому что Н.Г. Бережков, к примеру, не усмотрел здесь хронологического повтора и при этом ссылаясь на авторитетное мнение Н.М. Карамзина и М.С. Грушевского⁵.

Воскресенская летопись действительно доказывает правомерность шахматовского мнения, но совсем не так, как отмечено во втором томе *ПСРЛ*. В ее летописной статье 6652 г. в тесной связи друг с другом излагаются три последовательных эпизода: 1) военный поход Всеволода и союзных ему князей к Галичу против местного князя Владимира Володаревича; 2) перемещение противостоящих княжеских группировок (юго-восточной и юго-западной) к Звенигороду; 3) примирение врагов у стен Звенигорода. Первый (галицкий) эпизод излагается и в 6652 г. *Ипатьевской летописи*, а вслед за ним здесь следует не второй, а третий фрагмент рассказа о событиях на русском Юго-западе. Выпавший отсюда промежуточный звенигородский эпизод *Ипатьевская*

2 *ПСРЛ* 2: 319, прим. «е».

3 *ПСРЛ* 2: 314–315, 319; *ПСРЛ* 7: 35

4 «Под 1146 г. находим рассказ о походе Всеволода Ольговича с братьями на Галицкого князя Володимирка; тот же поход был рассказан уже выше под 1144 г.» (Шахматов А.А. *Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.* М.; Л., 1938, 71).

5 Бережков Н.Г. *Хронология русского летописания.* М., 1963, 146–147, 328–329, прим. 56.

летопись с середины фразы помещает двумя годами позже, в 6654 г., после того самого обрывистого рассказа о сборах Всеволода в юго-западный поход:

Ипатьевская летопись (статья 6652 г.)	Воскресенская летопись (статья 6652 г.)	Ипатьевская летопись (статья 6654 г.)
<p>Того же лѣта ходиша Ѡлго- вичи на Володимерька... а Оугры приведшо ему к собѣ в помочь . и бывша емоу нѣ на коую же ползу...</p> <p>И ста Всеволодь по сеи сторонѣ града . а Володимерь ста ѡб ону...а межи ими рѣка Бѣлка . и повелѣ имь Всеволодь . чинити гати . комоуждо... полкою...</p>	<p>Въ то же лѣто иде Всеволодь на Володимерка...къ Галичю ... а Володимерко изыде противу ихъ съвокупився весь, и Угры приведе...</p> <p>И поиде Всеволодь ко Звени- городу...Въ пръвый же день приступше пожгоша острогъ около его, а на другій день въчь створше Звенигородци и восхотеша предатися Всеволоду; то же слышавъ воевода Воло- димерь Ивачь Халдѣв...</p> <p>...А Володимерь... ста возлѣ рѣку, а Всеволодь стояше на друзѣи странѣ рѣкы тоя. Все — ти на рѣце той, коемуждо пол ку...</p>	<p>...къ <го>роду и пожгоша школо его . ѿ встр<о>гъ первыи день . а во въторыи днь створиша въче Звенигородчи . хотяче са передати и бѣ оу нихъ воевода Володимерь моуж Ивань Халдѣвичь...⁶</p>

Последовательное изложение всех трех эпизодов юго-западного похода Всеволода Ольговича не было редакторской компиляцией составителя *Воскресенской летописи*, а восходило к какому-то весьма древнему протографу, так как присутствует во многих памятниках, в разной степени родственных *Воскресенской летописи*: в *Троицкой летописи* (причем, это ясно из выписок Н.М. Карамзина, а не из реконструкций М.Д. Приселкова), в *Московском летописном своде конца XV в.* и в *Никоновской летописи*⁷, в сокращенном виде — в *Переяславо-Суздальском летописце*⁸, и совсем кратко — в *Ермолинской* и *Львовской* летописях и в *Тверском сборнике*⁹.

Содержательное сходство ипатьевских статей 6652 и 6654 гг. подтверждают и перечни участников описанных в них похода:

Летописная статья 6652 г. Ипатьевской летописи	Летописная статья 6654 г. Ипатьевской летописи
<p>Всеволодь съ братама съ Игоремь Сѣславомь .</p>	<p>Всеволодъ съвокупи братью свою . Игоря и Сѣслава же остави в Киевѣ...</p>

6 ПСРЛ 2: 315, 320; ПСРЛ 7: 34.

7 Приселков М.Д. *Троицкая летопись: Реконструкция текста*. М.; Л., 1950, 219–220; ПСРЛ 9: 167; ПСРЛ 25: 36.

8 *Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века*. Издан К.М. Оболенским. М., 1851, 56.

9 ПСРЛ 15: 205; ПСРЛ 20, 1-я пол.: 107; ПСРЛ 23: 32.

Двд̄<ч>ь Володимирь . и Вачеславъ .
 Володимеричъ .
 Мьстиславича два Изаславъ Ростиславъ

и Стослав Всеволодичъ .
 Всеволодковича два . Борисъ и Глѣбъ . и

и Володиславъ Ладьскїи кнѣзь...

и съ Двд̄чема . и съ Володимиромъ . съ
 Вачеславомъ . Володимеричемъ .
 Иаславъ и Ростиславъ . Мстислалїича.
 сн̄овча его.

и Стослава поа сна своего.

и Болеслава Ладьскаго кнѣза. зата своѣ.
 и Половцѣ дикѣи вси...¹⁰

Как видно, во второй статье (6654 г.) среди участников военной экспедиции отсутствуют только три князя из боковой ветви потомков Ярослава Мудрого (Игоревичи — Борис, Глеб и Ростислав), а в первый список не попали половцы, но *Воскресенская летопись* объясняет почему: отряд кочевников присоединился к воинству Всеволода позже, уже у Галича, вместе с князем Изяславом Давыдовичем, специально отправленным за ними в степи¹¹. Два других отличия показывают лучшую осведомленность автора второго списка: так, в отличие от первого рассказчика, отправляющего к Галичу в общей группе князей и Святослава Ольговича, здесь отмечается, что этот брат киевского князя был оставлен надзирать за стольным городом. Тот же летописец в качестве польского союзника называет не Владислава, а его брата и противника Болеслава Кудрявого, справедливо называя его Всеволодовым зятем. Впрочем, может быть, что Болеслав и Владислав оба участвовали в походе, только вторым из них был чешский король Владислав; так позволяет предполагать *Никоновская летопись*, где в качестве союзников Всеволода называются «и Ляхи, и Чяхи» (правда, затем еще «и Угры», на самом деле воевавшие на стороне галицкого князя)¹². Одним словом, сходство двух перечней очевидно, их отличия — незначительны.

На хронологическое тождество статей 6652 и 6654 гг. указывают также и графические особенности списков *Ипатьевской летописи*. После описания сборов в юго-западный поход в статье 6654 г., как уже говорилось, присутствует механический обрыв рассказа, для наглядности «усиленный» пробелом в семь строк в тексте *Ипатьевского* списка. Такие семистрочные пробелы — не редкость в этой части списка (например, он есть и в соседней статье 6653 г.), но, в отличие от других случаев, этот пробел отражается и в *Хлебниковском* списке, правда, всего лишь одной строкой¹³. Из этого следует, что пробел присутствовал и в общем для этих списков протографе и, значит, не был случайным пропуском и отражал редакторскую мысль его состави-

¹⁰ ПСРЛ 2: 315, 319

¹¹ ПСРЛ 7: 34.

¹² ПСРЛ 9: 167. Впрочем, может быть, что *Никоновская* летопись не ошиблась в отношении венгров. Ипатьевская летопись в рассказе 6652 г. кажется намекает на их предательство: «Оугры приведшо емоу [Владимиру] . к собѣ в помочь . и быша емоу нѣ на коую ползу» (ПСРЛ 2: 315).

¹³ ПСРЛ 2: 319, прим. 32, «е».

теля: заметив повторение описанных двумя годами ранее событий (поход в 6652 г. Всеволода к Галичу и его замирение с Владимиром), он пропустил эти известия, добросовестно пометив купюру пробелом, а затем продолжил переписывать рассказ 6654 г. с того эпизода, которого не было в 6652 г. (осада Звенигорода).

Еще одно наблюдение убеждает в наличии хронологической закладки в изучаемом нами фрагменте *Ипатьевской летописи*. В статье 6654 г. описание княжеских сборов в поход обрывается следующим известием: «И бѣ̄ дождь и стече снѣгъ Бѣимъ промысломъ . и тако идахоу на ко<не>хъ и на санехъ»¹⁴. Оно дало повод Н.Г. Бережкову заключить, что поход происходил в конце зимнего сезона, когда возможны преждевременные оттепели¹⁵. А.А. Шахматов тоже обратил на него внимание, считая «стечение» снега обстоятельством якобы затруднившим поход киевского князя¹⁶, но контекст сообщения указывает на обратное: Божий промысел позволил отправиться Всеволодову воинству не только на санях, что естественно при наличии снежного покрова, но и верхом, и это — отражение сетований летописца на несвоевременность появления снега и его удовлетворенности по поводу хотя бы частичного снежного «стечения». Все это удивительным образом согласуется с сообщением 6652 г. *Ипатьевской летописи*, предшествующим здесь описанию похода: «В то же лѣто падѣ снѣгъ великъ въ Киевской сторонѣ коневѣ до чрева . на великъ днь»¹⁷. Если связать «снежное» известие (6652 г.) с «оттепельным» (6654 г.), то получается цельный рассказ о внезапном аномально обильном снегопаде накануне дня Пасхи, который едва не помешал намеченному военному походу, но скорая оттепель позволила все же осуществить намеченное вторжение на Галичину; такое связное восприятие «снежно-оттепельного» рассказа усиливается при рассмотрении «метеорологических» сообщений 6653 г. *Новгородской первой летописи* (см. далее).

Наконец, на повторное описание события 6652 г. в 6654 г. *Ипатьевской летописи* указывает еще одно, хотя и не очевидное, совпадение их известий. В 6654 г. говорится о том, что «Всеволодъ . же пришедь в Киевъ . [после похода. — С.Ц.] разболися», далее — о княжеском съезде, где было озвучено завещание заболевшего князя и, наконец, о смерти Ольговича¹⁸. В 6652 г. смерть Всеволода, казалось бы, не описывается, но здесь делается красноречивый намек на ее близкую связь с Галицким походом киевского князя: мятежный Владимир Володаревич, ведущий переговоры со всеволодовым

14 ПСРЛ 2: 319.

15 Бережков Н.Г. *Хронология русского летописания*, 146.

16 Шахматов А.А. *Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв.*, 71.

17 ПСРЛ 2: 314, прим. 69, 70.

18 ПСРЛ 2: 320–321. Противоречивые календарные даты смерти Всеволода разных летописных памятников не рассматриваются здесь. Заметим только, что предварительный их историко-хронологический анализ позволяет утверждать, что их формирование не противоречит изложенным в данной работе выводам.

братом Игорем, настойчиво убеждал его посредничать в заключении мира такими словами: «Щже . ма оумиришь съ братомъ . то по Всеволожи животѣ помогу ти про Киевѣ . и тако прельсти Игорѣ»¹⁹.

Итак, становится ясно, если не ставить, конечно же, специальной задачи опровергать все упомянутые сообщения летописных текстов, что в статьях 6652 и 6654 г. *Ипатьевской летописи* отмечается дублирование двух событий — похода киевского князя и его союзников на Галицкую землю и последовавшей вслед за тем смерти Всеволода Ольговича. Их абсолютную хронологическую «привязку» позволяет сделать сообщение 6653 г. той же летописи о том, «что тогда ꙗвиса звѣзда превелика . на западѣ испоущаючи лоуча»²⁰. Здесь описана комета Галлея с перигелием 29 апреля 1145 г.²¹, т.е. данный номер года (6653 г.) был вычислен по константинопольской эре летосчисления от Сотворения мира (далее — *С.М.*) в ее сентябрьском (1 сентября 1144 г. — 31 августа 1145 г.) или мартовском (1 марта 1145 г. — 28 февраля 1146 г.) календарных вариантах.

После сообщения о комете в этой летописной статье следует семистрочный пробел (! — это нам уже знакомо, потому как такой же пробел указывал на редакторскую компиляцию в 6654 г.), а после него — окончание устного завещания Всеволода (умирающего или нет — ?), в котором обосновывается право завещателя назначать наследника киевского престола по своей воле:

...и намъ . Володимиръ посадилъ Мьстислава . с̄на своего . по собѣ в Киевѣ а Мьстиславъ Ярополка брата своего . а се <я> мольвлю щже ма Бѣ поиметь . то азъ по собѣ даю . брату своему . Игореву Киев...²².

Далее, правда, в этой статье ничего не говорится о смерти завещателя, но мы понимаем, что сталкиваемся с третьей версией датировки смерти Всеволода (значит, и его похода на Галич) — 6653 г.

Реальность существования такой версии подтверждают памятники, так или иначе связанные с новгородской летописной традицией. В *Новгородской Первой летописи* читаем:

Въ лѣто 6653... Томъ же лѣтѣ ходиша вся Русска земля на Галиць и много попустиша область ихъ, а города не възяша ни одного, и воротишася, ходиша из Новагорода помочье кыяномъ, съ воеводою Неревиномъ, и воротишася съ любовью²³.

19 *ПСРЛ* 2: 316.

20 *ПСРЛ* 2: 317.

21 Святский Д.О. *Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. ИОРЯС. Т. XX. Кн. 2. 1915, 205.*

22 *ПСРЛ* 2: 317–318.

23 *НПЛ*, 27, 213.

То же самое сообщение и под тем номером года повторяют и софийско-новгородские своды²⁴. Правда, все эти летописи смерть Всеволода относят к следующему (6654) году. Но для нас интереснее, что в том же году новгородский автор описывает аномальные природные явления, которые сопровождали весь годичный цикл (это важно для совмещения с известием об упомянутых выше таких же природных катаклизмах в *Ипатьевской летописи*): «Стояста 2 недѣли пълне, яко искря гуце, тѣплѣ велми, переже жатвы; потомъ наиде дѣжгъ, яко не видехомъ ясна дни ни до зимы, . . . и вода бы больши третьяго лѣта на ту осень; а на зиму не бысть снѣга велика, ни ясна дни, и до марта (курсив мой. — С.Ц.)»²⁵. Из этого следует, что в марте снег, наконец-то, выпал, и это удивительным образом совпадает с сообщением 6652 и 6654 гг. *Ипатьевской летописи* о снеге и его «стечении»²⁶. Вспомним, что выпал снег в 6652 г. «на великъ днь» (в марте — по новгородской версии), и тогда мы получаем Пасху 26 марта 1144 г.²⁷

Обобщим предыдущие наблюдения: у нас имеются три разных годовых даты юго-западного похода и смерти Всеволода Ольговича (6652, 6653 и 6654 гг.) и две опорные даты — «снежное» пасхальное празднование весной 1144 г. и комета Галлея 1145 г., искусственно привязанная к смерти Всеволода. Получается, что первый из этих летописных годов (6652) — константинопольский мартовский (от С.М. до Р.Х. 5508 лет), второй (6653 г.) — константинопольский ультрамартовский или сентябрьский (5509 лет), а третий (6654 г.) — превышающий их на одно-два значения (5510 лет). Более всего в дальнейшем нас будет интересовать последняя из названных здесь линий летосчисления.

Она проявляется в соседних статьях *Ипатьевской летописи*, предшествующих 6652–6654 гг.: вступление Всеволода Ольговича на киевский престол этот памятник относит к 6648 г., тогда как северо-восточные летописи, использовавшие какой-то южнорусский источник, помещают это событие двумя годами раньше (6646 г.), такая же разница в годах отмечается между теми же памятниками в датировании новгородо-суздальской битвы на Жданей горе (6645 и 6643 гг.)²⁸. Несомненный «след» такого летосчисления содержится в ипатьевской статье 6645 г. еще раз в известии о солнечном затмении, расположенном непосредственно перед батальным новгородо-суздальским сообщением: «В лѣто ꙗ̅с̅ х̅ ме̅. . . В се же лѣто быша знаменїа . въ сл̅ци м̅ца

24 ПСРЛ 4, 1: 151; ПСРЛ 5, 1: 165.

25 НПЛ, 27, 213.

26 В целом виде рассказ о необычной зиме, составленный из сообщения *Новгородской первой летописи* и двух *ипатьевских* сообщений выглядит так: «А на зиму не бысть снѣга велика, ни ясна дни, и до марта. . . В то лѣто паде снѣгъ великъ въ Киевской сторонѣ коневѣ до чрева на великъ днь. . . И бы̅ дождь и стече снѣгъ Бїимъ промысломъ».

27 Ни в одном из ближайших годов, кроме 1146 г. (31 марта), Пасха не располагалась в пределах марта (но 1146 г. никак не совмещается с хронологическими летописными показаниями).

28 ПСРЛ 1: 303, 306–307; ПСРЛ 2: 300, 302.

июна въ . ѿ . днѣ»²⁹. М.П. Погодин и Д.О. Святский объявили это сообщение ошибкой³⁰, однако астрономо-математический расчет показывает, что здесь описывалось частичное солнечное затмение 9 июня 1135 г., а это означает, что 6645 г. (сентябрь 1134 г. — август 1135 г.) *Ипатьевской летописи* был вычислен по интервалу 5511–5510 лет от С.М. до Р.Х.

Два других случая применения этой эры в южнорусских известиях первой половины XII в. выявляет более сложный историко-хронологический анализ. Смерть князя Мстислава Владимировича Великого историки всегда датировали 15 апреля 1132 г., полагаясь на выглядевшее безупречным ультрамартовское константинопольское показание *Ипатьевской летописи*: «В лѣто ꙗ́х х ма Престависа . блговѣрныи кнѣзь Мѣстиславъ Володимѣрь снѣ... априла въ еѣ празной недѣлѣ . в пѣтокъ»³¹. Северо-восточные летописи, однако, относят это событие к 14 апреля, при этом в некоторых из них это календарное число соединено с 6640 г., а в других — с 6639 г.³² Разница между двумя этими годами явно соответствует разнице между ультрамартовским и сентябрьским календарными стилями: так, *Владимирский летописец* завершает 6639 г. датой «на <Г>оспожин день» (15 августа), а 6640 г. начинает с описания осенне-зимних событий (изгнание Святополка Мстиславича из Полоцка, замирение Ярополка Владимировича с братьями «тое же зимы»), тогда как в прочих северо-восточных списках все эти известия датируются 6640 г. Получается, что в *Ипатьевской летописи* 6641 номер года на одно значение превышал 6640 ультрамартовский год северо-восточных памятников, но этот увеличенный номер был ошибочно принят кем-то из редакторов за константинопольский ультрамартовский, в соответствии с чем и производилось безошибочное (но все-таки неверное!) вычисление юлианской календарной даты («априла въ еѣ») и пасхально-недельного обозначения («празной недѣлѣ . в пѣтокъ»). Первичность датирования северо-восточных летописей подтверждает и относительное показание *Владимирского летописца* («преставися князь великии Мѣстислав Володимировичъ... в великом княжении был 6 лѣтъ»³³), что никак не позволяет получить его смерть в 6641 г. от даты начала киевского княжения Мстислава (6633 или 6634 летописные годы).

Еще один такой случай выявляется при сравнении календарных показаний различных летописей в дате смерти Изяслава Святополчиича. Все памятники в статье 6635 г. (*Ипатьевская летопись* — в 6636 г.) датируют ее 13 декабря, но *Радзивилловская летопись* — 23 декабря³⁴. Ошибка переписки (изменение ꙗ́ на

29 ПСРЛ 2: 300.

30 Погодин М.П. *Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 4: Период удельный, 1054–1240*. М., 1850, 136; Святский Д.О. *Астрономические явления в русских летописях*, 280–281.

31 ПСРЛ 2: 294.

32 ПСРЛ 1: 301; ПСРЛ 30: 59; ПСРЛ 34: 73; Приселков М.Д. *Троицкая летопись*, 212.

33 ПСРЛ 30: 59.

34 ПСРЛ 1: 299, прим. 11; ПСРЛ 2: 293.

·к̄ или наоборот) в данном случае исключается, поскольку десятковые числа различно соединялись с числом единиц — ·г̄ (13) и ·к̄г̄ (23). Получается, что в южнорусском протографе XII в. юлианская дата 23 декабря 6635 г. была соединена с пасхально-седмичным показанием (примерно таким: «30-й вторник по Пятидесятнице»), так как в 6635 г. эры с интервалом в 5511 лет от С.М. до Р.Х. (сентябрь 1124 г. — август 1125 г.) этот вторник будет приходиться как раз на 23 декабря 1124 г. Это древнее показание и сохранила *Радзивилловская летопись*, правда, без пасхальной части. В ростовском и киевском летописании был сделан пересчет первоначального юлианского числа для константинопольского 6635 мартовского и 6636 ультрамартовского годов, когда 30-й вторник после Троицы был 13 декабря 1127 г.

Применение в древнерусской письменности системы счета лет, начинающейся с 5511 г. до Р.Х. и превышающей на два года «константинопольскую» эпоху (5509 г. до Р.Х.), уже неоднократно отмечалась исследователями летописной хронологии. Так, она, несомненно, присутствовала в русских известиях *Истории польской* Яна Длугоша (XV в.)³⁵. Ее упоминает в своем послании Дмитрий Траханиот, перечисляя все известные ему варианты древнерусского летосчисления от С.М.³⁶ Происхождение этой эры пока еще не выяснено; не исключено, что она была изобретением отечественных «книжников», поэтому мы предлагаем предварительно именовать ее древнерусской.

Здесь же, в этой части *Ипатьевской летописи*, обнаруживается календарно-недельная дата, сравнение которой с показанием северо-восточных летописей помогает восстановить порядок соединения константинопольских и древнерусских хронологических элементов в южнорусском летописании XII в. *Ипатьевская летопись* так датирует начало киевского княжения Вячеслава Владимировича: «Въ лѣ̄хъ ѡ̄с̄ х̄ м̄з̄... Вниде... Вачеславъ . в Киевѣ . тогѣ мѣ̄а <февраля> въ к̄д̄ . оу срѣ̄ м̄а̄п̄ӯноу»³⁷. Северо-восточные летописи иначе представляют дату этого события: «В лѣ̄хъ · ѡ̄с̄ · х̄ · м̄з̄ · ... И вниде Вачеславъ... в Кыѣвѣ · ... мѣ̄а февр̄а̄ · въ · к̄в̄ · д̄н̄ь»³⁸. О разнице годовых дат уже говорилось выше, в данном случае нас интересует противоречие календарных показаний. Средой на Мясопустной неделе был день 22 февраля 1139 г. (6646-й мартовский или 6647-й ультрамартовский годы константинопольской эры), значит, первоначальный расчет календарно-недельных показаний производился в рамках константинопольской хронологической линии; остатки этого расчета в виде числа юлианского календаря («мѣ̄а февр̄а̄ · въ · к̄в̄ · д̄н̄ь») сохранили

35 Кузьмин А.Г. *Начальные этапы древнерусского летописания*. М., 1977, 250; Цыб С.В. *Хронология домонгольской Руси. Ч. 1: Киевский период*. Барнаул, 2003, 45–50.

36 Плигузов А.И., Тихонюк И.А. Послание Дмитрия Траханиота новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмичности счисления лет. *Естественнонаучные представления Древней Руси*. М., 1988, 74.

37 ПСРЛ 2: 302.

38 ПСРЛ 1: 306.

северо-восточные летописные памятники. Затем эти датирующие показания приспособил под свои времяисчислительные правила редактор, считавший годы по эре в 5511 лет: в 6647 г. этой эры (1137 г.) средой был день 24 февраля, но это была уже среда первой недели Великого поста. Вторичный ошибочный расчет дошел до нас на страницах *Ипатьевской летописи*.

Итак, в известиях *Ипатьевской летописи* о событиях конца 20-х–40-х гг. XII в., в том числе и в описании юго-западного похода и смерти князя Всеволода Ольговича, отмечается систематическое применение летосчисления по древнерусской эре (от С.М. до Р.Х. 5511 лет), появившееся здесь в результате относительно позднего хронологического редактирования первоначальных известий, датированных годами константинопольской эры (от С.М. до Р.Х. 5509–5508 лет). А.А. Шахматов считал дубликацию 6654 г. галицко-волынским дополнением в текст *Киевской летописи*:

Обращаемся к вспомогательным источникам Ипатьевской летописи. Назовем прежде всего Галицко-волынскую летопись... Под 1146 г. находим рассказ о походе Всеволода с братьею на галицкого князя Володимирка; тот же поход был рассказан уже выше под 1144 г. по источнику, составитель которого не сочувствовал ни Володимирку, ибо называет его многоглазовым, ни галичанам; под 1146 г. называется рука галичанина: божьим промыслом пошел дождь и снег, задержавший движение вражеской рати³⁹.

Мы уже выяснили, что летописец, помянувший Божий промысел, воспринимал его не препятствием, а, напротив, помощью в реализации военного замысла киевского князя; таким образом, шахматовский аргумент в пользу юго-западного происхождения датирующих элементов древнерусской эры можно признать не убедительным.

Нам кажется, что подсказку в определении историко-географической атрибуции интересующего нас сообщения преподносит уже известная нам фраза из летописной статьи 6652 г.: «В то же лѣто паде снѣгъ великъ въ Киевской сторонѣ» (курсив мой. — С.Ц.). Вероятнее всего, эти слова были записаны жителем Черниговской земли, для которого западный берег Днепра был «Киевской стороною». В пользу такого предположения свидетельствует и тематическая «привязка» изучаемых летописных статей, подробно рассказывающих о военном походе одного из князей черниговской династии, Всеволода Ольговича, о его намерении закрепить киевский княжеский престол за этой династией, о его смерти и начале княжения в Киеве его брата Игоря. Таким образом, мы предполагаем, что все следы присутствия в ипатьевском тексте летосчисления в 5511 лет и его двухгодичного расхождения с константинопольским счетом лет были связаны с соединением киевских и черниговских летописных материалов. На первый взгляд может показаться, что хронологи-

39 Шахматов А.А. *Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.*, 71

ческий «слой» константинопольской эры от С.М. можно считать признаком черниговского летописания, так как слова о чужой для летописца «Киевской стороне» помещаются рядом с описанием похода Всеволода в статье 6652, но не 6654 г. Вспомним, однако, о том, что во втором из этих случаев батальный сюжет прерван в начальной своей части по причине его близкого содержательного совпадения с предшествующим на два года рассказом, а в самой статье 6652 г. отмечается повтор сообщения о юго-западном походе, свидетельствующий о соединении двух источников: «В то же лѣто. роскатороста . Всеволодь с Володимѣркомъ... Всеволодь же с браю иде на нь . того же лѣта ходиша Улговичи на Володимирька...» и далее подробно о походе⁴⁰. Из этого следует, что уже в 6652 г. соединялись киевский и черниговский рассказы, второй из которых был сокращен в статье 6654 г. Добавим к этому предположению уже знакомый нам факт двухгодичной молодости сообщения *Ипатьевской летописи* о вступлении черниговского князя Всеволода на киевский престол в сравнении с аналогичным сообщением северо-восточных летописей (6648 и 6646 гг. соответственно).

Установленная связь между хронологическими элементами древнерусской эры и черниговским компонентом *Киевской летописи* в статьях 6652 и 6654 гг. позволяет использовать это наблюдение для основательного поиска и исследования тех мест, где на страницах *Ипатьевской летописи* соединялись киевский и черниговский источники. Вспомним, что Н.Г. Бережков неоднократно отмечал двух- или даже трехгодовые интервалы в расположении похожих друг на друга ипатьевских известий или их растянутость на такой же срок (6670 и 6672 гг., 6672 и 6674 гг., 6674 и 6676 гг., 6678 и 6681 гг., 6679 и 6682 гг. и др.), а по поводу одного из отрезков текста написал: «Пять статей *Ипатьевской летописи* (6676–6680) имеют обозначение, на единицу превышающее ультрамартовское»⁴¹. Он же отмечал в этом памятнике «полные даты», которые на два года превосходят константинопольские обозначения лет (6678, 6679 гг. и др.), а также двухгодовые расхождения северо-восточного и юго-западного летописания в датировании отдельных событий (6676 и 6678 гг., 6677 и 6679 гг. и др.). Эти и другие случаи могут сигнализировать о соединении в летописании XII в. письменных материалов двух юго-восточных древнерусских регионов. Историко-хронологическое и текстологическое изучение этих статей позволит также представить и вполне определенный ответ на вопрос о времени и месте составления киево-черниговской летописной компиляции.

Алтайский государственный университет

40 ПСРЛ 2: 314–316..

41 Бережков Н.Г. *Хронология русского летописания*, 159.

Ирина Чугаева

Черниговское летописание в Киевском летописном своде: обзор историографии

Проблема черниговского летописания XII в. по-прежнему сложна и дискуссионна, а размышления ученых о ведении летописи в Чернигове представляют собой сумму более или менее обоснованных гипотез, предположений и догадок. Историография гипотетического черниговского летописания довольно обширна, и в рамках одного обзора представляется возможным остановиться только на наиболее значимых вопросах и проблемах, а также попытаться дать оценку нынешнего состояния проблемы. Цель этой статьи — не детальный анализ мнений исследователей о летописных фрагментах черниговского происхождения в составе *Киевского летописного свода*, а систематизация и классификация высказанных идей и концепций, а также оценка качества аргументации и стандартов доказательности.

Необходимо, прежде всего, определить, что именно следует (или возможно) считать черниговским летописанием, где и каким образом искать его следы. В отличие от других летописных традиций, оставивших следы в виде дошедших до наших дней целостных текстов (киевское, новгородское, владими́ро-суздальское летописание), с черниговским летописанием не ассоциируется отдельный летописный памятник или даже сколько-нибудь значительные сегменты непрерывного текста в составе иных традиций. При попытке реконструкции «черниговской летописи» целесообразно использовать более подходящие, на наш взгляд, термины такие, как «летописные фрагменты черниговского содержания», «черниговские известия» и «информация черниговского происхождения».

Большинство исследователей, выделявших черниговские летописные фрагменты и известия черниговского содержания, использовали именно *Киевскую летопись* XII в., поскольку она насыщена (а на некоторых временных отрезках, таких, как 1146–1154 гг., перенасыщена) детальной информацией о Чернигово-Северской земле и черниговских князьях, зачастую необязательной для основного содержания летописи за этот период — борьбы за Киев.

Проблемой черниговского летописания XII в. ученые занимаются с конца XVIII в. Многие из первых исследователей черниговского летописания

отвергали его существование и саму возможность его гипотетической реконструкции. Другие из них, как например, И.П. Хрущов и Н.И. Костомаров отождествляли летописные сведения о Чернигово-Северщине с источником южнорусского или киевского происхождения¹.

Многие ученые прямо не доказывали существование целостного систематического Черниговского летописания в виде летописного свода, но выделяли целые черниговские летописные фрагменты, известия и вставки в составе *Киевского летописного свода*². Исследователи обращали также внимание на устные известия о местных княжеских делах, почерпнутые от черниговских информаторов киевскими летописцами. Эти известия, по их мнению, были написаны в Киеве³.

Нами была предпринята попытка выделить набор критериев, по которым можно опознать летописные вставки местного (черниговского) происхождения⁴. Уточнение, конкретизация и дополнение этих признаков является одной из составляющих проблемы реконструкции гипотетического черниговского летописания.

Многие ученые в своих исследованиях, посвященных истории летописания, воспринимали черниговские известия в составе *Киевской летописи* и восхождение их к черниговской летописи XII в. на веру, строя свои гипотезы больше на догадках, чем на источниках. Поэтому никто из них так и не доказал существование систематического черниговского летописания на основе сохранившихся и выделенных летописных фрагментов черниговского содержания и происхождения. Соответственно, сегодня нет ни одного специ-

-
- 1 Костомаров Н.И. *Лекции по русской истории*. Ч. 1. *Источники русской истории*. СПб., 1861, 42, 44; Хрущов И. П. *Беседы о древней русской литературе*. СПб., 1900, 73–74.
 - 2 Бестужев-Рюмин К.Н. *О составе русских летописей до конца XIV в.* СПб., 1868, 75, 80–86, 110–111; Иконников В.С. *Опыт русской историографии*. Т. 2. Кн. 1. М., 1908, 494–497; Шахматов А.А. Общерусские летописные своды XIV–XV вв. Ещё несколько данных, свидетельствующих о существовании общерусского свода XV в. *ЖМНП*. 1900, № 11. Отд. 2, 157–163, 178–180; Шахматов А.А. *Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.* М.; Л., 1938, 72, 77–79. Присёлков М.Д. *История русского летописания XI–XV вв.* Л., 1940, 92; Лихачев Д.С. *Русские летописи и их культурно-историческое значение*. М.; Л., 1947, 182–189; Насонов А.Н. *История русского летописания XI — начала XVIII вв.* М., 1969, 100–103, 107, 146–148; Франчук В.Ю. *Киевская летопись: состав, источники в лингвистическом освещении*. К., 1986, 25, 81; Толочко П.П. *Літописи Київської Русі*. К., 1994, 51–54; Толочко П.П. *Русские летописи и летописцы X—XIII вв.* СПб., 2003, 104–106, 138–139, 145–148; Вілкул Т.Л. Літописна повість 1147 р. про вбивство Ігоря Ольговича. *Київська старовина*. 1999, № 6, 26–29; Вілкул Т.Л. Літопис Святослава Ольговича. *До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя*. Т. 2. К.; Л., 2004, 63–74; Шеков А.В. Заметки о черниговском летописании XII в. *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 2008. № 3, 108–114.
 - 3 Грушевський М.С. *Історія України-Русі*: в одинадцяти томах, дванадцяти книгах. Т. 2. Львів, 1905, 332; Грушевський М. С. *Історія української літератури*: В 6-ти тт., 9-ти кн. Т. 3. К., Львів, 1923, 33; Рыбаков Б.А. *Древняя Русь: сказания, былины, летописи*. М., 1963, 303; Котляр М.Ф. *Київський літопис XII ст. Історичне дослідження*. К., 2009, 114–117.
 - 4 Чугасва І.К. Частотність згадування чернігівських князів у давньоруських літописних зводах як елемент контент-аналізу чернігівських фрагментів літописання. *Сіверянський літопис*. 2010, № 4–5, 3–11.

ального монографического исследования, посвященного разработке проблемы черниговских летописных фрагментов в составе *Киевской летописи* XII в. и их интерпретации.

В историографии проблемы черниговского летописания следует выделить ряд важных вопросов, которые затрагивали исследователи. Чаще всего они задавались вопросом, где велись эти записи — в Чернигове или в Киеве (во время правления князей черниговской династии). По мнению Б.А. Рыбакова свод этих записей составлял летопись Ольговичей и других представителей этой династии, в частности, Святослава Ольговича и Святослава Всеволодовича⁵. Эта точка зрения частично нашла поддержку в литературе⁶.

А.Н. Насонов считал возможным говорить лишь о фрагментарных следах черниговских известий из которых была соткана черниговская летопись⁷. По мнению М.Д. Приселкова, разделяемому Д.С. Лихачевым, черниговская летопись представляет собой семейный летописец черниговских князей — Игоря Ольговича, Святослава Ольговича, Олега и Игоря Святославичей⁸. Не исключено, что в ее основу были положены тмутороканские летописные записи Никона Печерского⁹ и/или воинские «дружинные» повести и жития отдельных черниговских князей-святых («Житие Игоря Ольговича»), которые были объединены погодными записями киевскими редакторами¹⁰.

Н.Ф. Котляр небезосновательно, на наш взгляд, предложил заменить принятый в историографии термин «летописи» и «летописцы» киевских и черниговских князей — Мономашичей и Ольговичей: Святослава Ольговича, Игоря Святославича — на термин «воинские повести» этих князей¹¹.

Важно как можно точнее определить, что собой представляло черниговское летописание, какую информацию считать черниговской по происхождению, где (в Чернигове, в Киеве, в Новгороде и т.д.), кем и с какой целью оно велось и как стало источником для других летописей (в нашем случае — для *Киевской летописи* XII в.). Как справедливо полагал М.Д. Приселков, «сложно определить черниговские известия эти черниговского летописца или киевского

5 Рыбаков Б.А. *Древняя Русь: сказания, былины, летописи*, 306–307, 310; Рыбаков Б.А. *Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»*. М., 1972, 41–43.

6 Франчук В.Ю. *Киевская летопись*, 25, 97; Франчук В.Ю. Тема Игоря Ольговича Чернігівського в давньоруському літописанні. *Любецький з'їзд князів 1097 р. в історичній долі Київської Русі*. Чернігів, 1997, 43–44. Толочко П.П. *Літописи Київської Русі*, 51–53; Толочко П.П. *Русские летописи и летописцы*, 104–106, 138–139, 145–148. Вілкул Т.Л. *Літопис Святослава Ольговича*, 63–74.

7 Насонов А.Н. *История русского летописания XI — начала XVIII вв.*, 100–103; 146–148.

8 Приселков М.Д. *История русского летописания XI–XV вв.*, 88–90; Лихачев Д.С. *Русские летописи и их культурно-историческое значение*, 182–188.

9 Гадло А.В. Тмутороканские этюды. IV. *Вестник Ленинградского университета*. 1990, Серия 2. Вып. 4 (№ 23), 3; Толочко П.П. *Русские летописи и летописцы*, 38, 42–43.

10 Бестужев-Рюмин К.Н. *О составе русских летописей до конца XIV в.*, 80–86; 110–111. Грушевський М.С. *Історія української літератури*. Т. 3, 5.

11 Котляр М.Ф. *Київський літопис XII ст.*, 33–37, 41–45, 114–117; Котляр М.Ф. Структура і джерела Київського літопису XII ст. *ВІЖ*, 2007, № 5, 7–15.

летописания, так как за время княжения в Киеве князей черниговского дома киевское летописание отмечало и черниговские события того времени, имеющие отношение к сидящему в Киеве черниговскому князю»¹².

Исследователи не единогласны в решении вопроса о *перечне и границах* черниговских летописных фрагментов. Едва ли не впервые наиболее полно выделил комплекс летописных статей черниговского происхождения в *Киевской летописи* В.С. Иконников. Среди них были события 1146, 1147, 1152, 1153, 1155, 1156, 1159, 1160, 1161, 1162, 1164, 1166–1167, 1168, 1174, 1175–1176, 1177, 1178, 1183, 1185, 1191, 1196, 1198 гг. о междукняжеских отношениях, военных кампаниях черниговских князей и лишь малая часть из них — о семейных делах¹³. А.А. Шахматов же сократил этот список черниговских статей до событий, посвященных «семейным делам» черниговских князей — рождение и смерть князей и епископов, женитьба князей и совсем малая их часть посвящена военным походам против половцев (1142, 1146, 1147, 1164, 1167, 1173, 1174, 1175, 1177, 1179, 1185, 1186, 1187, 1191, 1194, 1196, 1198)¹⁴. Правда, при этом он не обозначил текстовые границы черниговских сообщений.

А.Н. Насонов не только дополнил перечень черниговских летописных фрагментов в *Киевском летописном своде* (1120, 1124, 1141, 1143, 1145, 1149), но и выделил их на основе *Лаврентьевской летописи*. Отсутствующие в последней фрагменты, по его мнению, принадлежали черниговскому источнику — статьи 1151, 1152, 1153, 1154 (?), 1155, 1162, 1176, 1182¹⁵.

Б.А. Рыбаков насчитал на отрезке 1146–1147 гг. 10 черниговских летописных фрагментов из летописи Святослава Ольговича (указав при этом столбцы в *Киевском летописном своде*) и 9 маленьких фрагментов на отрезке 1147–1154 гг.¹⁶ По нашим наблюдениям на отрезке 1146–1154 гг. (время правления в Киеве князя Изяслава Мстиславича) резко возрастает частотность упоминаний князей черниговской династии — Святослава Ольговича, Игоря Ольговича и Святослава Всеволодовича. Также именно этот временной отрезок насыщен черниговскими событиями, упоминаются города Чернигово-Северской земли (некоторые впервые), топонимы, гидронимы, точные даты событий, много фактов и имен действующих лиц. Все это указывает, по нашему мнению, на современника событий, приближенного к черниговским Ольговичам.

Изучением лексики *Киевского летописного свода* занималась В.Ю. Франчук, которая пословно, пофразово разделила тексты летописцев игумена Поликарпа, киевского боярина Петра Бориславича и составителя *Киевской*

12 Присёлков М.Д. *История русского летописания XI–XV вв.*, 90.

13 Иконников В.С. *Опыт русской историографии*. Т. 2. Кн. 1, 1908, 495–496.

14 Шахматов А.А. *Обозрение русских летописных сводов*, 72.

15 Насонов А.Н. *История русского летописания XI — начала XVIII вв.*, 107, 146–148.

16 Рыбаков Б.А. *Древняя Русь: сказания, былины, летописи*, 310.

летописи — игумена Выдубецкого монастыря Моисея¹⁷. Её выводы показали, насколько летописные манеры разных авторов — сторонников конкурирующих династий — смешивались, переплетались, поэтому очень сложно выделить летописные фрагменты местного происхождения.

Наиболее близка к выделению летописных фрагментов черниговского происхождения в составе *Киевского летописного свода* Т.Л. Вилкул. Она текстуально выделила летописные фрагменты, написанные современником событий с позиции князей черниговской династии и о них — на основе детального сопоставления *Ипатьевской* и *Лаврентьевской* летописей на хронологически совпадающих отрезках, выделяя, таким образом, общий протограф этих летописей. Исследовательница обращала особое внимание на лексику авторов летописных статей черниговского происхождения, которые, правда, уже были подвержены редакторской правке. В этом и заключается основная сложность такой текстологической работы. Т.Л. Вилкул наиболее полно описала критерии, по каким можно узнать руку того или иного летописца — приверженца определенного князя: характерное употребление слов и фраз, современность описываемых событий на основе очень точной даты, множества топографических деталей и т.д.¹⁸

Вопросами поиска черниговских летописных фрагментов занимался П.П. Толочко, пытавшийся воссоздать историю черниговского летописания в составе *Киевского летописного свода*, а также определивший летописцы черниговских князей — Всеволода, Игоря и Святослава Ольговичей¹⁹. А.В. Шеков систематизировал оценки исследователей черниговского летописания XII в., а также выделил дополнительные черниговские фрагменты в *Киевском летописном своде* — под 1160 г. поход Святослава Ольговича под Вщиж и сражение под Черниговом, известия об Изяславе Давидовиче (при этом отмечая, что летописания Давидовичей не было). Все они попали, по его мнению, из северо-восточного источника, с которыми они неразрывно сплелись²⁰.

Не менее важным аспектом исследуемой темы является проблема авторства гипотетической черниговской летописи или так называемых «черниговских вставок», «черниговских известий» и «черниговских фрагментов». Как можно заметить руку, почерк, стиль черниговских летописцев? Они либо служили черниговским князья (часто становились их придворными — уже киевскими летописцами), поэтому описывали события с их позиции, либо были черниговцами по происхождению, но писали в Киеве, где правили князья черниговской династии, либо в Чернигове вели княжескую летопись?

Примером такого анализа есть поиск автора *Повести об убийстве Андрея Боголюбского*. Н.Н. Воронин считал, что её автором был «поп Микулица» —

17 Франчук В.Ю. *Киевская летопись*, 13–28, 80–100.

18 Вилкул Т.Л. *Летопись Святослава Ольговича*, 64–69, 73.

19 Толочко П.П. *Русские летописи и летописцы*, 104, 145–151.

20 Шеков А.В. *Заметки о черниговском летописании XII в.*, 108–114.

приближенный к Андрею Боголюбскому²¹. По мнению Б.А. Рыбакова автором *Повести* 1174–1176 гг. был черниговец по происхождению Кузьмище Киянин, написавший это произведение в Чернигове. Кузьмище служил Святославу Всеволодовичу и поэтому писал о черниговских делах 70-х гг. XII в., отразившихся в *Киевской летописи*²². Упоминает Б.А. Рыбаков и другого летописца, который интересовался черниговскими князьями и событиями — игумена Поликарпа, который был не черниговцем по происхождению, но некоторое время служил черниговскому князю Святославу Ольговичу и его сыну Олегу Северскому (1141–1171)²³. Анализируя лексику *Повести об убийстве Игоря Ольговича* 1147 г. в составе *Киевской летописи*, В.Ю. Франчук выделила текст автора Поликарпа, для которого характерно яркое описание событий, превозношение черниговских князей, частое использование прямой речи²⁴.

Черниговские летописные фрагменты основывались на различных источниках. Большинство из них, как представляется, были устными по происхождению. К источникам летописцев также следует отнести агиографическую литературу, житийные тексты. На связь между агиографией и *Киевской летописью* одним из первых обратил внимание А.А. Шахматов²⁵. Б.А. Рыбаков даже обосновал, что летописная статья о смерти новгородского епископа Нифонта 1156 г. написана игуменом Поликарпом и, как увидим ниже, это с одной стороны сближает его с автором *Киево-Печерского Патерика*. Исследователь отмечал связь между детальным описанием сна Нифонта в летописи с черниговскими Ольговичами (ведь в нем упоминается «Святошино место» — от имени Николы Святоши, двоюродного брата Святослава Ольговича). Однако не стоит отождествлять игумена Поликарпа — возможного летописца Святослава Ольговича (умер в 1183 г.) с Поликарпом — автором части *Киево-Печерского Патерика* (его послание к игумену Акиндину исследователи относят к 1239 г.)²⁶. Сравнивая *Слово* о Николе Святоше *Киево-Печерского Патерика* с летописной статьей 1156 г. о сне Нифонта в *Киевской летописи*, можно заметить черты сходства — упоминается «келия Николы Святоши» и «Святошино место»; сюжет о смерти Петра — врача Николы Святоши подобен описанию смерти Нифонта, что, вероятно, указывает на общий их источник черниговского происхождения.

В историографии существует мнение, что в *Киевскую летопись* под 1146–1147 гг. вошло черниговское *Житие* Игоря Ольговича. Оно настолько растворилось в целостном тексте *Повести об убийстве Игоря Ольговича*

21 Воронин Н.Н. «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и её автор. *История СССР*. 1963, № 3, 87–88.

22 Рыбаков Б.А. *Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»*, 115–131.

23 Рыбаков Б.А. *Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»*, 41–43, 45, 57, 183.

24 Франчук В.П. *Тема Игоря Ольговича Чернігівського в давньоруському літописанні*, 44.

25 Шахматов А.А. *Киево-Печерский Патерик и Печерская летопись*. I–III. СПб., 1897, 11–12.

26 Рыбаков Б.А. *Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»*, 45, 57.

1147 г. в редактированном виде в *Киевской летописи*, что её черниговский текст сложно выделить²⁷. Черниговский источник также замечен и в летописной статье в *Московском летописном своде конца XV в.* о смерти митрополита Константина в Чернигове 1159 г.²⁸ В статьях за XII в. в *Московском летописном своде* имеется общий протограф с *Киевской летописью*, которым был какой-то особый «южнорусский источник»²⁹. Все эти замечания указывают на возможность привлечения текстов поздних летописных сводов для решения вопроса о черниговском летописании — *Московского летописного свода конца XV в.*, *Воскресенской летописи XVI в.*, а также черниговские известия *Новгородских I и IV летописей*, *Софийской I летописи* и другие.

Таким образом, несмотря на более чем двухсотлетний поиск следов черниговского летописания и анализ черниговских фрагментов составе (в большинстве своем) *Киевского летописного свода*, проблема не решена и, уж тем более, не закрыта. Главным недостатком исследований есть то, что часто отождествлялись понятия «черниговское летописание» и информация о Чернигово-Северской земле и черниговских князьях.

Современные междисциплинарные работы по изучению летописей характеризуются лингво-текстологическими исследованиями (стратификацией текста) с целью лучшего его понимания, более точной постановкой вопроса (летописание, летопись или летописец отдельных черниговских князей) и обрисовкой перспектив решения этой научной проблемы. Возникает все больше вопросов, связанных в основном с теоретико-методологическими основами, методами и методиками изучения летописных сводов и сопоставления параллельных летописных текстов с целью не только внутренней и внешней критики того или иного списка летописи, но и обоснования источников, путей попадания удельной (черниговской) информации на страницы летописей. В дальнейшем для воссоздания возможного черниговского летописания следует максимально аргументировать выделенный и соотнесенный с ней черниговский текст — дословно, пофразово и постатейно, четко выделить и обосновать вкрапления черниговского материала в динамичную «пирамиду» *Киевской летописи*. Для этого необходима апробированная новая методика изучения летописей с целью реконструкции протографов и источников *Киевского свода*. Она, на наш взгляд, должна основываться

27 Вілкул Т.Л. Літописна повість 1147 р. про вбивство Ігоря Ольговича, 26–27; 29; Милотенко Н.И. Южнорусская летопись в общерусском летописании начала XV в. *Летописи и хроники*. М.:СПб., 2008, 30.

28 Толочко О.П. Смерть митрополита Костянтина (До розуміння давньоруської моделі святості). *Medaevialia Ucrainica: Ментальність та історія ідей* 2 (1993), 44–45; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Что стоит за отказом митрополита Константина от христианского погребения в 1159 г.? *Ruthenica VIII* (2009), 26–28.

29 Шахматов А.А. *Обзорение русских летописных сводов*, 275–277; Насонов А.Н. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник. *Проблемы источниковедения*. Вып. 9. М., 1961, 372–377; Насонов А.Н. *История русского летописания XI — начала XVIII вв.*, 260, 288.

на сравнительно-историческом методе, методе реконструкции, поиске параллелей (текстовых и идейных), контент-анализе летописных фрагментов, содержащих информацию о Чернигово-Северщине, так и на сопоставлении полученных данных с показателями киевских, переяславских и суздальских летописных фрагментов, на сравнении лексики и словоупотребления на различных летописных фрагментах и временных отрезках. Также необходимо выделить структурные составляющие черниговских летописных фрагментов по принадлежности к черниговским князьям с целью воссоздания этапов ведения летописной работы в Киеве и в Чернигове. Наилучшие результаты, по-видимому, дадут использование математических методов и исследования на стыке истории и филологии.

Чернігівський національний педагогічний університет
імені Т.Г. Шевченка

ДИСКУСІЇ

Алексей Комар, Наталья Хамайко

Збручский идол: памятник эпохи романтизма?

В исследованиях и реконструкциях дохристианских верований восточных славян одно из центральных мест традиционно принадлежит «Збручскому идолу». Это изваяние — «визитная карточка», «лицо», безошибочно узнаваемый яркий образ всего славянского язычества, фигурирующий на обложках десятков, если не сотен, научных и научно-популярных книг. Количество посвященной ему литературы огромно: историки, археологи, искусствоведы, культурологи, этнографы, лингвисты, краеведы — всех уже более полутора столетия привлекает загадка изваяния, семантика его изображений и история находки.

Для археолога *Збручское изваяние* — это ещё и наиболее широко известный в мире предмет из числа славянских древностей, впрочем, обстоятельствами случайной находки в водах р. Збруч полностью лишенный естественного археологического контекста. Датировка изваяния в настоящее время может опираться только на аналогии и данные экспертизы самого предмета, а также на его стилистический и технологический анализ. Важную вспомогательную роль играют определение археологического окружения места находки и моделирование обстоятельств попадания артефакта в реку.

Аналогии и археологическое окружение

Целое столетие, до 50-х гг. XX в., *Збручский идол* оставался беспрецедентным для восточнославянского ареала, заставляя привлекать в качестве аналогий только каменные изваяния пруссов XII–XIII вв., скифскую скульптуру и изваяния тюркских народов Евразии¹. Но в 1950 г. у с. Иванковцы (Хмельницкая обл.) в Поднестровье на территории черняховского поселения были открыты два четырехгранные изваяния с ликами (рис. 1; 1, 2), а также антропоморфная скульптура скифского облика. В.И. Довженок заключил, что

¹ L. Niederle, *Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní. Život starých Slovanů*. Díl. II.1 (Praha, 1916), 201–202, obr. 14; W. Demetrykiewicz, “Figury kamienne t. zw. “bab” w Azji i Europie i stosunek ich do mitologii słowiańskiej,” *Sprawozdania z czynności i posiedzeń Akademii umiejętności w Krakowie*. T. XV, № 7 (1910), 2–13; Zakharov A. “The Statue of Zbrucz,” *Eurasia septentrionalis antiqua*, vol. 9 (Helsinki, 1934), 337–347.

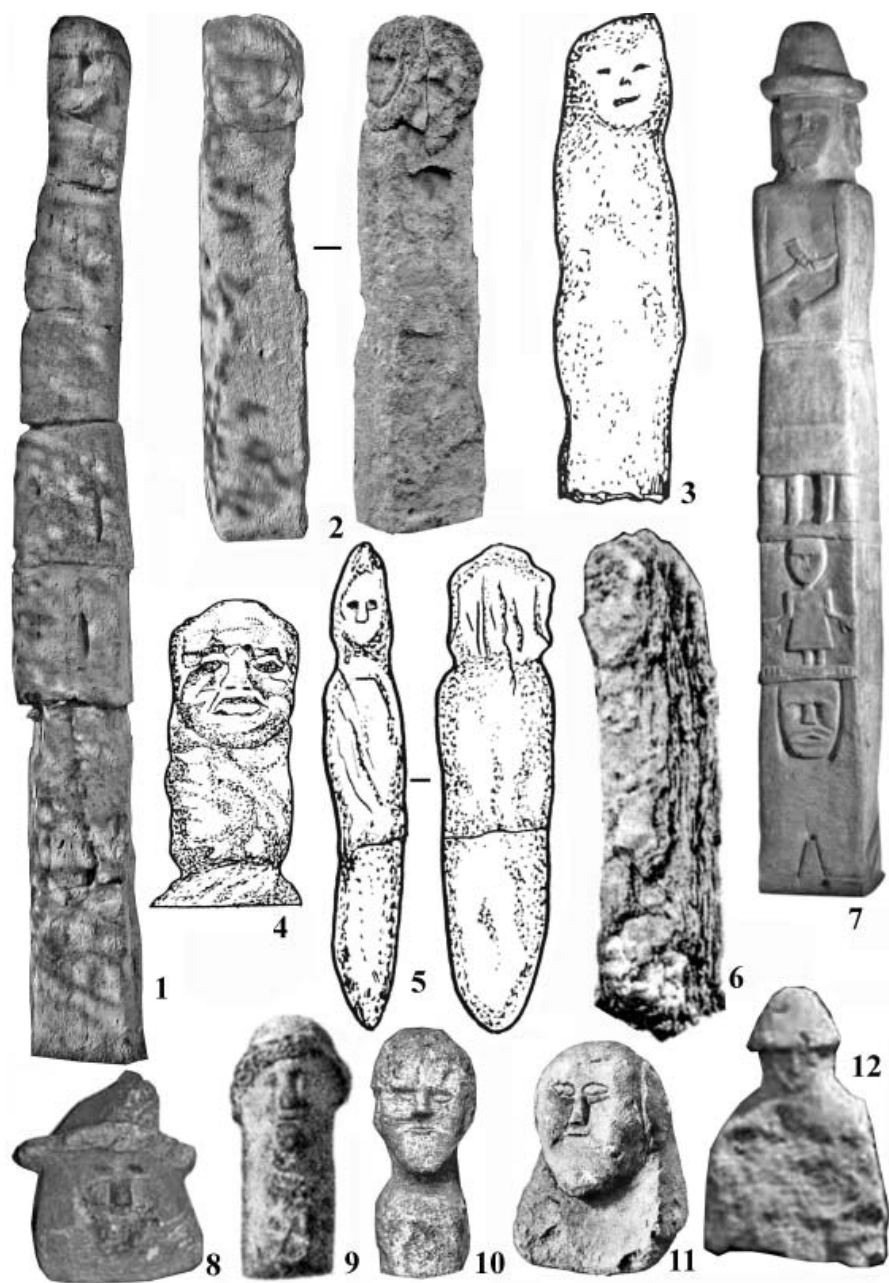

Рис. 1. Каменные изваяния из восточнославянского ареала:

1, 2 — Иванковцы; 3 — Кременная; 4 — Шклов; 5 — Яровка; 6 — Мурованные Куриловцы;
 7 — Збручское изваяние; 8 — Себеж; 9 — Шексна; 10 — Слоним; 11 — Акулинино;
 12 — Юрковцы.

четырёхгранное трехликое изваяние № 1 из Иванковцев (рис. 1; 2) является прямой аналогией *Збручскому идолу*, и, возможно, отображает то же божество. В плане датировки находок исследователь констатировал недостаточность информации, отметив, что либо скульптуры относятся к черняховскому времени, либо появились на поселении позже².

В 1951–52 гг. на поселении были проведены раскопки в месте обнаружения изваяния № 1, по результатам которых все три изваяния уже были интерпретированы М.Ю. Брайчевским и В.И. Довженком как принадлежащие раннеславянскому святилищу черняховского времени (II–V в. н.э.)³. Опираясь на такую атрибуцию, И.С. Винокур отнес к «раннеславянским» и скифскую антропоморфную скульптуру с черняховского поселения у с. Ставчаны поблизости от Иванковцев⁴. А затем исследователь составил целую сводку случайных находок каменных изваяний и просто обработанных камней в зоне черняховских поселений Среднего Поднестровья, составляющих, по его мнению, материальный базис для формирования более развитой славянской языческой скульптуры X в.⁵

И.П. Русанова и Б.А. Тимошук, а вслед за ними и В. Шиманский, справедливо подчеркнули методологические проблемы подобной датировки изваяний только на основании их соотношения с площадью поселения той или иной культуры⁶. Ещё более резкую позицию в этом плане занял Н.И. Петров: констатируя отсутствие четких археологических оснований для датировки, а также какой-либо единой традиции исполнения в группе каменных изваяний, причисляемых в настоящее время к «славянским языческим идолам», исследователь высказывал сомнения и относительно существования самой традиции изготовления каменных (а не деревянных) идолов у славян⁷, присоединившись к скептической позиции Г. Ловмянского⁸.

Действительно, если мы обратимся к областям Среднего Поднепровья и Подесенья в поисках хотя бы отдаленных материальных аналогий или

2 Довженок В.И. Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Поднестровье. *КСИИМК*. Вып. XLVIII. 1952, 136–141, рис. 43–44.

3 Брайчевский М.Ю. Древнеславянское святилище в селе Иванковцы Днестре. *КСИИМК*. Вып. LI. 1953, 43–53. Брайчевский М.Ю., Довженок В.И. Поселение и святилище в с. Иванковцы в Среднем Поднестровье. *МИА*. № 139. 1967, 238–262.

4 Винокур И.С. Языческие изваяния из с. Ставчаны в Поднестровье. *СА*. 1964, № 4, 210–214. Винокур И.С. Языческие изваяния Среднего Поднестровья. *МИА*. № 139. 1967, 136–143.

5 Винокур И.С. *Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II–V ст. н.е.* К., 1972, 106–118; Винокур И.С., Забашта Р.В. Монументальна скульптура слов'ян. *Археологія*. 1989, № 1, 65–77; Винокур И.С. *Черняхівська культура: витоки і доля*. Кам'янець-Подільський, 2000, 123–144.

6 Русанова И.П., Тимошук Б.А. *Языческие святилища древних славян*. М., 2007, 32–33; W. Szymański, "Posąg ze Zbrucza i jego otoczenie. Lata badań, lata wątpliwości," *Przegląd Archeologiczny*, t. 44 (1996), 99–100.

7 Петров Н.И. Каменные идолы Восточной Европы: славянское язычество? *Евразия сквозь века*. СПб., 2001, 86–90.

8 H. Łowmiański, *Religia Słowian i jej upadek* (Warszawa, 1986), 158–159.

похожего уровня язычества, то обнаружим только сброшенные в реку четыре однотипных «священных дуба» с вживленными кабаньими челюстями⁹, свидетельствующие о поклонении славян этих регионов «рощеньям», т.е. о весьма простых анимистических культах.

Все письменные данные об антропоморфных идолах славян и специально обустроенных языческих храмах относятся лишь к локальной группе прибалтийских славян XII в., язычество которых по сравнению с Русью, западными и южными славянами прошло как минимум два дополнительных этапа эволюции в условиях острой военной конфронтации с германским государством и церковью. По мнению А.В. Назаренко, эта ситуация «явилась итогом специфической эволюции в особых исторических условиях», что не позволяет распространять данные о язычестве эльбо-одерских славян на славянское язычество в целом¹⁰.

Сложно также сказать, создает ли исторический фон *Збручскому изваянию* привлечение собранной И.С. Винокуром группы каменных аналогий¹¹ или же только усугубляет ситуацию. Площадь и сложность скульптурных работ изваяния на фоне рассматриваемой группы (рис. 1) выше в десятки раз, а детализация его образов не идет ни в какое сравнение: анатомические подробности, в том числе и весьма непростая для исполнения коленопреклоненная поза нижнего персонажа¹²; верхняя одежда, пояс, вооружение; дополнительный силуэт лошади.

Барельеф в *Збручской* находке сочетается с круглой скульптурой, что наблюдаем только в группе небольших «идолов»-бюстов (рис. 1; 8–12). Один из них — Себежский (рис. 1; 8) — прозрачно датируется христианским временем выбитой на нем кириллической надписью¹³; второй — Юрковецкий (рис. 1; 12) — изображен не в шапке, а в шлеме XIV–XVI вв., что скорее относит его к категории парковой скульптуры XVIII–XIX вв.; третий — Акулининский (рис. 1; 11), по заключению И.Н. Ершова, выполнен из стандартного строительного блока и полностью лишен патинирования, что в сумме со сходством иконографии лица со степными скульптурами, подсказывает его изготовление в XIX в. как подражание¹⁴; четвертый — Слонимский

9 Болсуновский К. *Перунов дуб. Памятники славянской мифологии*. Вып. II. К., 1914; Ивакин Г.Ю. Священный дуб языческих славян. *Советская этнография*. 1979, № 2, 106–115; Боровский Я.С. *Світосгляд давніх киян*. К., 1992, 79–88; Забашта Р.В., Пошивайло О.М. «Перунові дуби». *Археологія*. 1992, № 2, 57–65.

10 Назаренко А.В. О язычестве эльбо-одерских славян. *Религии мира: история и современность*. М., 2002, 8–15; Назаренко А.В. О язычестве славян. *ДГВЕ*. 2007. М., 2009, 298–314.

11 Детальный разбор этой группы изваяний не входит в задачи настоящей работы и будет представлен отдельно.

12 На отсутствие подобной трактовки человеческой фигуры в искусстве славян дохристианского периода обратил внимание В. Жишкович (Жишкович В. *Пластика Русі-України: X — перша половина XIV століть*. Львів, 1999, 29–30).

13 Гуревич Ф.Д. Каменные идолы Себежского музея. *КСИИМК*. Вып. 54. 1954, 176–179.

14 Ершов И.Н. К проблеме атрибуции Акулининского идола. *Археология Подмосквья*. Вып. 5. М., 2009, 89–96.

(рис. 1; 10) — выполнен как круглая скульптура, и выделяется даже в данной группе почти современной детализацией черт лица и анатомическими пропорциями шеи.

Если исключить из анализа сомнительные приднестровские изваяния скифского облика и группу «бюстов» христианского времени, гипотетически «славянская» каменная скульптура, создающая исторический фон для возникновения *Збручского изваяния*, ограничивается только столбовидными скульптурами со схематическим изображением человеческого лица, что соответствует описанию идолов русов нач. X в. ибн-Фадланом¹⁵. Такую же иконографию демонстрирует славянские деревянные резные фигурки X–XIII вв., причисляемые к апотропейным изображениям божеств¹⁶, а также группа бытовых предметов с многоликим завершением: деревянная ручка IX в. из Волина (Польша)¹⁷, костяные кочедыки IX–X вв. из Преслава (Болгария)¹⁸ и Чучера (Македония)¹⁹, костяной игольник из Шестовицы²⁰.

Изображения *Збручского изваяния* объединены в сложную композицию, о чем даже речи не идет в других каменных изваяниях региона. Уникальна для славянского искусства VI–X вв. и её многоярусная структура. Но главное, изваяние не принадлежит одному персонажу — это настоящий «пантеон в одном камне», что нарушает основной принцип славянских языческих капищ, описанных письменными источниками: один бог — один идол.

Б.А. Рыбаков в своем капитальном «Язычестве Древней Руси» констатирует:

На фоне того, что нам известно о славянских идолах как по реальным находкам, так и по древним описаниям, совершенно исключительным оказывается збручский Род–Святовит, представляющий собою не изображение какого-либо отдельного божества, а дающий целую космогоническую систему, четко сложившуюся к IX в. Эта глава названа «Апогей язычества», но весь предшествующий материал ничего не говорил нам о высоком развитии, об итогах теологических размышлений древних русов к моменту зарождения государственности²¹.

15 Ковалевский А.П. *Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 911–922 гг.* Харьков, 1956, 142.

16 Колчин Б.А. *Новгородские древности. Резное дерево.* М., 1971, 40–46; рис. 17, табл. 33–36, 42; Рыбаков Б.А. *Язычество Древней Руси.* М., 1988, 499–591; Боровский Я.С. *Світосгляд давніх киян.* К., 1992, 89–90; L.P. Słupecki, *Slavonic Pagan Sanctuaries* (Warsawa, 1994), fig. 81, 82; 84–88.

17 W. Hensel, “Wczesnośrednowieczna figurka czterotwarzowego bóstwa z Wolina,” *Slovenska Arheologia*. Т. XXVI. Č. 1 (1978), 13–15, рис. 1–2.

18 Георгиев П.П. Изображение на четириликко славянско божество от Преслав. *Археология.* № 1. София, 1984, 16–27, обр. 1.

19 Рашев Р. *Българската езическа култура VII–IX век.* София, 2008, 225, табл. СXXXIV, 7.

20 Коваленко В., Моця А., Сытый Ю. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–X ст.* Чернігів, 2003, рис. 15, 1.

21 Рыбаков Б.А. *Язычество Древней Руси*, 236.

Почему же честь стать столь уникальным репрезентатором «апогея» славянского язычества выпала именно памятнику с далекой юго-западной окраины Руси?

Ответ на эту загадку были призваны дать археологические раскопки на месте находки изваяния в Медоборах — живописной части Подольских Товтр. Ещё в 1851 г., по указанию М. Потоцкого, Т. Жебравский осмотрел и составил план городища «Замчисько», располагавшееся в 2,5 км западнее места находки изваяния. В западной части городища, перегороженной дополнительным каменным валом, М. Потоцкий и Т. Жебравский обнаружили «квадратный фундамент», который, по их мнению, служил постаментом для *Збручского идола*. К северу от Замчиська располагалась окруженная валом долина «Бохот» (или «Бохут»), по преданию, остатки сожженного «Буняком» древнерусского города, название которого Т. Жебравский производил от славянского «бог»²².

В 1984 г. обратили внимание на гору «Замчисько» (называвшуюся теперь «Бохит») И.П. Русанова и Б.А. Тимощук. Раскопками 1984 г. были действительно получены древнерусские материалы финала языческого периода — 2-й пол. X — нач. XI вв., а также познедревнерусские 2-й пол. XII–XIII в. Так называемый «постамент для идола» оказался всего лишь комплексом концентрически расположенных углублений объектов хозяйственного назначения, вторично использованных для погребений христианского обряда. Все закрытые объекты данного комплекса (погребения и ямы) содержали материалы 2-й пол. XII–XIII вв., в т. ч. и квадратное углубление в центре (фрагмент керамической крышки XII–XIII вв.)²³.

Но при публикации материалов раскопок медоборских памятников И.П. Русанова и Б.А. Тимощук крайне неожиданно поддержали гипотезу М. Потоцкого и Т. Жебравского о том, что «каменное» округлое сооружение с ямами в западной части городища Бохит представляло собой «капище», благополучно функционировавшее, по их мнению, с конца X до сер. XIII в., а квадратное углубление в центре было объявлено основанием для *Збручского идола*. Как «жертвенник» X–XIII вв. была интерпретирована также и квадратная яма с каменной обкладкой на западном краю площадки городища; площадка вдоль вала с остатками горелых деревянных пустотелых клетей, обычных для древнерусских городищ XI–XIII вв., — как «охранительные огни капища»; все оборонительные сооружения (валы и рвы) древнерусского времени признаны не функциональными, а «ритуальными»; площадка городища, несмотря на плотное покрытие западинами от объектов, объявлена

22 М. Potocki, T. Żebrawski, "Wiadomości o bożyszczu słowiańskim znalezionym w Zbruczu w 1848 roku," *Rocznik Towarzystwa Naukowego z Uniwersytetem Jagiellońskim złączonego*. T. VI (21) (1852), 25–27, 33–34, 39–40.

23 Русанова И.П. Отчет о работе Прикарпатской экспедиции ИА АН УССР в 1984 г. *Научный архив ИА НАНУ*. № 1984/97.

«нежилой»; всё же городище в сумме интерпретировано как «городище-святилище конца X–XIII в.»²⁴.

Следует признать, что предварительная информация об открытии рядом с местом находки *Збручского изваяния* крупного святилища, функционировавшего до сер. XIII в., поначалу вызвала настоящую сенсацию и новую волну интереса к восточнославянскому язычеству, чему в значительной степени способствовала поддержка идентификации «капища» на Бохите как места поклонения *Збручскому изваянию* Б.А. Рыбаковым²⁵.

Интригу поддерживала лаконичность и отрывочность первых публикаций, но суммирующая результаты археологических работ на памятниках Медобор монография И.П. Русановой и Б.А. Тимощука, постулировавшая уже массовое открытое поклонение языческим богам в Юго-Западной Руси вплоть до XIII в., сразу же встретила резкую критику со стороны В.П. Даркевича, допускавшего, что святилищем городище Бохит могло быть только в X — нач. XI в., тогда как в XII–XIII вв. оно превратилось в рядовое городище-убежище²⁶. Развернутую критику концепции представил в нескольких работах и В. Шима́нский, в том числе отвергнувший идентификацию сооружения на Бохите с капищем для *Збручского изваяния*²⁷. Наблюдения об отличии размеров центральной квадратной ямы «капища» от основания изваяния было развито далее Н.И. Петровым и поддержано Л.С. Клейном²⁸.

К счастью, тщательно составленная авторами раскопок отчетная документация позволяет без особого труда отвергнуть шокирующие историка интерпретации о «кровавых языческих культах в XII — сер. XIII в.» — археологические материалы городищ Медобор ничем не отличаются от древнерусских памятников соседних регионов²⁹. Центральным поселением Медобор в этот

24 Русанова И.П., Тимошук Б.А. Збручское святилище (предварительное сообщение). *СА*. 1986, № 4, 90–100. Русанова И.П., Тимошук Б.А. *Языческие святилища древних славян*, 65–74, 180–181.

25 Рыбаков Б.А. *Язычество Древней Руси*, 250–251.

26 Даркевич В.П. Рецензия: Русанова И.П., Тимошук Б.А. *Языческие святилища древних славян*. М. 1993. *Российская археология*. 1996, № 4, 200–206.

27 W. Szymański, “Wyzynne sanktuaria nad Zbruczem — fakty a interpretacje,” *Acta Archaeologica Carpathica*, t. 33 (1995–1996), 219–243. W. Szymański, “Posąg ze Zbrucza i jego otoczenie,” 75–110. W. Szymański, “Słup ze Zbrucza. Generalia i detale,” *Медобори і духовна культура давніх, середньовічних слов’ян (до 150-річчя виявлення Збруцького «Святовита»)*. Львів, 1998, 21.

28 Петров Н.И. Где стоял Збручский идол? *Святилища: археология ритуала и вопросы семантики*. СПб., 2000, 96–100. Клейн Л.С. *Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества*. СПб., 2004, 205–206.

29 «Археологические подробности» будут детальнее рассмотрены в другой работе. Отметим лишь, что проблема «культовой» интерпретации первичных данных археологических раскопок на примере Медобор выводит на первый план необходимость формулировки аргументированных критериев, которые четко отделяют следы обычной бытовой деятельности древнего населения и экстраординарных событий (пожары, погромы и т.п.) от сознательных культовых действий. В интерпретации же Б.А. Тимощука и ряда других западноукраинских исследователей набор таких признаков фактически ничем не отличается от работы Я.Ф. Головацкого полуторастолетней давности, в которой, вслед за З. Доленгой–Ходаковским, все без исключения городища рассматриваются как «святилища переходного типа от жертвенников к храмам» — Головацкий Я.Ф. *Очерк старославянского баснословия или мифологии*. Львов, 1860, 63–65.

период выступает Крутиловское городище (гора Звенигород). Перстень–печать с княжеским знаком, клады украшений, серебряный платежный слиток киевского типа и византийская монета 1-й пол. XIII в., большое количество предметов христианского культа (нательные кресты, кресты–энколпионы, иконки) выразительно говорят о статусе града как местного княжеского административного центра 2-й пол. XII — 1-й пол. XIII в., а большое количество предметов снаряжения всадника (шпоры, стремяна, удила, сабля) — даже о наличии в городе конного гарнизона³⁰.

Показательно также, что Медоборы стали интенсивно заселяться только в древнерусский период (2-я пол. X–XIII вв.), тогда как выразительных следов жизнедеятельности славян VIII — нач. X в. здесь не наблюдается. Именно древнерусский характер материальной культуры населения Медобор X в. в конечном итоге и заставил Б.А. Тимощука строить сложные исторические построения о бегстве в конце X в. жрецов из Киева от насаждаемого Владимиром христианства на окраины государства, в Медоборы, организацию здесь некоего «языческого заповедника» и изготовления именно «столичными» киевскими жрецами столь выдающегося *Збручского изваяния*³¹.

«Революция в сознании» при интерпретации полевых данных раскопок Бохита откровенно невозможна без введения в уравнение мощного «катализатора». Таковым для Б.А. Тимощука и И.П. Русановой несомненно выступило *Збручское изваяние*: если Бохит действительно святилище, предназначенное для *Збручского идола*, то его уникальность и особое значение как раз и состоят в столь длительном (до XIII в.) сохранении языческой традиции! Очевидная же диспропорция в статусе Бохита и Звенигорода в XII–XIII вв. привела и к не менее «логичному» выводу в отношении Крутиловского городища, также объявленного исследователями «крупным пантеонным святилищем XII–XIII вв.».

Анализируя проблему *Збручского изваяния* в археологической литературе, сложно избежать впечатления «замкнутого круга»: славянская принадлежность каменных изваяний аргументируется ссылкой на *Збручский идол*, а аутентичность и «обычность» последнего — ссылкой на те же каменные изваяния; уникальный культовый языческий характер археологических памятников X–XIII вв. Медобор легитимизируется *Збручским изваянием*, а его собственная уникальность — уникальной концентрацией «языческих» памятников X–XIII вв. в Медоборах. При попытке же разорвать этот круг оказывается, что археология все еще не в состоянии помочь одной из самых знаменитых находок обрести уверенное место подлинного артефакта.

30 Русанова И.П., Тимошук Б.А. *Языческие святилища древних славян*, рис. 31, 18, 25, 26; 32, 4, 5, 13; 33; 34, 5, 9; 36, 14, 15; 37; 45, 5; 47; 48, 9, 10, 12; 50, 5, 6; 51, 7, 10, 11; 54; 56, 18; 57; 58, 8; 60, 14.

31 Русанова И.П., Тимошук Б.А. Религиозное «двоеверие» на Руси в XI–XIII вв. (по материалам городищ-святилищ). *Культура славян и Русь*. М., 1998, 160; Тимошук Б.О. *Східні слов'яни VIII–X ст.: полюддя, язичництво, початки держави*. Чернівці, 1999, 133–134..

Естественно-научная экспертиза

Во второй пол. XIX в. вполне достаточным свидетельством аутентичности *Збручского изваяния* считалась сама история его случайной находки в реке. В нач. XX в. в качестве доказательства длительного нахождения скульптуры в воде К. Гадачек привлек многослойные кальцитовые отложения на стороне D³² (рис. 2; 1). Но естественно-научные анализы материала и состояния поверхности изваяния были впервые получены только спустя столетие после его находки.

Согласно результатам изучения материала изваяния польскими геологами, а также образцов, переданных для сравнения украинским геологам, камень определен как пористый органогенно-детритовый известняк верхнетортонс-

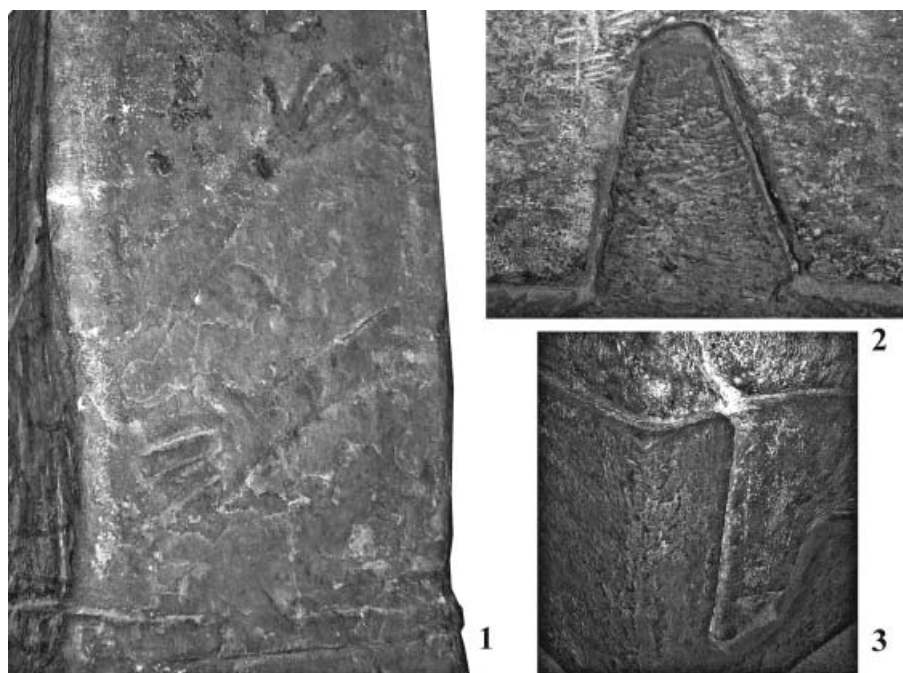

Рис. 2. Кальцитовые образования на Збручском изваянии:

1 — сторона D; 2 — сторона A; стороны B и D.

32 К. Hadaczek, "Światowid. Szkic archeologiczny," *Materyały antropologiczno-archeologiczne i entograficzne*, t. VII (Krakow, 1904), 114.

кого (верхнебаденского) возраста, имеющий большие выходы в виде рифового массива Медоборы (Товтры) в месте находки изваяния к северу от с. Лычковцы, что однозначно говорит о его местном происхождении³³. Известный как «пильный камень», этот вид известняка интенсивно добывался для строительства и отделки. Но на этом позитивная часть выводов заканчивается.

В 1948–1949 гг., к столетию обнаружения идола, его детальные петрографические исследования произвел реставратор Вавельского комплекса Р. Козловский³⁴. Поверхность изваяния, несмотря на относительно мягкий материал, его подверженность биологической эрозии и высокую абразивность течения р. Збруч, оказалась на удивление хорошей сохранности, демонстрируя не только минимальное количество повреждений от ударов (противоположные стороны *A* и *D*), но и весь микрорельеф, образованный инструментами при изготовлении скульптуры. На стороне *C* видны также длинные продольные царапины от волочения идола при его вытаскивании из воды в мокром, разбухшем состоянии.

На изваянии не были обнаружены следы заметного воздействия природных осадков или влаги («высоллов»), так же, как и следов длительного пребывания в воде. Судя по количеству прослоек кальцитовых отложений на стороне *D*, изваяние пережило не более 8 регрессий или трансгрессий уровня Збруча, хотя его питание в очень высокой степени зависит от количества осадков. В разных частях скульптуры сохранились даже следы минеральных красителей (!) на основе железа, которыми она первоначально была раскрашена в рыжевато-красный цвет.

Итак, одно из наиболее эффектных свидетельств аутентичности *Збручского идола* в глазах исследователей XIX — нач. XX в. — кальцитовые отложения на стороне *D* — пришлось полностью вычеркнуть из перечня аргументов. Изваяние, несомненно, не лежало девять веков на дне реки, как предполагал М. Потоцкий, не подвергалось оно длительное время и воздействию атмосферной влаги на поверхности. Иными словами, убедительных следов древности на нем *не обнаружено*, а в реку, согласно выводам Р. Козловского, изваяние попало только в XIX в. *незадолго* до его находки в 1848 г.

Не самый лучший подарок к «юбилею» — не удивительно, что публикация выводов исследования задержалась на целых 15 лет, и, случайно или нет, появилась в свет только после публикации советскими исследователями «черняховского святилища» в Иванковцах, создававшего для *Збручского изваяния* хоть какой-то исторический фон.

Чтобы объяснить столь обескураживающие результаты, не подвергая сомнению подлинность самой находки, Р. Козловский предположил, что

33 G. Leńczyk, “Światowid zbruczański,” *Materyaly Archeologiczne*. T. 5. 1964, 14.

34 R. Kozłowski, “Badania technologiczne posągu Światowida z Muzeum Archeologicznego w Krakowie,” 61–68.

первоначально изваяние стояло под крышей языческого храма или под кроной большого дерева, предохранявших его от осадков, чем и объясняется малое количество высолов. Затем идол был аккуратно снят (а не сброшен) и зарыт в землю на берегу реки лицевой стороной *A* вверх параллельно течению. Незадолго до 1848 г. берег подмыло, и таким образом практически непо потревоженное изваяние и оказалось в воде³⁵. Эта версия была поддержана Г. Леньчиком³⁶, после чего без обсуждения лишь повторялась у других исследователей *как вывод экспертизы*.

Р. Козловского смутило отсутствие в кальцитовых слоистых отложениях стороны *D* микроскопических водорослей и обточенных песчинок, что заставило его предполагать ещё более странный вариант — кальцитовые натёки образовались во время нахождения изваяния в земле. От внимания реставратора ускользнули сразу два гидрологического факта: пик падения уровня Збруча приходится на зимние месяцы (минимальный сток — январь), а с начала января до середины марта река покрыта льдом. Учитывая, что в 1848 г. августовский минимум лишь обнажил шапку изваяния, падение уровня Збруча до уровня основания наклонно залегающего изваяния явно приходилось на зимний период. Кальцитовые отложения на стороне *D* скорее образованы не речной, а *талой* водой. В пользу образования натёков именно в реке, когда скульптура залегала в наклонном положении, ясно свидетельствует заметное падение толщины отложений от верха к основанию изваяния, в то время как при их образовании во время нахождения изваяния в земле эта разница необъяснима, как и отсутствие аналогичных отложений по косой на сторонах *B* и *C*. Зимнее падение уровня Збруча проясняет и ещё один факт — почему, несмотря на, как минимум, 4 или же 8 эпизодов обнажения изваяния, оно никем так и не было замечено ранее.

Иная трактовка происхождения отложений на стороне *D* лишь влияет на время нахождения изваяния в реке, которое Р. Козловский и так определил как кратковременное. Но она автоматически поднимает вопрос, на котором исследователь предпочел не акцентировать внимание.

И воздушная, и грунтовая влага при контакте с известняком вызывают на его поверхности рост кальцитовых образований (высолов), которые со временем делают ровную поверхность хрупчатой. Такие высолы местами прослежены на сторонах *A* и *C*, меньше — на сильнее подверженной абразивному влиянию течения стороне *B*. Р. Козловский делает осторожное предположение, что это абразивность реки повлияла заметным образом на высолы, а их первоначальное количество должно быть большим, особенно в нижней части скульптуры³⁷. Но искомую хрупчатость поверхности наблюдаем на

35 R. Kozłowski, "Badania technologiczne posągu Światowida," 65–67.

36 G. Leńczyk, "Światowid zbruczański," 57–58.

37 Предположению о том, что течение могло снять часть твердых высолов, противоречит сохранность местами красного красителя. Называя образования на поверхности изваяния «натёками»

всех четырех сторонах идеально четырехгранного основания изваяния, при её полном отсутствии уже в сантиметре выше, на обработанной скульптором поверхности (рис. 2; 2, 3).

Основание *Збручского изваяния* — его наиболее загадочная деталь, к сожалению, никогда не привлекавшая серьезного внимания исследователей. К технологической части проблемы мы ещё обратимся ниже, очевидная же разница в состоянии поверхности основания и рельефа изваяния говорят об их *разновременности*. Для изготовления изваяния был взят не свежедобытый камень, а уже подвергавшаяся значительное время воздействию природной влаги правильная четырехгранная колонна со *шлифованными* сторонами (по крайней мере, в нижней части) (рис. 5).

Не менее серьёзные проблемы обнаруживаются и у гипотезы попадания в воду зарытого в землю изваяния после заметного изменения русла реки. На поверхности скульптуры нет следов нахождения в зоне приобья или многократного изменения уровня воды — оно немедленно попало в глубокую часть реки³⁸, что можно представить разве что в случае его резкого обрушения с высокого коренного берега. Судьбу идола при этом Р. Козловский видел следующей: «Закопали его недалеко от реки или даже далеко от неё. Меандры Збруча приближались в сторону памятника, вследствие чего разливы реки, покрывающие землю, становились все сильнее, наконец Збруч дошел до памятника и добыл его на поверхность». Продвижение реки рисуется очень стремительным, поскольку уже после восьми разливов, во время девятого, наиболее сильного, изваяние и попало в воду.

Как видим, гипотеза Р. Козловского формулирует ряд *обязательных условий*, при которых наблюдаемая на поверхности изваяния картина *не противоречит* версии о его древности:

- 1) изваяние не находилось долго под воздействием естественной влаги, т.е. было зарыто в сухом месте;
- 2) такое место располагалось в зоне активной эрозии берега;
- 3) изваяние одномоментно обрушилось в глубокую часть реки.

(*naciek*) Р. Козловский, к сожалению, не конкретизирует их соотношение с краской. Рост высолов сквозь поверхностный красочный слой привел бы к включению красителя в структуру высолов, что, возможно, и наблюдается в виде окрашивания местами кальцитовых образований под краем шапки. Натек же привел бы к механической консервации красочного слоя. Снять абразивом высолы при сохранении красочного слоя невозможно, поэтому абразивность реки могла повлиять только на кальцитовые образования натечного происхождения. Приходится констатировать, что наблюдаемое в настоящее время на изваянии количество высолов близко к *первоначальному* на момент попадания в воду.

38 По описанию основных свидетелей, изваяние залегало под углом, «ближе к нашему берегу», слегка повернуто в сторону берега, а М.Потоцкий специально уточнял, что узнал о находке только несколько месяцев спустя, когда уровень воды значительно поднялся и сделал невозможными поиски основания идола; не удалось это совершить и ещё через несколько лет по той же причине большой глубины реки в месте находки (G. Leńczyk, „Światowid zbruczański,” 17).

Условия в теории несложные: нужен участок высокого коренного берега, возвышающийся над урезом воды минимум на 3–4 м и подмываемый рекой. Дело за малым — соответствует ли таким характеристикам реальное место обнаружения изваяния?

Рассказы о месте и обстоятельствах находки *Збручского изваяния* весьма противоречивы и заслуживают отдельного детального рассмотрения. В отношении только одной юрисдикции участка «свидетелями» назывались 4 версии: села Лычковцы, Городница, Раков Кут и Постоловка (рис. 3; 1). Попытку разобраться в пересказах предпринял Г. Леньчик, суммировавший заслуживающие внимания сохранившиеся устные истории³⁹. Но особый интерес для нас представляет отчет А. Киркора 1877 г., на который справедливо обратил внимание Н.С. Бандрицкий⁴⁰.

В честь грядущего 30-летия с момента обнаружения *Збручского изваяния* и дабы положить конец противоречиям, в 1877 г. А. Киркор попытался точно установить место и обстоятельства находки, специально вызвав для этой цели двух участников событий 1848 г. — К. Беньковского и А. Брушкевича.

Оба свидетеля пошли крутой тропинкой над рекой к долине Збиглой. Мы за ними. Так дошли до бывших казарм таможни, сейчас замененных на жилище гаевого (в границах Ракового Кута). Оттуда возвратились мы той самой дорожкой назад, а пройдя 617 метров от тех казарм, гг. Беньковский и Брушкевич стали перед заломом Збруча и закричали: здесь! Был это первый залом Збруча, идя от казарм, уже на границе Городницкой. Все то, что нам раньше рассказывали об этом месте, подтвердилось в деталях: первый залом реки, идя от казарм к югу; небольшая полянка, подходящая к Збручу с боку; обнаженные белые известковые скалы за рекой, уже на российской стороне. Сумма фактов, которую оба эти господина нашли и подтвердили, позволила им с полной ответственностью и глубоким убеждением заверить, что в этом, а не в другом месте, был добыт Святовит... Место это было прямо под тем скалистым выступом горы, почти перпендикулярно к Збручу и совпадающим с началом того залама реки⁴¹.

Опираясь на военную карту 1880 г. с локализацией постов пограничной охраны, В. Шиманьский очертил предполагаемую зону находки⁴², которая более наглядно видна на карте 1887 г. (рис. 3; 2). Это район резкого зигзагообразного изгиба Збруча в долине Збиглой, по которой чуть южнее в XIX в. протекал ручей «Збиглый». В настоящее время долина покрыта лесом, а ручей имеет сезонный характер. Несмотря на загиб реки почти под прямым углом, за последние 25 лет конфигурация излучины Збруча здесь не изменилась, т.е. о «блуждающих меандрах» в прямом смысле речь идти не может. Русло Збруча

39 G. Leńczyk, “Światowid zbruczański,” 14–18.

40 Бандрицький М. *Сварожі лики*. Львів, 1992, 75–77.

41 A. Kirkor, “Wycieczka na Podole Galicyjskie,” *Kłosy*, t. XXIV, № 634 (1877), 378–379.

42 W. Szymański, “Posąg ze Zbrucza i jego otoczenie,” 76–78, rys.1, 1. Клейн Л.С. *Воскрешение Перуна*, 205.

Рис. 3. Место находки Збручского изваяния:

1 — карта 1889 г.; 2 — карта 1887 г.

в Медоборах проходит по дну V-образного каньона; на расчетном участке река узкая, образует чуть южнее с левого берега небольшой клиновидный пойменный участок максимальной шириной до 30 м. Лес справа сейчас подходит к берегу реки, но, по абсолютным отметкам, до 70 м полосы вдоль правого берега в прошлом принадлежали пойме, а прибрежный участок в точке находки регулярно заливается во время крупных разливов.

Зарыть изваяние в древности пришлось бы в пойме очень близко от берега высотой всего 1–1,5 м над уровнем воды. Длительное же нахождение изваяния в мокром грунте низкого берега вызвало бы активное образование высолов на поверхности, вплоть до появления характерных кальцитовых «спаек» с мелкими известняковыми камнями. В русле же гипотезы Р. Козловского на изваянии следует ожидать не 8-ми, а сотен кальцитовых прослоек, связанным с разливами Збруча. Нет в наличии на месте и высокого берега, который мог бы обеспечить достаточную инерцию для попадания изваяния при падении в глубокую часть реки. К тому же, плотный делювий на основе лессовидного суглинка, насыщенный у склонов Соколихи камнями и густо укрепленный в Медоборах корнями деревьев и кустарника, размывается медленно и хорошо удерживает большие камни. В случае вымывания, тяжелый блок, который представляет собой *Збручское изваяние*, надолго превратился бы в прибрежный камень со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Согласно рассказу мальчиков-находчиков идола, они купались в этом месте⁴³, что говорит о плавном, не обрывистом характере берега в 1848 г. Следы же ударов о камни на всех четырех сторонах изваяния свидетельствуют о его перекатывании при падении по склону, причем Р. Козловский специально подчеркивал невозможность обрушения изваяния из мягкого известняка с горы или же с какой-либо значительной высоты, поскольку оно попросту расколосось бы⁴⁴.

Итак, экспертиза заводит нас в откровенный тупик: если *Збручское изваяние* действительно пролежало девять веков в пойме, почему на нем нет соответствующих кальцитовых образований? Если же изваяние первоначально было зарыто в относительно высоком сухом месте, то как оно оказалось на самом краю берега в месте обнаружения и одновременно обрушилось в воду в XIX в., да ещё так удачно, чтобы сразу оказаться в глубокой части реки?

Попытаемся суммировать наши знания о находке:

- 1) изваяние не имеет ни точных, ни надежно датированных отдаленных археологических аналогий как среди каменной, так и деревянной скульптуры;
- 2) технологическая и композиционная сложность исполнения изваяния на несколько порядков превосходит потенциально «языческую» каменную скульптуру I тыс. н.э. из восточнославянского ареала;

43 G. Leńczyk, “Światowid zbruczański,” 14.

44 R. Kozłowski, “Badania technologiczne posągu Światowida,” 66.

3) в ближайшей к месту находки округе нет археологических памятников IX–X вв., соответствовавших бы уникальному уровню исполнения скульптуры, хотя экспертиза материала говорит именно о местном её производстве;

4) в восточнославянском ареале пока не известны другие изображения четырехликих персонажей и многоярусные художественные композиции IX–X вв.;

5) сочетание сразу нескольких божеств в одном идоле противоречит всему корпусу письменных известий о славянском язычестве, а полная антропоморфность персонажей — данным о восточнославянских идолах;

6) естественно-научная экспертиза не подтвердила наличие каких-либо достоверных признаков длительного воздействия естественной среды на поверхность изваяния;

7) срок нахождения изваяния в реке не превышал нескольких десятилетий при том, что механизм его «естественного» (без помощи человека) попадания в XIX в. глубокую часть р. Збруч не ясен.

Объяснение каждого из этих моментов в контексте атрибуции изваяния как языческого идола IX–X вв. требует формулирования целого ряда сложных рискованных гипотез с очень многими допущениями, что полностью нарушает принцип «бритвы Оккама». Не слишком ли для подлинного артефакта?

Мистификация?

Современному исследователю представить славянское язычество без *Збручской* находки настолько трудно, что альтернативное объяснение неаутентичности изваяния кажется почти кощунственным. Такая позиция не удивительна, скажем, в работе 1940 г. немецкого исследователя Э. Винеке⁴⁵, но ведь и целый ряд славянских ученых XIX — 1-й пол. XX в. (А. Павинский, И. Пич, А. Брюкнер, Т. Синко, К. Нитш) считали изваяние подделкой. О многочисленных сомнениях в подлинности изваяния в 1876 г. упоминает З. Глогер⁴⁶, а следовательно, современники вполне допускали его исполнение в сер. XIX в. Сомнения выглядели тем более резонными, поскольку события происходили в эпоху романтизма и массового увлечения европейской интеллигенции дохристианскими религиями и поддельной «языческой» поэзией («Песни Оссиана», «Боянов гимн» и т.п.), а изготовление фальшивых «славянских идолов» началось ещё в XVII–XVIII вв.⁴⁷

И.И. Срезневский, ясно понимая научное значение данной находки в случае её подлинности, немедленно после появления первых сообщений в польской прессе специально посвятил ей обширную статью, сопровождавшую

45 E. Wienecke, *Untersuchungen zur Religion der Westslawen* (Leipzig, 1940), 172–175.

46 Z. Gloger, “Do redakcyi Biblioteki Warszawskiej (w sprawie Światowida),” *Biblioteka Warszawska*, t. 3 (1876), 517–518.

47 L. Niederle, *Slovanské starožytosti*, 163–164, obr. 11. Нидерле Л. *Славянские древности*. М., 1956, 289, рис. 57–58. Рыбаков Б.А. *Язычество Древней Руси*, 232, рис. 46.

юся в приложении переводом писем М. Потоцкого и отчета Т. Жебравского об обстоятельствах обнаружения изваяния. Тем не менее, в отношении «славянства» и подлинности находки ученый занял весьма осторожную позицию: «доверчивость, не допускающая никаких возражений и сомнений, не только никогда не приносила науке никакой пользы, но вредила ей — и даже более, чем неуместная недоверчивость»⁴⁸.

Разбору версий скептиков (в основном филологов) Г. Ленчик посвятил специальный раздел своей работы. Справедливо указав на уязвимость построений о подделке идола самим М. Потоцким⁴⁹ при отсутствии в 40-х гг. XIX в. в округе Медобор другого заметного любителя древностей, ключевым аргументом аутентичности изваяния исследователь счел все же выводы экспертизы Р. Козловского, а точнее, его *gunomezу* механизма попадания изваяния в реку⁵⁰. На неё же в оценке изваяния как подлинного опирался и В. Хенсель⁵¹. Рассмотрев замечания скептиков уже с высоты современного опыта, В. Шиманьский констатировал, что в 1-й пол. XIX в. не существовало изобразительных образцов, с которых мог бы быть непосредственно скопирован идол, а для создания эскиза единственным основанием могли послужить западноевропейские письменные источники, особенно сочинение Саксона Грамматика⁵².

Знакомство с оригиналами самих источников, впрочем, совсем не обязательно. В 1-й пол. XIX в. настольной книгой любителей польской истории являлась *Historia narodu polskiego* А. Нарушевича (1781–1788 гг.). Именно черпая информацию из этой работы, М. Потоцкий без труда опознал в *Збручском идоле* верховного бога полабских славян Святовита, описанного Саксоном Грамматиком в храме в Арконе в виде четырехликого идола в человеческий рост, держащего в руке рог и имеющего рядом в качестве атрибутов меч и белого коня. Позже трактовку через верования тех же прибалтийских славян получили и остальные два персонажа *Збручского изваяния* — богиня Жива и Чернобог (или «Дьявол» по А. Нарушевичу)⁵³.

«Пантеон» *Збручского идола* в контексте «усредненных» представлений ученых нач. XIX в. о славянской мифологии будет довольно прост. Все четыре стороны изваяния представляют на трех уровнях по одному и тому же персонажу. Верхний ярус — верховное божество Святовит; средний — богиня

48 Срезневский И.И. Збручский истукан Краковского музея. *Записки Императорского археологического общества*. Т. 5. 1853, 163–196.

49 Следует заметить, что хотя сам М. Потоцкий в сомнительных делах замечен не был, определённый психологический эффект оказывало осуждение по делу поддельных идолов из Прильвице (изготовленных в 1768 г. Г.Н. Шпонхольцем) книги его дальнего родственника И. Потоцкого (J. Potocki, *Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe pour la recherche des antiquités Slaves ou Vendes* (Hambourg, 1795). Об отношении к работе см.: Касторский М. *Начертание славянской мифологии*. СПб., 1841, 8–9.

50 G. Leńczyk, “Światowid zbruczański,” 30–34, 56–58.

51 W. Hensel, *Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna: zarys kultury materialnej* (Warszawa, 1987), 338.

52 W. Szymański, “Posąg ze Zbrucza i jego otoczenie,” 84–85.

53 G. Leńczyk, “Światowid zbruczański,” 14.

любви и плодородия Жива или Погода; нижний — Чернобог или Дьявол, правда, трактованный в русле *Потерянного рая* Дж. Мильтона, где писатель сравнивает его с титаном Атласом, держащим на себе Землю.

Лицевая сторона *A* изваяния («Плодородие»): Святовит с рогом изобилия, дарующим плодородие, Жива с ребенком. Боковая сторона *B* («Брак»): Святовит с кольцом, венчающий новобрачных. Противоположная сторона *C* («Война»): Святовит с саблей на поясе и конем. Тыльная сторона *D* («Смерть»): Святовит, как и на стороне *C*, с пустыми руками, забирающими человека к себе после смерти; изображения Чернобога–Дьявола здесь нет, поскольку язычники не знали ада⁵⁴, а вместо него нацарапано небольшое солярное колесо (выступающее в источниках атрибутом бога Кродо⁵⁵).

Лица Святовита без усов и бороды (рис. 4; 1, 2). Это обстоятельство вызвало оживленное обсуждение в литературе при трактовке образов *Збручского изваяния* и поиски «вечно молодого бога», хотя его источник прозрачен. Выражение Саксона Грамматика *corrasae barbae*⁵⁶ в описании арконского идола Святовита в XIX в. переводилось по-разному, но А. Нарушевич уверенно передал его как «бритые бороды» (*ogolone brody*). Также из текста А. Нарушевича, приняв дословное следование латинскому тексту *obyczaj Rugianów strony noszenia głowy naśladowaty*⁵⁷ за обычай ношения головного убора (а не прическу), можно было и ошибочно заключить о наличии у Святовита шапки.

Иконография лиц персонажа верхнего яруса — это безжизненная минорная театральная маска; именно такого сурового мрачного идола традиционно представляли себе христиане. Театральный эффект создавала и раскраска изваяния в красный цвет, хотя на счет последней можно вспомнить и З. Доленгу–Ходаковского, увидевшего в геральдическом белом коне на красном фоне именно коня Святовита из Арконы⁵⁸.

Лицо Чернобога на лицевой стороне *A* не просто минорное, а как бы искажено в гримасе, демонстрирующей всю тяжесть земли (рис. 5). Персонаж изображен в виде держащего землю коленопреклоненного обнаженного бородатого титана, в хрестоматийном виде скульптурной подставки под фонтаны, колонны и портики наиболее распространенного в архитектуре барокко, что странным образом не смущало исследователей, констатировавших такое сходство. Наоборот, античные аналогии сюжетам *Збручского изваяния* в историографии дореволюционного периода рассматривались как прямое доказательство его древности⁵⁹. Удивительно, но в литературе последующего

54 Или скульптор просто постеснялся изобразить нагого титана со спины?

55 A. Kayssarow, *Versuch einer slavischen Mythologie* (Göttingen, 1804), 36–38, Bild. 1.

56 *Saxonis Grammatici. Historia Danica*. P. 1. Vol. II (Havnie, 1839), 823.

57 A. Naruszewicz, *Historia narodu Polskiego*, 119–120.

58 Z.D. Chodakowski, *O Słowianšczyźnie przed chrześcijaństwem* (Krakow, 1835), 16.

59 K. Hadaczek, "Światowid," 116. Нидерле Л. *Славянские древности*, 402.

Рис. 4. Збручское изваяние (детали):
1 — сторона С; 2 — сторона В; 3 — стороны А и В; 4 — сторона А.

Рис. 5. Збручское изваяние (нижний ярус и основание):
1 — сторона В; 2 — сторона А; 3 — стороны В и D; 4 — сторона С.

периода не обращали внимания и на наготу персонажа, хотя эротизм совершенно чужд раннеславянскому и древнерусскому искусству.

В передаче рук Чернобога на всех трех сторонах допущена анатомическая ошибка: большой палец расположен с противоположной стороны (рис. 6; 3, 5). Объяснить такую неточность можно только лишь механической неправильной трактовкой *эскиза*, ведь классический греческий образ Атласа подразумевает удержание «Небесной сферы» (или Земли) на поднятых над головой ладонях в положении, когда большие пальцы действительно обращены друг к другу. Попытку изобразить руки правильно видим лишь на стороне С, где ладони действительно обращены кверху и уходят под «свод», но, видимо, поняв нарушение единообразия, скульптор позже все же обозначил «пальцы» на пояске-разделителе (рис. 6; 4).

Ещё одна мелкая деталь об этом же персонаже. На каменном антропоморфном изваянии, как минимум до XVI в. стоявшем недалеко от Пскова, выбит с левой стороны крест⁶⁰. Аналогичный крест выбит на груди двух похожих схематических антропоморфных изваяний из д. Бутки и Гробовцов в Белоруссии⁶¹. Подобная процедура изгоняла из камня «беса» и позволяла христианам не обращать больше внимания на древние истуканы, как видим, благополучно пережившие принятие христианства. Четкий глубокий крест, но нанесенный самим скульптором поверх уже законченной скульптуры, наблюдаем и на *Збручском изваянии* — на пальцах левой руки нижнего персонажа («Дьявола») на лицевой стороне А (рис. 6; 5). Подозревать в данном крестике «соляренный символ» и т.п. трудно, да и место для его нанесения выбрано слишком необычное. Гораздо проще предположить, что именно так, на всякий случай, перестраховался от «беса» суеверный христианский скульптор.

Центральный ярус (рис. 4; 3) — женский персонаж. Судя по стороне А, где добавлено ещё одно маленькое женское изображение (рис. 4; 4), оно задумывалось автором скульптуры как «мать-прародительница». Именно таковой, по А. Нарушевичу, была славянская Жива или Погода, отождествляемая им с римской Венерой — «прародительницей людей и богов»⁶².

Вместо задуманного эскизом жеста распростертых к зрителю ладоней, скульптур изобразил богиню, прислоняющую ладони к столбу (рис. 4; 3), как бы опираясь на него, что выдает влияние классического горельефа, а не неуклюжую попытку изобразить «хоровод мелких божеств», как это неоднократно пытались представить в литературе. Ошибка расположения большого пальца привела к анатомически неправильному (прижатому к корпусу) положению локтей у персонажей среднего яруса (локти слегка отодвинуты только на стороне С). Правильная поза с распростертыми руками только у

60 Кирпичников А.Н. Древнерусское святилище у Пскова. *Древности славян и Руси*. М., 1988, рис. 1.

61 Седов В.В. *Восточные славяне в VI–XIII вв.* М., 1982, табл. LXXIV, 2.

62 А. Naruszewicz, *Historia narodu Polskiego*, 113–115.

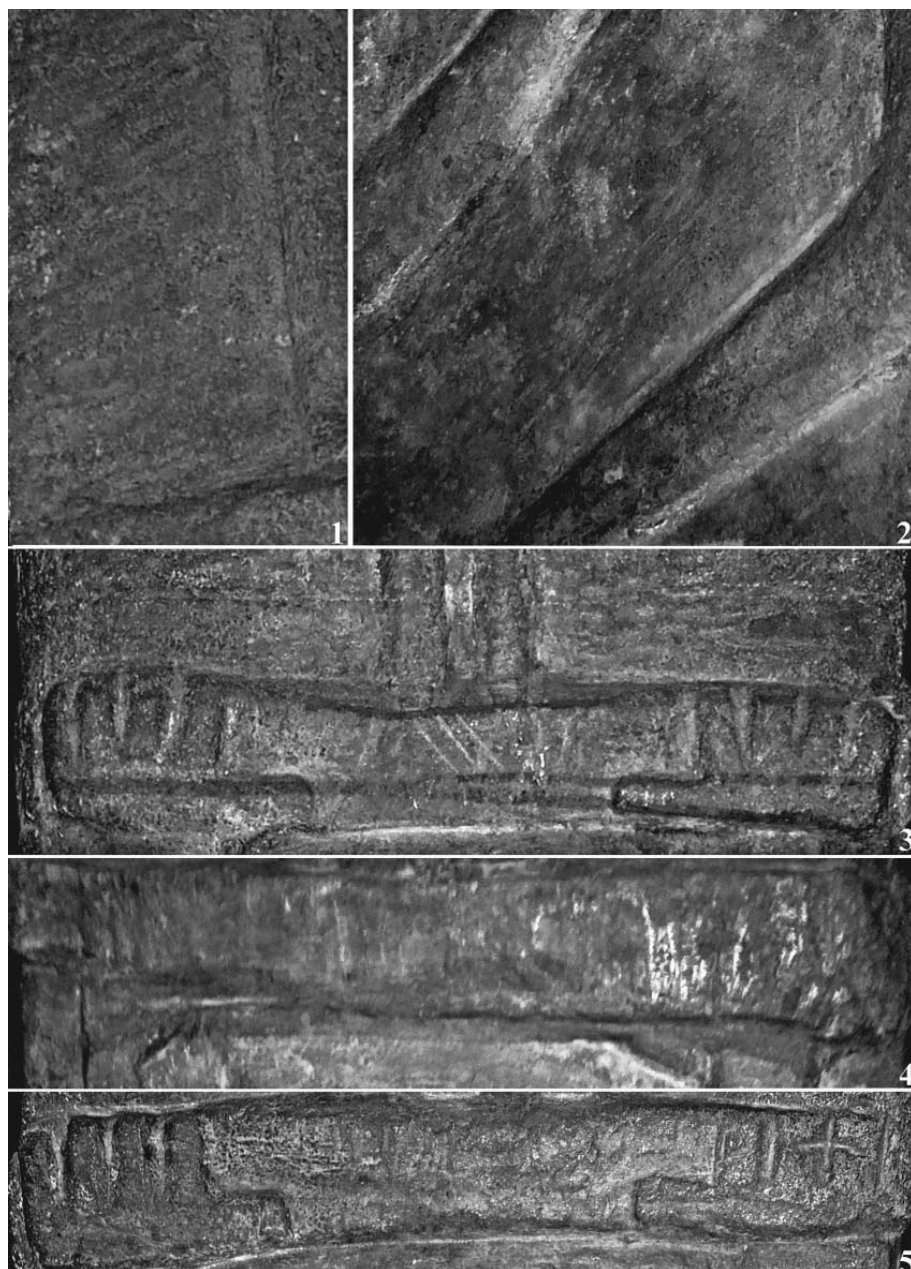

Рис. 6. Збручское изваяние (детали):
1–3 — сторона В; 4 — сторона С; 5 — сторона А.

дополнительного детского персонажа на стороне *A* (рис. 4; 4), размещенного в правом верхнем углу поля в стиле христианских «предстоящих». Вероятно, чтобы у зрителя не возникало вопросов насчет странной ориентировки ладоней, только у женского персонажа среднего яруса скульптор обозначил ногти на пальцах.

Следующей деталью, смущающей исследователей, является подчеркивание груди на сторонах *A* и *B*. Увидеть здесь женские персонажи весьма проблематично. Грудь женского божества на среднем ярусе (рис. 4; 3) переданы выразительными полусферическими выступами, тогда как у персонажа на стороне *B* они подчеркнуты широким слаборельефным выступом (рис. 4; 2). Слаборельефный выступ читается и слева на стороне *A*, тогда как справа можно увидеть разве что едва обозначенный сосок — вряд ли этого достаточно для причисления персонажа к женским. Противоречит этому и явное различие в одеяниях — женское божество среднего яруса без пояса и шапки, а на голове горизонтальной линией обозначен тонкий головной убор замужней женщины, полностью подобравшей волосы (рис. 4; 3). «Женская» трактовка какой-либо из сторон идола автоматически означает, что богиня должна носить одежду, идентичную божествам мужским, что для раннего средневековья было бы слишком экстравагантно. В то же время, подчеркивание анатомических особенностей мужской груди характерно и для несомненно мужских скифских изваяний⁶³, и для псевдоантичных скульптур эпохи классицизма, тем более, что в поздних живописных вариациях на тему греческой мифологии божества, соответствующие образам сторон *A* и *B* (т.е. Дионисий и Аполлон) изображались в довольно женственном облике.

Збручское изваяние уже в XIX в. небезосновательно сравнивалось с каменными «бабами», а точнее, скульптурами скифского времени. Именно на них, как уже указывалось выше, традиционно изображался мужчина, держащий в правой руке рог, со второй рукой, слегка согнутой в локте, ладонью на поясе, мече или же согнутой выше пояса. Скульптор *Збручского изваяния* опустил пояс ниже талии на бедра, чем заставил левую руку божества немотивированно повиснуть в воздухе. Сам рог помещен в руке неестественно для данного типа сосуда (рис. 7; 1) — автор, похоже, полагал, что его нужно держать так же, как чашу, поддерживая снизу, или же изобразил божество протягивающим рог зрителю. Кончик рога не острый, а изображен с характерным утолщением—оковкой — вероятно, скульптор просто задумывал его как античный ритон, отсюда и необычное для питейных рогов его странное положение в руке, аналогии которому, тем не менее, находим на скифских изваяниях в эпоху наибольшего распространения ритонов⁶⁴.

63 Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. *Скифские изваяния VII–III вв. до н.э.* М., 1994, илл. 1; 6, 8; 48, 81; 51; 76, 126.

64 Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. *Скифские изваяния VII–III вв. до н.э.*, илл. 3, 4; 7, 10; 34; 36; 55.

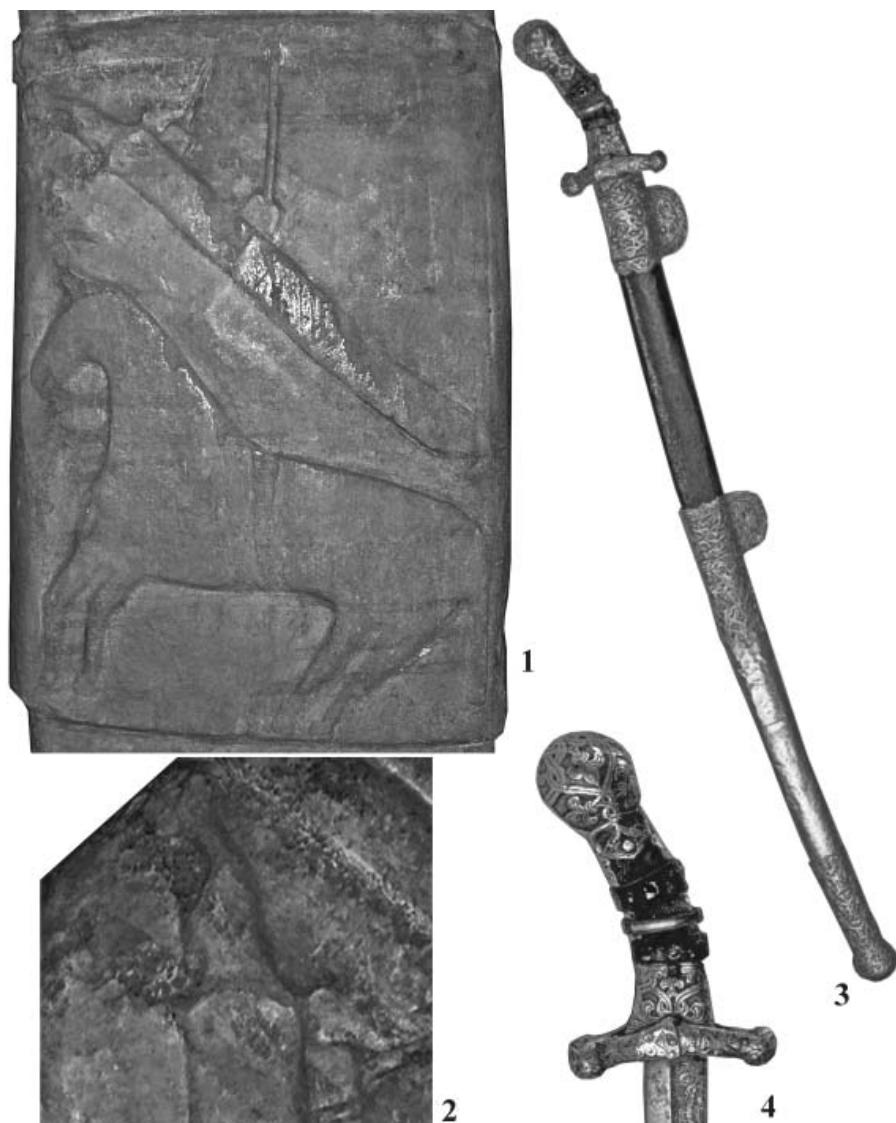

Рис. 7. 1–2 —Збручское изваяние, сторона С; 3, 4 — «сабля Карла Великого» (Вена).

Скифские изваяния из Ставчан и Калюса обнаружены достаточно далеко (в 100 км) к юго-западу от Медобор. Но А. Киркор в 1882 г., описывая окрестности Товтр, упоминает, что кроме «множества курганов» (особенно с российской стороны), им было обнаружено несколько «баб», а ещё недавно их на Подолье было гораздо больше. Также исследователь пишет, что, по свидетельству В. Федоровича, «30 с лишним лет тому назад» в Бабиной долине у северного подножия горы Звенигород стояло каменное изваяние женщины («баба»), которое тот даже собирался забрать к себе в имение, но его опередил лесник, разбив и использовав изваяние для фундамента какого-то сооружения⁶⁵.

Руки персонажа на стороне *A* *Збручского изваяния* (рис. 9; 1), наиболее непропорциональные в соотношении длины плеча и предплечья из всех четырех сторон, идентичны по соотношению таковых изваянию скифского времени из Ставчан. Лучше ситуация с пропорциями на стороне *D*, а на стороне *C*, оценив пропорции, скульптор вообще отказался от сохранения симметрии сторон и поднял локти божества выше, чем на остальных сторонах, чтобы выровнять длину частей рук. Результат, правда, оказался ещё менее «анатомичен», так как длина рук оказалась настолько короткой, что персонаж не дотянется даже до собственного пояса, не говоря уже о сабле. Получается, что вместо следования предполагаемому «божественному» канону, скульптор изобразил согласно эскизу только одну сторону, после чего, поняв нарушение анатомии, сначала увеличил длину предплечья на сторонах *B* и *D*, а на стороне *C* уже внес кардинальные правки в образы верхнего и нижнего персонажей. Откуда такая непоследовательность в «сакральном» искусстве?

На поясе верхнего божества нет пряжки, а на застегнутом плаще фибулы — такими важными для современного археолога подробностями автор, к сожалению, пренебрег. А вот вместо двулезвийного меча, использовавшегося славянами, на изваянии неожиданно изображена изогнутая сабля с заметным наклоном рукояти к лезвию (рис. 7; 1, 2). Перекрестье изображено тонким, но это не польская карabela — на перекрестье нет центрального выступа, а его концы почему-то изогнуты, рукоять коленчатая с округлым навершием, петли ножен *C*-образные, а не кольцевые⁶⁶. Уже в 1-й пол. XX в. исследователи уверенно отнесли оружие збручского изваяния к кругу «венгерских» или «кочевнических» сабель IX–XI вв.⁶⁷

Збручская сабля была опознана А.А. Захаровым и В.В. Арендтом как «тюркская» сабля IX–X вв., заняв место в типологии среди клинков салтовских и кавказских алан, хотя с этнической принадлежностью изготовителей самого *Збручского изваяния* А.А. Захаров не определился окончательно, отнеся его

65 А. Kirkor, “Sprawozdanie i wykaz zabytków złożonych w Akademii umiejętności z wycieczki archeologicznej w roku 1882,” *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, t. VII (Kraków, 1883), 52, 55.

66 Ср.: Квасневич В. *Польские сабли*. СПб., 2005, 54–66.

67 Обзор см: W. Świętosławski, “Oręż zbruczańskiego Świętowita,” *Acta Archaeologica Lodziensia*, № 53 (2007), 121–125.

к «одному из тюркских народов, пришедших с востока, как то печенеги и мадьяры»⁶⁸. Б.А. Рыбаков поначалу пытался оппонировать данному выводу, считая ярко выраженную кривизну клинка ошибкой скульптора, а затем сам счел «саблю–палаш» хорошим хронологическим маркером IX в.⁶⁹ Отметим, что пропорции С-образных скоб ножен на *Збручском изваянии* соответствуют не IX в. (когда скобы вытянуты по длине), а образцам X — 1-й пол. XI в. (скобы которых короче и более скруглены). К тому же, у рукояти характерный выраженный коленчатый загиб (рис. 7; 2), появляющийся у венгерских сабель не ранее X в.

При условии датировки *Збручского изваяния* 2-й пол. X в. его саблю никак не назовешь «анахронизмом», но чем объяснить столь явное нарушение культурного контекста? «Славянский бог» с кочевнической саблей на поясе, разумеется, не может не вызывать подозрений — вспомним хотя бы знаменитую легенду *Повести времен лет* о полянской дани мечами хазарам⁷⁰. Отсюда возникли и версии о принадлежности изваяния кочевникам — аварам, мадьярам, печенегам или половцам⁷¹, попытки поселить в Медоборах «славянизированных печенегов» или обнаружить поблизости венгров⁷², вопреки установленному раскопками И.П. Русановой и Б.А. Тимошука обычному славяно-древнерусскому облику материальной культуры населения данного региона. Судя по схематичности передачи перекрестья, сам скульптор, собственно, такой сабли никогда и не видел, с какого же эскиза было им заимствовано изображение?

С другой стороны, невозможность случайного повторения таких деталей скульптором и X, и XIX в. очевидна. Что это: «славяно-кочевнический синкретизм» или же просто яркое свидетельство аутентичности изваяния? Пожалуй, ни то, ни другое.

Как уже многократно отмечали исследователи, перед нами тип оружия, отраженный знаменитой «саблей Карла Великого» (рис. 7; 3, 4) — венгерским изделием 2-й пол. X — нач. XI в.⁷³ В 1063 г. Анастасия Ярославна — вдова венгерского короля Андраша I — подарила саблю как древний «меч Аттилы»

68 A. Zakharov, "The Statue of Zbrucz," 337–347. A. Zakharov, W. Arendt, "Studia Levedica. Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh.," *Archaeologia Hungaricae*, t. XVI (Budapest, 1935), taf. III.

69 Рыбаков Б.А. Рецензия: Материалы и исследования по археологии СССР, выпуск VI — Этногенез восточных славян, т. I. Под ред. М. И. Артамонова, М.-Л., 1941. *ВДИ*. 1946, № 1, 129–130. Рыбаков Б.А. *Язычество Древней Руси*, 243.

70 Б.А. Рыбаков справедливо указывает на находки сабель в древнерусских погребениях 2-й пол. X в. (Чернигов, Шестовица). Но ведь речь идет о сакральном искусстве и о «богах–прародителях» — неужели славяне одевали и вооружали своих богов «по последней моде»?

71 Обзоры см.: L. Niederle, *Slovanské starožitnosti*, 146; Гуревич Ф.Д. Збручский идол. *МИА*. Вып. 6. 1941, 282–283; G. Leńczyk, "Światowid zbruczański," 39–42.

72 Клейн Л.С. *Воскрешение Перуна*, 211–212; W. Szymański, "Posąg ze Zbrucz i jego otoczenie," 108.

73 A. Kirpčnikov, "Der sogenannte Säbel Karls des Grossen," *Gladius*, t. X (1972), 69–80; *Kunsthistorisches Museum Wien. Weltliche und geistliche Schatzkammer* (London, 1998), 54; *The Ancient Hungarians. Exhibition catalogue* (Budapest, 1996), 67–71.

баварскому принцу Отто Нордхайму. Спустя столетия клинок занял место в числе коронационных предметов императоров Священной Римской империи, хранившихся в Ахене. В 1801 г. часть Ахенских клейнодов (*Коронационное Евангелие*, кошелек св. Стефана и «меч Карла Великого») были перевезены в Вену и использованы в 1804 г. при коронации первым императором Австрии Франца I (1804–1835 гг.), рассматриваясь далее в качестве коронационных регалий уже австрийских императоров и важного идеологического элемента в легитимизации императорского титула австрийской монархии.

Отметим, что в публикациях ученых XVIII–XIX вв. сабля рассматривалась как арабская, подарок Карлу Великому от халифа Харун ал-Рашида⁷⁴, отсюда источником автора «збручского эскиза» не могла выступить научная публикация, и он не являлся историком. Но возникает закономерный вопрос: а какой другой доступный ему образец мог взять за основу образованный подданный Австро-Венгерской империи 1-й пол. XIX в., задавшись целью нарисовать эскиз древнего меча IX–X вв.?

Подобная «легализация» художественной фантазии на историческую тему при помощи использования реального древнего предмета — один из самых распространенных приемов художников. И даже для устоявшейся древнерусской иконографии персонажей художник не всегда может устоять от придания «большой реалистичности», как, например, поступил в 1890–1894 гг. М.В. Нестеров, украсив изображение князя Глеба во Владимирском соборе Киева женской скорлупообразной фибулой X в., а князя Бориса — женскими трехбусинными серьгами из кладов горизонта монгольского погрома XIII в. На его же фреске княгини Ольги из собора видим инкрустированную камнями фибулу 1-й пол. V в. (случайная находка 1873 г. у г. Нежина) (рис. 8; 1, 2), а на хромолитографии 1903 г. И. Ижакевича диадема кн. Ольги украшена золотыми колтами с эмальями 1-й пол. XIII в. из нового киевского клада 1903 г. (рис. 8; 3, 4).

В 1-й пол. XIX в. археология ещё не могла предоставить подобного выбора. Самыми большими собраниями древностей оставались императорские сокровищницы, а наиболее известными из древних предметов — коронационные регалии и реликвии святых. Жителю Галиции 1-й пол. XIX в. с наибольшей долей вероятности могли быть знакомы изображения меча «Щербец», по легенде, выщербленного Болеславом Храбрым ударом о Золотые ворота в Киеве, и привезенный из Германии «меч Карла Великого». Выбор между польским и «германским» коронационным мечом в пользу последнего косвенно говорит о желании проиллюстрировать именно рюгенское божество Святовита.

⁷⁴ См. напр.: C.G. Murr, *Beschreibung der ehemals zu Aachen aufbewahrten kaiserlichen Krönungs-Zierden, des lateinischen Evangelienbuches, arabischen Säbels Karls des Großen und der Capsul mit der Erde, worauf das Blut des heiligen Stephans soll gestossen sehn* (Nürnberg, 1801), 22–24.

Рис. 8. 1 — Св. княгиня Ольга, фреска (М.В.Нестеров); 2 — фибула из Нежина; 3 — св. княгиня Ольга, хромолитография (И.Ижакевич); 4 — колт, Киевский клад 1903 г.

Ещё одна из, казалось бы, «невинных» деталей *Збручского изваяния* — венчающее божество с кольцом на стороне *B* (рис. 4; 2). Б.А. Рыбаков опознал его как богиню брака Ладу⁷⁵, хотя обручальное кольцо — для всего славянского мира обычай откровенно позднего времени. Палица Перуна или молот Тора — такие атрибуты изображались вместе с божеством как неотъемлемая часть божественной силы самих божеств, но кольцо или браслет, которым обручали молодоженов, — предмет «отъемлимый», передававшийся паре. Именно с таким жестом, передающим кольцо жениху по католической традиции, и изображен персонаж на стороне *B* *Збручского изваяния*.

На стороне *C* привлекают внимание ошибки композиции — сабля не вписалась по длине в поле (рис. 6; 1), а у персонажа верхнего яруса отсутствуют ноги, причем это пространство оказывается вообще ничем не занятым — безногий «бог-воитель» парит в воздухе. Скорее всего, первоначально намеченное поле (от края одежды до разметки горизонтали на уровне плечей женского персонажа среднего яруса) предназначалось для лошади, но ради соблюдения симметрии ярусов коня сначала сдвинули вверх и значительно уменьшили в размерах, а затем просто сбили и переместили на саму полу одежды, закономерно подвинув вверх саблю и оставив, вместо ног, только пустое поле.

Результат ошибок: божество верхнего яруса стороны *C* — без ног и с «обрубленной», лишенной острия, саблей, дотянуться до которой просто не хватит длины рук; божество нижнего яруса сторон *A* и *B* — с анатомически неправильными руками и «нейтрализующим» крестом на стороне *A*; божество среднего яруса — с анатомически неестественным положением рук и без задуманного ритуального жеста. А ведь для сакрального искусства древности, глубоко символичного до мельчайших деталей, неправильное изображение божеств, неполноценность его атрибутов и т.п. было традиционно равнозначно потере «божественной силы», вплоть до навлечения гнева богов!

Аргументируя аутентичность изваяния, К. Гадачек счел технику его исполнения архаичной, близкой к резьбе по дереву, противопоставляя уровень исполнения греческим мраморным скульптурам⁷⁶. Г. Ленчик также утверждал, что автор изваяния был примитивен как ваятель⁷⁷. М.В. Василенко в качестве признаков переноса на камень техники деревянной скульптуры называл грубый плоский рельеф, переходящий в резьбу, четырехгранность столба и раскраску поверхности⁷⁸. В. Шиманьский в том же русле утверждал, что мягкий известняк напоминал мастерам дерево и не создавал никаких невозможных для исполнения технических трудностей⁷⁹. Соответствует ли

75 Рыбаков Б.А. *Язычество Древней Руси*, 240–243.

76 К. Hadaczek, “Światowid,” 114–115.

77 G. Leńczyk, “Światowid zbruczański,” 59.

78 Василенко М.В. *Русское прикладное искусство. Истоки и становление: I в. до нашей эры — XIII в. нашей эры*. М., 1977, 109–112.

79 W. Szymański, “Słup ze Zbrucza. Generalia i detale,” 22.

Збручское изваяние представлениям об его изготовлении скульптором по дереву, делающим только первые шаги в каменной скульптуре?

Раскраска — один из наиболее слабых аргументов в наборе. Этот элемент был присущ древнегреческой мраморной и керамической скульптуре, которую к «примитивной» или к восходящей к деревянной отнести трудно. К тому же, раскраска каменных крестов и изваяний была распространенным явлением в Украине XIX в.⁸⁰

Никак не связан с традициями деревянной скульптуры и уплощенный низкий рельеф. За четыре века эволюции скифской каменной скульптуры он так и не сменился круглой скульптурой, которая появляется у скифов только в контактной зоне под влиянием эллинистической культуры и, как предполагают, вследствие прямого обращения к греческим мастерам⁸¹.

Признаками, характерными для собственно древнерусской деревянной скульптуры и резного декора по дереву X–XIII вв.⁸², являются выемчатая резьба или контррельеф (реже — круглая скульптура), декоративные ободки и разделительные пояски, мотивы растительной и геометрической плетенки, преобладание растительных и зооморфных сюжетов, циркульный орнамент. Растительный декор из вариаций переплетенных стеблей доминирует и в древнерусской торевтике X в.⁸³ Реализация подобного комплекса признаков в камне привела бы сначала к появлению некоего аналога скандинавских рунических камней и лишь затем более сложной скульптуры. На *Збручском изваянии* декоративной резьбы любого рода вообще нет, а основная площадь изваяния принадлежит барельефу.

С технической частью утверждения о перенесении скульптором на изваяние комплекса навыков работы с деревом также согласиться невозможно. К нашему счастью, Збруч очень недолго полировал изваяние, сохранив весь технический арсенал скульптора. Многочисленные следы инструментов на *Збручском изваянии* (рис. 6; 1–3) говорят не о резьбе, а именно об отбойной скульптурной технике, да и разновидность известняка, выбранного для скульптуры, принадлежит к далеко не самым мягким⁸⁴. Вместо примитивного двухуровневого рельефа доступной для сравнения древней каменной скульпту-

80 Присяжний К., Казанцева Т. Хрести і «фігури». Питання поліхромії. *Медобори і духовна культура давніх, середньовічних слов'ян (до 150-річчя виявлення Збруцького «Святовита»)*. Львів, 1998, 192–196.

81 Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. *Скифские изваяния VII–III вв. до н.э.*, 51.

82 См.: Колчин Б.А. *Новгородские древности. Резное дерево*. М., 1971, табл. 1–48. Сергеева М.С. К вопросу о художественной резьбе по дереву X–XIII веков на территории Среднего Поднепровья. *Археологический альманах*. № 21. Донецк, 2010, рис. 1–2. Сергеева М.С. *Косторізна справа у Стародавньому Києві*. К., 2011, 125–151.

83 Орлов П.С. Некоторые особенности формирования древнерусского художественного ремесла. *Новые памятники древней и средневековой художественной культуры*. К., 1982, 163–173. Орлов П.С. Південноруський центр художньої металообробки X ст. *Археологія*. Вип. 44. 1983, 26–45.

84 Р. Козловский подчеркивает, что из аналогичного известняка выполнена предроманская скульптура Вавеля (R. Kozłowski, “Badania technologiczne posągu Światowida,” 64).

ры Среднего Поднестровья, на *Збручском изваянии* местами наблюдается до 4–5 уровней. Правда, скульптор не последователен в использовании своего арсенала: лучше всего объемный рельеф выполнен на сторонах *A* и *B*, а на сторонах *D* и *C* скульптор действительно допускает невысокий уплощенный рельеф.

Следы широкого долота, длинные разновекторные проходки (рис. 6; 1–3) говорят о скорости работы и смелом владении инструментами. Скульптор не сбивается на геометризм, для него нет технической проблемы снятия камня. Об этом же свидетельствует четырехгранность заготовки изваяния. Вопреки мнению М.В. Василенко, она как раз абсолютно не характерна для сохранившейся древнерусской деревянной скульптуры. Наконец, идеально ровные шлифованные стороны основания (рис. 5), разительно контрастирующие со всей упомянутой выше древней скульптурой Поднестровья, говорят о хороших традициях добычи и обработки строительного камня. Угольник и отвес были хорошо знакомы скульптору — на поясах—«мирах» изваяния заметны слабые линии разметки горизонталей, причем на стороне *B* граница среднего и нижнего ярусов первоначально была отбита несколько выше (рис. 6; 3), а на стороне *C* — вообще на уровне плеч женского персонажа.

На каком фундаменте формировались технические навыки и мастерство работы с камнем «збручского» скульптора и откуда же им была заимствована более ранняя четырехгранная колонна?

На древнерусских городищах Медобор (Бохит, Говда, Дзвенигород) пока не обнаружено ничего похожего, кроме свидетельств добычи рваного камня, да и ту И.П. Русанова и Б.А. Тимошук отнесли в основном к скифскому, а не древнерусскому периоду, полагая, что скифские каменные валы были лишь досыпаны славянами землей⁸⁵. Совсем ироничным выглядит сравнение *Збручского изваяния* с «древнерусским идолом» из хозяйственной постройки 14 Звенигорода, которую И.П. Русанова и Б.А. Тимошук сочли одним из «языческих храмов» конца XII — 1-й пол. XIII в.⁸⁶

В конце X в. использование рваного камня и резных декоративных деталей интерьера отмечено в Десятиной церкви Киева, сооруженной под руководством византийских архитекторов и строителей. Использование же каменных тесанных блоков в «стольном» галицком зодчестве (как и в других регионах Руси) начинается лишь в XII в.⁸⁷ *Збручское изваяние* для восточных славян X в. не просто высокотехнологично — оно значительно превосходит по времени появление древнерусской школы резьбы по камню, лишь делающей первые шаги в эпоху Ярослава Мудрого⁸⁸.

85 Русанова И.П., Тимошук Б.А. *Ещё раз о славянском языческом центре на реке Збруч*, 236.

86 Русанова И.П., Тимошук Б.А. *Языческие святилища древних славян*, 87–89.

87 Раппопорт Л.А. *Строительное производство Древней Руси X–XIII вв.* СПб., 1994, 38–39.

88 Архипова Е.И. *Резной камень в архитектуре древнего Киева (конец X — первая половина XIII вв.)*. К., 2005, 51–95.

Иная ситуация с художественной частью скульптуры. Эффект «примитивизма» *Збручского изваяния* достигается схематичностью образов, асимметричностью деталей, нарушением пропорций и местами просто небрежностью исполнения, что как раз не очень соотносится с версией о «талантливом скульпторе по дереву», да и вообще с торжественностью самой работы, посвященной одновременно всем главным высшим божествам. Элементарное сравнение поверхности с половецкими «бабами» хорошей сохранности демонстрирует, что на половецкие изваяния, кропотливо обработанные точечными легкими ударами или полностью зашлифованными, часто затрачено больше времени и усилий, а речь ведь идет фактически о массовом производстве в рамках обычного культа предков.

С другой стороны, *Збручское изваяние* не уступает лучшим образцам скифской каменной скульптуры Северного Причерноморья, хотя в этом случае мы имеем дело с длительной традицией каменной скульптуры, представленной множеством образцов различного уровня и сложности исполнения: от простого рельефа до круглой скульптуры. Как мы уже убедились, подобный эволюционный ряд невозможно составить из предположительно славянских каменных изваяний — по наличию самой композиции, её сложности, площади скульптурной работы, *Збручское изваяние* превосходит их в десятки раз.

Збручский «идол» возникает ниоткуда и ещё как минимум на полтора — два столетия остается *беспримерным* образцом скульптуры для своего региона, да и, пожалуй, Юго-Западной Руси в целом.

Подражание? Все та же «бритва Оккама» неумолимо подталкивает именно к такому выводу.

Совмещение в виде многоярусной композиции нескольких персонажей не удивительно для представителя христианского мировоззрения, привыкшего к многоярусности и сюжетности житийных икон и интерьерных росписей храмов, но вызывает серьёзные проблемы для представителя мировоззрения языческого, персонифицирующего конкретное божество в виде его материального скульптурного образа. Для восточнославянского ареала пока ни одним источником не подтверждается и полная антропоморфность языческих божеств, но это естественно для человека, знакомого с греко-римской мифологией.

Как красноречиво указывают многочисленные анатомические ошибки, «збручский» скульптор откровенно плохо представлял иконографию своих персонажей, следуя вместо объемного образца лишь рисованному схематическому эскизу. Использование в последнем античного мотива Атласа для подземного бога, ритона для бога плодородия, кольца для бога брака или «сабли Карла Великого» для бога войны также органично для XIX в., но никак не для языческих реалий славян IX–X вв. Ещё более естественным для XIX в. выглядит вторичное использование четырехгранной каменной колонны, послужившей «заготовкой» для изваяния.

Разумеется, не всё в *Збручском изваянии* неизменно указывает на подделку. Например, откуда скульптор заимствовал изображение древнерусской одежды? Л. Нидерле справедливо отмечал, что в одежде персонажа идола нет ничего подозрительного, хотя «фальсификатор» XIX в., по идее, должен был допустить какую-то ошибку⁸⁹.

Комплекс одеяния божества (рис. 4; 2 и 9; 1): длинная свита, подпоясанная узким кожаным поясом, плащ-вотола на плечах, шапка с отворотом, очевидно, отделанная мехом, — это типичная одежда знати древнерусского периода, наиболее часто представленная на княжеских изображениях иллюминированных рукописей и икон XI–XIII вв.⁹⁰ Правда, рассматривая изваяние в контексте более раннего восточнославянского убора VII–IX вв., В.В. Седов констатировал, что в нашем распоряжении пока нет других изображений данного периода персонажей в длинной верхней одежде и в шапке, предположив, что на юге в дохристианское время не было и самого обычая постоянно носить головной убор⁹¹.

Для древнерусского искусства Южной Руси X в. это заключение также справедливо. Так, знаменитые оковки рога из Черной Могилы дают изображения двух мужчин-лучников без головного убора: один в рубахе выше колен, второй в штанах и с длинной заплетенной в косу бородой (варяг?). В то же время, новгородская бронзовая рукоять ножа конца X в. украшена окончанием в виде сидящего мальчика, в рубахе длиной чуть ниже колен, с высоким выделенным (меховым?) воротником и в шапке с отворотом; также шапкой увенчана и голова резного окончания деревянной вешалки сер. X в.⁹² Почему же иконографические черты искусства Севера Руси так неожиданно проявляют себя на крайнем Юго-Западе?

В XIX в. наиболее доступными и наиболее часто воспроизводимыми в копиях образцами древнерусской живописи были иконы. Обратившись к ранним иконам св. Бориса и Глеба кон. XIII–XIV вв.⁹³, видим знакомый силуэт *Збручского* божества: шапка с отворотом; длинная одежда ниже колен, опускающаяся до сапог; пояс на бедрах; тонкие сапоги на схематических тонких ногах; согнутые в локтях руки, правая из которых выше левой. Есть и дополнительные детали: высокий воротник и плащ поверх плеч, которые наблюдаем на сторонах *C* и *D* *Збручского изваяния*; широкий горизонтальный

89 L. Niederle, *Slovanské starožitnosti*, 146.

90 Рабинович М.Г. Древнерусская одежда IX–XIII вв. *Древняя одежда народов Восточной Европы*. М., 1986, 40–60.

91 Седов В.В. Одежда восточных славян VI–IX вв. *Древняя одежда народов Восточной Европы*, 33–35.

92 Колчин Б.А., Янин В.Л., Ямщиков С.В. Древний Новгород. *Прикладное искусство и археология*. М., 1985, кат. 96; 232.

93 Смирнова Э.С. Ранние этапы иконографии святых князей Бориса и Глеба. Вопрос византийских образцов и сложения русской традиции. *Борисо-Глебский сборник*. Вып. 1. Paris, 2009, 64–71, илл. 1–2. Алпатов М.В. *Древнерусская иконопись*. М., 1978, илл. 45; 46; 52.

Рис. 9. 1 — Збручское изваяние, сторона А; 2 — св. Борис и Глеб, икона (Потелич).

кант внизу свиты на сторонах *A* и *C*, который присутствует на поздних версиях икон свв. Бориса и Глеба XV–XVI вв.

Рассматривая положение шапки на *Збручском изваянии*, создается впечатление, что автор его эскиза был знаком и с ранними, и с поздними версиями Борисоглебских икон. Так, на стороне *D* шапка невысокая и сдвинута на затылок, аналогично её положению на ранних иконах св. Бориса и Глеба XIII — нач. XIV в., тогда как на сторонах *A* и *B* — шапка изображена более высокой и одетой ровно, как на русских и западноукраинских иконах конца XIV–XVI вв. (рис. 9; 2)⁹⁴. В ранних иконах находит аналогии передача прически узкой полоской ниже линии шапки (рис. 9; 1), но западноукраинская иконография св. Бориса и Глеба XV–XVI вв. любопытна ещё в одном плане — князя здесь изображены без мечей (рис. 9; 2), что заставило бы автора эскиза «Святовита» искать другой подходящий по времени образец древнего оружия.

И, опять-таки, мы упираемся в эскиз как промежуточное звено между заказчиком и самой скульптурой. Шапка изваяния — ещё один великолепный тому пример. Будь скульптор сам творцом образа, наиболее простой с технологической стороны способ изобразить общую шапку — это выполнить круговую отбивку резцом её нижнего контура, что, несомненно, механически и сделал бы скульптор по дереву. На всех упоминавшихся выше славянских деревянных и костяных предметах с изображениями 4-х личин все лица симметричны по размерам и глубине, тогда как в *Збручском изваянии* эта симметрия чудовищно нарушена, а шапка перекошена (рис. 4; 1).

«Збручский» ваятель, вне всякого сомнения, не испытывавший технологических проблем работы с камнем, тем не менее, явно не имел достаточного опыта в создании объемной *круглой скульптуры*, а также в воспроизведении человеческих образов, хотя его техника барельефа и не относится к простейшим. В 1-й пол. XIX в. в селах вокруг Медобор с лихвой хватало кустарей-каменотесов, производящих декоративные архитектурные детали и надгробные плиты, и, несомненно, способных выполнить несложный скульптурный заказ. Но кем же тогда, собственно, являлся сам автор эскиза скульптуры?

Детали *Збручского изваяния* говорят, что таковым должен быть подданный Австро-Венгерской империи («меч Карла Великого»), интересующийся историей Польши (*История А. Нарушевича*) и иностранной литературой (*Потерянный рай* Дж. Мильтона), но не историк; католик (кольцо «венчающего божества»), но проявляющий интерес к православным древнерусским иконам (в частности, св. Бориса и Глеба); человек, знакомый с городской архитектурой барокко (мотив Атласа), но проживающий в далекой провинции; возможно, знакомый с античными сюжетами (ритон), но проявляющий интерес и к местным памятникам древности (скифским изваяниям); с несомненной художес-

94 Ср.: Алпатов М.В. *Древнерусская иконопись*, илл. 47. *Русская иконопись*. Белый город, 2006, кат. 710, 711, 713–715, 717.

твенной фантазией (изваяние создано без изобразительного образца), но не художник (эскиз схематичный и не симметричен); склонный к театральным эффектам (раскрашенный в красный цвет «идол»), но без должного понимания со стороны окружения (изваяние утоплено в реке посреди леса). И самое важное — поскольку изваяние найдено на российско-австрийской границе, этот человек должен быть хорошо знакомым австрийским пограничникам и таможенникам, охранявшим данный участок, чтобы его действия не вызвали подозрений.

Такая яркая и противоречивая личность, если она существовала, разумеется, не смогла бы укрыться от внимания современников.

Wieszcz Miodoboru

В полуромантических описаниях места находки *Збручского изваяния* в популярных книгах обязательно акцентируется внимание на его расположении вдалеке от населённых пунктов, в лесистых горах на границе Австрийской империи.

Реалии оказываются гораздо менее далекими от цивилизации. Лычковцы в XVII–XVIII вв. имели статус города с собственным замком, утраченный в 1781 г., после чего селение перешло к графу Я. Шептицкому, передавшему его позже в качестве приданого дочери своему зятю Й. Заборовскому — отцу одного из фигурантов истории 1848 г. К. Заборовского. Современники, впрочем, ассоциировали Лычковцы и Медоборы совсем с другим человеком.

В отчете о поездке 1851 г. на место находки изваяния, Т. Жебравский описывает свое прибытие в Лычковцы как к «усадьбе недавно умершего Тимона Заборовского — *wieszczka Miodoborów* («сказителя Медобор»), а в настоящее время — его брата Константина⁹⁵. В 1877 г. А. Киркор также описывает Лычковцы как «памятную усадьбу талантливого певца Медобор, Тимона Заборовского»:

*Существует ещё памятник известного поэта в плачевном состоянии. Не более чем руины, либо многократно разобрана и уничтожена красивая часть древнего замка. Посреди печального пейзажа, где, впрочем, все уже изменилось после смерти Тимона (1828 г.), кажется, видишь просящую тень *wieszczka*, молящую: пощадите эти руины, дороге моему сердцу!*⁹⁶

Тимон Заборовский (1799–1828 гг.) (рис. 10) — один из талантливых польских поэтов эпохи зарождения романтизма, принадлежавший к так называемой «украинской школе»⁹⁷, родился в Лычковцах. Начальное образование получил

95 М. Potocki, Т. Żebrawski, “Wiadomości o bożyszczu słowiańskim,” 24.

96 А. Kirkor, “Wycieczka na Podole Galicyjskie,” 379.

97 Н. Biegeliesen, “Tymon Zaborowski,” Ateneum, t IV, z. II (Warszawa, 1883), 313–345; z. III, 536–

Рис. 10. Тимон Заборовский (1799–1828).

дома под руководством учителя-француза. В 1810 г. учился в школе во Львове, а затем закончил Кременецкий лицей, уже в этот период участвуя в литературном кружке. По окончании лицея Т. Заборовский отправляется в Варшаву, где в 1817–1818 гг. занимался поэтическими переводами и редактированием. Получив несколько негативных рецензий на свои произведения, болезненно впечатлительный «огненный поэт» возвращается в Кременец. Здесь в 1818–1819 гг. он редактировал литературную часть издания *Ćwiczenia naukowe*.

В 1818 г. в *Ćwiczeniach* издана отрывками его первая поэма *Boleslaw Chrobry czyli zdobycie Kijowa*, немедленно принеся известность поэту.

588; M. Danielewicz, *Tymon Zaborowski — Życie i twórczość (1799–1828)* (Warszawa, 1933); T. Zaborowski, *Pisma zebrane* (Warszawa, 1936).

Историческая канва поэмы о походе Болеслава на Киев была заимствована из *Истории* А. Нарушевича, но лишь в первой песне она напоминает классическую героическую поэму в стиле Гомера, тогда как дальнейшие части щедро разбавлены романтическими легендами и сказочными сюжетами, в которых мы с трудом опознаем знакомых из летописей исторических персонажей. Также в *Świcznjach* увидело свет и новаторское исследование Т. Заборовского о строении и ритмике польского стиха. Издание не нашло необходимой финансовой поддержки, и в 1819 г. поэт возвращается в родительское поместье в Лычковцах, где и работал до трагического конца жизни.

Влюбленный в природу своего края, Т. Заборовский многократно воспекает в стихах родные Медоборы (*Rozkoszne Miodobory, piekniejsze niż Eden*) над чародейским Збручем (*czarodziejski brzegi Zbrucza; nad przejrzystym Zbruczem, zamieszkanym przez fantastyczne wodnice i rusalki*), навсегда закрепив за собой образ *wieszczka Miodoboru* («вещателя, пророка, сказителя Медобор»). Но параллельно с принесшей ему славу любовной и пейзажной лирикой Т. Заборовский неоднократно пытается вернуться к исторической тематике.

В развитие сюжетов *Болеслава Храброго* в 1822 г. Т. Заборовский пишет фрагменты так и не оконченной поэмы *Bojan*, в которой предлагает свою поэтическую фантазию в виде *Pieśni Bojana* и *Śpiewu Bojana*. Интерес поэта к «славянскому певцу Бояну» был обусловлен общеевропейской модой на «Песни Оссиана», а также польским «свободным» литературным переводом *Слова о полку Игореве* К. Гodeбского⁹⁸, с которым Т. Заборовский ознакомился именно в 1822 г. во время визита к дяде В. Шептицкому в Якубовицы под Люблином. Первоначальной идеей Т. Заборовского было создание «литературной мистификации» путем анонимной публикации собственной *Песни Бояна*⁹⁹. Несмотря на прямую параллель публикации Г.Р. Державиним переводов отрывков *Песни или Гимна Бояну* А.И. Сулакадзева, вызвавшей в это время широкий резонанс в среде русской интеллигенции¹⁰⁰, цели поэта были кардинально отличными.

Уже во вступлении к *Бояну* Т. Заборовский указывает, что ему приходится *wieszczka starożytnego być tylko tlómaczem*. Значение этой фразы объясняет К. Гodeбский, издавший свой перевод *Слова* как авторскую «поэму А.И. Мусин-Пушкина», хотя последний и утверждал, «что был только переводчиком той песни с древней рукописи на языке древних Склавинов или Славян». Полагая, что сам памятник подложный, вобравший в себя «дух позднейших времен», К. Гodeбский, тем не менее, высоко оценил его литературное значение¹⁰¹. Скорее всего, именно как «литературную мистификацию» А.И. Мусин-

98 С. Godebski, *Dziela wierszem i prozą, cz. 2* (Warszawa, 1821), 308–330.

99 В. Czwońóg-Jadczak, «Tymon Zaborowski,» *Pisarze polskiego oświecenia*, t. 3 (Warszawa, 1996), 641.

100 Козлов В.П. Хлестаков отечественной «археологии» или три жизни А.И. Сулакадзева. *Что думают ученые о «Велесовой книге»*. СПб., 2004, 198–203.

101 С. Godebski, *Dziela wierszem i prozą*, 308–309.

Пушкина воспринял *Слово* и Т. Заборовский, впрочем, серьезно отнесся как к исторической фигуре к Бояну. Последнего К. Гудебский характеризовал как «барда или певца славного древнейших времен», датируя время жизни Бояна временем ранее введения христианства в Руси.

Ожидания *nowego Bojana* передались и польским писателям, в частности, об этом писал З. Доленга-Ходаковский в своей знаменитой работе *O Slowianšczyźnie przed chrześcianstwem*, позже многократно переизданной, но впервые опубликованной именно в кременецких *Ćwiczeniach naukowych* в 1818 г.: «время — творец всего, может дать нам нового Бояна, который языку современному придав древние образы и обороты, станет творцом народной оригинальности»¹⁰². Эта во многом знаковая работа в числе многих начинаний положила также и начало «романтической археологии» в Галиции¹⁰³. Увлечение *Песнями Бояна* в среде польских поэтов-романтиков позже достигло такого уровня, что даже стало объектом сатирических выпадов, в частности, Ю. Словацкий восклицает в сторону ещё одного уроженца Украины и «Бояна современности» — Богдана Залеского (1802–1886):

*Więc dziękowałem Bogu, że z pod prasy
Nie wyszło jeszcze sześć psalmów Bojana*¹⁰⁴

В своих *Песнях Бояна* Т. Заборовскому было бы сложно сохранить анонимность поскольку поэт лишь пытается развить сказочные элементы *Болеславиады* — здесь вновь появляется злой чародей Блуд, а события выходят за рамки Киева и его истории, вплетая родные Медоборы и Збруч, Днестр и Подолье, не оставляя читателю никакого сомнения в том, что *wieszcz* и «новый Боян» — это сам Заборовский. Пытаясь закончить или переработать поэму, но не достигая желаемой стилизации под древний текст, поэт постепенно теряет к ней интерес, переключаясь на другие сюжеты. Ещё одним подобным опытом стилизации становится *Pieśń o Haraldzie*, в которой поэт дает свою версию *Śpięwu Haraldza* к дочке Ярослава по имени *Malwina*.

В 1823 г. создается большая завершенная поэтическая пьеса *Umwit*, события которой происходят в славянском племени, живущем в Товтрах в эпоху «языческой тьмы» (*ciemnoty pogańskiej*), а точнее, где-то в 90-х гг. X в., когда и Польша, и Русь уже приняли христианство.

Главный герой — властный верховный языческий жрец и прорицатель Умвит, вынашивающий планы захвата власти в племени путем заключения брака своего ставленника, представленного им как потерянный сын Стибор,

102 Z.D. Chodakowski, *O Slowianšczyźnie przed chrześcianstwem*, 5.

103 Лех Я. З історії польсько-українських зв'язків в археології (кінець XVIII ст. — 1939 р.). *Археологічні дослідження Львівського університету*. Вип. 9. Львів, 2006, 20–21.

104 Советов С.С. Образ древнерусского Бояна в интерпретации польских поэтов-романтиков. *ТОДРЛ*. Т. XIV. 1958, 125–131.

с дочкой вождя Мистивоя — Лелиной. По сюжету планы Умвита разрушает его настоящий сын Стибор, захваченный в детстве в плен под Галичем, и воспитанный уже в христианской вере под новым именем Ермилий. Посредством конфликта отца и сына передается образ столкновения старой и новой религий. Вынуждаемая к браку со лже-Стибором Лелина, по законам романтического жанра, узнает Ермилия и влюбляется в него, и перед публичной церемонией языческого брака со Стибором получает от Ермилия крест. Кульминацией произведения является сама церемония в языческом святилище Леля, во время которой Лелина достаёт крест и публично отрекается от поганских богов. От гнева разъяренных язычников влюбленных спасает только неожиданное появление христианских войск Цидебура — брата короля Мечислава. Полное торжество христианства наступает после раскаяния Умвита и признания им сына и новой религии.

Главным источником по язычеству здесь вновь выступает А. Нарушевич, книга III тома 2 которого целиком посвящена дохристианским верованиям славян¹⁰⁵. Исследователи отмечают и явное влияние З. Доленги-Ходаковского¹⁰⁶, с которым Т. Заборовский активно переписывался на почве сбора украинских народных дум. В *Умвите* Т. Заборовский моделирует языческое общество, исходя из представлений А. Нарушевича о доминирующей роли жречества у прибалтийских славян. Передавая ситуацию всевластия Умвита, поэт пытается усилить драматический эффект исторической победы христианства, но в результате вызывает совсем другие ассоциации у неподготовленного читателя — так, например, литературовед Г. Бигеляйзен удивляется безволием и бесхарактерности персонажей Мистивоя и Стибора¹⁰⁷. Знания Т. Заборовского о язычестве, впрочем, глубже механического следования А. Нарушевичу: здесь видим и божество *Dzedzilja* из Длугоша, и представления о Перуне как главном божестве восточных славян.

Город Мистивоя носит название *Dźwinograd*. В 1-й пол. XIX в. летописный Звенигород, воспринимавшийся как «столица Подолья»¹⁰⁸, не имел четкой локализации. Поскольку место действий пьесы Т. Заборовский перенес на Прут, поэт не отождествлял с историческим городом современный ему Дзвенигород на Днестре (Борщевский р-н Тернопольской обл.). В то же время, это название не могло не напомнить ему местный топоним Медобор — гору «Дзвенигород» (Звенигород) над Збручем возле с. Крутилова. А. Киркор описывает на ней древние рвы и каменные валы, носящие у местного населения название

105 A. Naruszewicz, *Historia narodu Polskiego* (Lipsk, 1836), t. II. K. III.

106 M. Danielewicz, *Tymon Zaborowski — Życie i twórczość*, 193; J. Maślanka, *Zorian Dołęga Chodakowski* (Wrocław, Warszawa, Kraków, 1965), 100.

107 H. Biegeliesen, "Tymon Zaborowski," 585–586.

108 F. Siarczyński, "Dzieie niegdyś księztwa Trembowelskiego i Dżwinogrodzkiego," *Czsoptism naukowy księgozbioru publicznego imienia Ossolińskich*, z. 4 (Lwow, 1829), 8–9, 36–39. *Biblioteka Warszawska*, t. IV (1859), 808.

«Старого Замчиська». З. Доленга-Ходаковский первым обратил внимание на топонимы типа «Городище», на их частую ассоциацию с горами в лесах при водных источниках, доминирование над местностью, обнесение по кругу валами, полагая, что такие сооружения связаны с древними культовыми местами славян¹⁰⁹.

Привлекали внимание к горе Звенигород также каменное изваяние («баба») у подножия и пещера отшельника, где во времена А. Киркора при рытье были обнаружены «множество грубозернистых черепков», позволивших исследователю заключить о древности заселения данной пещеры, вплоть до предположения о том, что здесь могло располагаться «языческое святилище». Ранее возможность существования на городище святилища «какой-то языческой богини» допускал и М. Потоцкий, опираясь на находку изваяния¹¹⁰. Проанализировав данные письменных источников о «Звенигороде», А. Киркор пришел к выводу, что на роль центра отдельного княжества больше подходит не збручский, а поднепровский Дзвенигород, хотя и определил первый как «нерядовое городище»¹¹¹. Поскольку Т. Заборовский традиционно использовал в описаниях своих произведений пейзажи окрестности Лычковцов, практически нет сомнений, что прототипом Дзвенигорода Мистивоя с капищем под горой послужило именно медоборское городище на горе Дзвенигород с древним изваянием в «Бабиной долине».

Летом 1823 г. Т. Заборовский пишет пьесу *Богдан Хмельницкий* с весьма нетипичной трактовкой образа гетьмана для польской литературы, привлечшей внимание И. Франко¹¹². Но в следующем 1824 г. поэт вновь возвращается к древнерусским сюжетам, работая над пьесой *Tajemnica, czyli Borys i Milwiana*. Сюжет пьесы разворачивается вокруг усобицы сыновей Владимира Святославича, в которую поэт вносит неожиданную интригу — тайную любовь князя Бориса и дочери Болеслава Храброго, которую, разумеется, не мог оставить без внимания Святополк.

Понимая сам, что драматургия — не самая сильная сторона его творчества, Т. Заборовский в дальнейшем концентрируется на лирике. Поэт так и не заканчивает *Болеславиаду* (или, как полагали его друзья, даже сжигает готовый вариант), и обращаясь вновь к историческим сюжетам только в цикле дум, посмертно опубликованном в 1830 г. в виде сборника *Dumy podolskie za czasów panowania tureckiego w tej ziemi*.

Свое отношение Т. Заборовского к исторической подоснове он сам выразил в предисловии к *Болеславиаде* призывом:

109 Z.D. Chodakowski, *O Słowianšczyźnie przed chrześcijaństwem*, 7–8.

110 *Biblioteka Warszawska*, t. IV (1859), 808.

111 A. Kirkor, “Sprawozdanie i wykaz zabytków złożonych w Akademii umiejętności z wycieczki archeologicznej w roku 1882,” 54–56.

112 Легкий М. Про маловідому рецензію І. Франка «Хмельницький — непризнаний польський патріот». *Проблеми слов'янознавства*. Вип. 51. Львів, 2000, 300–302.

Почему мы должны за границей искать предметы, достойные описания, когда могилы наших прадедов без надписей уже покрылись мхом? ... Давайте искать в далекой нашей древности предметы для оживления нашего воображения.

Обращение к истории — несомненное наследие старой классической школы польской поэзии, постепенные изменения в которой и переход к романтизму прекрасно отражают произведения Заборовского, то насыщенные античными героями и сюжетами, то навеянные славянским фольклором. Выбор же древнерусско-польских или польско-украинских исторических сюжетов обусловлен биографией самого поэта — поляка, родившегося и выросшего в Украине на границе Австрийской и Российской империй.

Биографы Т. Заборовского отмечают, что он часами прогуливался по берегу Збруча в окрестностях Лычковцов и в Медоборах, размышляя или сочиняя стихи, перенося наблюдаемые пейзажи в тексты, а его любимое место для творчества находилось где-то над Збручем (*lubych brzegów Zbrucz*) у скал Медобор (*lube Miodoborów rozkosznych zacisze i skały czulsze od ludzi*). Частое упоминание «скал» — более художественный прием, чем отражение медоборских реалий. Соколиха и противоположная левобережная Девич-гора в основном покрыты лесом, но местами виднеются выветренные участки, как бы образующие небольшие отдельно стоящие скалы из известняка.

Любопытно описание природы для декораций *Умвита*: «Место действий над Прутом — с правой стороны роши (*gaje*), взгорья... — С левой стороны горы, боры и скалы, которые заслоняют подход к берегам Прута»¹¹³. Источником для описания, разумеется, опять выступил ландшафт Медобор. Точка наблюдения, скорее всего, располагается в Бабиной долине на северной стороне Слепого яра под горой Дзвенигород, которую Збруч обтекает излучиной. Впрочем, расстояние в 9 км от Лычковцов вряд ли позволяло часто навещаться в подобное «место черпания вдохновения», если, конечно, Т. Заборовский не нашел похожий пейзаж поближе к Лычковцам.

Взгляд наблюдателя обращен к горам, т.е. в северном направлении. Упоминание «скал», нависающих над рекой, позволяет исключить и ближайшую с севера к Лычковцам залесенную Круглую Горку, отстоящую далеко от реки, и невысокую, лысую с западной стороны, правобережную Девич-гору в излучине реки — описанию декораций драмы определенно соответствует лишь Соколова Скала (Соколиха) с её выходами выветренного камня. Наблюдатель видит справа широкую относительно пологую полосу поймы на левом берегу Збруча, поросшую редкими деревьями и кустами, но не саму реку (поскольку находится на небольшой возвышенности), а далее — покрытые лесом взгорья высокой «левобережной» Девич-горы. Слева возвышается поросший лесом склон горы Соколихи и белеют отдельные выходы извест-

113 T. Zaborowski, *Pisma zebrane*, 365.

няка («скалы»). Ключевая деталь прототипа декораций *Умвита* — гора слева заслоняет наблюдателю реку, т.е. его взгляд не направлен вдоль русла реки, огибающей гору.

Соответствующая описанию точка наблюдения должна располагаться приблизительно в долине Збиглой, но при условии, что наблюдателю не мешают деревья (то есть, в осенне-весенний период). Эффект заслонения горой долины Збруча сохраняется и при продвижении чуть севернее, приблизительно до расчетной точки обнаружения *Збручского изваяния*, но здесь открывается более живописный вид на горы, особенно с противоположного левого берега, где именно в этой точке виднелись «обнаженные белые известковые скалы за рекой»¹¹⁴. Единственное, чего не хватало здесь для полной имитации Дзвенигорода — это «бабы» — языческого каменного изваяния.

Совпадение или закономерность? Ответ на этот вопрос в высокой степени зависит ещё от одной дилеммы: а высока ли вообще статистическая вероятность случайности находки в 1-й пол. XIX в. уникальной «языческой» скульптуры рядом с именем увлекающегося историей поэта, посвятившего славянскому язычеству обширное художественное произведение? Место находки *Збручского изваяния* в любом случае приобретает совершенно новый контекст.

Имя Т. Заборовского, конечно же, не могло полностью пройти мимо польских исследователей при рассмотрении версии о подделке идола. Так, Г. Ленъчик писал: «Тимон Заборовский не ученый, а поэт, автор *Дум подольских*, действительно интересовался археологическими находками, в его комнате на камине стояла случайно выкопанная урна, в которой он держал рукописи своих произведений», но, тем не менее, «фальсификатором изваяния быть не мог»¹¹⁵. Исключает исследователь из числа возможных «поддельщиков» и К. Заборовского, хотя Т. Жебравский осмотрел и описал хранящийся на его дворе фрагмент большого древнего сосуда (очевидно, трипольской культуры), найденного на Девичьем поле¹¹⁶. Упоминает Г. Ленъчик и о неких «изваяниях мифологических божеств у Забельских в Городнице»¹¹⁷, не проявляя, правда, интереса и к данному факту.

Строя аргументацию исключительно на версии о сознательной научной фальсификации ради личного прославления или же из «патриотических» побуждений, поскольку «славяне не должны быть хуже германцев, кельтов или греков, также заслуживая развитой и яркой мифологии»¹¹⁸, и скептики, и защитники подлинности изваяния полностью упускали из вида возможность простого недоразумения. Т. Заборовского трудно подозревать в намеренной подделке *Збручского изваяния* как археологического артефакта, но не являлась

114 A. Kirkor, “Wycieczka na Podole Galicyjskie,” 379.

115 G. Leńczyk, “Świątowid zbruczański,” 31-32.

116 M. Potocki, T. Żebrawski, “Wiadomości o bożyszczu słowiańskim,” 24.

117 G. Leńczyk, “Świątowid zbruczański,” 14.

118 Z. Skrok, “Wandalowie i Goci — nasi przodkowie?,” *Archaeologia żywa*, № 3 (2009), 23.

ли скульптура всего лишь одним из очередных «предметов древности для оживления воображения» поэта?

Т. Заборовский обладал достаточным образованием, знаниями и творческой фантазией, а также мотивом, средствами и технической возможностью для создания подобной скульптуры в 1822–23 гг. во время работы над *Бояном* и, особенно, *Умвитом*. Замыслив создание некоего языческого изваяния для черпания вдохновения и погружения в эпоху «языческой темноты», Т. Заборовский, не имея под рукой описания киевского капища из *ПВЛ* и опираясь только на произведения А. Нарушевича, закономерно должен был обратиться к описанию храма Святовита в Арконе.

Информация Саксона Грамматика послужила основанием для реконструкции только двух сторон четырехгранного идола: лицевой стороны *A* — бога с рогом, и боковой *C* — бога с мечом и конем. Персонаж стороны *B* с кольцом (один из центральных в изваянии по уровню отделки) возник благодаря сюжету *Умвита*, где ключевая сцена драмы — церемония брака Лелины и Стрибора — должна проходить в святилище бога брака, а раскраска изваяния в красный цвет, возможно, появилась для имитации «золотого идола Леля». Идея золотого изваяния несомненно навеяна описанием Адама Бременского золотого идола Радегаста в храме Ретры. А вот красный цвет как символику Святовита можно усмотреть в раскраске деталей храма в Арконе (*punicæo culmine*), согласно Саксону Грамматику¹¹⁹. В частности, в хорошо знакомой Т. Заборовскому работе З. Доленги-Ходаковского герб с изображением белого коня на красном фоне был трактован именно как конь Святовита¹²⁰.

Обратная сторона идола *D* осталась без атрибутов божества, но с солярным знаком в нижнем ярусе, который, по сюжету *Умвита*, выступал гербом земли Мистивоя (в противовес «льву Галича» и «орлу Вавеля»). Знак не симметричен и прочерчен очень слабой линией — вероятно, не скульптором, а позже, самим поэтом поверх краски.

Средний ярус, скорее всего, принадлежит богине Погоде, лишь мельком появившейся в *Умвите*. Не исключено, что все четыре женских персонажа взяты из перечня польских божеств: Лада, Дзедзиля, Дзеванна, Погода, Маржана, между которыми в литературе 1-й пол. XIX в. не проводилось заметных различий.

А вот Чернобог нижнего яруса изображен поддерживающим землю, вероятно, не только благодаря трафаретным барочным архитектурным скульптурным подставкам и образу Дж. Мильтона, но и на основании персонажа «Сатаны» из *Болеславиады* и *Бояна* Т. Заборовского, обитающего в подземелье под сводом земли.

119 *Saxonis Grammatici*, 823.

120 Z.D. Chodakowski, *O Słowianšczyźnie przed chrześcianstwem*, 16.

Пояс верхнего божества украсил «меч Карла Великого», а голову — древнерусская шапка, плечи — плащ, а само божество было одето в длинную княжескую верхнюю рубашку. Его сходство с иконографией свв. Бориса и Глеба, отмеченное нами выше, оказывается далеко не случайным.

Эту загадку полностью проясняет особенное внимание Т. Заборовского к эпизоду уособицы сыновей Владимира Великого, проявившееся сначала в 1815–1818 гг. в создании произведения *Болеслав Храбрый или взятие Киева*, составлявшей часть задуманной поэтом большой *Болеславиады*, а в 1824 г. (т.е. на следующий год после создания *Умвита*) — в посвящении князю Борису уже отдельной драмы *Тайна, или Борис и Мильвяна*. Проживая в окружении украинского греко-католического и православного населения, собирая народные легенды и песни, Т. Заборовский естественно должен был заинтересоваться и иконами свв. Бориса и Глеба, чтобы представить внешний облик своих героев. Не исключено, что борисоглебские иконы вообще могут оказаться единственным доступным Т. Заборовскому изобразительным источником об одежде славян времени Болеслава.

Самого Святовита в ни в *Бояне*, ни в *Умвите* нет, и это, пожалуй, главная причина, почему никто из исследователей XIX в. так и не ассоциировал происхождение *Збручского изваяния* с Т. Заборовским. Представляя свое славянское племя Покутья как некое «пограничное» население, родственное одновременно и восточным славянам, и полякам, поэт отслеживал в книге А. Нарушевича только образы божеств, находящие параллели одновременно на западе и на востоке: Перун, Лель, Ладо. Дзедзиля упоминается лишь рядом с Лелем, откуда можно заключить, что Т. Заборовский отождествлял её с русской «Дида», которую А. Нарушевич, ссылаясь на М.В. Ломоносова, вместе с Лелем считал «Купидоном или божеством любви»¹²¹. Польскую же «Погоду» А. Нарушевич отождествил с «Живой» полабских славян и «Мокошью» восточных¹²². Подход Т. Заборовского при выборе божеств для *Умвита* несомненно можно назвать взвешенным и историчным, а это означало, что одного из наиболее ярко описанных богов древних славян — Святовита — пришлось бы в любом случае заменить на его польско-древнерусский аналог.

Выше мы констатировали, что для создания эскиза *Збручского изваяния* было достаточно знакомства автора: 1) с томом *Истории* А. Нарушевича; 2) со старой иконой свв. Бориса и Глеба; 3) с изображением коронационной сабли австрийских императоров; 4) с произведением Дж. Мильтона; 5) (не обязательно) с изваянием скифского времени. Все пять пунктов были полностью выполнимы для интересующегося литературой, историей и археологией Т. Заборовского, а ошибкой, допущенной поэтом, была лишь комбинация

121 А. Naruszewicz, *Historia narodu Polskiego*, 62. Ломоносов М. *Древняя российская история от начала русского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года*. СПб., 1766, 99.

122 А. Naruszewicz, *Historia narodu Polskiego*, 66, 86–87, 113–114.

этих элементов, заставляющая и по сей день исследователей ломать голову над этим вопросом.

Основная мораль *Умвита* состояла не в восхвалении язычества, а в торжестве христианства. Склонный к театральным эффектам, Т. Заборовский вполне мог приказать утопить «идола» уже по завершению *Умвита* в 1823 г. Тем более, его биографы отмечали значительные перепады настроения Тимона в творчестве, когда за периодами романтической жизнерадостности наступали периоды христианского смирения¹²³. Но возможно, что у обрушения изваяния в воду был и более прозаический мотив — в поисках укромного живописного места для работы, Т. Заборовский выбрал берег не на территории своего имения, а на землях Городницы. Установка же здесь «идола» вряд ли обрадовала немолодого соседа Й. Забельского, с супругой которого поэта связывали отнюдь не тайные для окружающих романтические отношения.

Недоразумение?

Если, конечно, биографам Т. Заборовского когда-нибудь не посчастливится обнаружить прямое свидетельство заказа им «языческой» скульптуры, возможность изготовления *Збручского изваяния* по эскизу поэта так и останется лишь возможностью. Небольшую подсказку, впрочем, нам уже сейчас дает сама история находки изваяния.

Жарким августом 1848 г. падение уровня Збруча обнажило у горы Соколихи шапку изваяния, наклонно выступающего из воды. Ударяясь в обращенную против течения шапку, волны реки создавали визуальный эффект «подскакивания», напоминая движение головы человека — вполне достаточно, чтобы у проходящих по дороге над берегом крестьян пошла молва об «утопленнике». Купающиеся в реке пастушки М. Бартошевский и И. Халаман поспешили уведомить о находке лычковецкого мандатария (урядника) А. Брушкевича. Тот никак не отреагировал на сообщение об «утопленнике», либо резонно заключив, что на охраняемом участке границы рядом с пограничным пунктом подобного события не пропустила бы охрана, либо из-за расположения места находки на границах сел Городинцы и Ракового Кута, что не входило в зону его юрисдикции.

Пограничники также не спешили поднимать шум, но известием заинтересовались располагавшиеся ближе таможенники. По-видимому, к этому моменту уже не один из лычковецких жителей, проезжавших или проходивших мимо, утверждал, что своими глазами видел «утопленника». Учитывая ширину Збруча на участке, не увидеть с берега, что это камень, было сложно.

123 В 1827 г. прошли даже слухи о его вступлении в иезуиты (Towarzystwa Jezusowego) (*Prace polonistyczne*, t. 53 (Łódź, 1998), 44).

Но один из таможенных стражников специально зашел в реку, чтобы проверить находку, убедившись, что это не просто камень, а изваяние.

Начальник таможни надстражник Лашевский уведомил о случившемся управляющего имением К. Заборовского — К. Беньковского, и мандатария Лычковцов — А. Брушкевича. Инженер по образованию К. Беньковский прибыл на место и, оценив размеры и вес изваяния, а также возможность его вытянуть, зацепив веревками за шапку, послал в Лычковцы за тремя парами волов, которых доставил экононом имения В. Гавловский. К моменту вытаскивания изваяния из воды новость уже облетела окрестности, поскольку на берегу собралась целая «толпа» крестьян, а из Постоловки прибыл лесник Лазаревич. Под руководством К. Беньковского В. Гавловский вытащил из воды изваяние на берег, и только после этого приехал мандатарий А. Брушкевич.

Ситуация выглядит несколько странной: вместо того, чтобы воспользоваться появлением лесника Лазаревича из Постоловки или послать гонца в Городницу и Раков Кут, надстражник Лашевский обращается к К. Заборовскому из Лычковцов, до границы которых от места находки было целых 0,5 км. Появление А. Брушкевича только после вытаскивания изваяния прозрачно свидетельствует о том, что никакого расследования об «утопленнике» даже не подразумевалось, а К. Беньковский как инженер получил задание именно поднять из реки изваяние.

Дальнейшее развитие событий еще более удивительно — выполнив задание, К. Беньковский не оставляет изваяние на берегу или на таможне, а грузит его на телегу и отвозит за 5 км в Лычковцы. Но «диковинную» находку не перевезли на господский двор на обозрение слуг и гостей, не установили, как было модно в те времена, в саду, парке¹²⁴ или же на кургане в имении (как намеревался сделать М. Потоцкий) — вместо этого её просто бросили под овином на дворе А. Брушкевича, где она и пролежала до зимы, пока К. Заборовский не подарил изваяние М. Потоцкому.

Современников событий, как ярко демонстрируют устные рассказы, в этой истории наиболее смущал вопрос собственности земли. Так, например, бывшая прачка А. Брушкевича, не зная подробностей передачи изваяния М. Потоцкому, реконструирует события так, что из мандатарии «идол» вернули в Городницу к Забельским, а уже те подарили его М. Потоцкому. В версии о находке идола на земле Постоловки М. Потоцкому дарят его уже собственники этого села Левицкие, а сам М. Потоцкий, получивший изваяние в дар от К. Заборовского, в 1850 г. был полностью уверен, что предмет найден на земле Лычковцов! Почему же люди К. Заборовского забирают в усадьбу изваяние, расположенное далеко от границ их юрисдикции, а ни Забельские, ни

124 Ср.: Бандрівський М. *Сварожі лики*, 69–70. Забашта Р. До питання атрибуції язичницької монументальної скульптури теренів Середньої Наддністрянщини (за архівними матеріалами). *Медобори і духовна культура давніх, середньовічних слов'ян (до 150-річчя виявлення Збруцького «Святовита»)*. Львів, 1998, 134–135.

Левицкие, ни собственники Ракового Кута даже мельком не упоминаются в официальных реляциях об обнаружении предмета? Наконец, если изваяние было изъято в мандатариию на неких «официальных» основаниях, почему его преспокойно дарит частному лицу второе частное лицо?

Роль К. Заборовского в данной истории однозначно выходит за рамки простой «технической поддержки», причем его причастность к делу была настолько очевидной, что её ясно осознавали не только подчиненные (управляющий, эконом, мандатарий), но также официальные лица (начальник таможни и лесник) и собственники соседних сел (Городницы и Ракового Кута). Неужели обращение к К. Заборовскому было намеренным и *адресным*?

При более близком взгляде история не покажется настолько простой: а так ли много людей вообще могли помнить о вероятной скульптуре Т. Заборовского?

Тимон трагически гибнет ещё в 1828 г. Загадочные обстоятельства смерти вызвали всевозможные толки и пересуды. Молва винила во всем роман Заборовского с замужней соседкой¹²⁵. Одни подозревали, что он был утоплен слугой ревнивого мужа, другие предполагали несчастный случай. Ближайшие же друзья Тимона — Ф. Лашовский и Ю. Сабинский в некрологе облекли смерть Тимона в романтический ореол, напомнив, что, согласно Вергеру Гёте, несчастливые влюбленные должны сводить счеты с жизнью, таким образом, публично озвучив версию о самоубийстве. Именно как «самоубийцу» ещё до 20-х гг. XX в. Тимона Заборовского помнили жители Лычковцов¹²⁶.

Поскольку свидетелей смерти Тимона не было, а в официальной версии причиной смерти был назван «апоплексический удар», родители настояли похоронить сына возле церкви с остальными родственниками, вопреки неизбежному в такой ситуации глухому возмущению жителей села. А всего через два года Лычковцы охватила страшная эпидемия холеры, свирепствовавшая здесь в 1830–1831 гг. От холеры умерли родители Тимона, более 200 жителей села; все, кто мог, спешили уехать. Пошел даже поговор, что

125 Роман с его возлюбленной «Альзирой» начался в 1821–22 гг. В её идентификации нет ясности.

М. Данилевич-Зелинская полагала, что под этим псевдонимом скрывается Анна Розвадовская-Чехович, сестра приятеля Тимона — В. Розвадовского из Новоселки, выданная замуж за барона Чеховича из Зарубинцев, что в 30 км от Лычковцов. Воспоминания же современников (F. Wasilewska-Boberska, *Pisma* (Lwów, 1893), 319–329) заставляют видеть в «Альзире» Лауру Семеновскую-Забельскую (*Alzyra-Laura Z.*) — молодую жену соседа Заборовских — Йозефа Забельского из Городницы. Несмотря на серьезные намерения Тимона, мать выступила резко против, и под угрозой лишиться наследства выслала сына к своему брату В. Шептицкому в Якубовицы. Но, согласная на развод даже ценой потери родительского имения, Лаура оказалась не готовой потерять опеку над маленьким сыном. Весной 1822 г. Тимон получил письмо от Лауры, сообщавшее о решении прекратить отношения ради сохранения сына, но чувства поэта были сильны ещё и в 1824 г. В этом контексте установка изваяния в 1822–1823 гг. в живописном месте над рекой в границах Городницы выглядела бы как откровенная надежда привлечь внимание возлюбленной, а на роль «идолоборца» закономерно претендует Й. Забельский.

126 W. Barczyk, “Tymon Zaborowski — poeta “Wieszcz Miodoboru”,” *Głosy podolan*, № 73 (Warszawa, 2005), 38–39.

это место проклятое¹²⁷. В 1831–1832 гг., во время аналогичной эпидемии в Городнице, умирает Л. Забельская, а вскоре или одновременно — и её муж Й. Забельский.

К. Заборовский избежал участи семьи, в 1830–1831 гг. присоединившись к Польскому национальному восстанию в Российской империи. А после разгрома восстания Константин вернулся в опустевшие Лычковцы, где воздвиг монумент памяти жертвам эпидемии (частично сохранившийся до нашего времени). Удачная женитьба на вдове немного поправила его финансовое положение, но наследников и этот брак не оставил.

Лучший друг Т. Заборовского — Ф. Лашовский (1795–1861 гг.), в 1841 г. продал свое имение в с. Суходол (в 11 км к югу от Лычковцов), и с М. Потоцким вряд ли контактировал. Несомненно, ничем ему не смог бы помочь и В. Розвадовский (1800–1849 гг.) из Новоселки у Скалата. Не приходится рассчитывать и на прожившего дольше остальных приятелей Тимона Ю. Сабинского (1797–1869 гг.) из местечка Збриж (25 км к югу от Лычковцов)¹²⁸. Во время Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. Ю. Сабинский попал в плен, но в 1832 г. был амнистирован и вернулся на Подолье. В 1838 г. его вновь арестовали по делу Конарского и отправили на этот раз в длительную ссылку в Сибирь, где Ю. Сабинский пребывал до 1858 г., а затем вновь был сослан в 1861 г.¹²⁹ Сам М. Потоцкий (1810–1878 гг.) купил имение в Коцюбинчиках только после восстания 1830–31 гг.¹³⁰, т.е. с Т. Заборовским не встречался и ранее в их имении не бывал.

Из упоминаемых в рассказах о находке *Збручского изваяния* действующих лиц истории 1848–1851 гг. определён только один человек несомненно был знаком и мог оказаться посвященным в дела Тимона — его брат Константин Заборовский (1809–1876 гг.). Братья не были близки, скорее всего, из-за значительной разницы в возрасте. В наиболее кризисные для Тимона 1821–1822 гг. его ещё поддерживал «добрый отец», но в письмах 1823–1828 гг. к друзьям поэт жалуется в целом на «родичей». В 1823 г. 14-летний Константин вряд ли получал образование дома¹³¹, учитывая же отношения Т. Заборовского с семьей, его поиски отдаленных мест для уединения и вынужденную «конс-

127 Если изваяние к этому времени ещё не обрушилось в реку, то его несомненно утопили бы в 1830–31 гг. украинские крестьяне.

128 Ю. Сабинский, член масонской ложи «Осирис» в Каменце, познакомился с Т. Заборовским только в 1822 г. на почве общего интереса к собиранию народных песен, и втянул его в тайное общество «Вольные братья Подоляне» — по всей видимости, местную масонскую организацию.

129 G. Korbut, *Literatura polska od początków do wojny światowej*, t. 3 (Warszawa, 1930), 501.

130 J. Kuśnierz, “Mieczysław Ludwik Potocki (1810-1878) — konserwator zabytków Galicji wschodniej, współodkrywca posągu Światowita ze Zbrucza, autor pierwszej monografii historycznej miasta Zamość,” *Актуальні проблеми археології. Тези міжнародної наукової конференції на пошану І.С. Винокура*. Тернопіль, 2010, 77.

131 Биография К. Заборовского пока не становилась предметом исследования, но его автобиографический «памятник» хранится архиве Шептицких, который может пролить свет на некоторые вопросы.

пиратию» в контактах с друзьями и соседями из-за тотального контроля со стороны матери, совсем не выглядит странным, что вернувшись в поместье после учебы, К. Заборовский мог никогда и не видеть созданной Тимоном скульптуры, располагавшейся непродолжительное время в лесу за 5 км от их дома. А после череды трагических событий 1828–1832 гг. до 1848 г. свидетелей, способных прояснить ситуацию, и вовсе могло не остаться!

Как только в августе 1848 г. известие об «утопленнике» сменилось в Лычковцах сообщением о находке скульптуры, и кто-то из старожилов мог смутно вспомнить об установке ок. 25 лет назад Т. Заборовским в лесу какого-то изваяния, а также о печальном юбилее со дня смерти, благодатная для суеверий сельская среда наверняка вспомнила и о последующих «катаклизмах» 1830–1834 гг. Это объяснило бы причины странных «слухов» и «волнений», а также прямого обращения Лашевского к К. Заборовскому и личную заинтересованность последнего в подъеме изваяния. Вероятно, только неожиданная «языческая» композиция изваяния, проявившаяся уже после его извлечения из воды, смутила К. Заборовского и заставила позже поверить М. Потоцкому, что это действительно древний артефакт, который и был немедленно подарен собирателю древностей.

Заподозрить в «злых умыслах» кого-то из действующих лиц откровенно трудно. Вопрос же алиби К. Заборовского состоит только в том, остались ли после эпидемии холеры и прошедших 25 лет после событий 1822–1823 гг. какие-либо лица, ещё помнившие данную скульптуру, или нет, а главное, пытался ли вообще кто-либо услышать мнение «хлопов»?

Весьма показательной здесь оказывается история раскопок 1883 г. А. Киркором изваяния у с. Зарубинцы (Збаражский р-н. Тернопольской обл.). Узнав от собственника села п. Вольфарта о расположении здесь в земле камня, называемого местными жителями «Баба» или «Дед и Баба», исследователь предпринял раскопки объекта. Над землей торчал только фрагмент призматического пьедестала, основная же часть скульптуры уходила в землю. В процессе раскопок оказалось, что это была парная скульптура, представлявшая мужчину с бородой и усами, а также с повязкой на голове, обнимающего женщину. Когда по просьбе Вольфарта нашли самого старого 80-летнего жителя, тот рассказал, что в дни его юности прежний собственник села барон Чехович заказал данную скульптуру в Тернополе, но во время транспортировки сани сломались в этом месте, и скульптура, перевернувшись, упала, увязнув в мягкой земле. Со временем изваяние ещё более погрузилось в землю, оставив на поверхности только пьедестал.

Несмотря на исчерпывающее объяснение крестьянина, А. Киркор тут же обнаружил аналогии скульптуре на греческих расписных вазах Эрмитажа, происходящих из скифских курганов, провел параллели со скифскими изваяниями, а также «мифологические» разыскания происхождения названия скульптуры, установив что «Дед и Баба» представляют собой славянских «Леля (Ладо) и

Живу!»! По мнению исследователя, очень маловероятно, чтобы подобная скульптура служила украшением «какого-то сада в глухой деревне», что, разумеется, в выводах свидетельствовало о несомненной «древности» изваяния¹³².

К сожалению, в случае со *Збручской* находкой подобного опроса потенциальных свидетелей среди крестьян не производили. Спустя 49 лет после смерти Т. Заборовского и полной смены собственников Лычковцов и Городницы у А. Киркора было мало шансов застать в живых информированных современников событий 1823–1824 гг. Пришлось положить только на свидетельства К. Беньковского и А. Брушкевича, лишь короткое время работавших в Лычковцах, а Т. Жебровский в 1851 г. удовлетворился опросом М. Потоцкого и К. Заборовского.

По существу, если изваяние не опознал в 1848 г. К. Заборовский, ни один из его ученых современников уже не имел шансов связать происхождение скульптуры с Тимоном Заборовским.

Заключение

Будучи первой по времени находкой такого рода, *Збручское изваяние* автоматически задало образец и своеобразную «планку ожиданий» исследователям славянского язычества. Но за последующие полтора столетия эти ожидания так и не были вознаграждены новыми находками. Весьма несложная каменная и деревянная скульптура из восточнославянского ареала, в том числе и происходящая из надежно датированных археологических комплексов, заставляет скорее задуматься об адекватности самого «эталона».

Локальность, а тем более уникальность любого явления не позволяет механически распространять его характеристики на весь массив памятников или культурно-хронологический срез. Научный факт рождается только из констатации повторения устойчивого комплекса признаков, а в этом плане *Збручскому изваянию* не везет даже на отдаленные аналогии. Вопреки сложившемуся стереотипному представлению, *Збручский «идол»*, несомненно, не восточнославянское язычество в его массовом проявлении.

Яркая биография Тимона Заборовского, напротив, добавляет на чашу весов скептиков потенциального автора, мотив, интеллектуальную, техническую и материальную возможности исполнения изваяния в нач. XIX в., вместе с вполне объяснимой причиной его попадания в воды Збруча недалеко от границ фамильного имени Заборовских в Лычковцах. Но независимо от того, что перед нами: реальный древний артефакт X в. или же историческая фантазия поэта-романтика Т. Заборовского, *Збручское изваяние* не является ни «подделкой», ни «мистификацией» — это в любом случае уникальное

132 Kirkor A. Sprawozdanie i wykaz zabytków złożonych w Akademii umiejętności z wycieczki archeologicznej w roku 1883. *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*. Kraków. T. VIII. 1884, 55–57.

произведение искусства для своего региона и времени, все так же представляющее культурную и историческую ценность для тесно переплетенных судьбами Украины и Польши.

Современные естественно-научные анализы расширяют свои возможности с каждым годом, поэтому как памятник культуры материальной, сохранившийся до нашего времени, *Збручський* «идол» не сможет оставаться загадкой для ученых слишком долго. Дело за новой экспертизой, или же ситуацию быстрее удастся прояснить биографам Т. Заборовского?

Інститут археології НАН України

ЗАМІТКИ

Як Азовське море стало Сурозьким

В історичній географії і картографії поширена думка, що Азовське море у Київській Русі називали Сурозьким. Щоб у цьому переконатися, достатньо подивитися на карти Київської Русі (та Східної Європи цього періоду) у навчальній та довідковій літературі¹. Проте дві обставини викликають подив. По-перше, в жодному давньоруському писемному джерелі до кінця XIII ст. немає згадок не лише про Сурозьке море, а й про Сурож (сучасний Судак) – місто, від назви якого, вочевидь, походить прикметникова форма «Сурозький»; першу, до того ж непряму, згадку про це місто знаходимо у літописній розповіді про смерть володимиро-волинського князя Володимира Васильковича: серед тих, хто його оплакував, були «соурожьць»². По-друге, виглядає нелогічним, що море називали на честь міста, яке стоїть на березі іншого моря (Чорного).

Спробу дати відповідь на запитання, яке стоїть у заголовку, почнемо з пошуку згадок Сурозького моря у джерелах. Виявляється, що гідронім «Сурозьке» зустрічається один-єдиний раз — у літописній повісті про вбивство тверського і великого владимирського князя Михаїла Ярославича в Орді (за В.А. Кучкіним, повість укладена у 1319–20, збереглася у складі кількох літописів XV–XVI ст., найдавнішим з яких є *Софійський Літопис старшого ізводу*)³. Згідно з повістю, «дошедшу же ему [Михаїлу] в Орду місяца сентябрия въ 6 день на усть рѣкы Дону, идеже течеть в море Сурожеское»⁴. На перший погляд, з цієї фрази однозначно випливає, що Сурозьке море — це Азовське. Адже немає сумнівів, в яке море вливається Дон. Саме так і вирішив М.М. Карамзин — імовірно, перший з дослідників, який ототожнив Сурозьке море з Азовським. Він переказав відповідне місце літопису так: «Михаил нашел [хана] Узбека на берегу моря Сурожского, или Азовского, при устье Дона»⁵. У примітках дослідник зазначив: «море Азовское [...] называлось в старину Сурожским, от города Сурожа или Судака»⁶. Цікаво, що Карамзин також першим з'ясував, що Сурож руських джерел XIV–XVI ст. і Судак у Криму — це одне й те ж місто⁷. Проте він не побачив нічого дивного у тому, що «Сурож окремо, Сурозьке море окремо». На цю суперечність звернув увагу молодший сучасник Карамзина П.І. Кьоппен, який, коментуючи відповідні місця в *Истории государства Российского*, дав таке пояснення:

*Если же это так [Сурож = Судак], то Азовское море весьма несвойственно, и только по ошибке могло быть названо Сурожским; но эта ошибка дело не новое, ибо и самые Арабские писатели не раз принимали Азовское море за одно с морем Черным, которое они также называли Сурдацким (Судацким)*⁸.

Отже, Кьоппен запропонував спосіб розв'язання суперечності: Сурозьке море – це назва Чорного моря, на березі якого стоїть Сурож; у середньовіччі Азовське море часто розглядали як частину Чорного; назва «Сурозьке» має паралелі в арабських географів XIII–XV ст., які називали Чорне море Судацьким⁹.

Ф.К. Брун в *Материалах для истории Сугдеи* теж звернув увагу на те, що «Сурож лежал не при Азовском море, но при Черном», а також висловив думку, що під гирлом Дону автор повісті про вбивство Михаїла Ярославича мав на увазі Керченську протоку: «наши летописцы, подобно столь многим другим авторам, древним и средневековым, восточным и западным, считали этот пролив [Керченский. — Д.В.] за одно из устьев Дона.

Виходячи з цього, Брун помилково припустив, що зустріч князя Михаїла з ханом Узбеком відбулася не в донських степах, а в Криму¹⁰.

Вочевидь, на думки Кьоппена і Бруна спирався Костянтин Вернер — автор статті «Судакская долина» в *Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона*, де читаємо: «Торговое значение Судака (Сугдеи) было так велико, что и само Черное море называлось у арабских писателей Сурдацким, а у нас – Сурожским»¹¹. Зазначимо, що стаття «Азовское море» у тому ж виданні, перераховуючи назви Азовського моря, про Сурозьке море мовчить¹², але згадує про нього у додатку до статті, де сказано: «русское древнее название – Сурожское море».

Обізнана з працями дослідників XIX ст. Є.Ч. Скржинська в одній з приміток до *Подорожі до Тани* Йосафата Барбаро прокоментувала назву «Сурозьке море»:

*Полагаем, что здесь могла быть ошибка летописца и дело обстоит так: хан Узбек, к которому приехал князь Михаил Ярославич, стоял при устье Дона, впадающего в Азовское море, а Сурожским морем в Москве называли Черное море – по Сурожу, расположенному на черноморском берегу Крыма*¹³.

Приблизно в той самий час, коли Скржинська коментувала Барбаро, йшла робота над статтями до *Советской исторической энциклопедии*, яка стверджує:

*Сурожское море, Судакское море — одно из назв. Черного м. (иногда вместе с Азовским м.) от г. Судак (Согдак, Солдайя, др.-рус. форма Сурож). Название Судакское м. (араб. — Бахр Судак) употребляется мусульм. географами XIV–XV вв. (ад-Димашки, Аннувайри и др.). В рус. ист. источниках С. м. впервые встречается под 1319*¹⁴.

(Зауважимо, що в останній фразі замість слова «впервые» слід було написати «единственный раз». На жаль, стаття в *СИЭ* анонімна.)

Як впливає з двох цитованих вище текстів (наукового коментаря до історичного джерела та енциклопедії), опублікованих 1971 р., у 1960-ті роки фахівці не були схильні беззастережно ототожнювати Сурозьке море з Азовським. Але

паралельно існувала і менш кваліфікована думка, представлена в 1-му і 2-му виданнях *Большой советской энциклопедии*, *Енциклопедії українознавства*, *Радянській енциклопедії історії України*, *Топонімічному словнику-довіднику Української РСР*: Суразьке море – це давньоруська назва Азовського моря¹⁵. У 1970-ті роки ця думка стає панівною, про що свідчить 25-й том 3-го видання *Большой Советской энциклопедии* (1976 р.). Стаття в *БСЭ* являє собою дещо скорочений і відредагований варіант статті з *СИЭ*:

*Суразьское море, Судакское море, одно из названий Азовского моря (иногда вместе с Чёрным) от г. Судак (Сугдея, Солдайя, древнерусская форма Суразь). Название Судакское море (араб. — Бахр-Судак) употреблялось мусульманскими географами XIV–XV вв. В русских исторических источниках С. м. впервые встречается под 1319*¹⁶.

Отже, в *БСЭ* у порівнянні з *СИЭ* Азовське море помінялося роллю з Чорним і вийшло на перший план. У пізніших довідкових виданнях згадка про Чорне море взагалі зникає. Прикладами є *Енциклопедія історія України*, яка у статті «Азовське море» безапеляційно твердить, що слов'яни називали його Суразьким¹⁷, та *Большая российская энциклопедия*, згідно з якою Суразьке море — це давньоруська назва Азовського моря¹⁸.

Чому ж у літературі стала переважати думка про тотожність Суразького і Азовського морів? Здається, що серед причин цього була стійка історико-картографічна традиція, яку можна простежити майже з часів Карамзіна (який, нагадаємо, першим поставив знак рівняння між цими морями). Вже у 1829 р., через три роки після смерті історіографа, була опублікована перша частина *Атласа исторического, хронологического и географического Российского государства, составленного на основании истории Карамзина Иваном Ахметовым*. На восьми картах цього видання, присвяченим подіям VII — середини X ст., Азовське море позначено як Суразьке (цікаво, що з 2-ї половини X ст. Азовське море позначено вже своїм «справжнім» ім'ям)¹⁹. Завдяки наступникам і послідовникам Ахметова виник стереотип «Суразьке море = Азовське море», який продовжує панувати на сторінках історичних атласів до нашого часу²⁰.

Підсумуємо. 1. Немає свідчень, що у Київській Русі вживали назву «Суразьке море». 2. Суразьким морем у XIV ст. називали, скоріш за все, Чорне море або Чорне море разом з Азовським. 3. «Суразьке море», імовірно, є калькою з арабської назви «Бахр Судак»/«Судакське море».

1 Див., наприклад: *Енциклопедія українознавства. Загальна частина*. Т. 2. К., 1995 (репринтне відтворення видання 1949). Карта «Київська держава в X–XI ст.» на с. 413; *Советская историческая энциклопедия*. Т. 7. М., 1965. Карти до статті «Киевская Русь» (с. 219–220); *Радянська енциклопедія історії України*. Т. 2. К., 1970. Карта «Київська Русь» (вклейка на с. 361); *Україна. Історичний атлас. 6–7 клас*. К.: Мапа, 1998, 10–12, 14–17; *Атлас з історії України. 7 клас*. К.: ППТ, 2002, 6–10; *Tartarica: История татар и народов Евразии. Республика Татарстан вчера*

- и сегодня. Атлас. Казань, М., СПб., 2005. Карты «Хазарский каганат. IX век» (с. 188–189); «Степи Евразии. XI век» (с. 202–203); Карты «Степи Евразии. XII век» (с. 209–209); «Миграции населения на Руси. Конец X — начало XIII века» (с. 220–221), «Кочевой и оседлый мир Восточной Европы. VIII — середина XI века» (с. 236–237); *Энциклопедія історії України*. Т. 4. К., 2007. Карты до статті «Київська Русь» (с. 232, 235, 237, 241); *Національний атлас України*. К., 2008. Карты «Східні слов'яни та їхні сусіди доби утворення Київської Русі за літописними даними (VIII–X ст.)» (с. 62) і «Київська Русь X–XIII ст.» (с. 63).
- 2 ПСРЛ2: 920. Ми не враховуємо згадку Сурожа у «Слові о полку Ігоревім» — твори з сумнівного автентичністю.
 - 3 Кучкин В.А. *Повести о Михаиле Тверском (Историко-текстологическое исследование)*. М., 1974. Текст *Повісті* зберігся в таких літописах (в статтях 6826 або 6827 р.): *Софійському I* (ПСРЛ 6, 1: 383); *Новгородському IV* (ПСРЛ 4, 2: 475); *Типографському* (ПСРЛ 24: 109); *Московському летописному зводі* кінця XV ст. (ПСРЛ 25: 162); *Вологодсько-Пермському* (ПСРЛ 27: 101); *Никоновському* (ПСРЛ 10: 182); *Воскресенському* (ПСРЛ 7 192) літописах; *Тверському збірнику* (ПСРЛ 15: 412); *Львовському* літописі (ПСРЛ 20: 175). За сучасною хронологією Михайла стратили 22 листопада 1318 р. Зазначимо, що вже наприкінці XIV ст. руські джерела починають використовувати назву «Азовское (Озачьское) море», зафіксовану під 1389 р. в *Хождении Пимена в Царьград* (воно ж *Хождение Игнатия Смолянина*) (Прокофьев Н.И. Хождение Игнатия Смольнянина. Археографическое вступление и текст. *Литература Древней Руси: Сборник научных статей*. Вып. 2. М., 1978, 136–145)
 - 4 ПСРЛ 6, 1: 383.
 - 5 Карамзин Н.М. *История государства Российского*. Кн. I. Т. IV. М., 1988 (репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг.), 113.
 - 6 Карамзин Н.М. *История государства Российского*. Кн. II, прим. 32 к т. V. М., 1989, 13.
 - 7 Карамзин Н.М. *История государства Российского*. Кн. II, прим. 133 к т. V, 49.
 - 8 Кеппен П.И. Список укрепления и другим военным пунктам, находившимся в полуденной части Крыма, по обе стороны гор, между Феодосией и Севастополем. *Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических*. СПб., 1837, 101, 119–122
 - 9 Найранішу згадкою гідроніма «Судашьке море» («море Судака»), імовірно, містить праця Ібн Саїда ал-Магрібі *Книга поширення Землі у довжину і ширину*, створена у 1270–80-ті роки (Коновалова І.Г. *Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.* М., 2009, 30, 58). Про назви Чорного та Азовського морів у арабських географів XIII–XV ст. див.: D.M. Dunlop, “Baḥr Buntus,” *Encyclopédie de L'Islam*. vol. 1 (Leyden, Paris, 1960), 955; D.M. Dunlop, “Baḥr Māūtis,” *Encyclopédie de L'Islam*, vol. 1, 962; Коновалова І.Г. *Восточная Европа в сочинениях арабских географов*, 58, 86.
 - 10 Брун Ф. Матеріали для історії Сугден. Брун Ф. *Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877 г.)*. Ч. II. Одесса, 1880, 132. Брун не помітив, що згідно з літописною повістю, від гирла Дону ханська ставка рухалася на Кавказ. Смерть Михайла сталася «за рѣкою Теркомъ на рецѣ на Сѣньце подъ городомъ Тетяковымъ, минуше всѣ горы высокіе Ясьскыє и Черкасскыє, близъ Ворот Желѣзныхъ» (ПСРЛ 6, 1: 389). За В.Кучкіним, цей маршрут пов'язаний з тим, що Узбек восени 1318 р. йшов у похід на Арран у Закавказзі (Кучкин В.А. *Повести о Михаиле Тверском*, 231)
 - 11 К.В. [К.А.Вернер]. Судакская долина. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. 31-а. СПб., 1901, 902.
 - 12 Азовское море. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. I. СПб., 1890, 234–235.
 - 13 *Барбаро и Контарини о России*. Вступ. стаття, підготовка тексту, переклад і коментарій Е.Ч. Скржинской. Л., 1971, 164 (прим. 17).
 - 14 Сурожское море. *Советская историческая энциклопедия*. Т. 13. М., 1971, 965.
 - 15 Шокальський Ю., Баранський Н. Азовське море. *Большая советская энциклопедия*. Т. 1. М., 1929, 726; Азовське море. *Большая советская энциклопедия*. 2-е изд. Т. 1. М., 1949, 532; Озівське море. *Енциклопедія українознавства. Словникова частина*. Т. 5. Львів, 1996 (репринтне відтворення видання 1966), 1833; Сурозьке море. *Радянська енциклопедія історії України*. Т. 4. К., 1972, 235; Янко М.Т. *Топонімічний словник-довідник Української РСР*. К., 1973, 13 (стаття «Азовське море»).
 - 16 Сурожское море. *Большая советская энциклопедия*. Т. 25. М., 1976, 260–261.
 - 17 Маркова О.С. Азовське море. *Енциклопедія історії України*. Т. 1. К., 2003, 47.
 - 18 Заклинский Г.В., Лимонов А.Ф. Азовское море. *Большая российская энциклопедия*. Т. 1. М., 2005, 297.

- 19 Ахметов Иван. *Атлас исторический, хронологический и географический Российского государства, составленный на основании истории Карамзина Иваном Ахметовым*. Ч. 1. СПб., 1829 (карти на аркушах 15–22, оригінальна пагінація відсутня).
- 20 Див., наприклад: Павлицев Николай. *Исторический атлас России*. Варшава, 1845 (карта «Восточная Европа в половине IX века»); Добряков А. *Учебный атлас по русской истории для средних и низших заведений*. СПб., 1879 (Карта 1. Карта Восточной Европы в половине IX века. Карта Руси в удельное время (1054–1240); *Учебный атлас по русской истории*. Сост. и ред. Е.Замысловский. 3-е изд. СПб., 1887 (1. Карта Восточной и Средней Европы, 862–1054; 2. Карта Русской земли с половины XI в. до половины XIII в. (1240 г.); 3. Карта Русской земли в XIV в. и в первой половине XV в.); Торнау Н.Н. *Учебный атлас по русской истории*. 2-е изд. СПб., 1900 (Карта 1. «Восточная Европа около 862 г.»; Карта 4. «Русь в удельное время, 1054–1240 гг.»); Кудряшов К.В. *Русский исторический атлас*. М., Л., 1928 (Карти «Русские племена и торговые пути IX–X вв.» і «Русские области и торговые пути XI–XIII вв.»).

Дмитро Вортман

«Не хочу розути робичича»

Постать кийського князя Володимира Святославича виписана у літописних джерелах контрастними барвами. Йому, народженому у язичництві, уготовано бути на початку свого життєвого шляху великим грішником, а після хрещення — стати таким же великим праведником.

Витворюючи образ Володимира-язичника, *Повість временних літ* наділяє його рисами ненаситного женолюбця й ідолопоклонника. Цикл цих переказів відкривається, вміщеною у *ПВЛ* під 980 р. оповіддю про сватання Володимира Святославича до полоцької княжни Рогнідь (Рогніди). Володимир відправив своїх посланців до тамтешнього князя Рогволода з пропозицією пошлюбити його доньку:

посла ко Рогъволоду Полотьску ꙗко . хочю поати тѣчерь твою собѣ женѣ . внѣ же ре^ѣ тѣчери своєи . хочєши ли за Володимера . шно же ре^ѣ . не хочю розути робичича . но ꙗрополка хочю [...] Володимеръ же собра вои многи . Варлаги . и Словѣни . Чюдь и Кривичи . и поиде на Рогъволода . в се же время [хотаху] Рогънѣдь вести за ꙗрополка . и приде Володимеръ на Полотескъ . и оуби Рогъволода . и сѣна его два . и дѣчерь его поа женѣ¹

Цей літописний сюжет, як доводив О.О. Шахматов, є пізнішою вставкою, запозиченою із новгородського літописання². У більш цілісній і розширеній формі полоцький епізод зберігся у літописній статті 1128 р.:

Володимеру сущю Новѣгородѣ . дѣтску сущю . еше и погану . и бѣ оу него [оуи его] Добрына . воевода и храборъ и нараденъ мужь . "сѣ посла к Роговолоду . и проси оу него дщере [его] за Володимера . внѣ же ре^ѣ дщери своєи . хошеши ли за Володимера . шна же ре^ѣ не хочю розути робичича . но ꙗрополка хочю [...] слышавше же Володи-

мерь разгнѣвася ш тои рѣчи вже ре^и не хочю га за робичича . пожалиси Добрына и исполниса гарости . и поемше вои [и] идоша на Полтескъ . и побѣдиста Роговолода . Рогъволодъ же вбѣже в городъ . и приступивъше к городу и взаша городъ . и самого [кнѣза Роговолода] ѡша и жену ѯго . и дщерь ѯго . и Добрына поноси ѯму и дщери ѯго . нарекъ си робичича . и повелѣ Володимеру быти с нею . пре^а шѣмъ ея и мѣрю . пото^и шѣа ея оуби . а саму поа женѣ . и нарекоша еи има Горислава³

Наведені тексти більшість дослідників, зазвичай, залюбки цитують для підтвердження правдивості *низького* походження Володимира та для ілюстрації побутування в ті часи весільного обряду *роззування* нареченою свого майбутнього чоловіка. Ці забронзовілі постулати стали загальним місцем в історіографії. Між тим, як припустив О.П. Толочко, літописна атестація Володимира Святославича як «робичича» може бути побудована на співзвучності імен діда Володимира та євангельського персонажу на ймення Малх (Іо. XVIII, 10). Співзвучність цих імен і дала, на думку дослідника, «поштовх до розробки теми «підлого» походження хрестителя Русі»⁴.

Так само слід, очевидно, відмовитися від спроби «реалістичного» тлумачення гордовито-принизливої, на перший погляд, відмови Рогніди «роззути» нареченого. Вкладені літописцем в уста Рогніди слова про небажання «розути робичича» прийнято вважати елементом весільного обряду, який символізує владу чоловіка над жінкою. Проте, це єдина його згадка у давньоруських літописах, на якій і побудована думка про широке побутування цього обряду на Русі. У літописних джерелах більш пізнього часу та в актових матеріалах свідчень побутування цього обряду, як продемонструвала Н.Л. Пушкарьова, не відклалося⁵. Схоже на те, що літописець і в цьому випадку будує свою оповідь, орієнтуючись не на побутово-обрядову практику язичницьких слов'ян, а на біблійні зразки. В індоєвропейській культурній традиції *роззування* жінкою чоловіка несе в собі негативні конотації. Як нещодавно показав С.Ю. Темчин, на Русі були відомі біблійні настанови, якими регулювалися норми сімейного життя, зокрема, про довірство⁶. У відповідності до цієї старозаповітної заповіді, жінка роззуває брата свого померлого чоловіка, який відмовився одружитися з нею тільки для того аби принизити його:

А якщо той чоловік не схоче взяти своєї братової, то братова його вийде до брами до старших та й скаже: Дівер мій відмовився відновити своєму братові ім'я в Ізраїлі, не хотів повірувати мене. І покличуть його старші його міста, і промовлятимуть до нього, а він устане та й скаже: Не хочу взяти її, то підійде його братова до нього на очах старших, і здійме йому чобота з ноги його, і плоне в обличчя його, і заговорить, і скаже: Так робиться чоловікові, що не буде дому свого брата. І буде зване ім'я його в Ізраїлі: Дім роззутого (Втор. 25, 7–10).

Композиція нашого літописного переказу вибудована в такій історичній перспективі, у якій майстерно ущільнено долі обох братів Святославичів.

Їхнє суперництво (політичне й еротичне) має неминуче скінчитися загибеллю київського князя Ярополка, а його дружина — красуня-грекиня, так само як і гадана наречена Рогнідь, дістанеться меншому брату. На правах переможця, «Володимеръ же залеже жену братьню Грекиню», що вже носила під своїм серцем дитину. Аби надати цьому вчинку видимості прояву непогамовної еротичної пристрасті князя-язичника, літописець додає, що той «залеже ю . не по браку прелюбодѣи бы^ѣ оубо»⁷. Тут наш книжник лукавить, знаючи, що цей шлюб насправді, демонструє не притаманну великому грішнику хтивість, а реалізує ветхозавітну настанову: «Коли браття сидітимуть разом, і один із них помре, а сина в нього нема, то жінка померлого не вийде заміж назовні за чужого, дівер її прийде до неї та й візьме її собі за жінку, і подіверує її» (Втор. 25, 5).

Таким чином, літописна легенда про Володимира і Рогнідь не була «поетичним утвором»⁸ старокиївських книжників, що несе в собі ознаки поетичного оброблення взоровані, буцімто, на скандинавську літературну традицію⁹. Драматургія літописного сюжету, на мій погляд, розгортається з біблійного прототипу.

- 1 ПСРЛ 1: 75 — 76.
- 2 Шахматов А.А. *История русского летописания*. Т.1, Кн.1: *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб., 2002, 131, 177–178.
- 3 ПСРЛ 1: 299–300.
- 4 Толочко О. Штрих до походження Володимира Святославича. *Київська Старовина*, 1997, № 1–2, 113.
- 5 Пушкарева Н.Л. *Женщины Древней Руси*. М., 1989, 79.
- 6 Темчин С.Ю. Сын двух отцов: киевский князь Святополк как второй Каин. *Forma formans. Studi in honore di Boris Uspenskij* (Napoli, 2010), vol. 2, 177–186.
- 7 ПСРЛ 1: 78.
- 8 Грушевський М.С. *Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн.* Т.1: *До початку XI віка*. К., 1991, 481.
- 9 Див.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Два рассказа о Рогенедѣ, дочери Рогволода Полоцкого: К проблеме интерпретации летописного текста. *Раннесредневековый текст: Проблемы интерпретации*. Иваново, 2002, 299–325; Михеев С.Н. Легенда о Владимире и Рогнеде и скандинавская традиция (параллели с легендой о сыновьях Хейдрекка) *Именослов: История языка, история культуры*. СПб., 2010, 169–179.

Володимир Ричка

«Слышахомъ преже трехъ лѣтъ»

Под 1096 г. автор *Повести временных лет* вспоминает слышанное от новгородца Гюряты Роговича о северных народах («Се же хощю сказати ѿже слыша^ѣ пре^ѣ си^ѣ . д̄ . лѣ^ѣ . ѿже сказа ми Гюрата Роговичъ . Новгородецъ»)¹.

Это место летописи, как известно, стало для А.А. Шахматова основанием для предположения, что окончательная (третья) редакция *Повести* была

создана в 1118 г.: летописец якобы был на севере в 1114 г. и именно от этой даты следует отсчитывать «сии четыре года». Не всех исследователей убедили рассуждения Шахматова. В недавней статье («Сии четыре лета. Когда они наступили?»²) И.Н. Данилевский не только подводит итог столетней дискуссии вокруг этого предположения, но и предлагает совершенно удовлетворительную разгадку смысла сказанного автором *Повести*. Исследователь обратил внимание на имеющееся в том же сообщении указание также и на «три года»: «дивьно мы находихо^а чюдо . ѿгоже нѣ есмь слышали пре^жси^х лѣ^т . се же третее лѣ^т поча быти»³. Поскольку летописец в своем толковании эсхатологическоого предназначения северных народов опирался на *Откровение* Мефодия Патарского, отмечает И.Н. Данилевский, указание на «четыре года» имеет не биографический (для летописца), но символический смысл. Согласно Мефодию, выйдя из заточения, «нечистые» народы будут бесчинствовать в течение трех лет, после чего — в четвертое лето — наступит конец света⁴. Весьма сходное толкование имеется и у Ипполита Римского, указывающего на «три с половиной года»⁵.

Окончательный вывод И.Н. Данилевского таков:

*В таком контексте, на наш взгляд, упоминание «сих 4 лет» в пересказе разговора летописца с Гюрятой Роговичем практически полностью утрачивает значение аргумента, который может использоваться при установлении даты создания очередной редакции Повести временных лет, зато приобретает вполне ясный эсхатологический смысл.*⁶

Настоящая заметка посвящена иному аналогичному случаю, из киевского летописания XII в. Но прежде — несколько дополнительных аргументов в пользу мнения И.Н. Данилевского, по какой-то причине упущенных самим автором.

Немногие возражения А.А. Шахматову (например, Истрина, Мюллера, Тимберлейка), как справедливо отмечает И.Н. Данилевский, фокусировались на безупречной логике гипотезы Шахматова: побывав на севере в 1114 г. и вспоминая об этом в 1118 г., летописец почему-то решил дать хронологический расчет под 1096 г. Никто из исследователей не обратил внимания на то, что предложенному Шахматовым переводу фразы — «прежде сего за четыре года», «за четыре года до этого» — в славянском оригинале могут соответствовать различные варианты, среди которых летописный («преже сих 4-х лет») не самый очевидный. В оригинале, скорее, ожидалось бы *преже сих четырьми лѣты*, или же — *преже сих за четыри лѣта*.

А.А. Гиппиус первым печатно высказал недоумение по этому поводу:

Часто встречающееся в литературе прочтение «пре^жси^х .д. лѣ^т», опирающееся на чтение Ипатьевского (.д.-хъ лѣть⁷) и, особенно, Хлебниковского (.д.-хъ лѣть), синтаксически бессмысленно. Параллель к предлагаемому нами чтению этого

места представляет начало Сказания о Борисе и Глебе: «Се оубо бысть *малѣмъ* *преже сихъ*», т.е. незадолго до настоящего времени.⁸

Исследователь поэтому предложил конъектуру: *прежде сихъ 4-ми лѣты*, как, по его мнению, и читалось в оригинале. Можно было бы предложить и еще более убедительные параллели, причем, из летописи же. Например, *Ипат.* 1156: «бѣ бо имѣа велику любовь къ сѣѣи Бѣци и къ ѿцѣо Феодосью . дивно же видѣние сказа . *преже* своета болезни . *тремя днѣми* видѣ сонъ»⁹.

Конъектуру Гиппиуса можно было бы и принять. Но, вероятно, *преже сихъ* + тв.п. числительного (*четырьми*) и *преже сихъ* + р.п. числительного (*четырьхъ*) представляют собой конструкции, передающие сходный смысл. Если в первом случае *сихъ* означает «настоящее время» (и может быть истолковано в смысле, предложенном Шахматовым¹⁰), то во втором — местоимение *сии*. Подобные конструкции (без местоимения) известны и живым славянским языкам, ср. болг.: *преди две години*; чesk.: *před dvěma lety*; польск.: *przed dwu laty*; укр. (диал.): 3-перед двох років.

С выходом в свет VIII тома *Словаря древнерусского языка* А.А. Гиппиус отказался от предложенной конъектуры. В словаре учтен пример из *Жития Феодосия*: «*яко* *преже сихъ* .д̄. лѣт̄. видѣхомы и въ нашѣмъ градѣ ходѣаща», что точно соответствует нашему случаю¹¹. Ф. Миклошич приводит в своем словаре (из сербского *Патерика* XIV в.) весьма сходное: *прѣжде сихъ* *четырехъ днѣхъ*¹².

Таким образом, *преже сихъ* *четырьхъ лѣтъ* не нуждается в конъектуре и, действительно, означает «за четыре года до этого». Вопрос, следовательно, состоит в том, от какого года отсчитывать эти четыре года: от даты, под которой мы читаем сообщение (1096), как совершенно справедливо полагает Данилевский, или от воображаемой даты работы летописца (1118 г.), как думал Шахматов?

Аналогии склоняют в пользу первой возможности. Конструкцию подобного типа демонстрирует *ПВЛ* весьма близко к разбираемому здесь случаю под 1096 г. — в статье о перенесении мощей св. Феодосия под 1091 г.: «игумену бо преставшюса *преже* . ѿи . лѣт̄ . се сбыстьса»¹³. Действительно, св. Феодосий умер в 1074 г., за 18 лет (согласно «включающему» счету) до Яневой (1091 г.). Очень близко находим и в *Киево-Печерском патерике*: «И рече имь игумень: «О чада, намь не мощно вамь явити тѣх [Антония и Феодосия — А.Т.], *преже* бо 10 лѣт̄ отъидоша свѣта сего [...]»¹⁴.

Впрочем, как кажется, положительно решить дилемму может еще один случай подобной конструкции в летописании, прошедший мимо внимания исследователей.

В *Киевской летописи* под 1173/6681 г. читается рассказ о возглавленном Романом Ростиславичем походе на Новгород. Поход огромной коалиции князей оказался не особенно удачным: города взять не удалось, начался «морь

великъ въ конѣхъ и въ полкохъ», пришлось возвращаться, «и шдва дома своа . доѣхаша пѣши». ¹⁵ По этому случаю летописец вспомнил чудо, бывшее за три года до этого:

слышахомъ преже трѣи [Хлебн.: тре^х] лѣтъ . бывшее знамение в Новѣгородѣ всимъ людемъ выдашимъ . въ трѣхъ бо црквахъ Новгородскы^х . плакала . на трехъ иконахъ стаа Бца видѣвши бо Мти Биа пагубу ¹⁶.

Это сообщение, судя по всему, заимствовано в *Ипат.* из *Лавр.*, ¹⁷ где оно содержится под 1169/6678 г. и с хронологической точки зрения более верно:

слышахо^м бо пре^ж трии лѣ^т . бывшее знаменье Новѣгородѣ всѣ^м людемъ выдашимъ . в тре^х бо црквахъ Новгородскы^х . плакала на тре^х икона^х стаа Бца . провидѣвши бо мти Бжиа пагубу ¹⁸.

К сожалению, ни в *Ипат.*, ни в *Лавр.*, ни в *Новгородской первой* летописи никакого чуда с Богородичными иконами за три года до этих событий не отмечено. Но установить, что именно летописец имел ввиду, нетрудно. Смысл неудачного похода 1169/1170 гг. на Новгород, по мнению летописца, состоял в том, что бог наказал и смирил жителей Новгорода, но милостью своею (и заступничеством Богородицы) избавил сам город от погубления. За что же смирял господь новгородцев? За «преступление крѣтное . и за гордость ихъ», а также за то, что «злое невѣрствие в нихъ вкоренилоа . крѣтъ къ княземъ преступати и князѣ внукуы и правнукуы . шбеществовати . и соромлати . а крѣтъ чѣтныи к нимъ цѣловавши переступати» ¹⁹.

Это «преступление крестное» и унижение князей легко идентифицируется как события, происшедшие за три года до похода. Под 1167 г. *НПЛ* содержит хорошо известный рассказ о том, как князь Святослав Ростиславич совершенно неожиданно «вышел» из Новгорода на Луки, о его войне с новгородцами и о бурных событиях в самом Новгороде, последовавших за изгнанием князя. То, что именно этот эпизод имел в виду летописец, удостоверятся одной деталью происшедшего: сговариваясь против Святослава, «Новгородци же цѣловаша святую Богородицу, ркоша к собѣ, яко «не хоцемъ его» ²⁰. Можно предполагать, что это коллективное целование Богородичной иконы и дало толчок (среди несочувствующих заговорщикам людей) толкам, будто Богородица была опечалена и плакала.

Разумеется, в параллельном отчете *Ипат.* (под 1169 г.) события даны в совершенно иной окраске, и в ее рассказе находим те самые мотивы «неверствия», нарушения крестного целования и пренебрежения князьями, к которым апеллирует рассказ под 1173 г.:

Том же лѣ^т начаша Новгородци вѣче дѣяти в таинѣ по дворомъ . на кнза своего на Стослава на Йрославича ²¹ . и приѣхавше на Городище приятели его начаша повѣдати .

кнѣже дѣють людьє вѣче нощь . а хотать та ѡти . а промышляли ѡ собѣ . кнѣзь же испытавъ
извѣсто . ѡ собѣ и ѡ нихъ . ѡви дружинѣ свои . и рѣша ему дружина . а топерво суть
к тобѣ хрѣтъ целовали вси по ѡтни смрѣти но ѡбаче невѣрни суть всегда . ко всимъ
кнѣземъ . а промышлаимы ѡ собѣ . али начнуть ѡ насъ людие промышлати²²

Итак, летописец слышал о чуде с иконами не за три года до того, как завершил свою летопись, но *преже трех лѣтъ* (за три года) до описываемых в статье 1173 г. событий. Вероятно, во всех аналогичных случаях подобные отсылки делаются внутри повествовательного времени, а не в реальном времени жизни и работы летописца. В самом деле, поскольку момент написания того или иного фрагмента летописи читателю неизвестен, ссылка, отталкивающаяся от него, была бы бессмысленна. Следственно, три ли, четыре ли года нужно отсчитывать назад от года, под которым сделана отсылка.

- 1 ПСРЛ 1: 234; ПСРЛ 2: 224.
- 2 Данилевский И. Сии четыре лета. Когда они наступили? *Ruthenica* IX (2010), 7–16.
- 3 ПСРЛ 1: 235; ПСРЛ 2: 225.
- 4 Данилевский И. Сии четыре лета. Когда они наступили?, 14.
- 5 Данилевский И. Сии четыре лета. Когда они наступили?, 14.
- 6 Данилевский И. Сии четыре лета. Когда они наступили?, 15–16.
- 7 Вероятно, опечатка — в *Ипат*. «преже сихъ .д. лѣтъ».
- 8 Гиппиус А.А. К проблеме редакций Повести временных лет. I. *Славяноведение*. 2007, № 5, 32 и прим. 11
- 9 ПСРЛ 2: 483.
- 10 Как, например, фраза из *Паломника* Добрыни Ядрейковича: «се же отъ сего 10 лѣтъ явившия отъ земля плотию» (Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского в 1200 году. *Православный Палестинский сборник*. Т. 17, вып. 3. СПб., 1899, 28).
- 11 *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. 8. М., 2008, 136.
- 12 Franz von Miklosich, *Lexicon paleoslovenico-graeco-latinum. Emendatum auctum. 2 Neudruck der Ausgabe Wien 1862–65* (Aalen, 1972), 728.
- 13 ПСРЛ 2: 203. Похоже, позднейшие копиисты испытывали дискомфорт и пытались осмыслить фразу по-своему. Ср. чтение *Лавр.*: «игумену же бо преставльшюса преже . ѡ . ѡи . лѣ⁵» (ПСРЛ 1: 212), что можно раскрыть как *преже о осьмнадцати лѣтахъ*; ср. также чтение *Радз.* в статье 1169 г.: «слышахо^а бо пре^ж третьє лѣ⁵» (ПСРЛ 1: 361, вар. 32).
- 14 Абрамович Д.И. *Киѡво-Печерскій патерик. Вступ, текст, примѣтки*. К., 1930. Здесь также очевидна отсылка к почти одновременной смерти св. Антония и Феодосия за десять лет до прихода мастеров.
- 15 ПСРЛ 2: 560.
- 16 ПСРЛ 2: 561.
- 17 Обоснование гипотезы о возможной первичности текста *Лавр.* за XII в. см.: Вилкул Т.Л. «О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. Предварительные заметки», *Palaeoslavica* 13/1 (2005), 21–80.
- 18 ПСРЛ 1: 361. О хронологии этих сообщений см.: Бережков Н.Г. *Хронология русского летописания*. М., 1963, 68, 159 (конец 1169 — начало 1170 гг.)
- 19 ПСРЛ 2: 561.
- 20 *НПЛ*, 32, 219.
- 21 Ошибочно вместо Святослав Ростиславич.
- 22 ПСРЛ 2: 537. Аналогичного сообщения в *Лавр.* нет.

Алексей Толочко

Печати черниговского епископа Антония Гречина

До недавнего времени печатями черниговского епископа Антония Гречина считались только два анонимных моливдовула с изображением Богоматери и св. Антония, происходящие из Белоозера и Смоленска¹.

Целью настоящей заметки является публикация двух именных печатей этого епископа, хранящихся в частной коллекции².

Экземпляр «а»

Размер — 21 × 23 мм, толщина — 4 мм, размер оттиска матрицы — 19 мм, вес — 11,3 г.

Л.с. Заключённое в точечный ободок изображение сидящего на престоле Христа с точечным нимбом, с правой согнутой в жесте благословения рукой, в левой руке держащего кодекс. Слева от головы заметны нечёткие изображения монограммы ІС.

О.с. Заключённая в точечный ободок греческая надпись в пять строк:

+ΑΝΤΩ
ΝΙΟΝΣΚΕ
ΠΕΙΣΜΕΣΗΡ
ΜΟΥΤΖΕΡ
ΝΙΓΟΒΟΥ

Ἀντόνιον σκέλεις με Σ(ω)τήρ μου Τζερνιγόβου
«Спаситель мой, защитай меня, Антония Черниговского»

Печать найдена в одном из населённых пунктов Менского района Черниговской области.

Экземпляр «б»

Размер — 21 × 22 мм, толщина — 35 мм, вес — 10,3 г.

Л.с. Заключённое в точечный ободок изображение сидящего на престоле Христа с точечным нимбом, с правой согнутой в жесте благословения рукой, в левой руке держащего кодекс. Слева от головы заметны нечёткие изображения монограммы IC. Поверхность стороны имеет следы потёртости и механических повреждений. Канал тесьмы для подвешивания проходит вертикально по отношению к изображению на лицевой стороне.

О.с. Поверхность стороны корродирована и частично испорчена проходящим наискось по отношению к строкам надписи каналом тесьмы для подвешивания. Заключённая в точечный ободок греческая надпись в пять строк:

... ΤΩ
 ΝΙΟΝΣΚ...
 ΠΕΙΣΜΕΣΗΡ
 Μ... ΥΤΖΕΡ
 ... ΓΟΒΟΥ

[Αν]τόνιον σκ[έ]πτεις με Σ(ωτ)ήρ μου Τζερνιγόβου.
 «Спаситель мой, защищай меня, Антония Черниговского».

Печать найдена в г. Путивль Сумской обл.

Для правильной датировки печати важны несколько моментов — иконография, палеография и данные письменных источников.

Иконография сидящего на престоле Христа известна на византийских печатях, датируемых XI–XII вв.³ Близкое по типу изображение трона можно видеть на печатях константинопольских патриархов Козьмы I (1075–1081), Иоанна Ксифилиноса (1064–1075), Евстратия Гариды (1081–1084), Николая III Грамматика (1084–1111) и Льва (1134–1143)⁴.

Эпитет Христа ὁ Σωτήρ — «Спаситель», также встречается на печатях этого времени⁵. Однако наиболее существенным датирующим признаком надписи является форма ипсилона, которая появляется в надписях некоторых византийских печатей не ранее XII в.⁶ Кроме этого, есть два признака, которые указывают на то, что резчиком был местный мастер, — ошибочная передача *σκέπεις με* вместо *σκέποις με*⁷. Другим признаком является литера «В» характерная более для кириллических надписей, нежели греческих.

В ходе моего обсуждения особенностей текста этой надписи с Вернером Зайбтом (Вена), им был высказан следующий комментарий. Случай ошибочного написания *σκέπεις* известны и объясняются одинаковым произношением «скепис». Очертания «беты» действительно «инспирированы кириллицей». Текст представляет собой 14-сложный ямбический стих, делящийся цезурой на два равных полустишия⁸, однако он, по мнению Зайбта, является более прозаичным, нежели метрическим. Предположение о руке местного мастера вполне возможно⁹. Что касается упомянутого названия Чернигова, то оно впервые встречается на печатях. Форма его близка названию города, зафиксированного в списке епархий конца XII в.¹⁰

Таким образом, XII в. является наиболее вероятной датировкой печатей. Круг исторических лиц, с которыми можно их связать, ограничен единственным кандидатом — черниговским епископом Антонием, упомянутым дважды в *Лаврентьевской* летописи и всего единожды в *Ипатьевской*.

Первое упоминание Антония в летописи относится к 1159 г. и связано с известным эпизодом (уже становившимся предметом специального рассмотрения¹¹) необычной смерти киевского митрополита Константина. Именно Антоний передал окружающим и затем исполнил последнюю волю митрополита: «по ѹмерьтвии мое^м не погребешь тѣла моего . но ѹжемь поверзше за нозѣ мои . извлечѣте ма из града . и поверзѣте ма псомъ . на расхытанье»¹².

Ипатьевская летопись упоминает Антония в связи со смертью черниговского князя Святослава Ольговича в 1164 г. Тогда Антоний был принуждён дать княгине и ее ближайшему окружению клятву в том, что сохранит в тайне смерти князя до приезда его сына Олега. Однако Антоний клятву нарушил, сообщив о случившемся Святославу Всеволодовичу, ставшему в результате черниговским князем. Этот поступок дал основание летописцу назвать Антония лицемерным: «се же молваше имъ льсть таа в собѣ . баше . бо родо^м Грѣчинь»¹³.

Ещё раз Антоний упоминается в *Лаврентьевской* летописи в связи с походом войска Андрея Боголюбского на Киев в 1169 г. Причины похода, как и его губительные последствия, летописец объясняет «митрополичьей неправдой», несправедливым отношением Мстислава Изяславича к игумену Печерского монастыря Поликарпу, выступавшему за строгость соблюдения князем однопостных постов в среду и пятницу: «не вела юму ѣсти масла ни молока . въ среды . и в паткы . въ Г^сдъскыѣ празьдникы». Помощником Поликарпу в

этом деле назван Антоний, который, будучи Черниговским епископом, принял такую же позицию по отношению к князю Святославу, за что и был изгнан с епископской кафедры¹⁴.

Собственно, этими данными об Антонии Гречине мы вынуждены были бы ограничиться, если бы не недавняя статья П.П. Толочко¹⁵. В этой работе исследователь обосновывает источник заимствования летописных описаний смертей князя Игоря Ольговича и митрополита Константина. По его мнению, бегство Константина в Чернигов было не случайным. Здесь в это время образовалась оппозиционная к Киеву среда, состоящая из греков, где не последнюю роль играл местный епископ Антоний. Именно по его указанию, по мнению П.П. Толочко, могли быть созданы «жития» Игоря и Константина, смоделированные на основании греческой пространной редакции *Жития херсонских святых*.

Не останавливаясь подробно на идее о «греческой среде» в Чернигове в это и более раннее время, отметим, что она имеет определенное подтверждение в опубликованном В. Булгаковой,¹⁶ а также в готовящемся к публикации автором этих строк византийском сфрагистическом материале. Важным представляется тот факт, что, судя и по палеографическим особенностям печатей Антония, в этой среде явно имелись люди, знакомые как с греческим, так и славянским письмом. Изготовленные для Антония, эти печати свидетельствуют о существовании в окружении черниговского епископа двуязычной интеллектуальной среды, что в свою очередь указывает на реальные возможности создания этих текстов по инициативе Антония.

- 1 Янин В.Л., Гайдуков П.Г. *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* Т. III. *Печати зарегистрированные в 1979–1996 гг.* М., 1998, 58, № 311а–1–2.
- 2 Автор признателен А.Е. Шереметьеву за предоставленную возможность осмотреть и опубликовать оба экземпляра.
- 3 Например, G. Zacos and J. Nesbitt, *Byzantine Lead Seals*, II (Berne, 1984), no 552.
- 4 J. Nesbitt, *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*, vol. 6: *Emperors, Patriarchs of Constantinople, Addenda* (Washington, 2009), no 118–121.
- 5 J. Nesbitt and N. Oikonomides, *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*, vol. 3: *West, Northwest, and Central Asia Minor and the Orient* (Washington, 1996), no 53.4 (митрополит г. Кизика); J. Nesbitt and N. Oikonomides, *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*, vol. 2: *South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor* (Washington, 1994), no 9.2; G. Zacos and J. Nesbitt, *Byzantine Lead Seals*, no 784 (печать проэдра монастыря Ксенофон); V. Laurent, *Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin*, vol. 2: *L'église de Constantinople* (Paris, 1965), no 1226.
- 6 N. Oikonomides, *A Collection of Dated Byzantine Lead Seals* (Washington, 1986), 163; R. Feind, *Byzantinische Siegelkunde. Eine Einführung in die Sigillographie von Byzanz*. Münzen & Sammeln, 194 Taf. 1.
- 7 А.-К. Wassiliou-Seibt, *Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden*. Teil 1. *Einleitung, Siegellegenden von Alpha bis inklusive My* (Wien, 2011), no 4, 5, 22–32, 70, 105, 130 и дальше.
- 8 Автор признателен Д. А. Афиногенову (Москва) за дополнительную консультацию по этому вопросу.
- 9 Письмо В. Зайбта от 12.10.2011 г.
- 10 Бибииков М.В. *Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси*. М., 2004, 719.
- 11 Толочко О. Смерть митрополита Константина. До розуміння давньоруської моделі святості. *Mediaevalia Ucrainica* 2 (1993), 30–48; Литвина А., Успенский Ф. Что стоит за отказом митро-

- полита Константина от христианского погребения в 1159 г.? *Ruthenica* 8 (2009), 9–31; Толочко П. «Емше, влачаху поверзше ужи за ноги». *Ruthenica* 9 (2010), 17–22.
- 12 *ПСРЛ* 1: 349.
- 13 *ПСРЛ* 2: 523.
- 14 *ПСРЛ* 1: 354. Согласно 69 правилу Святых Апостолов несоблюдение поста духовными лицами влекло за собой низвержение из сана, а светскими — отлучением от церкви, ср.: *Правила Святых Апостолов с толкованиями*. М., 1876, 139–141.
- 15 Толочко П.П. «Емше, влачаху поверзше ужи за ноги», 17–22.
- 16 Bulgakova V. *Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa. Die Funde auf dem Territorium Atrusslands* (Wiesbaden, 2004), Kat. Nr. 1.2.10, 1.3.5, 1.6.6, 1.7.15.

Фёдор Андрощук

О происхождении недостоверной даты основания Городца-на-Волге

В современной историографии Древней Руси бесспорен тезис, согласно которому эпоха раздробленности, кроме пагубных последствий, имела и позитивные характеристики. К ним относится возникновение ряда новых городов, в том числе на северо-востоке Руси¹.

Одним из них был Городец, построенный в отрыве от ростово-суздальских земель на левом берегу Волги.

Существующие в историографии мнения о времени его возникновения суммарно можно представить следующим образом. Впервые Городец упомянут в летописях зимой 1171/1172 г. в связи с походом Мстислава Андреевича (сына Андрея Боголюбского) на волжских болгар². Следовательно, город возник до начала 1170-х гг. Точное время этого события неизвестно, а потому оно «вычисляется», исходя из двух критериев. Первый — это контекст градостроительной деятельности Юрия Долгорукого. Города, возникшие во время краткосрочных пребываний князя в Северо-Восточной Руси, стали средством укрепления центра и запада княжества. Городец восточной окраины не попадает в этот ряд. Поэтому дату его основания необходимо искать позднее 1157 г., в правление Андрея Боголюбского. О восточной политике князя свидетельствует поход 1164 г. на болгар, когда был взят город Бряхимов. После этого года и должен был возникнуть Городец.

В современной нижегородской краеведческой литературе и в популярных энциклопедических изданиях бытует мнение, будто Городец был основан в 1152 г., т.е. во время правления Юрия Долгорукого. Еще А.Е. Пресняков указал на источник этой даты — труд В.Н. Татищева.

В *Истории Российской* ее автор так представил градостроительную деятельность Юрия Долгорукого в 1152 г.:

Первая редакция

Великий князь Юрий Владимирович (Долгорукий), пришел в Суздаль... заложил в отчине своей грады Юриев в Поле, Переяславль у Ключина (Клешнина) озера, Володимер на Клязьме и другия многия города теми же имяны, иж в Руси суть, хотя тем утолити печаль свою³.

Вторая редакция

... Юрий Владимирович Долгорукий, пришел в Суздаль..., основал престол в Белой Руси... Потом зачал строить во области своей многы грады: Юриев в поле, Переяславль у Ключина озера, Владимир на Клязьме, Кострому, Ярославль и другие многы грады теми же имяны, как в Руси суть, хотя тем утолить печаль свою...⁴.

Татищев снабдил сообщение примечанием (325 в первой редакции, 458 во второй), введя его перед словами «теми же имяны»:

Примечание 325

О построении Юрием Володимеровичем в Белой Руси в сие время городов разные гисторики разню пишут... В Новгородской: «Юрий, вспомяная города просто руские, иже быша владения его и отъяты Изяславом построил Юриев в Поле и другие грады»... В Степенных же и Никоновском неправильно написано, якобы Володимер на Клязьме Владимиром Великим построен... Города же имянами бывших тогда коло Киева в Белой Руси находятся: Вышгород, давно запустел, Володимер, Галич, Городец, Добрянск запустел, Дорогобуж, Звенигород, Перемышль, Ростиславль (запустел), Стародуб, ныне волость Стародубская, Углич, Юрьев, Юрьеvec, Ярославль и пр. Из сих, видно, многие тогда построены и при нем, а другие по случаям после стали упоминаться⁵.

Примечание 458

О построении Юрием в Белой Руси в сие время городов выше упомянул, что многие построил, но которые точно, о том историки не равно написали. И хотя точно имян всех не упомянуто, но по обстоятельствам и случаям от сего времени вновь построенные един по другом упоминаемы. В Новгородской летописи написано: «Юрия, вспомяная города просто руские, иже быша владения его и отъяты Изяславом построил Юриев в Поле и другие грады теми же имяны». По сему можно мнить, что города имянами бывших тогда около Киева в Белой Руси находится Владимир, о котором хотя в Степенной написано, якобы построен при Володимири Первом...; Вышград, давно запустел, Галич, Городец; Добрянск запустел; Дорогобуж, Звенигород, Перемышль, Ростиславль; Стародуб, ныне село Городище Троицкаго монастыря на реке Клязьме и волость Стародубская; Углич, Юриев, Юрьеvec, Ярославль и прочая. Из сих, видно, многие тогда построены и при нем, а другие по случаям после стали упоминаться⁶.

В примечаниях с разной степенью полноты Татищевым приведена цитата из «Новгородской летописи». Этот памятник идентифицируется с *Академическим* списком *Новгородской первой летописи (НПЛ)*⁷. Однако сообщения, как его представил Татищев, в тексте *НПЛ* нет. Нет его и в других летописях. В *Никоновской* летописи (бывшей в распоряжении Татищева) под 1152 г. есть известие, смысл которого таков: Юрий, вернувшись на свое великое княжение в Суздаль, многие церкви создал — Бориса и Глеба на Нерли, град Юрьев в свое имя заложил («нарицаемый Полский») и церковь Георгия в нем создал, во Владимире церковь Георгия создал, Переяславль от Клещина перенес и церковь Спаса нем поставил, такую же церковь возвел в Суздале⁸. Похожее сообщение читается в *Степенной книге*⁹. В примечаниях Татищев указал

источник информации о постройке Юрием Долгоруким городов с теми же названиями, что и в Южной Руси. Поскольку в нем не содержалось сведения о том, что изгнанный из Южной Руси князь психологически компенсировал свою тоску возведением одноименных городов, Татищев приписал его «Новгородской летописи».

Следующим шагом историка стало наращивание летописного списка основанных Юрием городов — Юрьева и Переяславля — Владимиром. Татищев оспорил версию о том, будто город был возведен в конце X в., и предложил на роль основателя города Юрия Долгорукого¹⁰. Во второй редакции Татищев произвольно расширяет «многы города» за счет Костромы и Ярославля.

Затем Татищев интригует читателя указанием на многие другие грады, заложенные Юрием Долгоруким, и отсылкой к примечанию. В нем и дается «цитата» из «Новгородской летописи». Важно, что в примечании первой редакции эта «цитата» оканчивается указанием на другие грады, построенные князем, а в примечании второй редакции к этому указанию добавлено, что грады были с «теми же имяны». В первой редакции эта фраза читается ниже отрывка из «Новгородской летописи», а потому ее надо считать добавлением Татищева. Во второй редакции он ее ввел внутрь «известия». Сделано это было для того, чтобы более удостоверить прилагаемый историком, и им же составленный, список городов, якобы основанных Юрием Долгоруким. Среди них читается и Городец.

В XIX в. С.М. Соловьев и В.О. Ключевский с полным доверием отнесли к «сведениям», читаемым в основном тексте и примечании второй редакции *Истории Российской*. А.Е. Пресняков критиковал выводы С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, упоминавших среди городов построенных Долгоруким, и Городец: В.Н. Татищев

...только указывает в пояснении своего упоминания о построении Юрием многих городов «в Белой Руси», что «которые точно, о том историки (т.е. летописцы) не равно написали, и хотя точно имен всех не упомянуто, но по обстоятельствам и случаям от сего времени вновь построенные один по другом упоминаемы». Татищев счел «вновь построенными» города, которые ранее не упоминались в летописях, а тут, в рассказе о Юрии и его преемниках, стали упоминаться «по обстоятельствам и случаям»; для тех же городов Суздальской Руси, которые названы по старинным южнорусским источникам, Татищев нашел основание приписать их построение Юрию в словах своей «Новгородской» летописи, которые он так передает: «Юрий, вспоминая города проты Русские, иже быша владение его и отъяти Изяславом, построил Юрьев в поле и другие грады теми же имяны», с пояснением: «по сему можно мнить, что именами бывших тогда около Киева».

В ссылке Пресняков разобрал примечание 458 из труда Татищева в связи с критикой построений С.М. Соловьева и В.О. Ключевского о градостроительной деятельности Юрия Долгорукого в 1152 г. Исследователь сократил

список городов, читаемый у Татищева, до тех четырех, что, так или иначе, упоминаются в летописях под 1152 г. Городца в их числе нет¹¹. Это наблюдение игнорируется в различных краеведческих изысканиях, где авторитет С.М. Соловьева и В.О. Ключевского крайне высок. Так крупные русские историки до сих пор служат пропагандистами недостоверной информации В.Н. Татищева об основании Городца в 1152 г. Вот один из любимых нижегородскими краеведами, утверждающими 1152 год как дату основания Городца, пассажей В.О. Ключевского:

Татищев... говорит, что с княжения Юрия Долгорукого в своих источниках, теперь исчезнувших, он начал встречать целый ряд других новых городов в Северной Руси... Городец на Волге, Кострома, Стародуб на Клязьме, Галич, Звенигород, Вышгород... и др.¹²

Сам Татищев все-таки полной ясности по вопросу о времени основания Городца на Волге не имел. Интересны в этом смысле примечания к рассказу о смерти Михалка Всеволодовича в Городце:

Первая редакция

374. Городец есть село на Волге в Балахонском уезде, а другое есть в Нижегородском. Но сие тогда построено не было, понеже за Окою владение было мордовских князей, и Нижняго тогда еще не было. Паче же мно, Юрьев на Волге Городцем именуется, понеже и в Малой Руси бывшей Юрьев иногда просто, иногда с приложением реки Остри Городец именован¹³.

Вторая редакция

521. Городец ныне село на Волге близ Балахны. Но понеже не видно, чтоб тогда владение русское так далеко простиралось, то мно, Юрьевец Городцом именован, как и в Малой Руси Городец и Юрьевец один был¹⁴.

Внимание на эти тексты обращали ранее в связи с критикой версии В.Н. Татищева о предшественнике Нижнего Новгорода¹⁵. Относительно истории Городца они не рассматривались. Во второй редакции Татищев отказался от Городца в Нижегородском уезде, поскольку он, видимо, имел лишь неопределенные сведения об этом неизвестном науке населенном пункте. Городцу же на Волге Татищев отказывает в существовании в 1170-е гг. и отождествляет его с Юрьевцем, хотя в примечаниях к сообщению 1152 г. Юрьевец и Городец обозначены как разные города. Отказ Татищева от признания существования Городца во второй половине 1170-х гг. был сознательным и оказал влияние на предшествующее его изложение. Первое упоминание Городца в связи с походом на болгар в 1171/1172 г. в *Никоновской* и *Воскресенской* летописях¹⁶, которыми, судя по стилистике и организации материала, пользовался Татищев при подаче этого события, было им опущено¹⁷.

Все указанные источниковые и историографические обстоятельства прямо или косвенно свидетельствуют против догадки В.Н. Татищева об основании Городца, как и еще ряда городов, в 1152 г. Она не согласуется и с первыми летописными упоминаниями Городца в 1170-х гг.

- 1 Градообразование в связи с политическими процессами и историей в Залесской земле изучалось А.Н. Насоновым, В.А. Кучкиным и др., см.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2006; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984; Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII — первая треть XIII в.). Нижний Новгород, 2003.
- 2 ПСРЛ 1: 364; ПСРЛ 2: 565.
- 3 Татищев В.Н. История Российская. Т. 4. М., 1964, 242.
- 4 Татищев В.Н. История Российская. Т. 3. М., 1963, 44.
- 5 Татищев В.Н. История Российская. Т. 4, 442.
- 6 Татищев В.Н. История Российская. Т. 3, 241.
- 7 Насонов А.Н. Предисловие. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950, 10; Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001, 41; Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., К., 2005, 57; Свердлов М.Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009, 68–69.
- 8 ПСРЛ 9: 196–197.
- 9 Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. Т. 1. М., 2007, 415.
- 10 Ныне наиболее вероятной полагают основание Владимира-на-Клязьме Владимиром Мономахом в 1108 г., см.: Насонов А.Н. «Русская земля» образование территории Древнерусского государства, 165; Кучкин В.А. Формирование государственной территории, 72–73; Карпов А.Ю. Юрий Долгорукий. М., 2006, 44, 375; Кузнецов А.А. К изучению летописных дат основания Владимира-на-Клязьме. Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1, 3–14.
- 11 Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М., 1998, 37–38, 324 (прим. 49).
- 12 Ключевский В.О. Русская история. Кн. 1. М., 1993, 255–256.
- 13 Татищев В.Н. История Российская. Т. 4, 450–451.
- 14 Татищев В.Н. История Российская. Т. 3, 250.
- 15 Кузнецов А.А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Преломление источников в историографии. Нижний Новгород, 2006, 380.
- 16 ПСРЛ 9: 247; ПСРЛ 7: 88.
- 17 Татищев В.Н. История Российская. Т. 3, 97; Т. 4, 280.

Андрей Кузнецов

Искуп

Термин *искоупь* (еще *окупь*, *откупь*) неоднократно встречается на страницах русских летописей при описании военных действий. Во всех случаях обозначает плату за военную помощь или освобождение захваченных противной стороной знатных пленников.

Впервые обозначенное им явление описано в *Повести временных лет* в статье 980 г., рассказывающей об овладении Киевом Владимиром Святославичем. Помогавшие ему варяги потребовали за это у князя вознаграждение: «се гра^ѣ наш и мы приахо^м и . да хоше^м имати ѿкупъ на ни^х . по . в̄ . гривнѣ ѿ члѣвк^а»¹.

Судя по реакции Владимира, речь шла о сумме неподъемной для жителей Киева. Он не отказал варягам, но предложил подождать пока «куны сберу^т

за мѣць». Оказалось, однако, что и по истечении названного срока варяги просимых денег не получили. Не исключено, что с некоторыми из них Владимир рассчитался посадничьими должностями: «изъбра ѿ нихъ мужа добры и смыслены и храбры . и раздаа имъ грады»². Остальные были спроважены «въ Грѣкы», определенно, в счет того же откупа.

Как явствует из летописи, практика *искупов* приобрела особое распространение во время обострения русско-половецких отношений. Причем, прибегали к ней как русские, так и половцы.

В статье 1165 г. *Ипатьевской* летописи сообщается о победе Василька Ярополчича, внука великого киевского князя Изяслава Мстиславича над половцами:

Том же лѣтѣ Василко Ярополчичъ изби Половци на Руси . много же ихъ руками изоима . и вбатиша³ . дружина его . шружьемъ и кони . и самъ искупа много има на нихъ³ .

Из приведенного сообщения следует, что *искуп* за отпущенных пленников не распределялся на всю дружину; в этом случае пленные, в отличие от других трофеев, были сочтены личным достоянием князя.

Вообще, для последующего выкупа очень важно, кто именно взял в плен. Поэтому летописи подчас с протокольной аккуратностью отмечают это обстоятельство, как, например, в известном эпизоде похода Игоря Святославича 1185 г.:

Игора же бахоуть ѿли Тарголове моужь . именовъ . Чилбоукъ . а Всеволода брата его . аль Романъ . Кзичъ . а Стослава Улговича . Еддечюкъ въ Вобоурцевичехъ . а Володимера . Копти в Оулашевичихъ . тогда же на польчи Кончакъ пороучиса . по свата Игоря⁴ .

Можно думать, что с практикой выкупа связана и частая осведомленность летописцев о поименном списке плененных бояр. Вот только один пример. Захватив в 1146 г. Киев, Изяслав Мстиславич получил выкуп от плененных бояр Игоря Ольговича:

и бояры многы изоимаша . Данила Великаго . и Гюрга Прокопъча . Ивора Гюргеви⁴ . Мирослава . вноука . и инѣ⁵ изоимаша много в городѣ Киевѣ . и тако тѣхъ на искоупѣ поустиша⁵ .

Еще определеннее об праве князя на знатных пленников сказано в летописной статье 1190 г., сообщающей о победе над половцами торческого князя Ростислава, сына Рюрика Киевского:

поскочиша стрѣлци же Рускыи . и Чернии Клобуци . въвертѣша⁵ в на . и таша ихъ живыхъ . х . а иныхъ избиша . много же ѿли баху Чернии Клобуци . Половецкаго

кнѣза Кобана . но блѹдучисѧ кнѣза Ростислава не вода его в полкъ . оуладившесѧ с нимъ . на ѧскупъ . и пустиша и⁶.

Содержательно близкая ситуация имела место в 1167 г. с пленением половцами киевского воеводы Шварна. Он также, по-видимому, не был уведен в половецкие становища, но отпущен за определенную плату:

Том же лѣтѣ ѧша Половци Шварна за Переяславлемъ . а дружину его избиша и взаша на немъ искупа множество⁷.

Имели место также и случаи увода знатных пленников в Русь или Половецкую землю, но происходило это тогда, когда обстоятельства не позволяли произвести немедленный расчет. Так, в частности, было с пленением великого киевского князя Владимира Рюриковича в 1235 г. Половцы забрали его в свою землю и только затем, получив *искуп*, отпустили на Русь:

Прѣше^а кнѣзъ Изяславъ Мстиславичъ с Половци . а Михаилъ кнѣзъ с Черниговци . снѣ Всеволожь . и взаша Києвъ . ∴ И князь Володимерь Рюриковичъ кнаживъ тѣ . т . лѣтѣ . и имше Половци его сведоша в землю свою . и ѿтолѣ взаша искѹпъ на немъ . и ѿпустиша в Русь⁸.

Практика *искупа* имела распространение также и в отношениях между рускими князьями. Причем, содержательно не отличалась от той, которая сложилась между Русью и половцами. Князья, борясь за лучшие волости и столы, нередко прибегали к захвату заложников, с тем, чтобы затем получить за них денежный выкуп.

С первым таким примером встречаемся в летописной статье 1159 г., рассказывающей о конфликте черниговских князей Изяслава Давыдовича и Святослава Ольговича. Узнав о захвате Изяславом Давыдовичем, лишенным киевского стола, Вятичской волости, Святослав Ольгович решил отыгаться на его сторонниках-боярах, имения которых находились в Черниговской земле. Как записал летописец, он «нача искати товара . Изяславлихъ боярь . и жены ихъ изоима . и има на ни^х искупъ»⁹. Цель этих захватов — получение выкупа, что и произошло: Святослав получил денежную плату за отпущение боярских жен.

Аналогичное событие произошло и в 1174 г. Не признав великокняжеские права волынского князя Ярослава Изяславича, на котором положили старейшинство князь Ростиславичи, Киевом неожиданно овладел черниговский князь Святослав Всеволодович: «Стославъ въѣха въ Києвъ . и сѣде на столѣ дѣда своего и ѿца своего». При этом, он захватил не только «имѣние Йрославле бещисла», но и пленил его жену и сына, отправив их в Чернигов: «ту же заѣхаша кнагиню Йрославлю и ѧша . снѣмъ и дружину его ѧша всю послаша къ Чернигову». Затем, также неожиданно, Святослав оставил Киев

и в него вновь вернулся Ярослав. Князь потребовал, чтобы необходимую сумму *искупа* заплатили киевляне: «подъвели есте . вы на ма Стослава . промышлаите чимъ выкупити . кнагиню и дѣта». Из продолжения летописного рассказа видно, что размер выкупа был очень большим; для того, чтобы собрать его князь «попрода всь Къевь . игумены и попы и черныцѣ . и черницѣ . Латину и гостѣ и затвори всѣ Кыяны»¹⁰.

Практика подобных *искупов* была настолько обычной, что Ярослав и не подумал обратиться к Святославу с просьбой отпустить жену и сына по доброй воле. Хотя такие случаи также имели место.

Об одном из них говорится в статье 1196 г. *Ипатьевской* летописи. Во время военного конфликта между черниговскими и смоленскими князьями, Ольговичи пленили племянника Давыда Ростиславича Мстислава. Рюрик Ростиславич обратился за помощью к Всеволоду Суздальскому:

нынѣ же брате и моему снѣви и твоему . Мьстиславоу тако са потѣкло . ажъ вазить оу Волговичь . абы не страпа всѣль на кона . а быхомъ снемьшеса . гдѣ любо помьстилъ вбиду и сорома своего . и снѣца своего быхомъ выстоали¹¹.

Узнав об этой угрозе, Ярослав Черниговский предложил мировую и согласился отпустить Мстислава Романовича по доброй воле, без выкупа: «аже и Бѣ како расоудиль . то азъ Мьстислава даю тобѣ безъ искоупа . по любви»¹².

Выкуп мог быть предварительным условием сдачи в плен, как о том свидетельствует случай во время битвы на Калке 1223 г., закончившийся, впрочем, трагически. Попав в безнадежное положение, Мстислав Романович заключил договор с воеводой бродников Плоскиней,

и тѣ оканьнии воевода цѣловавъ крестъ четьстныи къ Мьстиславу и къ обѣма князема, око ихъ не избити, нѣ пустити ихъ на искупъ, и сьлга оканьнии: прѣда ихъ, извязавъ, Татаромъ¹³.

Нет сомнения, что в реальной жизни подобных прецедентов *искупа* было значительно больше, чем отмечено в летописях. Но и из приведенных видно, что они были обычной практикой, охватывавшей все военное сословие Руси. Ни в одном случае летопись не говорит о каких бы то ни было переговорах относительно уклонения от этой нормы, даже и в том случае, когда плененной оказывалась великая княгиня, как это имело место в 1174 г. с женой киевского князя Ярослава Изяславича. Не вполне понятно, что понуждало безусловно платить *искуп*, ведь жизни знатных пленников, и тем более женщин, едва ли что-либо угрожало в плену у близких родственников. Но, как видно из случая 1196 г., плен, даже и почетный, считался унижительным состоянием; *обиды* и *сорома* необходимо было избавиться как можно быстрее. Выдача пленников без *искупа*, но «по любви», как отметил летописец в статье 1196 г.,

определенно была исключением из общего правила и являлась своеобразной милостью победителя.

Захват знатных или состоятельных пленников с целью последующего выкупа — обычное явление средневековой войны и подчас едва ли не главная цель сражения.

- 1 ПСРЛ 2: 66.
- 2 ПСРЛ 2: 66.
- 3 ПСРЛ 2: 525.
- 4 ПСРЛ 2: 644.
- 5 ПСРЛ 2: 327.
- 6 ПСРЛ 2: 672.
- 7 ПСРЛ 2: 527.
- 8 ПСРЛ 1: 513. *Новгородская I* летопись добавляет, что князья, кроме того, наложили контрибуцию и на проживающих в городе иностранцев: «и на Нѣмцихъ имаша искупу князи» (*НПЛ*: 74).
- 9 ПСРЛ 2: 502.
- 10 ПСРЛ 2: 578–579. Как видно из сообщения *Ипат.* под 1146 г., если не удавалось достичь военного успеха, князья стремились по крайней мере захватить домашних противника. Изяслав Давыдович говорил о Святославе Ольговиче: «аче самъ оутечеть мене . а женоу и дѣти ѿ него ѿшимоу и имѣние его всхъщю» (*ПСРЛ* 2: 335).
- 11 ПСРЛ 2: 695.
- 12 ПСРЛ 2: 695.
- 13 *НПЛ*: 63.

Петр Толочко

Читаем Галицко-Волынскую летопись¹

В рассказе *Галицко-Волынской летописи* о поездке Даниила Романовича в ставку Батгя осенью 1245 — зимой 1246 гг. содержится описание переживаний, которые якобы испытал князь, встретив под Переяславлем первых татар и узнав, что «нѣ^ѣ в ни^ѣ добра»:

ѿтоу же нача болми скорбѣти дѣшею . вида бо вбладаемы дьяволомъ . сквѣрнаа ихъ . коудѣшскаяа бладеняа . и Чигизаконова . мечтанья сквѣрнаа его . кровопитыа . многыа еѣ волжьбы . приходшааа цѣри и князи . и велможѣ . слнѣцю и лоунѣ . и земли . дьяволоу . и оумрѣшимъ въ адѣ ѿцмъ ихъ . и дѣдомъ . и мѣрмъ . водаше школо коста . поклонатиса имъ . ѿ сквѣрнаа прелестъ ихъ . се же слыша велми нача скорбѣти . ѿтоуда же приде к Батыеви на Волгоу².

Синтаксис фрагмента не безупречен, что объясняется несомненно вставным характером текста между словами «ѿтоу же нача болми скорбѣти» и «велми нача скорбѣти . ѿтоуда». Изначально, надо думать, летопись просто описывала последовательность остановок князя Даниила Романовича на пути к Батгю («и прииде Переяславлю и стрѣтоша Татаровѣ ѿтоуда же ѣха къ Коуремѣсѣ и видѣ[въ] тако нѣ^ѣ в ни^ѣ добра нача болми скорбѣти дѣшею

[...] ѿтуда же приде к Батыеву на Волгоу»). Содержание фрагмента можно разделить в свою очередь на две части. Первая начинается словами «вида бо», что предполагает ее связь с индивидуальными впечатлениями князя Даниила. Ее текст, однако, достаточно формализован в русле философско-исторической оценки внутреннего мира монголов («ѡбладаемы дьяволомъ. сквѣрнаѧ ихъ . коудѣшьскаѧ бладеньѧ. и Чигизаконова. мечтаньѧ сквѣрнаѧ его . кровопитьѧ . многыѧ еѣ вольжбы»), что предполагает его литературное происхождение. Вторую часть составляет некий обязательный перечень ритуалов для просителей, о которых князю предварительно сообщили («се же слыша»). Этот перечень предвосхищает испытания, которые князю Даниилу предстояло выдержать в ставке Батыя и которые также вряд ли можно связывать с его впечатлениями от пребывания в ставке. Исследование этой части текста фрагмента *ГВл*, собственно, и является темой данной статьи.

Попытка, весьма неудачная, осмыслить грамматический строй фрагмента при помощи современной пунктуации представлена в публикации *ГВл* в *Библиотеке литературы Древней Руси*³. Не меньшие трудности издатель испытывал с пониманием текста, что следует из перевода:

После этого он стал еще сильнее скорбеть душой, видя, что ими овладел дьявол: мерзкие их кудеснические пустословия, Чингисхановы наваждения, его скверное кровопийство, многое волшебство. Приходивших к ним царей, князей и вельмож водили вокруг куста для поклонения солнцу, луне, земле, дьяволу и умершим и находящимся в аду их отцам, дедам и матерям. О, гнусное их обольщение! Услыхав про все это, он очень скорбел. Оттуда он прибыл к Батью на Волгу.

Перевод был также осуществлен без всякого учета интерпункции оригинала (кстати сказать, однообразно сохраненной главными списками). Иначе «скверная» было бы не прилагательным, а все таки существительным, и фрагмент «.вида бо ѡбладаемы дьяволомъ. сквѣрнаѧ ихъ . коудѣшьскаѧ бладеньѧ.» имел бы вид «видя, что они во власти дьявола, их скверну (или, если угодно: их мерзости⁴), кудеснические пустословия (если непременно нужно следовать *Словарю* Срезневского⁵)». А фрагмент «.мечтаньѧ сквѣрнаѧ его . кровопитьѧ . многыѧ еѣ вольжбы.» выглядел бы как «его скверное наваждение, кровопитье, многие его волшебства»⁶. Непонятное «Чигизаконова», явно несущее смысл в контексте описания татарских «беззаконий» (и поддерживаемое всеми списками), было сочтено ошибкой и заменено на «Чингисханова».

Однако наибольшие трудности О.П. Лихачева встретила при переводе фрагмента «и оумрѣшимъ въ адѣ ѡцѣмъ ихъ . и дѣдомъ . и мѣрмъ», который, по ее мнению, непонятен (или лишен смысла) без конъектуры — «умерших [и находящихся] в аду». Эта, по видимости подсказанная здравым смыслом, конъектура однако исказила смысл сообщаемого летописью. Она совершенно

излишня и ничем не оправдана. Между тем, правильное понимание фразы дает ключ к истолкованию всего текста.

Смысл выражения становится понятен при обращении к тексту, приписываемому спутнику Иоанна де Плано Карпини по францисканской миссии к монголам — Бенедикту Поляку. Записанный 30 июля 1247 г. неким францисканцем С. de Bridia со слов (или под диктовку) брата Бенедикта отчет о миссии к монголам, озаглавленный *История татар (Historia tartarorum)*, весьма близок к краткой версии *Истории монголов* Плано Карпини, однако содержит избыточные сообщения. Среди таковых — информация о смерти хана Угедея: «А когда Бати был в Венгрии и узнал о смерти Оккодай-кана, который умер, отравленный [своей] сестрой, и похоронен с богатым в аду [...]» (*Bati vero in Hungaria existens percepta morte Occoday can, qui impocionatus periit a sorore et sepultus est cum divite in inferno [...]*)⁷. Интересующее нас место представляет собой очевидную аллюзию на евангельскую притчу о нищем Лазаре и богаче (Лук. 16. 19–31)⁸. Славянский текст Луки (ср. в Остромировом Евангелии: оумрътъ же богатѣн. и погребѣн н. н сы въ адѣ взведѣ же оун свон)⁹, точно соответствует греческому. Между тем в Вульгате смысл иной: *mortuus est autem et dives et sepultus est in inferno* (умер также богатый, и был похоронен в аду). Эта древняя ошибка (исправленная только Эразмом) считалась вполне доброкачественным чтением и довольно часто комментировалась на латинском Западе (среди прочих, Августином, Петром Хрисологом, Фомой Аквинским) прежде всего потому, что в ней видели основание предполагать наличие различных степеней (кругов) ада.

Бенедикт Поляк следовал распространенному среди латинских хронистов клише, согласно которому воинственных противников христиан (главным образом, мусульманских) постигла судьба богача из притчи о Лазаре. Так, например, было распространено убеждение, будто пророк Мухамед «умер и был похоронен в аду» (*Chronica Prophetica, Flores historiarum*)¹⁰. Известие о смерти в 1002 г. кордобского хаджиба аль-Мансура ряд испанских хроник (*Chronicon Burgense, Historia Silense*) сопроводили ремаркой, что, обуянный дьяволом при жизни, он был похоронен в аду (*obiit at sepultus est in inferno*)¹¹. Когда в 1218 г. умер ал-Адил (младший брат Салах ад-Дина), Оливер из Падерборна отметил, что тот, состарившись в злых деяниях, умер и был похоронен в аду¹². Впрочем, список не ограничивается только мусульманскими владельцами. Когда в 1002 г. в Италии умер император Оттон III, сочувствующие ему немецкие анналисты (Титмар Мерзебургский, *Кведлинбургские анналы*) отметили, что он попал на лоно Авраамово (как Лазарь), а итальянский хронист Бонизо (*Liber ad amicum*) под впечатлением позднейших разорений Италии имперскими войсками утверждал, что император похоронен в аду (как богач)¹³.

Подобные ремарки (в соответствии с толкованием Августина) означали, что максимальный грешник навсегда погубил свою душу, осужден на вечное пребывание в дальнем отделении ада и утратил возможность спасения.

В устах Бенедикта Поляка эта характеристика была вполне уместна по отношению к Угедю, верховному правителю монголов, недавно разоривших страны христианских владетелей.

В славянском тексте Евангелия от Луки эта же мысль акцентируется несколько иначе, Она вложена в уста праотца Авраама — «между нами и вами (погребенными в аду — *В.С.*) пропасть велика утвердися, яко хотящей преити отсюда к вамъ, не възмогутъ ниже оттуду к намъ переходять» (Лук. 16. 26). В древнерусской письменности эта тема — навсегда погибших грешников и еще не утративших надежду на спасение — разрабатывалась сходным образом, но на основании иных текстов, среди них — в апокрифическом *Слове на воскресение Лазаря*, сюжет которого был связан с темой подчинения Христом ада в результате Его Сошествия. Судьба оставшихся после этого в аду язычников, которые обобщались термином «жидове», навсегда связывалась с дьяволом и адом — «Господи ... приди ... и избави ада и свяжи диявола, и да тя увѣдятъ буйявии жидове»¹⁴. Она не оставляла им никакой надежды на спасение, т. е. они были навсегда похоронены в аду.

Итак, смысл вставного фрагмента в *ГВл* состоит в том, что Даниил Романович опасался, что его принудят поклоняться навсегда лишенным спасения, похороненным в аду, предкам хана. То, что подобный текст мог возникнуть только с опорой на Вульгату, несколько неожиданно. Впрочем, если предположить какую-то связь с текстами францисканской миссии (участники которой достоверно общались с волынскими князьями), не так невероятно.

Это делает неуместной конъектуру О.П. Лихачевой в совершенно ясном тексте *ГВл*.

Францисканская миссия, возглавлявшаяся Плано Карпини, на обратном пути в Лион, куда она прибыла 17 ноября 1247 г., останавливалась на 8 дней для переговоров в Холме. К этому времени у нее на руках уже имелся готовый текст отчета папе римскому, получивший название *Истории монгалов*. Об этом неоспоримо свидетельствует как дата копии произведения Бенедикта Поляка, так и тот факт, что по пути в Лион участники миссии предоставляли возможность знакомиться с отчетом многим желающим¹⁵. Надо думать, что составитель *ГВл* (или кто-то в его окружении) ознакомился с версией, приписываемой Бенедикту Поляку, откуда в летопись и проникла идея, будто умершие монгольские ханы и их предки «умерли в аду».

Обращает на себя внимание то, что в древнерусской литературе XIII века была хорошо представлена связь терминов «дьявол — ад». Например, в *Слове Адама во аде к Лазарю* Адам призывает: «Господи, ... приди ... и избави ада и свяжи диявола»¹⁶. Сцена спора «ада» с «дьяволом» известна из текстов *Слова на воскресение Христова и о выведении всеродного Адама из ада* Кирилла Туровского и анонимного *Слова на воскресение Лазаря*. Т.е. эта тема в древнерусской литературной среде была «на слуху». Поэтому появление в тексте *ГВл* указания на требование монголов поклоняться «дьяволу».

и оумрѣшимъ въ адѣ ѿцѣмъ ихъ . и дѣдомъ . и мтрѣмъ» можно со всей определенностью считать аутентичным и передающим специфику древнерусского литературного восприятия роли завоевателей в русле христианской апокалиптической традиции. Это дает основания также утверждать, что синхронная отсылка к евангельскому сюжету об «умершем в аду» в двух текстах, — *ГВл* и *Истории татар*, — стала результатом восьмидневного общения авторов этих текстов в Холме, пока там на обратном пути пребывала возглавляемая Плато Карпини миссия¹⁷. Никакого отношения к реальным переживаниям князя Даниила Романовича во время поездки его в ставку Батые эта часть текста не имеет.

Что же можно сказать о сопутствующих этому выражению известиях? Можно было бы ожидать, что хотя бы они передавали реальные впечатления князя от поездки к монголам. Однако аналогичные сведения представлены еще в двух современных источниках, которые трудно заподозрить в использовании более позднего текста *ГВл*, что позволяет предполагать литературное происхождение и этих сведений. Во-первых, подобная информация обнаруживается в тексте *Жития Михаила Черниговского* в редакции «Андрея» (*ЖА*), ранний список которой относится к 1313 г., но составление ее может быть датировано серединой XIII века¹⁸. Аналогичный материал содержится и в тексте отчета Иоанна де Плато Карпини, но отсутствует в тексте Бенедикта Поляка. Составленный Плато Карпини текст известен под названием *История монголов, именуемых нами татарами*. Источник информации, представленной в тексте *Истории монголов*, достоверно не установлен, хотя его естественно было бы связать с наблюдательностью Плато Карпини, достаточно долго находившегося среди монголов. Между тем, даже беглое сопоставление трех текстов позволяет предполагать наличие содержательной связи между ними, не возводимой к использованию текста *Истории монголов*.

<i>ГВл</i>	История монголов	<i>ЖА</i>
<p><i>приходящася цѣри и князи . и вельможѣ . слицо и лоунѣ . и земли . дѣявоу . и оумрѣшимъ въ адѣ ѿцѣмъ ихъ . и дѣдомъ . и мтрѣмъ . водаше иколо коста . поклонатиса имъ</i></p>	<p>у них есть какие-то идолы [...], сделанные по образу человеческому [...]; они делают идол для императора и [...] в полдень также они поклоняются ему как Богу и заставляют поклоняться некоторых знатных лиц, которые имъ подчинены; [...] они набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также Богу и земле, посвящая им начатки пищи и питья; [...] они веруют, что огнем все очищается, отсюда <i>когда к ним приходят послы или вельможи или какие бы то ни было лица, то и им самим и приносимым ими дарам надлежит пройти между двух огней, чтобы подвергнуться очищению</i>¹⁹.</p>	<p>обычан же имаше канъ и ватын. <u>аще кто приѣдетъ поклонитъся а ницъ не повелѣтъ вана привести прѣдъ сѧ но приказано вѣше водъ хвалѣ вѣсти а свѣозъкъ огнь и поклонитиса коуестоу и огню. а иже съ своею что приношаюу цѣри. ѿ всего того взимающе волъ хвалѣ вѣниѣтахоу въ огнь. тоѣ прѣдъ цѣрѧ поущаху самѣхъ. мнози же къ князи съ ватары свои и даахоу свѣозъкъ огнь и коуестоу кланѧхоу сѧ и идоломъ ихъ [...] и пращахоу кождо ихъ власти [...]</u>²⁰.</p>

В трех текстах выявляется общее место о требовании к «приходящим» знатым лицам выполнить определенные ритуалы. Общим для *ГВл*, *Истории монгалов* и *ЖА* является указание на цель, с которой знатные лица «приходят» — «поклониться». С другой стороны, *ГВл* не знает об очистительном обряде прохождения между двух огней, о котором сообщают *ЖА* и *История монгалов*. Не вдаваясь в причины их текстуальной общности, обратим внимание на небезупречное построение фразы в *ГВл*: оставленные невыделенным слова уместнее читались бы в самом конце фразы. Это говорит не только о возможном сокращении галицким летописцем какого-то большего по объему текста, но и о том, что и оставшаяся фраза может быть тоже вставной.

Из текста *Истории монгалов* становится известно, что сами монголы «набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле» (*solem igitur lumina et ignem venerantur et adorant, et aquam et terram*). Но о том, что они кого-либо принуждали делать то же самое, у информированного путешественника ничего не сказано. Более того, Плато Карпини особо подчеркнул, что они «никого еще, насколько мы знаем, не заставили» исполнять поклонение стихиям. В тексте *ГВл* этот перечень стихий, являвшихся объектом поклонения, включал солнце, луну и землю, т. е. практически идентичен представленному в тексте *Истории монгалов*. Однако, в *ГВл* природным стихиям почему-то поклоняются пришедшие «цари», а не монголы. Совершенно естественные в описании чуждых верований (в *Истории монгалов*), в *ГВл* природные стихии странным образом оказываются обязательными объектами поклонения для «приходящих». Источником этой идеи не могла быть и более краткая, но сходная информация текста *ЖА*, в котором говорится только о поклонении солнцу — *мнози ꙗздивше [...] поклонишася коустоу и слнцю*²¹. Есть основания поэтому считать сведения *ГВл* и *ЖА* о поклонении стихиям как части ритуала представления хану вторичными и ошибочными.

В таком случае в обязательное поклонение прибывающих царей, князей и вельмож должна быть включена какая-то часть ритуала, передаваемого словами «дыаволоу . и оумр̄шимъ въ адѣ вѣдмъ ихъ . и дѣдомъ . и мтр̄мъ. водаше школо коуста. покланатиса». Процедура представляется достаточно неопределенной. Так, в тексте *ЖА* говорится, что она была связана с ритуалом прохождения между огнями и поклонения «идолу». Кроме того, напутствуя свое духовное чадо на поездку к хану Батыю, духовник поставил Михаилу Черниговскому определенные условия: *ѿвѣща мноу оцѣ его мнози ꙗздивше [...] и идоша сквозѣ огонь и поклошишася коустоу и слнцю [...] и ты сноу михайле [...] не иди сквозѣ огонь ни поклошися коустоу и идоломъ ихъ. ни брашна ни питыа ихъ не прими въ оуста*²². Здесь «поклонение кусту» связано с поклонением солнцу в одном случае и с поклонением «идолу» — в другом. А значит можно предположить, что в представлении автора *ЖА* понятия «солнца» и «идола» в данном случае были взаимозаменяемы.

В тексте *Истории монголов* дважды подчеркнута, что идолу императора заставляли поклоняться «на полдень» (*ad meridiem*). Д.И. Языков перевел эту часть текста как «южной стороне поклоняются как Богу»²³. Причем второй раз это указание содержится в описании гибели в ставке Батгя князя Михаила Черниговского, от которого требовали, «чтобы он поклонился Цингис кану на юг» («чтобы он поклонился на полдень Чингис-хану») ²⁴. В таком случае, фраза *ЖА*, «поклонишася кусту и солнцю», вероятно имеет в виду поклонение в сторону юга, где располагался идол Чингисхана, а не солнцу, так как поклонения «кусту» и «идолу» в тексте *ЖА* тоже были неразрывно связаны. Следовательно, указание на необходимость поклонения стихиям в тексте *ГВл* действительно ошибочно. Ее происхождение можно объяснить тем, что летописец имел под рукой два равнозначных текста с похожей информацией, которую он неверно сопоставил. Одним из его источников конечно же был текст *Истории татар* Бенедикта Поляка, в котором перечислены стихии природы, которым поклоняются монголы, но опущено известие Платона Карпини о том, что других они им поклонятся не вынуждают.

В таком случае (так как о ритуале связанном с поклонением огню в *ГВл* не упоминается), очевидно, что когда в ее тексте говорится «поклонятся имъ», то речь идет о поклонении «кусту» («водяше около куста») и поклонении «дьяволу и умершимъ въ адѣ». О культе «куста» у монголов сообщает Платон Карпини. По его словам, хан Угедей «посадил куст за упокой своей души, вследствие этого он предписал, чтобы никто там ничего не срезал»²⁵. О «поклонении кусту» Платон Карпини не сообщает, но определенно связывает высаживание «куста» и запрет срезать с него ветки с культом мертвых. О каком-либо мемориальном кусте в ставке Батгя ничего неизвестно. О нем сообщают только русские источники. Стоит, однако, обратить внимание на совпадение, быть может и не случайное: единственный засвидетельствованный куст «принадлежал» тому самому хану Угедею, который, по аттестации Бенедикта Поляка, был «похоронен в аду». Не отсюда ли заимствована в русские тексты идея поклонения кусту (и через него «умершим в аду»), на котором заостряют внимание читателя *ЖА* и *ГВл*? Дважды на этом обычае, не расшифровывая его смысла, останавливается автор *ЖА*, дважды о нем же говорит летописец. Угрожающий аспект этого действия он вкладывает в слова некоего Сангора, который в ставке Батгя обратился к Даниилу Галицкому со словами: «браѣ твой Йрославъ кланальса . коустоу и тобѣ кланати»²⁶. Князь ответил: «дьяволь глѣть из оустъ ваши»²⁶. В прямой речи подтверждается совершенно определенная связь между требованием «поклонения кусту» и «дьяволом», прокламируемая в анализируемом отрывке *ГВл*. Более того, в самом начале своего описания летописец поясняет причину «скорби» князя Даниила тем, что тот «вида бо вбладаемы дьяволомъ». Присутствие в тексте образа «дьявола» усиливало исключительный страх именно перед этим обрядом, который был обусловлен, очевидно, не только тем, что речь

шла о поклонении «образу человека умершего» («изображению мертвого человека»)»²⁷, но «умершимъ въ адѣ», т.е. самому аду и дьяволу.

Подобное осмысление ритуала, в котором видели не просто идолопоклонство, но пугающее своими последствиями поклонение дьяволу и аду, понуждает к поискам эсхатологических мотивов и в остальных сюжетах из описания поездки князя Даниила в Орду.

Выше отмечено, что в *ГВл* обряды, свойственные монголам, оказываются обязательны для приходящих к хану за получением власти. В известном с XII века *Сказании о Христе и об антихристе* св. Ипполита Римского антихрист призываетъ вс людн жьдѣмъскы к себѣ ѿ всѣхъ стра^н разсѣнныа. чюжаа твоѣ акн сво ѹада. вѣщава нмь нсправити зѣмлю. и воставити цр^ѣтво нмь [...] да бѣша с емѣ акн бг^ѣ поклоннн^н²⁸. Иными словами, поклонение в ставке Батыя могло рассматриваться как получение власти от антихриста, что вызывало соответствующие литературные ассоциации, обнаруженные нами в текстах *ГВл* и *ЖА*. В этом убеждает описанная в *ГВл* метаморфоза, произошедшая с Даниилом Романовичем в ставке Батыя:

приде к Батыеви на Волгоу . хотащю са емоу поклонити [...] и поклониса по вбычаю ихъ [...] вн же [Батый — *В.С.*] рче ты оуже нашъ же Тотаринъ . пии наше питье вн же испивъ . поклониса по вбычаю ихъ²⁹.

Даниилу, по словам летописца, удалось избежать поклонения кусту, но даже преклонение перед Батыем приводит князя к превращению в свою противоположность, ибо антихрист «чюжая творя аки своя» и именно за это обещает «воставити цесарство» приходящим к нему³⁰. Здесь же отметим и еще одно превращение Даниила: «Данилови Романовичю . князю бывшоу великоу [...] ннѣ сѣдитъ . на колѣноу . и холопомъ называе^тсѣ»³¹.

Согласно тексту св. Ипполита, антихрист дѣлати бо научнеть [...] повелѣннмъ своимъ законъ. и сътворитъ. да еанко оубо нхъ не поклонѣтсѣ образоу звѣрннму. оубьенн бодомъ³². В этом свете понятнее смысл летописного «каламбура» — «Чигизаконова»: порядки, установленные Чингисханом, сопоставляются с законотворчеством антихриста³³. Аналогично по смыслу требование Батыя «поклониться закону» в описании мученической смерти князя Михаила Черниговского, помещенном в тексте *ГВл*: «Батыеви же рекшоу поклониса ѿць нашихъ законуу»³⁴. Причина неприятия князем Михаилом именно этого условия, — «тобѣ кланаемса . и чѣти приносим ти . а законуу ѿць твоихъ и твоемоу бонечѣтивомоу повелению не кланаемса», — обусловлено осмыслением ситуации в апокалиптической перспективе.

Таким образом, оказывается, что рассказ о поездке Даниила Романовича в ставку Батыя представляет собой отнюдь не фактографический отчет о происшедшем. Это созданное по прошествии времени (и затем еще и редактированное) литературное произведение, черпавшее в том числе из текстов

францисканской миссии, и разработавшее общую для христианских произведений о монголах тему связи нашествия с концом света.

- 1 Выражаю благодарность А.П. Толочко за помощь, оказанную в подборе материала при подготовке этого исследования.
- 2 ПСПЛ 2: 806.
- 3 «И прииде Переяславлю, и стрѣтоша татаровѣ. Оттуда же ѣха къ Куремѣсѣ и видѣ, яко нѣсть в них добра.
Оттуда же нача болми скорбѣти душою, видя бо обладаемы дьяволомъ: сквѣрная ихъ кудѣшская бляденя, и Чигизаконова мечтаня, сквѣрная его кровопитя, многыя его волюжбы. Приходящая цари, и князи, и велможѣ солнцю и лунѣ и земли, дьяволу и умершимъ въ адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ водяше около куста поклонятися имъ. О, сквѣрная прелесть ихъ!
Се же слыша, велми нача скорбѣти.
Оттуда же приде к Батыеву на Волгу»
(Галицко-Волынская летопись. Подготовка текста, перевод и комментарии О.П. Лихачевой. БДПР. Т. 5. Электронная версия: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4961>).
- 4 По какой-то причине ниже в том же предложении «скверная» (но в этом случае, прилагательное) переведено не как «мерзкие», но как «скверные».
- 5 Ср.: «блядение — пустословие, суесловие» (Срезневский И.И. *Материалы для Словаря древнерусского языка*. Т. 1. СПб., 1893, 122).
- 6 Кроме того, что «скверное кровопийство» выглядит излишним (ведь благочестивого не бывает), переводчик непосредствен: в первом случае она полагает «скверная» прилагательным множ. ч., а в этом случае переводит как прилагательное ед. ч. для того, чтобы согласовать с ед. ч. «кровопийство». Современному русскому «кровопийство» (в значении «жестокость, немилосердность») должно соответствовать слав. «крѣвпийство». Между тем, «крѣвпитъ» представляет собой *hapaх* и его перевод (учитывая последующее внимание летописца к питью различных напитков среди татар) неочевиден. Общим местом в отчетах о монголах было, что они пьют кровь своих животных «как изысканный напиток».
- 7 *The Vinland Map and the Tartar Relation*, ed. by R.A. Skelton, Thomas E. Marston, and George D. Painter. New edition (New Haven and London, 1995), 83; *Христианский мир и «Великая монгольская империя»*. Материалы францисканской миссии 1245 года. Подг. текста и перевод С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко, исслед. и указат. А.Г. Юрченко. СПб., 2002, 88, 113.
- 8 Это отмечено редактором текста Джорджем Пейнтером (*The Vinland Map and the Tartar Relation*, 83, note 3).
- 9 *Остромирово Евангелие 1056—1057 года с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями*, изданное А. Востоковым. СПб., 1946, 96f.
- 10 *Rogeri de Wender Chronica sive Flores historiarum*, edidit Henricus O. Coxe, vol. 1 (Londini, 1841), 161; Joseph F. O'Callaghan, *Reconquest and Crusade in Medieval Spain* (Philadelphia, 2003), 17.
- 11 Simon Barton, *The World of El Cid: Chronicles of the Spanish Reconquest* (Manchester and New York, 2000), 21, 39; Joseph F. O'Callaghan, *A History of Medieval Spain* (Ithaca, NY, 1975), 130.
- 12 Robert Irwin, "The Rise of the Mamluks," *The New Cambridge Medieval History*, vol. 5: c. 1198 — c. 1300, ed. by David Abulafia (Cambridge, 1999), 611.
- 13 Horace K. Mann, *The Lives of the Popes in the Early Middle Ages*, vol. 5 (London, 1910), 93. Даже некоторые папы не избежали участи быть похороненными в аду под пером враждебных хронистов: Петр Дамиани утверждал, что такая участь постигла папу Бенедикта IX, а после смерти антипапы Виктора соборный капитул Лукки отказался его хоронить в пределах города, так как не желали, чтобы в церкви был погребен «похороненный в аду». Говоря о смерти папы Николая IV, наложившего тяжелые подати на Англию, британский хронист отметил: *hic autem papa Nicolaus sepultus est in inferno (Chronica monasterii de Melsa, a fundatione usque ad annum 1396, auctore Thoma de Burton, abbate. Accedit continuatio ad annum 1406 a monacho quodam ipsius domus*, ed. by Edward A. Bond (London, 1866), 240.
- 14 Слово Адама во адѣ къ Лазарю. Памятники старинной русской литературы. Вып. III. СПб. 1862, 12. *Chronica regia Coloniensis* и *Annales Sancti Pantaleonis Coloniensis* засвидетельствован еще один сеанс диктовки Бенедиктом отчета о поездке к монголам, состоявшийся в Кельне в сентябре 1247 г. (*The Vinland Map and the Tartar Relation*, 39–40).
- 15 Иоанн де Плано Капини. *История монголов*. Введение, перевод и примечания А.И. Малеина. СПб. 1911, 62.
- 16 *Памятники старинной русской литературы*. Вып. III. СПб. 1862, 12.

- 17 К числу переключек между *ГВл* и текстом Бенедикта Поляка, вероятно, следует отнести и еще одно поразительное совпадение. Перечисляя Чингизидов, участвовавших в осаде Киева, летописец отмечает: «Кююкъ иже вратиса . оувѣдавъ смръть кановоу . и быѣ каномь» (*ПСРЛ* 2: 785). Это не соответствовало действительности. Но буквально то же читаем и в *Historia tartarorum*: «cumque filius Occoday . . . qui modo est can reversus est patris occulte interitu intellecto. . .» (*The Vinland Map and the Tartar Relation*, 81).
- 18 Лаушкин А. В. К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском. *Вестник МГУ*. Сер. 8: История. 1999, 18.
- 19 Иоанн де Плано Капини. *История монголов*, 7, 8, 10; *The Texts and Versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis, As Printed for the First Time by Hakluyt in 1598*, ed. by C. Raimond Beazley (London, 1903), 47–48.
- 20 Серебрянский Н. *Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты*. М. 1915. Приложение, 64.
- 21 Серебрянский Н. *Древнерусские княжеские жития*. Приложение, 65.
- 22 Серебрянский Н. *Древнерусские княжеские жития*. Приложение, 65.
- 23 Историческое сочинение Иоанна Де Плано-Карпини, которого папа Иннокентий IV посылал послом к Татарам в 1246 году. *Собрание путешествий к Татарам*. Пер. Д.И. Языкова. Репринтное издание 1825 г. СПб., 2010, 85.
- 24 Историческое сочинение Иоанна Де Плано-Карпини, 85; Иоанн де Плано Капини. *История монголов*, 8.
- 25 Иоанн де Плано Капини. *История монголов*, 13.
- 26 *ПСРЛ* 2: 807.
- 27 Историческое сочинение Иоанна Де Плано-Карпини, 85; Иоанн де Плано Капини. *История монголов*, 8.
- 28 *Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII в.* Под ред. К. Невоструева. Ч. 2. М., 1868, 83–84. Напомним, что буквально этими же словами смысл обряда поклонения «идолу» передан и в тексте Плано Карпини: «они делают идол для императора и [...] поклоняются ему как Богу и заставляют поклоняться (*tanquam Deo inclinant et inclinare*) некоторых знатных лиц, которые им подчинены». В тексте ЖА говорится, что *кланѣхуѣса и ндолагъ ихъ [...] и прашахуѣ кождо ихъ власти*.
- 29 *ПСРЛ* 2: 807.
- 30 В результате находит объяснение и категоричность запрета духовника князю Михаилу Черниговскому «ни брашна, ни питья ихъ не прими въ уста нъ исповѣжь въру крестыньскую». Он становится понятен, если слова, приписанные Батью, — «ты уже нашъ — пи и наше питье», — рассматривать в контексте апокалиптических образов *Сказания* Ипполита, с помощью которых описывался процесс вербовки антихристом своих сторонников.
- 31 *ПСРЛ* 2: 808.
- 32 *Слово святого Ипполита*, 75.
- 33 О том, что Чингисхан считался творцом монгольского законодательства сообщает Бенедикт Поляк (*Христианский мир и «Великая монгольская империя»*, 116).
- 34 *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 795.

Вадим Ставиский

До історії заснування Чернігівського Єлецького монастиря

Скарбниця потрібная Іоанікія Галятівського залишається невивченим історичним твором, хоча містить мало не усі сучасні знання про історію Чернігівського Єлецького Успенського монастиря XI–XVI ст. Книжечка була оприлюднена у новгород-сіверській друкарні 1676 р. Для чернігівсь-

ких краєзнавців XIX–XX ст. вона стала наріжним каменем для написання нарисів ранньої історії обителі. У 1985 р. *Скарбниця потрібная* вдруге перевидавалася мовою оригіналу у складі підготовленого І. Чепігою збірнику творів Іоанікія Галятовського¹ і нині заслуговує на ґрунтовне джерелознавче дослідження, а також на переклад і видання сучасними мовами.

В оглядових історіографічних студіях відзначалося, що Іоанікій Галятовський, укладаючи *Скарбницю потрібную*, використав твори польських хроністів, патерики, синодики, *Синопис*, а також археологічні, етнографічні та усні джерела. Як спроби історіографічного аналізу твору, змістовнішими на сьогодні є студії А. Адруга та О. Коваленка². Але і вони побудовані здебільшого за принципом констатації наведених у книжці історичних фактів та бібліографічного опису. Однак, Іоанікій Галятовський вочевидь провів складну пошукову роботу під час підготовки *Скарбниці потрібної*. При наявності в літературі кількох версій він відбирав логічнішу на його думку. Зокрема, це стосується генези українського козацтва, різні версії якої автор розглянув у *Скарбниці потрібної* і вибрав з них найдивовижнішу, як на сучасного читача, і, очевидно, тривіальну для XVII ст.

Досі упорядники нарисів історії Чернігівського Єлецького монастиря сприймали повідомлення *Скарбниці потрібної* як відповіді на традиційні питання. Насправді, ці питання «підказав» нащадкам сам Іоанікій Галятовський, тому, на нашу думку, інформацію, ним передану, варто сприймати не як відповіді на наші запитання, а як запитання до нас. Ми спробуємо з'ясувати питання хронології ранньої історії Чернігівського Єлецького монастиря, передусім, дати його заснування, яке міститься у творі Іоанікія Галятовського. Але спочатку коротко нагадаємо історію створення самої пам'ятки — *Скарбниці потрібної*.

Іоанікій Галятовський прибув у Чернігів на запрошення архієпископа Лазаря Барановича і 6 серпня 1669 р. був висвячений в архімандрита Єлецького Успенського монастиря. Судячи з викладених у *Скарбниці* усних свідчень дивовижних випадків в історії обителі, їх фіксація автором-упорядником, а значить підготовка книжки, розпочалася у 1670 р. У *Скарбниці* є згадка про чудо, яке відбулося у 1669 р., але Іоанікій Галятовський прямо говорить, що це сталося за його відсутності, значить записувалося ним постфактум.

Очевидно, думку укласти подібну історію монастиря подав тогочасний Чернігівський архієпископ Лазар Баранович, хоча не виключена й власна ініціатива Іоанікія Галятовського, адже в його доробку вже існував твір такого жанру — *Небо новое*, де викладалися чудеса образів Богородиці, в тому числі в Києво-Печерському та Куп'ятицькому монастирях. Зауважимо, що в цей час ієромонах Дмитро (Туптало), якій прибув до Чернігова теж на запрошення архієпископа Лазаря Барановича, укладав подібний твір про чудеса Іллінської Божої Матері, названий потім *Руно орошенное*³.

Однак, повертаючись до генези аналізованого твору, ще раз з акцентуємо на тому, що автор дійсно практикував, висловлюючись сучасною науковою термінологією, методи усної історії: опитував старожилів і представників російських знатних родин Одоєвських та Воротинських, які вважали себе нащадками династії чернігівських князів. Головне й перше питання Іоаникія Галятовського, що звучить рефреном у *Скарбниці потрібній*: чому обитель називається Єлецькою? Це означає, що на момент прибуття до Чернігова він анічогісінько не знав про минуле монастиря і вивчення його історії, як кажуть, почав з нуля. Але ця робота книжнику, викладачеві та ректорові Києво-Могилянської колегії була до снаги. Зрештою вийшла компактна книжечка, в якій було витворено історичний образ Чернігівського Єлецького Успенського монастиря шляхом сполучення легенд та інформації писемних джерел. Як годиться церковному історичному твору ранньомодерного часу, цей образ був покликаний спорядити відновлювану обитель традицією. Але для краєзнавців новітнього часу витворений Галятовським образ монастиря виявився просто магічним, бо повідомленням *Скарбниці потрібної* і досі довірять беззастережно⁴. Якщо дослідники XIX — початку XX ст. легко помітили алогічність хронологічних реперів *Скарбниці потрібної* і шукали способи «примирення» протиріч її «хронології», то у подальшому загадкова хронологія не турбувала, наче її було розв'язано попередниками. Насправді, це не так.

Занотовані Іоаникієм Галятовським легенди, пов'язані з чудом появи ікони Божої Матері на ялиновому дереві, назвою монастиря, ба навіть генеалогія Одоєвських і Воротинських, годяться для спеціального джерелознавчого аналізу, але зараз зупинимось на датах, які вочевидь Галятовський-письменник запозичив з письмових джерел.

Спочатку через кому перелічимо геть усі посилання на літературу *Скарбниці потрібної*: Матвій Стрийковський, Мартин Бельський, Олександр Гваньїні, *Київський патерик* Сильвестра Косова, *Єлецький синодик* Зосими Прокоповича, *Синопис*, *Трифологон* (пролог про Антонія Печерського), «*Седнівська*» *кронічка о козаках* (?), *хроніки московські* (?), *Пролог* московського видання, Цезар Бароній (автор 12-ті томних *Церковних анналів*, 1588–1607), Никифор (очевидно, візантійський історик Нікіфор Каліст, автор *Церковної історії*, виданої в латинському перекладі 1553 р.). Найчастіше Іоаникія Галятовський використовував *Хроніку* М. Стрийковського⁵ (дев'ять посилань), і майже вся інформація (винятком є згадка про Лівонську війну) стосується історії Давньої Русі.

Більшість цих літературних джерел можна перевірити. Одне лише джерело, використане Іоаникієм Галятовським і особливо важливе в контексті порушеної дослідницької проблеми, сьогодні нам не доступне, але саме з нього автор *Скарбниці потрібної* запозичив повідомлення про заснування Чернігівського Єлецького монастиря. Мова йде про загублений нині *Єлецький синодик*, автором якого був Зосима Прокопович:

Той Образъ Родителки Божиен на деревѣ словомъ найденный естъ за Князя Чернѣговскаго Святослава Ярославича, бо Синодикъ албо Поминникъ Пресвятои Богородици Елецкои одъ епископа Чернѣговскаго Зосими Прокоповича написанный свѣдчить, же на томъ мѣстѣ Святославъ Ярославичъ Князь Чернѣговскій отъ створеня свѣта, року 1060 р. — *О.Т.*] муровану церковь Пресвятои Богородици Елецкои збудоваль⁶.

Про Зосиму Прокоповича відомо небагато. На чернігівську кафедру його висвятив у 1631 р. Ісайя Копинський, який щойно став київським митрополитом, а перед тим був Чернігівським архієпископом. Одночасно Зосима Прокопович обіймав посаду намісника Києво-Михайлівського монастиря. Слідів перебування в Чернігові Ісайї Копинського і Зосими Прокоповича не знаходимо, очевидно управління єпархією вони здійснювали з Києва. У 1632 р. новий Київський митрополит Петро Могила призначив Зосиму Прокоповича ще й «блюстителем київських печер». Офіційне визнання за ним титулу Чернігівського єпископа відбулося в середині 1650-х рр.⁷, принаймні до 1656 р., бо у грамоті Київського митрополита Сильвестра Косова єпископу Лазарю Барановичу 1657 р. єпископа Зосиму згадують як «преставлену суццю отъ земныхъ къ небеснымъ»⁸.

Поза згадкою Іоанікія Галятовського, про літературну творчість Зосими Прокоповича теж нічого не відомо. Де, коли, на яких джерелах він уклав *Єлецький синодик* — залишається відкритим питанням.

На думку істориків Чернігівського Єлецького монастиря XIX — початку XX ст. (архієпископ Філарет (Гумілевський), П. Добровольський, протоієрей О. Єфимов та інші)⁹, дата дивовижного знайдення на ялиновому дереві ікони Божої Матері і спорудження на цьому місці Успенського собору 1060 р. потребувала пояснень лише в зв'язку з літописним повідомленням про приїзд у 1069 р. до Чернігова Антонія Печерського і благословення ним будівництва монастиря, на чому з особливою експресією наголосив Іоанікія Галятовський у *Скарбниці потрібній*. Висловлювалися різні комбінації, але, як слушно зауважив П. Добровольський, «примирить и согласить все эти разноречивые и друг другу противоположные мнения довольно трудно, да и нужды в том не представляется, так как ни одно из них не имеет за собою никакой силы доказательства»¹⁰.

Археологічні дослідження на території Чернігівського Єлецького монастиря і Успенського собору вказують на значно пізнішу дату його заснування: кінець XI ст. (М. Холостенко) або у перша чверть XII ст. (І. Моргилевський та інші)¹¹. Це, в свою чергу, вплинуло на думку краєзнавців радянського і пострадянського періоду, які переважно висловлювалися за те, що в літописній згадці та *Патерику* (в житті Антонія Печерського) мова йде про Іллінський монастир, тобто абсолютно в розріз зауваження Іоанікія Галятовського, що крім Єлецького монастиря «на горахъ болдинахъ близко Чернѣгова иншій

монастирь Пресвятои Дѣвы ся не знайдуеть»¹². До того ж, запроваджені Петром Кулаковським в науковий обіг документи з історії Чернігівщини часів Речі Посполитої однозначно свідчать, що принаймні в той час Богородичним монастирем у Чернігові називали саме Єлецький монастир¹³. Однак повернімося до датування.

Ніхто з істориків досі не звернув увагу на іншу, «сусідню», дату в *Скарбниці потрібній*, у розповіді про дивовижну перемогу над половцями Чернігівського князя Святослава Ярославича «року ~~ж~~ анд, [1059 р. — О.Т.] новембра дня першого, под Сновском урочищемъ, где нинѣсть мѣсто Сновское»¹⁴. Як відомо, цю перемогу після приголомшливої поразки Ярославичів літопис датує 1068 р.¹⁵ Іоаникій Галятовський слідує Стрийковському¹⁶, про що він зробив точне посилання на краях книги. На сьогодні вже встановлено, що хибну хронологію Стрийковський запозичив у Яна Длугоша. У повідомленнях початку XI ст. вона «відстає» на 10 років, поступово вирівнюючись до літописної на середину століття¹⁷. Таке «плавання» дат церковної історії від початків християнізації Русі характерне для всієї апологетичної української літератури першої половини XVII ст.¹⁸.

Отже, наша реконструкція «хронологічної логіки» *Скарбниці потрібної* Іоаникія Галятовського така: автор запозичив хронологічні вказівки Стрийковського (укладач *Єлецького синодику* Зосима Прокопович користувався, очевидно, тою ж таки літературою — іншої не було). Аби узгодити датування Стрийковського із легендою про знайдення ікони на ялині й заснування монастиря, він зазначив рік — 1060, як дату, прийнятну для чуда з іконою, що мало статися після чуда розгрому «малим» військом Святослава Ярославича половців біля Сновська (Седнева) у 1059 р. (за Стрийковським). Наступного року до Чернігова за сприянням князя Святослава Ярославича прибув Антоній Печерський.

«Перекладаючи» цю конструкцію XVII ст. на мову літописних повідомлень, одержимо наступну комбінацію: поразка Ярославичів, дивовижна перемога Святослава під Сновом/Седневом восени 1068 р., поява наступного 1069 р. у Чернігові Антонія Печерського. Відтак, знайдення ікони на яловому дереві і заснування на цьому місці Чернігівського Успенського монастиря, до чого, як зауважив у *Скарбниці потрібній* Іоаникій Галятовський,¹⁹ був причетний преподобний Антоній, мали статися 1070 р.²⁰

Заснований за достовірними (археологічними даними) не раніше зламу XI–XII ст. чернігівський Успенський монастир явно апелював до посвячення найвідомішого з Успенських храмів Русі — Печерського монастиря. Його заклали 1073 р. Святослав Ярославич і Феодосій Печерський. Не виключено, що комбінація Галятовського мала на меті створити обернену перспективу на взаємини монастирів: чернігівський Успенський собор заклали Святослав та Антоній Печерський на декілька років раніше.

- 1 Гялятовський І. Скарбница. Гялятовський І. *Ключ розуміння*. Упор. І.П. Ченіга. К., 1985, 344–371.
- 2 Адруг А.К. «Скарбница потребная» І. Гялятовского як джерело з історії Чернігівського Єлецького монастиря. *Чернігівські старожитності*. *Матеріали наукової конференції «Архітектури та археологічні старожитності Чернігово-Сіверської землі»*. Чернігів, 2006, 5–7; Коваленко О.Б. Стародавній Чернігів у регіональній історіографії другої половини XVII–XVIII ст. *Старожитності Південної Русі: Матеріали III історико-археологічного семінару «Чернігів і його округа в IX–XIII ст.»*. Чернігів, 1993, 170–171.
- 3 Тарасенко О.Ф. «Руно орошенное» Дмитра Туптала (Підготовка тексту, передмова, коментарі). *Сіверянський літопис*. 2009, № 1, 30–50; № 2–3, 206–227; № 4, 151–173.
- 4 Доходить до курйозів, коли хронологічні помилки й просто ляпи сучасних дописувачів приписують Іоаникію Гялятовському: нерідко у чернігівських краєзнавчих опусах трапляється пасаж: «Як свідчить І. Гялятовський, поляки в 1611 р. підступно захопили Чернігів...». Дата помилкова і запозичена з іншого джерела, тоді як, оповідаючи про цю трагічну й карколомну подію, Гялятовській жодних даг не згадав.
- 5 *Która przedtym nigdy światła nie widziała Kronika polska, litewska, żmódzka u wszystkich Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej...* przez Macieja Ososteviciusa Strykowskiego (Królewiec, 1582).
- 6 Гялятовський І. *Скарбница потребная*. Новгород-Северський, 1676, арк. 3.
- 7 Miłonowicz A. *Prawosławie i unia za panowania Jana Kazimierza* (Białystok, 1997), 106; Кулаковський П. *Чернігів-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648)*. К., 2006, 193;
- 8 [Филарет Гумилевский, архиеп.]. *Историко-статистическое описание Черниговской епархии*. Чернигов, 1873. Т. 1, 36.
- 9 [Филарет Гумилевский, архиеп.]. *Историко-статистическое описание Черниговской епархии*; Добровольский П.М. *Черниговский Елецкий Успенский первоклассный монастырь. Историческое описание*. Чернигов, 1900; Ефимов А., прот. *Черниговский Елецкий монастырь Успения Пресвятой Богородицы, со времени основания и до наших дней (1060–1910), его святыни и достопримечательности*. Чернигов, 1901.
- 10 Добровольский П.М. *Черниговский Елецкий Успенский первоклассный монастырь*, 3.
- 11 Моргілевський І. Успенська церква Єлецького монастиря в Чернігові. *Чернігів і Північне Лівобережжя*. К., 1928, 197–204; Холостенко Н.В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского монастыря в Чернигове. *Памятники культуры*. М., 1961, 63–64; Воробьева Е.В., Тиц А.А. О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове. *Советская археология*. 1974, № 2, 98–111.
- 12 Гялятовський І. *Скарбница потребная*, арк. 5.
- 13 Кулаковський П. *Чернігів-Сіверщина у складі Речі Посполитої*, 71, 125.
- 14 Гялятовський І. *Скарбница потребная*, арк. 8 зв.
- 15 *ПСРЛ* 2: 161.
- 16 *Kronika polska, litewska, żmódzka u wszystkich Rusi*, 187.
- 17 Толочко О.П. Так званий «напис Петра Могили» у Софії Київської та дата заснування собору. *ВІЖ*. 2010, № 5, 4–25.
- 18 Сінкевич Н.О. Повесть про кількаразове хрещення Русі: виникнення та розвиток в полемічному дискурсі першої половини XVII ст. *Науковий збірник, присвячений 1020-літтю хрещення Київської Русі-України: Матеріали науково-практичної конференції «1020-ліття хрещення Русі-України — із Києва по всій Русі», 21 жовтня 2008 р.* К., 2008, 315–324.
- 19 Пор. у службі Пресвятей Богородици, на честь ікони її Єлецької, що до революції знаходилася в Харкові: *Вѣстѣ ко Прѣнѣгѣлѣ таковоу мѣ обѣтѣшенію подавати и пострадавшым правды ради заступати, сего во радѣ преподавномѣ Антонію на дрѣвѣ мѣнши, егда во изгнѣніи сѣи молнтѣ възношѣше, съ нимъ же и мы владычнѣ възопѣмъ: да вѣдетъ многогѣ тѣбо съ нами, ѿ Дѣво пренепорочнаѣ (Служба Пресвятей Богородице, иконы ради Ея Елецкия, яже во Харьковѣ граде*. М., 1917, арк. 4).
- 20 Зауважимо, що того ж таки 1070 р. брат Святослава, Всеволод Ярославич, започаткував будівництво Михайлівського собору на Видубичах (*ПСРЛ* 2: 164). Синхронізація будівництва цих двох храмів видається не випадковою.

Олександр Тарасенко

РЕЦЕНЗІЇ

Мінакова Э.А. *Князь Игорь Старый и «Игорева Русь» (первая половина X в.)*. Орел, 2004, 376 с.

Історія Русі X ст. нелегка для дослідження і погано забезпечена джерелами, походження кожного з яких саме по собі становить окрему проблему. Рецензована книга — чергова спроба подолати спротив складного матеріалу. Е. Мінакова у своїй праці «ключем» до цієї історії обрала особу першого цілком «історичного» руського князя — Ігоря.

У вступі дослідниця окреслює свою методологію — ретельний аналіз іноземних (неруських) джерел та використання руських джерел — не сучасних подій — як допоміжних (для розшифровки повідомлень сучасників). Але наприкінці книги читач виявить, що саме іноземні джерела є додатковими, а свої основні гіпотези авторка будує (що досить стандартно) на базі руських літописів; або ж їхні повідомлення дають першопочтових до розвитку її думки. Замість вирашного методологічного шляху — створити образ ранньої Русі лише на підставі синхронних неруських джерел (візантійських, арабських, меншою мірою латинських), Е. Мінакова використала їхні свідчення для зіставлення з літописними даними. Причому джерела були сприйняті недостатньо критично (вступні декларації зіграли злий жарт: фактично залежна від руських джерел дослідниця, поставилася до них не дуже строго, бо визнала їх неголовними для себе). Наприклад, широко використані вигадані сюжети Василя Татищева («Іоакимівський літопис»), повідомлення *Устюзького* та *Никонівського* (включно з «Літописом Аскольда») літописів. Прочитуємо авторку: «вопросы критики сообщений и свидетельств этих авторов не представляли для меня самостоятельного и существенного интереса» (16).

Основна частина книги складається з шести глав.

У першій главі Е. Мінакова аналізує зовнішню активність «русі» середини X ст. та внутрішню структуру Русі, подаючи своєрідний інвентар джерел про Русь та подій, де «русь» «засвітилася». Дуже детально розібрано повідомлення про похід Ігоря на Константинополь. Убачаючи суперечності у звітах джерел, авторка не ранжує їх за ступенем надійності, а намагається (і це характерна риса всієї роботи) узгодити всі повідомлення, творячи нові сутності. Так, зауваживши повідомлення зовсім не сучасника, хроніки Сігеберта з Жамблу (XI ст.), де розповідь про похід Ігоря вписано під 936 р., Е. Мінакова знаходить розв'язок всіх суперечностей у гіпотезі про два походи русі: 936 і 941 рр. і відповідно про два договори Ігоря з Візантією. Між тим, підозрюємо, що дослідниця перебувала під впливом літописної традиції, за якою походів Ігоря (або Ігоря та Олега, як у *Новгородському першому* літописі)

було два. Із самих тільки повідомлень сучасників висновок про два походи за короткий проміжок часу не випливає.

Розглядаючи структуру Русі (переважно за текстом *Про управління імперією* Костянтина Багрянородного), дослідниця знову творить сутності і висуває цікаві, але, на жаль, слабо аргументовані гіпотези. Так, Немогард для неї це не Новгород і навіть не Ладога, а невідомий град десь у верхів'ях Дніпра. Там же начебто розташовувався «град Лучин» (авторська інтерпретація «Теліуці» Багрянородного), а також якийсь град «Арса чи Ар-Русійя», відомий з арабських джерел. «Внутрішньої Росії», на думку Е. Мінакової, не існувало; «внутрішніми» для візантійців були роси, що мешкали в межах імперії. А от «зовнішня Росія» — це ніби прикордонна частина Росії, обернена у бік Візантії, тобто Київ. Справжня ж, корінна, Росія опиняється десь у районі Смоленська.

Досить уможлядно авторка характеризує Київ і його округу як ареал автономних «гардів» руських конунгів. Такі топоніми як Дірова, Аскольдова чи Олегова могила, свідчення про тереми Ігоря чи «Ольжин град» Вишгород вона сприймає як вказівки на окремі укріплення самостійних руських ватажків. Крім того, у даній главі розглянуто питання взаємин «русів» зі слов'янами та печенігами.

Друга глава присвячена з'ясуванню місця, часу і обставин загибелі Ігоря. Самий прихід Ігоря до Києва Е. Мінакова приурочує до 936 р. Визначаючи місце загибелі князя, використовує декілька саг (зокрема, про Стурлауга Працелюбного), де розповідається про смерть конунга Альдейґ'юборга Інґвара або міститься сюжет про загибель конунга Інґвара «у східних землях». Ототожнивши Інґвара саґ з Ігорем літопису, дослідниця переносить убивство Ігоря на північ, до околиць Старої Руси та Деревської пятини. Паралельно Е. Мінакова розслідує проблему взаємин Ігоря і Свенельда та аналізує повідомлення, пов'язані з останнім. Її роздуми відрізняються невинуватою сміливістю: повідомлення новгородського літопису про виплату данини уличами і древлянами Свенельду під 940 і 942 рр. вона вважає записаними сучасником; град Вітичів (відомий Костянтину Багрянородному) ототожнює з літописним Пересіченом; всупереч свідченням джерел вважає Свенельда не воєводою, а князем, причому незалежним від Ігоря; воєводу Блуда і Люта Свенельда вважає однією особою. Зрештою, гідна подиву довіра до ранньомодерних генеалогічних легенд про Святольда-Киселя (гаданого предка Адама Киселя): Е. Мінакова всерйоз допускає участь Свенельда-Святольда у порятунку Білгорода у 997 р. за допомогою «киселя».

Вся історія Свенельда і Ігоря уявляється дослідниці як просування двох конунгів з Верхнього Дніпра на південь і підкорення ними місцевих слов'ян. Свенельд вдало підкорив уличів, цьому позаздрила дружина Ігоря і спонукала його на невдалий похід у землю древлян¹. Між тим, авторка виявляє

¹ Літописні оповідання про ці події Е. Мінакова вважає наслідком роботи великокнязівської пропаганди, що викривлювала ранню історію Русі.

непослідовність, «роздвоюючи» древлянський конфлікт. На її думку, конфлікт довкола древлян (але не між племенем і Ігорем, а між Ігорем і київськими, незалежними, «архонтами росів») справді мав місце у 944–946 рр. Але після того Ігор повернувся на північ, де загинув близько 957 р. поблизу Старої Руси. В результаті гіпотеза переповнена надлишковими припущеннями і невідповідна джерелам.

Проблему зв'язку Ігоря та Рюрика розглянуто у третій главі. Е. Мінакова поділяє погляд про тотожність Рюрика Рорику Фрисландському. Комбінуючи інформацію західних хронік з повідомленнями пізніх руських літописів і Татищева, авторка доходить висновку про прихід Рюрика до землі словен уже в середині IX ст. разом з «родом Гостомисла» (літописного персонажа вона ототожнює з Гостимуслом, вождем ободритів). Дослідниця припускає ранню смерть Рюрика та відсутність у нього дітей і виключає його зв'язок з Ігорем. Цей зв'язок був, на її думку, конструктором великокнязівської пропаганди середини XI ст. Свій висновок Е. Мінакова підкріплює фактом непоширеності імені Рюрик у князівській родині домонгольського часу порівняно з іншими скандинавськими іменами (Ігор, Олег). «Рюрикова легенда» у книзі отримує чітку дату і місце виробництва: Новгород, середина XI ст. Легенду нібито поширив Ростислав Володимирович, що виховувався в атмосфері «новгородського патріотизму» під наглядом Остромира, Порєя та Вишати.

У четвертій главі авторка намагається реконструювати хронологію життя Ігоря та його найближчих родичів, а також дослідити кількісний склад «родини Ігоря» і її генеалогічне коріння. На основі дуже деталізованого огляду біографій Ольги, Святослава, Володимира та самого Ігоря Е. Мінакова доходить висновку, що шлюб Ігоря та Ольги стався близько 938 р., а Святослав народився близько 939–941 рр. Відповідно Ігор значно молодший, ніж за даними літопису, а значить не має генеалогічного зв'язку із Рюриком. Міркуючи про можливий родинний зв'язок осіб, згаданих у договорі 944 р. та відомих з інших джерел, дослідниця висуває низку сміливих тверджень. Так, загадкові Володислав і Предслава виявляються племінником і племінницею Ольги (сама ж Ольга могла мати слов'янське походження); «другий після Святослава» Ікмор (якого згадує Лев Диякон) ототожнений з Ігорем, «нетієм Ігоровим» з договору 944 р; а старшим сином Ігоря та Ольги оголошується Гліб, відомий тільки з «Іоакимівського літопису». Завершує главу обґрунтування ідеї про належність Ігоря до скандинавського роду Інґлінґів. Е. Мінакова навіть робить спробу реконструкції прямої лінії предків Ігоря до VIII ст. На жаль, ця і решта побудов занадто гіпотетичні, щоб бути прийнятими.

П'ята глава присвячена Олегу Віщому та його місцю у руському князівському роді першої половини X ст. Е. Мінакова розбирає багато варіантів зв'язку Олега з родиною Ігоря. Використовуючи інформацію саги про Орвара-Одда, вона ототожнює Асмунда, сина Орвара, і Асмуда, кормильця Святослава (за літописом); причому Асмуда вважає родичем, а може й сином Олега. Щодо

самого Олега авторка висуває припущення, що він був дядьком Ігоря — братом його матері. Показово, що цю думку вона запозичує з «Розкольничого літопису» Татищева — не найкращого, м'яко кажучи, джерела для ранньої руської історії. Ближчі до X ст. і надійніші джерела нічого подібного, як відомо, не стверджують. Набагато коректніше було б подати думку про «вуя» Олега просто як власне припущення, ніж виводити її з такого «джерела» (яке, напевно, передає аналогічне припущення Татищева).

Намагаючись відтворити хронологію і події з життя Олега, Е. Мінакова звертається до повідомлень *Кембріджського документу* і повертається до піднятого у першій главі питання про кількість і час походів та договорів русі з Візантією. Порівнюючи тексти договорів 907, 911 і 944 рр., авторка приходить до висновку, що «договір 907 р.» насправді є договором, що безпосередньо передував угоді 944 р. За логікою авторки, якщо текст «договору 907 р.» значною мірою збігається з текстом 944 р. і не має паралельних місць у тексті 911 р., то він є попередник договору 944 р. і був укладений незадовго до нього. Між тим, могло бути навпаки: «договір 907 р.» пов'язаний з договором 911 р., бо доповнює його в дуже важливій частині — встановлює правила для «творящих куплю руси» (в тексті 911 р. є тільки відповідний заголовок, а зміст статті як раз слід шукати у «договорі 907 р.»). Натомість Е. Мінакова, усуваючи договір 907 р., творить договір 938 р. в доповнення до гіпотетичного походу 936 р. Результат: Ігор здійснив похід 936 р., за наслідком якого був укладений короткий договір, а у 941 р. похід здійснив Олег, після чого уже Ігор уклав новий договір 944 р. Наші підозри справджуються: побудова авторки відтворює схему *Новгородського першого літопису*.

Попри традиційну прив'язку Олега до «матері городів руських», Е. Мінакова вважає його цілковито північним діячем. Договір 911 р., де не згадано Київ, нібито укладався від імені верхньодніпровської, а не київської, русі. І договір цей авторка вважає не останньою, а чи не першою важливою подією в житті Олега. Переглядаючи літописну хронологію, вона заходить дуже далеко і переносить діяльність Аскольда і Діра у першу половину X ст. Дуже вільно оперуючи джерелами та «джерелами» (як «Літопис Аскольда» у складі *Никонівського літопису*), дослідниця вважає Діра учасником походу 941 р. Він та Аскольд (що загинув незадовго до того від руки Олега) уявляються їй як незалежні київські «архонти росів».

Заключна шоста глава повинна дати загальний образ руської еліти X ст. Розпочинає Е. Мінакова з питання початкової титулатури руських правителів. Авторка не приймає існування на Русі в IX–X ст. титулу «каган/хакан», відомого латиномовним і арабським джерелам. Останні нібито допустилися помилки, неправильно зрозумівши ім'я одного з руських ватажків — Хакона чи Акуна. Натомість дослідниця довіряє букві текстів договорів з Візантією і стверджує, що «офіційним і обов'язковим» титулом руських правителів був «великий князь руський». Цей підхід здається недостатньо критичним, оскільки даний титул

міг бути всього лиш слов'янською калькою однієї з конструкцій візантійської дипломатичної мови. Зрештою, існуванню сталої офіційної титулатури в ранній Русі суперечить теза самої авторки про існування самостійних руських конунгів і аморфності державної структури Русі.

Аналізуючи тексти договорів з Візантією, Е. Мінакова доходить висновку, що згадувані там «князі» і «бояри» становили одну соціальну категорію. Ці два терміни були синонімами, хоча вказували на різне походження двох груп знаті. «Князі», на думку авторки, були родовою знаттю скандинавського походження і язичниками, а «бояри» — місцевою київською слов'янською знаттю зі значним процентом християн. Розглядаючи імена руської знаті за договорами, Е. Мінакова намагається визначити етнічний склад руської еліти. Остання уявляється їй поліетнічною із домінуванням скандинавського елемента. Міркуючи над соціально-культурним складом руської (власне, київської) еліти, дослідниця стверджує про існування двох «партиї»: дружинно-язичницької та торгово-християнської. Їхня боротьба задає тон усій ранньоруській історії. В ході цієї боротьби нібито загинув Аскольд (християнин, на переконання авторки), був убитий Ігор, пішов у Закавказзя Олег, на певний час вивицилася Ольга і нарешті здійснив язичницьку реакцію Святослав. Годі казати, що висновок занадто поспішний, штучний² і не достатньо обґрунтований, щоб бути прийнятим.

Підбиваючи підсумок, зазначимо, що очевидний «плюс» книги — актуальність теми й амбіційна мета. В іншому, на жаль, більше «мінусів». Це стосується і підбору джерел, і їхньої критики, і самого стилю написання. Загальне зауваження до книжки — надмірна розлогість. Місцями дослідниця детально викладає те, що можна сказати набагато простіше. Довгі цитати із джерел також не завжди допомагають розумінню, і сама їхня присутність підтверджує ту чи іншу тезу не більше, ніж короткий переказ джерела чи вдумливий коментар. Трапляються і прості помилки. Наприклад, коментуючи повідомлення *Новгородського першого* літопису про підкорення Свенельдом уличів, Е. Мінакова перекладає слово «яшася» («по дань») як «плакали, жалілися». Хоча це просто форма дієслова «яти» і в даному контексті означає «піддалися платити данину» чи просто «були підкорені».

Але насамкінець ще один важливий «плюс». Книга Е. Мінакової провокує до самостійного пошуку відповідей на поставлені у ній (або викликані її читанням) запитання і розв'язків піднятих проблем.

Вадим Арістов

2 Один тільки поділ руської еліти на торгово і дружинну не витримує критики, зважаючи на невіддільність у той час «дружинної» і «торговельної» діяльності русів. Образ воїна-купця, що політично домінує над навколишнім слов'янським людом одногослоно утверджують всі наявні джерела, як письмові, так і археологічні.

Историко-археологические записки, отв. ред. Е.П. Токарева. Кн. 1. Зимовники: Зимовнический краеведческий музей, 2010, 176 с., илл.

Большая Советская энциклопедия про Зимовники сповіщала наступне: «посёлок городского типа, центр Зимовниковского района Ростовской области РСФСР. Расположен в 295 км к В. От Ростова-на-Дону, на р. Малая Куберле (бассейн Дона). Ж.-д. станция на линии Волгоград — Тихорецкая. 15 тыс. жителей (1970). Птицекомбинат, маслозавод, асфальтобетонный завод, элеватор». *Вікіпедія* додає, що з тих пір населення збільшилося на 2 тис. осіб, але чомусь умовчує, що в Зимовниках існують Філіал Південного федерального університету і Краєзнавчий музей, який минулого року видав перший випуск своїх «Історико-археологічних записок».

Деякі рубрики видання («Археологические исследования в Зимовническом районе», «Из политической истории Улуса Джучи», «Материалы и исследования по нумизматике Востока», «Источниковедческие заметки: обычаи, обряды, ритуалы») містять статті з археології, історії та етнографії зовсім не локального (як можна було б очікувати) характеру. Увагу археологів, не чужих пошукам етнографічних паралелей для культурної інтерпретації поховальних пам'яток, мають привернути статті, вміщені в останній з перелічених рубрик: «Истории об «убийстве» труппа» О.П. Токаревої (про фольклорний мотив знешкодження мертвих, розповсюдження якого автор пов'язує із міграціями аланського населення в епоху Великого переселення народів, 157–160); «Чаша из человеческих черепов» Р. Буртасова з оглядом археологічних свідчень побутування цього добре відомого із античної та візантійської літератури сюжету, 161–164); «По следам несостоявшейся дискуссии» Р. Буртасова (про деякі інтерпретації слідів древнього і не пов'язаного із пограбуванням поховань руйнування скелетів в могильниках салтово-маяцької та деяких інших культур, що можуть свідчити про обряд знешкодження мертвих, 165–168); «Обезвреженный конь» А.В. Лушиної (171–172).

Для істориків Давньої Русі, втім, найбільш цікавою виявляється рубрика «*Rossica et slavica*», в якій вміщено, як правило, невеликі за обсягом розвідки з початкової історії Русі.

Чисельно в рубриці переважають статті та етюди директора Зимовницького краєзнавчого музею В.Г. Лушина. Ім'я цього автора, боюсь, мало промовляє до спеціалістів з давньоруської історії. А між тим деякі його праці, вміщені у рецензованому виданні, мають першорядне значення для розуміння нашого традиційно головного джерела для ранньої історії Русі, *Повісті временних літ*, а конкретніше — її хронології. Маю на увазі блок із трьох статей («Некоторые особенности хронологической сегментации ранних известий Повести временных лет» (22–31); «Симметричность летописных дат IX — начала XI вв.» (33–38) та «882–862–852» (39–44)), об'єднаних спільною темою, так би

мовити, «хронологічної симетрії» в літописних датуваннях. Сукупне враження від цих робіт полягає в тому, що автору вдалося зробити річ чимдалі рідкіснішу в нашій дисципліні — відкриття, без врахування якого (чи опонування йому) надалі будуть неможливі судження про процес створення *Повісті временних літ*, конструювання її автором хронологічної сітки твору, та й про достовірність заснованих на ній реконструкцій ранньої історії Русі IX–X ст.

Твердження, що літописна хронологія перших півтора століття Київської історії штучна і недостовірна, належить до загальних місць. Не приховалася від ока дослідників й та обставина, що подеколи судити про штучність хронологічної сітки *ПВЛ* можна за підозрілою симетричністю її датувань. Так, автор цих рядків ще в кінці 1990-х рр. відзначав декілька згодом не випадкових «співпадінь»: два 33-річних тривання князювання Олега та Ігоря, дати смерті Олега, Ігоря та Святослава, що дивним чином припадають на роки укладання їхніх договорів із Візантією, обов'язковий 4-річний інтервал між походами на Константинополь і датами усіх трьох русько-візантійських договорів тощо. На іншому кінці цієї хронологічної сітки (в початках XI ст.) підозріло симетричні інтервали у 3 роки між народженнями синів Ярослава Володимировича, а також між смертями представників князівської родини відзначала Тетяна Вілкул (Татьяна Вилкул. Даты рождения княжичей: старшие и младшие Ярославичи. *Ruthenica*, 2 (2003), 108–114). Якщо україномовні публікації були очевидно недосяжні для В.Г. Лушина, то відсутність серед його бібліографії статті Т.Л. Вілкул відзначаємо з подивом, адже том *Рутеніки*, де вона опублікована, таки був доступний автору.

При тому, що відзначення історіографічних прецедентів не пішло б на шкоду автору, треба зізнатися, що дотеперішні спостереження над способами конструювання хронології *ПВЛ* були, здебільшого, випадковими, несистематичними і заторкували лише певні відтинки хронологічної сітки літопису. В.Г. Лушин вперше пропонує вбачати в «хронологічній симетрії» послідовну методу літописця, частину відпочаткового задуму літопису, в якому (задумі) хронології відводилася символічна роль. Іншими словами, В.Г. Лушин пропонує картину, згідно з якою хронологія *ПВЛ* була розрахована *ще до* створення текстового масиву літопису, літописець встановлював інтервали між найважливішими для його оповіді подіями виходячи із символічних міркувань, і саме через те їхні дати є *рахунковими*, тобто виникли внаслідок обчислень таких інтервалів.

Спробуємо простежити за логікою автора.

В.Г. Лушин пропонує розглянути три дати і сегменти між ними: 852–912–972. Це добре знайомі кожному повідомлення *ПВЛ*: початок відомостей про Руську землю, смерть Олега і смерть Святослава:

Разность крайних чисел этой записи равна 120, и этот большой период делится на два одинаковых отрезка лежащей ровно на его середине датой смерти Олега

(912 г.) По обе стороны от 912 г. на ленте времени обозначены эпические периоды в 33 года — это княжения Олега и Игоря: $912 + 33 = 945$; $912 - 33 = 879$. Вслед за этими периодами симметрично расположены два 27-летних периода. Двигаясь по ленте времени вверх, находим, что $912 + 33 + 27 = 972$, где 27 соответствует времени правления Святослава, точнее времени от смерти Игоря до смерти Святослава ($972 - 945 = 27$). Перемещаясь от 912 в обратном направлении получим следующее: $912 - 33 - 27 = 852$, где 27 — это число лет, прошедших от «прозвания» земли русской до смерти Рюрика (с 852 по 879) («Симметричность летописных дат IX — начала XI вв.», 33–34).

Цими збігами, наполягає В.Г. Лушин, симетричність побудови хронології не обмежується. Додавши до початкової дати (852 р.) сім років, одержуємо дату повідомлення про те, що хозари і варяги брали данину зі слов'ян, а віднявши сім років від (кінцевої) дати смерті Святослава, одержуємо дату його походу на хозар. «Обе «хазарские» даты отстоят друг от друга на 106 лет (965–859), разумеется, ровно по середине этого отрезка окажется смерть Олега, противника хазар ($912 + 53 = 965$ и $912 - 53 = 859$)» (34). Крім того, симетрію продовжують дві дати, пов'язані із хрещенням: болгар і княгині Ольги. У літописі їх розділяє 86 років. Саме по собі це число навряд чи символічне, але справа в тому, що рівно посередині відтинку (вже очікувано) знаходиться дата смерті Олега. Вона ж опиняється в центрі ще однієї симетричної побудови, де центром виявляється дата смерті Олега: $912 - 30 = 882$ (дата убивства Аскольда і Діра); $912 + 30 = 942$ (дата смерті болгарського царя Симеона).

Отже, як гадає В.Г. Лушин, симетрична побудова 27–33–33–27 є базовою для розрахунків дат *ПВЛ*, а в основу її покладено дату смерті Олега, яка виконує роль «осьової», поділяючи відтинок на два 60-літніх сегменти.

В.Г. Лушин воліє оперувати (очевидно, для більшої наочності для сучасного читача) датами від народження Христа. Коли б він користувався властивими для хронології *ПВЛ* роками від сотворення світу, символічність з'ясованої ним структури поступала б значно очевидніше, адже усі вказані ним дати насправді являються собою «круглі» роки: 6360–6420–6480.

Звичайно, магія симетричності цифр вже сама по собі може справляти враження доказовості. Тим не менше, В.Г. Лушин вважає, що не випадковість знайденої ним структури додатково підтверджується й символікою її складових. Символізм «33», здається, особливих причин обгунтовувати немає. Натомість «27» навряд чи з першого погляду може претендувати на такий статус. Автор вважає однак, що це не випадковий залишок ($60 - 33 = 27$), а цифрове вираження добре відомого із фольклору чисельника «тридевять», а отже, обидві складові 60-літнього сегменту (і 33, і 27) належать до області сакрального. Це цілком вірогідне пояснення, втім, не єдине з можливих. Його дефект полягає в тому, що фольклорна символіка для літописця виглядала б марковано нехристиянською, язичницькою, а отже, цілковито недоречною

в хронології, самою своєю суттю глибоко пов'язаною із християнським уявленням про світ і час. Із певним насиллям над цифрами, але, здається, можна було б запропонувати й суто християнську символіку нашого числа. У підрахунках давньоруського часу відомий принцип т. зв. «включного» рахунку, тобто такий, що включає і перший і останній члени послідовності. В такому разі, щоб здобути, скажімо, дату «прозивання Руської землі» (852) довелося б відраховувати від дати смерті Рюрика (879) не 27, а 28 років. У християнській хронології число 28 є надзвичайно важливим. Це — так званий «Круг сонця», 28-літній цикл, в межах якого відбувається міграція числа місяця по днях тижня. «Круг сонця» (поряд із «Кругом місяця») був необхідним інструментом для обчислення дня Паски і нам точно відомо, що автор *ПВЛ* володів цим прийомом.

Утім, ідея, що складові 60-річного циклу — 27 і 33 роки — були умисне обрані через особливу їх сакральність не пояснює очевидної «несакральності» їх суми — 60 років. Як спробуємо показати нижче, літописець не був вільний у своєму виборі і працював із тими хронологічними даними, які пропонували йому джерела.

Яким чином виникла базова структура хронологічної симетрії у *ПВЛ*? В.Г. Лушин, здається, вважає, що подібна (хоча відмінна і не така бездоганна) хронологічна симетрія простежується в *Новгородському першому літописі молодшого ізводу*. У межах прийнятих нині схем літописання, це означає, що така ж була й у гіпотетичному «Начальному зводі», а, отже, саме звідти ідея хронологічної симетрії, а також деякі її елементи виявилися запозиченими до *ПВЛ* (35). У дослідника, який не поділяє гіпотези про «Начальний звід», подібний висновок не може не викликати полемічного відгуку. Тут, як і у багатьох інших випадках, «Начальний звід» виявляється не просто необов'язковою (і отже, зайвою) ланкою міркувань, але такою, що прямо шкодить достовірності побудови. Спроби показати, ніби в *НПЛМл* також існує хронологічна симетрія (подібна до *ПВЛ*) виявляються непереконливими: симетрія виходить силувана і, зрештою, несиметрична.

В.Г. Лушин встановив, що основою датою хронологічної симетрії *ПВЛ* є дата смерті Олега — 6420. Саме вона стала тим репером, від якого розраховувалися ретроспективні дати (6387 — смерть Рюрика та 6360 — початок «прозивання» Руської землі). Між тим у *НПЛМл* дата смерті Олега цілковито інша — 6430/922 р. Походження цієї дати в *НПЛМл* нез'ясоване, але очевидно, що вона не могла підказати автору *ПВЛ* ідеї ідеальної хронологічної симетрії.

В.Г. Лушин воліє називати 6420 рік датою смерті Олега і тривалість наступних сегментів встановлює до смертей Ігоря і Святослава. Між тим, насправді 6420 являє собою дату першого із русько-візантійських договорів (911 р.), а наступні сегменти — проміжки до договорів 944 і 971 рр. Таким чином, базова структура, встановлена Лушиним, не довільна (смерті князів), а задана датами русько-візантійських договорів. Наявність текстів трьох до-

говорів з греками — особлива риса *ПВЛ*. Як тепер вважають (і справедливо) слов'янські тексти договорів являють собою досить пізній (порівняно із датами укладення) переклад з грецьких копій. Яна Малінгуді вказала, що повторена у всіх трьох договорах формула «равно друугаго свѣщанія, бывшаго при [тѣхъ же]» імператорів являє собою стандартний «заголовок», котрим в імператорській канцелярії споряджали копії дипломатичних документів, що вносилися в хронологічному порядку (тобто, в порядку правління імператорів) в копійні книги (див.: Малінгуді Я. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики. П. ВВ. Т. 57(82). 1997, 79–85). Комплект із трьох договорів опинився на Русі близько часу укладення *ПВЛ*. Саме ці три договори розмітили для автора *ПВЛ* хронологію за X ст. і, як показує Лушин, дозволили розмітити хронологію в зворотному напрямку, визначивши початкову дату хронологічної сітки літопису. Це, між іншим, означає, що сама можливість написання руської історії виникла внаслідок того, що до рук літописця потрапили тексти договорів. Потенційно це має серйозні наслідки для суджень про початки літописання: ідея історіописання виникає разом із появою в Києві (чи внаслідок) текстів договорів.

Що це означає для наших уявлень про співвідношення *ПВЛ* та *НПЛМл*? Дати смертей Олега, Ігоря та Святослава виявляються похідними від дат русько-византийських договорів: літописець «убивав» князів в рік укладення ними договорів. Жодних інших відомостей про тривалість життя перших київських князів не існувало: договори взагалі сповіщали про *єдину* документально датовану подію їх правління. На відміну від *ПВЛ*, *НПЛМл*, як відомо, ні текстів договорів з греками, ні навіть згадок про них не містить. Зазвичай це пояснюють тим, що договори потрапили до Києва після створення (у 1090-х рр.) «Начального зводу». Тим не менше, *НПЛМл* подає дати смертей Ігоря (945) та Святослава (972), тотожні до *ПВЛ* і залежні від датування договорів. Це свідчить, що *НПЛМл* виникла з урахуванням тексту, який містив тексти договорів, тобто *ПВЛ* (докладніше див.: Вилкул Т.Л. Новгородская летопись и «Начальный свод». *Paleoslavica*, XI (2003), 5–35).

Отже, з'ясовується, що літописець не довільно (з міркувань сакрального значення цифр чи якихось інших) визначив сегментацію своєї оповіді за X ст.: він прийняв ту, що встановлювалася датуванням договорів. Треба також відзначити, що дати договорів мають на увазі візантійські вересневі роки, що доводиться їх додатковими індіктивними датуваннями, а отже, ніяк не залежали від вибору автора *ПВЛ*, хронологія якого спиралася на березневі роки. Тепер стає ясно, чому осьовою датою стала «смерть Олега»: насправді це дата першого із серії договорів. Тільки довкола цієї дати можна було «обернути» задану договорами сегментацію в зворотньому напрямку, майже циркульним ходом розмічуючи хронологію. Отже, тривалість базових для *ПВЛ* інтервалів (33 і 27 років), сакральна чи ні в очах сучасних дослідників, була справою випадку, а не задуму.

Це лише додатково переконає, що в спостереженнях Лушина проступає дійсна, а не створена уявою дослідника структура, адже дзеркальна проекція випадкових інтервалів між договорами на попереднє IX ст. випадковою вже не може бути.

Крім базової структури хронологічної симетрії, В.Л. Лужин виділяє низку «малих симетрій», де центром можуть виступати інші дати. Не усі з них здаються однаково переконливими, деякі можуть виявитися наслідком простих збігів. Але деякі явно присутні в *ПВЛ*, і важливо, що симетрії охоплюють тематично однорядні повідомлення:

В построении 852–879–882–912–942–945–972 (по разнице чисел 27–3–30–30–3–27) все даты, за исключением наиболее ранней, определяют время смерти правителей (Рюрика, Аскольда и Дира, Олега, Симеона Болгарского, Игоря, Святослава). Та же тема определяет симметрию 969–972–975 (Ольга, Святослав, Лют Свенельдич). В цепи дат 945–972–980–988–1015 (27–8–8–27) все звенья связаны с продолжительностью правлений князей (Святослав — 27, Ярополк — 8, Владимир-язычник — 8, Владимир-христианин — 27) («Симметричность летописных дат IX — начала XI вв.», 36).

Такою ж симетричною побудовою виглядає 955–996–1037. У ній представлені важливі дати християнської історії, пов'язані із діяльністю трьох володарів-просвітителів: Ольги, Володимира та Ярослава. Початковий (хрещення Ольги) і завершальний (спорудження Софійського собору в Києві) елементи побудови рівновіддалені (на 41 рік) від центру — освячення Володимиром Десятинної церкви у Києві (с. 36). Ще одна серія із трьох дат пов'язана із темою здобуття Ярославом Володимировичем єдиновладдя на Русі: 1016 (початок княжіння в Києві) — 1026 (договір із Мстиславом і закріплення за собою Києва) — 1036 (смерть Мстислава і «єдиновладство» Ярослава). Якщо цю серію (10–10) доповнити ще двома елементами: 1019 р. (остаточна поразка і смерть Святополка) і 1033 р. (смерть Євстафія Мстиславича), які на три роки відстоять від крайніх дат послідовності, хронологія сходження Ярослава до одноосібної влади виглядає наступним чином: 1016–1019–1026–1033–1036, тобто: 3–7–7–3 (38).

Такий погляд на природу хронології *ПВЛ* потенційно має важливі наслідки для наших уявлень про літописання загалом, але в першу чергу — походження самої *ПВЛ*. З'ясовується, що хронологія для неї є не пізнім і штучно накинутим компонентом, як звично гадають ті з дослідників, котрі наполягають на ідеї початково нерозчленованого на порічні статті наративного тексту — попередника і основу *ПВЛ*. Хронологія є невід'ємною частиною початкового задуму *ПВЛ* і з'явилася ледве чи не раніше власне її текстового наповнення. У відриві від хронологічної сітки давня історія Русі ніколи не існувала.

В іншій статті — «Некоторые особенности хронологической сегментации ранних известий Повести временных лет» (22–32) — що вміщена у тому ж випуску і частиною спостережень перегукується із щойно оглянутою, В.Г. Лу-

шин висуває ідею, ніби формування хронологічної сітки *ПВЛ* відбувалося під впливом декількох циклів. Серед таких він пропонує уже нам знайомі 30-ти та 33-річні (та їхні варіації — подвоєння, потроєння), 8-річні, 24-річні (потроєння 8-річного) тощо. При усій здогадній «символічності» подібних циклів, їх значення для християнської хронології неочевидне. Натомість запропонований В.Г. Лушиним 19-річний цикл (приклади: від смерті Ольги до прийняття християнства — 19 років (969–988); Святослав Ігоревич, досягши віку, починає ходити в походи через 19 років після смерті батька (945–964); Володимир Святославич помирає через 19 років після освячення Десятинної церкви (996–1015) таки мав значення технічного прийому у хронологічних обчисленнях. Це так званий «Метонів цикл» або «Коло місяця» (повторення фаз Місяця через кожні 19 років), необхідний для обчислення дати Паски. Спостереження, сперті на Метонів цикли, здаються більш обґрунтованими, ніж на довільно обрані: смерть Ольги датована 969 р., через 57 років після смерті Олега (три Метонових цикли); 57 років розділяє смерть полоцького князя Брячислава Ізяславича та його знаменитого сина Всеслава; уся історія Русі від утвердження 882 р. Олега в Києві до освячення Десятинної церкви укладається у 114 років (996 – 882 = 114), що складає собою шість Метонових циклів (30).

Не усі спостереження В.Г. Лушина видаються однаково переконливими, принаймні, на перший погляд. Цілком можливо, що серед зовні ефектних зіставлень міститься певна кількість цілком випадкових. При полігоні у 200 років і наборі із п'яти-шести «циклів» плюс їхні варіації, котрийсь із «циклів» неодмінно проявить себе декілька разів. Гра з цифрами може часом породжувати міражі. Важливо, чи уміємо ми відділяти результати випадкові від дійсної логіки автора *ПВЛ*. Критерії розрізнення, очевидно, ще тільки належить виробити. Справді, наявність чи відсутність у безперервному потоці років певної хронологічної пунктуації цілковито залежить від нашого тлумачення: чи вважаємо ми, наприклад, події, розділені «циклом», подіями однорядними (часом вони такими дійсно є: смерті князів, походи, побудови церков тощо), чи ні. Наприклад: чи стоять в одному символічному ряді смерть першої християнки Ольги та хрещення Русі її онуком Володимиром? А, головне: чи вбачав тут зв'язок древній автор? Інший приклад: як ми для себе формуємо «ряд», наскільки селективний наш відбір і чи враховуємо ми *усі* однорядні події чи лише декотрі з них. Адже наявність поруч однієї-двох дат, відбракованих без очевидного обґрунтування, цілковито руйнує видимість закономірності.

Спробую продемонструвати це на прикладі. Здається, важно сумніватися, що у послідовності 955–996–1037 події належать до числа знакових з точки зору християнського книжника. Хрещення Ольги, побудова першого кам'яного храму Русі і побудова митрополії явно лежать на одні площині. Але на цій же площині лежить і дата хрещення Володимира (988), додача якої в послідовність цілковито руйнує хронологічну симетрію. Щоправда,

від смерті Ольги до хрещення минає 33 роки, «сакральний» інтервал, але вже пояснення наступного ($988 - 996 = 8$) викликатиме певні труднощі, а головне — перетворить тлумачення усієї послідовності (33–8–41) на набір *ad hoc* аргументів.

Наскільки оманливими можуть виявлятися зовні абсолютно симетричні побудови, стає ясно із наступного прикладу. Розглянемо послідовність:

Норвегія
 Норвегія
 Норвегія
 Швеція
 Польща
 Сполучені Штати Америки
 Фінляндія
 Швеція
 Норвегія
 Норвегія
 Норвегія

Послідовність являє собою досконало симетричну побудову. Ми бачимо, що в центрі її знаходяться Сполучені Штати Америки. США фланковані з обох боків країнами невисокого рангу — попереду Польща, опісля — Фінляндія. На рівній віддалі від США знаходиться Швеція (четверта позиція зверху і четверта ж знизу), а уся послідовність розпочинається і завершується Норвегією — три перших і три останні позиції (за дві позиції від «центру» США, безпосередньо перед і після Швеції). Послідовність виглядає настільки не випадковою, що, не знаючи її сутності, ми можемо будувати найрізноманітніші гіпотези щодо реальностей, котрі вона відображає. Наприклад, центральна позиція США може натякати, що мова йде про якусь військово-політичну конфігурацію в Європі на чолі із наддержавою. Можна надавати значення тій обставині, що у послідовності переважають Скандинавські країни, можна навіть пояснити єдиний виняток із правила — Польщу — тим, що усі країни (крім центральних США) розташовані на узбережжях двох сусідніх морів: Північного та Балтійського. Ця остання закономірність може підказати альтернативну ідею, ніби у послідовності відображено якісь економічні (торгівельні? митні?) угоди між країнами одного басейну.

Насправді наведена послідовність являє собою розподіл перших одинадцяти місць у жіночих лижних змаганнях на 15 км класичним стилем, що відбулися 17 листопада 2011 р. у Куусамо (Фінляндія), тобто *випадково* співпали із писанням цієї рецензії (<http://www.fis-ski.com/uk/604/610.html?sector=CC&raceid=20418>). Результати спортивних змагань, звичайно, не підкидання монети, але елемент випадковості в них, усе ж, досить великий. Тим не менше, я впевнений, що аналізуючи вивішені на сайті Міжнародної федерації лижного спорту результати змагань, ми цілком можемо знайти —

серед 90 позицій — трьох або чотирьох учасників з однієї країни, що прийшли на фініш розділені однаковою кількістю місць (3–7–7–3), або двох фінів, розділених циклом у 40 місць, та двох канадців, розділених циклом у 60.

Зробивши ці зауваження, не так задля критики, скільки як заклик до стриманості, я все ж гадаю, що В.Г. Лушин зробив важливе відкриття. Базова хронологія *ПВЛ* за IX–X ст. була розрахована її автором на підставі датування русько-візантійських договорів. Можливо, то був технічний прийом автора *ПВЛ*, що спрощував йому задачу: позиції подій легше розмітити, відмірюючи від центру, ніж кидати їх на хронологічну шкалу у довільному порядку. У всякому випадку, схоже, що початковий поштовх був суто прагматичний: створити каркас літопису і таким чином впорядкувати минуле, яке само по собі — тобто, до початку роботи літописця — не мало жодної хронологічної структури. Розмітивши простір минулого за допомогою п'яти дат і заповнюючи проміжки між ними, автор *ПВЛ* — підкреслимо: не стримуваний жодними обмеженнями — міг розподіляти події по роках таким чином, щоб у їхньому порядку звучала ідея осмисленості й впорядкованості минулого. Не можна виключати можливості, що міркування символічні грали певну роль в його проекті. Християнська хронологія — навіть у вигляді одноманітних списків років, властивих анналістиці, — є символічною в принципі, адже апелює до християнського уявлення про час і світ, доля якого визначається *датованими* Сотворенням світу, втіленням і воскресінням Христа, Страшним судом (див. міркування Хейдена Уайта з цього приводу: Hayden White, «The Value of Narrativity in the Representation of Reality,» Hayden White, *Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation* (Baltimore, 1990), 8–11).

Так само не можна виключати, що в конструюванні хронології *ПВЛ* могли відігравати роль міркування естетичні. Зі спостережень В.Г. Лушина випливає, що хронологічна сітка *ПВЛ* являє собою не монотонний потік річних номерів. Подібно до того, як у її тексті можна відшукати спроби ритмізованого тексту, в її хронології простежуються певні рифми та алітерації. *Повість временних літ* постає твором значно вишуканішим і глибоко продуманим, ніж можна було гадати.

Олексій Толочко

«Слово» и дело государево

История спора о подлинности «Слова о полку Игореве». Материалы дискуссии 1960-х гг. Вступительная статья, составление, подготовка текстов и комментарии Л.В. Соколовой. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2010, 792 с.

27 февраля 1963 г. в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР состоялся доклад доктора исторических наук Александра Александровича Зимина, посвященный проблеме авторства *Слова о полку Игореве*. В нем историк изложил предварительные результаты своих разысканий, согласно которым *Слово* было написано в XVIII в. и его наиболее вероятным автором следует считать архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоилія Быковскаго. Доклад Зимина произвел большое впечатление и получил огласку. О нем стали распространяться слухи и толки, которые постепенно достигли высоких идеологических сфер и вызывали в них беспокойство. Вмешательство властей оказалось роковым для дискуссии. Научный спор перешел в ранг общественного и идеологического противостояния, а его инициатора логика событий неумолимо превращала в борца с системой. 4–6 мая 1964 г. в Отделении истории АН СССР состоялось организованное при содействии властей обсуждение специально по этому случаю подготовленной Зиминим книги (ротапринт, нумерованные экземпляры, подлежащие возврату). Трехдневное совещание имело закрытый характер и, с точки зрения властей, достигло цели: книга Зимина была «осуждена» и тем утверждено правильное понимание существа и происхождения древнерусского шедевра. Материалы обсуждения не оглашались, книга осталась неизданной.

В коллективной памяти история, связанная с исследованием Александра Александровича Зимина о *Слове о полку Игореве* запечатлелась как своего рода героический эпос нашей дисциплины. Те, кто пересказывал события впоследствии, склонны были предлагать вариацию на тему сюжета единоборства Давида с Голиафом. Ученый-нонконформист бросил вызов властям и академическому истеблишменту и одержал над ними нравственную победу, дорого заплатив за свое право на интеллектуальную свободу и человеческое достоинство. Передаваемая из уст в уста, история неизбежно подчинялась законам *традиции*, упрощая все многообразие и сложность реальных событий до нескольких архетипических сюжетов, и, наконец, стала частью коллективной мифологии. Кульминационное событие — обсуждение книги А.А. Зимина в мае 1964 г. — представало в образе несправедного судилища, а последующая судьба ученого — наказанием за нераскаянность. Легко распределялись и роли: одинокого праведника и толпы, на начальников которой традиция на-

значила известных и успешных ученых Д.С. Лихачева и Б.А. Рыбакова, что якобы организовали кампанию против Зимина и дирижировали из-за кулис травлей ученого.

История Зимина самым своим существом была предназначена для того, чтобы стать мифом. В противостоянии одиночки силам судьбы всегда есть героика и трагизм, которые неконтролируемо задействуют законы жанра и превращают эпизод биографии в высокую литературу. Но были и приметы эпохи, побудившие к закреплению памяти о дискуссии 1964 г. именно в таком виде. В идеологизированной атмосфере советской гуманитарной науки, склонной к монологичности и хоровому пению, самостоятельный голос звучал громко и резко, а потому оппозиционно. История Зимина стала коллективной проекцией неисполненных надежд на большую интеллектуальную свободу и независимость академического высказывания. Но даже при этом дискуссия могла остаться еще одной в длинном списке подобных, если бы не ее предмет — *Слово о полку Игореве*. Мифологизированный и превращенный в национальную святыню, этот памятник имеет особый статус в культурном пространстве нескольких славянских народов. Утверждения, будто он является подделкой, фальсификатом, мистификацией не просто скандализируют, они приравниваются к осквернению реликвии. В случае Зимина покушение на святыню такого масштаба воспринималось как гражданский поступок, как предельное проявление интеллектуальной свободы ученого, который — даже если ошибался — отстаивал право на независимое суждение. Итак, история Зимина — не об авторстве *Слова*. Это история о нравственном выборе историка и цене такого выбора.

Подобную тональность припоминаний хорошо иллюстрируют воспоминания ученика Зимина, В. Б. Кобрин, свидетеля и участника тех событий:

Дело не в том, прав был Зимин или нет, хотя я лично убежден его аргументами. Дело в другом. Ведь и кроме Зимина были ученые, сомневавшиеся в традиционной датировке «Слова...», относившие его то к концу XVII, то к XVIII веку. Но, зная религиозно-фанатическое отношение к этому памятнику, помня, как обвиняли в антисоветизме крупнейшего французского слависта Андрэ Мазона, считавшего «Слово...» подделкой, они не решались ни обнародовать свои сомнения, ни потратить годы напряженного труда на серьезное исследование, сулящее лишь тернии без лавров. Зимин же считал, что, выступив открыто со своей точкой зрения, он поможет утвердить мысль, что в науке нет запретных тем, нет источников, которые не могли быть подвергнуты критическому анализу¹.

Со временем и сам Зимин стал рассматривать собственную роль именно в таком свете. Подытоживая в 1978 г. свои дневниковые записи, он писал:

1 Кобрин В.Б. *Кому ты опасен, историк?* М., 1992.

Выступление с пересмотром традиционных взглядов на время создания «Слова о полку Игореве» было борьбой за право ученого на свободу мысли. *Речь шла не о том, прав я или нет*, а о том, следует ли издавать «еретическую» книгу или нет. Эта борьба получила благожелательный отклик в сердцах многих людей доброй воли еще и потому, что *им было тошно от казенного лжепатриотизма*, расцветшего в 40-е — 50-е гг.²

Книга А.А. Зимина не так давно опубликована³, и о качестве его аргументов теперь можно судить достоверно, из первых рук. Не так с событиями вокруг книги. В течение последних двух десятилетий многие документы, проливающие свет на ту дискуссию были изданы. В 1994 г. Л.В. Соколова опубликовала переписку Д.С. Лихачева с отечественными и зарубежными учеными; в 2000 г. была издана переписка Р.Я. Якобсона и А.В. Соловьева, а в 2004 — переписка Л.А. Дмитриева с А.А. Зиминим, Д.С. Лихачевым, Я.С. Лурье и другими⁴. Тем не менее, очертания тех давних событий, роли, которые пришлось — по собственной воле или в силу обстоятельств — сыграть их участникам, да и самый смысл происходившего, оставались во многом в сфере легендарного. Для полноты суждений не хватало центрального документа — стенограммы знаменитого обсуждения в мае 1964 г.⁵

Рецензируемое издание наконец заполняет этот пробел. Как справедливо отмечает его составитель Л.В. Соколова, прочтение длительное время закрытых материалов дискуссии вместе с перепиской ее участников впервые позволяет восстановить реальную картину событий с документальной достоверностью, выяснить роли вовлеченных в них людей, их мотивы и поступки, обстоятельства, в которых приходилось делать нравственный и профессиональный выбор. Словом, впервые появляется возможность сопоставить унаследованную нами *легенду* с версией *документов*.

Большая часть книги представляет собой публикацию двух ранее не издававшихся документов: подготовленного Л.А. Дмитриевым отчета о докладе А.А. Зимина и его обсуждении на заседании Сектора древнерусской литературы 27 февраля 1963 г. (129–142) и стенограммы обсуждения книги

2 Здесь и далее цитаты, кроме оговоренных случаев, приводятся по тексту рецензируемого издания.

3 Зимин А.А. *Слово о полку Игореве*. СПб., 2006.

4 К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве» (Из переписки академика Д.С. Лихачева), публ. Л.В. Соколовой. *Русская литература*. 1994, № 2, 232–268; № 3, 213–245; Баран Х., Душечкина Е.В. Вокруг «Слова о полку Игореве»: Из переписки Р.О. Якобсона и А.В. Соловьева. *Славяноведение*. 2000, № 4, 50–78; Спор о подлинности «Слова о полку Игореве»: история одной неосуществленной публикации (по письмам из архива Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева). *ТОДРЛ*. 2004. Т. 56, 385–422.

5 Публиковались только незначительные фрагменты стенограммы, см.: Соколова Л.В. Новые мифы о старом: По поводу интервью на радиостанциях «Эхо Москвы» и «Свобода» в связи с выходом книги А. А. Зимина «Слово о полку Игореве». *Studia slavica et balkanica petropolitana*. СПб., 2007, № 1/2, 23–38; Запесоцкий А. С., Ю.В. Зобнин, А.А. Михайлов. Д.С. Лихачев и А.А. Зимин: уроки научной полемики. *Вестник Европы*. 2007. Т. XXI, 240–247.

А.А. Зимина в Отделении истории АН СССР 4–6 мая 1964 г. (148–576). Издание, кроме того, содержит отдельный раздел, где издаются все в свое время опубликованные в печати отклики на дискуссию (579–662), и приложения: тщательно подобранную библиографию по теме дискуссии (665–686) и еще одно чрезвычайно полезное приложение, где помещены био-библиографические сведения об участниках дискуссии (687–753), а также, разумеется, подробные указатели. Книга Л.В. Соколовой подготовлена с тщательностью и добротностью, редко достигаемыми в изданиях последних лет.

Изданию документов предшествует большая вступительная статья Л.В. Соколовой «К истории дискуссии 1960-х годов о подлинности «Слова о полку Игореве» (11–126), в которой на основании доступных официальных документов, бумаг, сохранившихся в личных архивах, а также переписки между участниками дискуссии тщательно, в деталях и подробностях, воссоздана хронология и ход событий. Это исследование, имеющее совершенно самостоятельное значение, итог многих лет занятия темой. Читатель книги, несомненно, будет привлечен тоном повествователя: без гнева и пристрастия.

При столкновении с документальной историей легенда оказывается не просто упрощенным, но во многом мистифицированным отражением действительности. Этого, в общем, и следовало бы ожидать, но урок от этого оказывается не менее поучителен. Собственно, уроков несколько. Устная история, даже повествующая о таких относительно недавних событиях, предстает источником зыбким и неверным. Историки и филологи, как видно, так же неспособны контролировать достоверность передачи традиции в собственной среде, как и любые другие человеческие сообщества. Но легендарная история опасна не только тем, что искажает порядок событий или какие-то их обстоятельства. Устная история — морализаторская, она предлагает простые и скорые, а оттого, как правило, неправые приговоры. Несколько поколений, как теперь выясняется, черпали в истории Зимина этические смыслы, которых она в действительности не содержала. В ней не было однозначных героев и злодеев, а люди, которым традиция отводила неблагоприятные роли, как выясняется, вели себя в предлагаемых обстоятельствах вполне достойно. Мотивация их позиции в дискуссии оказывается далекой от тех вненаучных соображений, которые им приписывали, а методы ее ведения — даже более корректными, чем те демагогические приемы, которые позволял себе Зимин. Не был пассивной жертвой и А.А. Зимин. Наоборот, он стремился к конфронтации, провоцировал ее, считая обострение и научных, и личных взаимоотношений необходимым условием выяснения собственной правоты. Его темперамент и нрав, возможно, в не меньшей степени, чем интервенции властей, способствовали тому, что вся история приобрела особенно драматический характер.

С дистанции времени становится все очевиднее, что и «победители» дискуссии, и ее «жертва» в равной степени были заложниками эпохи, дик-

тующей правила игры и контролировавшей их соблюдение. Зимин не был «гостем из будущего» среди сплошь идеологизированных ученых советской выучки. Таким его создала последующая легенда. Он вступил в борьбу не ради утверждения принципов научной свободы. Он хотел победы над соперниками и для этого пользовался теми же методами и приемами, которые применяли и против него. Так называемая «оттепель» 1960-х гг., конечно, существенно смягчала нравы, но слишком близко отстояла от эпохи предыдущей, с ее кампаниями идеологических проработок ученых, развенчанием вредительских учений и научных школ. Именно в 1930-е–1940-е гг. в науку было привнесено понимание «дискуссии», практиковавшееся прежде в партийной и политической борьбе. Под «дискуссиями» (которые с определенной периодичностью *организовывали*) понимали не обмен аргументами в ходе конкуренции взглядов и концепций, а определенным образом выстроенную систему организационных мероприятий, в ходе которых выяснялись идеи ошибочные и вредные, а следствием их осуждения становилось коллективно согласованное решение о правильной точке зрения, каковой с тех пор следовало придерживаться. «Дискуссии» стали своеобразной институцией специфически советской науки, выполняя важные функции идеологического и организационного контроля над академическим сообществом. Такого рода «дискуссии» имели свое *начало* и *завершение*. Кульминацией, как правило, становилось многоярусное обсуждение, призванное продемонстрировать численное преимущество сторонников правильной точки зрения над одним или несколькими заблуждавшимися, а в идеале — публичное признание ими своих ошибок и переход на правильные позиции. Похоже, что именно такой дискуссии опасались вовлеченные в события люди, но к ней стремился А.А. Зимин, тщательно подготовив драматический эффект ее начала. Судя по переписке с коллегами, Зимин был убежден, что в подобной дискуссии можно победить.

Александр Александрович Зимин плохо соответствует роли принципиального диссидента. 42-летний доктор исторических наук Зимин был успешным советским ученым, стремительно поднимался по ступеням академической карьеры. Он удачно и рано защитил докторскую диссертацию (в 39 лет), много публиковался. Его труды, посвященные преимущественно эпохе Ивана Грозного, были вполне лояльны по отношению к официальным установкам, содержали все необходимые признаки советской ортодоксии: цитаты из классиков марксизма-ленинизма, ритуальные бранные клише по адресу идеологических врагов. Зимин был в хороших отношениях и пользовался поддержкой людей, занимавших официальные посты в науке. Ничто не предвещало ни его интереса к *Слову о полку Игореве*, ни событий, которые вскоре произойдут. Был, правда, эпизод, который может объяснить психологические мотивы Зимина. В 1962 г. он баллотировался в члены-корреспонденты АН СССР, но не был избран. По иронии, рекомендации ему давали академики Б.А. Рыбаков

и М.Н. Тихомиров, ставшие через несколько месяцев решительными оппонентами Зимина в дискуссии о *Слове*.

Как и отчего специалист по XVI в. решил заняться проблемой авторства текста, считавшегося памятником либо древнерусского времени, либо XVIII в., не вполне ясно. Сам Зимин позже кратко формулировал свои мотивы так: «Надоела брехня». Но «брехни» (в смысле идеологизованных интерпретаций) было достаточно и в суждениях об эпохе Ивана Грозного. С подобной ложью Зимин мирился. Его предыдущие книги и статьи, вполне традиционные, ничем не выдавали в Зимине вкус к правдолюбию. Во времена развенчания культа личности сталинские интерпретации Грозного царя и Опричины, казалось бы, могли стать привлекательной темой для свободомысленно настроенного историка, при том лучше других подготовленного для их разоблачения. Но Зимин решил померяться силами с идолом значительно большего масштаба, чем только что свергнутый кумир. Разоблачить *Слово о полку Игореве*, в котором ошиблась, по сути, вся предыдущая наука, наивно принимая фальшивку за шедевр, — означало покорить недоступную вершину, сделать нечто, неудавшееся никому за более чем полтора века.

Как свидетельствуют приведенные Л.В. Соколовой фрагменты переписки Зимина, иконоборческие мотивы играли не последнюю роль в его поисках. Зимин стремился к возможно более драматическому эффекту. Сообщая коллегам о результатах своих находок, он предостерегал от преждевременного разглашения: «Пока — прошу Вас — никому ни гу-гу. Речь идет о *Слове о полку Игореве* [...] При встрече обо всем переговорим»; «Нужна осторожность и тщательность. При встрече обо всем поговорим»; «Все это сугубо между нами и предварительно. [...] Решать нужно солидно и *наповал*».

В начале 1963 г. Зимин наконец решил, что пора обнародовать свои разыскания. Он написал Д.С. Лихачеву письмо с предложением сделать доклад в возглавляемом тем Секторе древнерусской литературы. Тему Зимин предложил нейтральную: «К изучению «Слова о полку Игореве» и сознательно не раскрыл содержания предстоящего доклада (в письме к В.И. Малышеву Зимин писал: «Я решил делать у Вас доклад о *Слове* и послал письмо Д[митрию] С[ергеевичу] (где ничего не пишу о содержании). Прошу Вас тоже ему ничего не говорить»).

Доклад Зимина состоялся 27 февраля 1963 г. Д.С. Лихачев по болезни отсутствовал. Вопреки атмосфере таинственности (а, скорее, именно благодаря ей) наплыв людей оказался «неожиданно» большим: 110 человек засвидетельствовали свое присутствие подписями. Ожидали сенсации, подготовленные слухами и агитацией посвященных конфидентов Зимина.

Несмотря на то, что обсуждение доклада, как признавал и сам Зимин, состоялось в рамках строго научной дискуссии, он остался недовольным результатом. Моментального и чудесного обращения не произошло. Триумф, на который рассчитывал Зимин, не состоялся. Более того, многие коллеги, и даже

личные друзья Зимина выступили с возражениями и сомнениями относительно его основных положений. Неприятный осадок остался и у Д.С. Лихачева, а также у институтского начальства Зимина в Москве. Они считали, что с ними поступили негодно, по сути, воспользовались, введя в заблуждение. А между тем многолюдность собрания, заговорщицкая атмосфера, и слухи, начавшие ходить по Ленинграду и Москве, давали понять, что — вне их ведома и контроля — произошло важное событие общественного значения.

Через месяц после доклада Зимина вызвал академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е.М. Жуков. Он упрекал, что доклад был сделан без санкции и передал просьбу вице-президента АН СССР П.М. Федосеева в дальнейшем с публичными докладами не выступать. Беспокойство академических властей, очевидно, объяснялось тем, что о происшествии стало известно за границей. Сразу же после доклада в Ленинграде Зимин сам написал оксфордскому русисту Джону Феннелу, чье скептическое отношение к подлинности *Слова* было хорошо известно. Среди западных славистов начали распространяться слухи о сенсационном открытии Зимина, которое якобы окончательно доказывает поддельность *Слова*. Подозревали, не нашли Зимин неопровержимых документальных свидетельств, которые имплицировали бы Иоилиа Быковского или Алексея Мусина-Пушкина в преступлении. Гадали: выступил Зимин с согласия властей, или против них. Началась интенсивная переписка заинтересованных лиц, многие из ученых (Роман Якобсон, Александр Соловьев, Андре Грабарь, Адольф Стендер-Петерсен) направляли запросы своим советским коллегам с просьбой предоставить разъяснения. Наконец, в июле 1963 г. в эмигрантской газете «Русское слово» появилась статья Глеба Струве, пугавшая власти не только своей хорошей осведомленностью в деталях дела, но и ссылками на «полученные из России из хороших источников сведения» (статья опубликована в 3 главе рецензируемой книги, где помещены также и остальные печатные отклики на дискуссию 1963–1965 гг. (579–662)).

Ситуация осложнялась и тем, что, по совпадению, в сентябре 1963 г. должен был состояться V Международный съезд славистов в Софии (Болгария) и, как теперь уже стало ясно, многие западные ученые намеревались поднять на нем вопрос об исследовании Зимина. С точки зрения властей ситуация переходила в режим, как теперь сказали бы, *damage control*.

Между тем власти, в характерной советской манере, колебались, как разрядить ситуацию: дать достойный отпор или полностью замолчать произошедшее. Зимину то предлагали опубликовать текст доклада (или хотя бы его тезисы) в журналах «Русская литература» и «Вопросы истории», то отменяли это решение. Не увидел свет и подробный отчет о докладе Зимина в Пушкинском Доме (его публикует Л.В. Соколова в настоящем издании, 129–142). Наконец, было принято решение запретить любые публикации в обсуждение всех дел Зимина о *Слове*. Случилось, как и предполагал Д.С. Лихачев (настаивавший

на печатании статьи Зимина): отсутствие достоверных сведений только подпитывало ажиотаж и в Советском Союзе, и за рубежом.

В мае 1963 г. стало ясно, что делом заинтересовался Идеологический отдел ЦК КПСС. Заместитель его заведующего И.И. Удальцов распорядился организовать закрытое обсуждение книги Зимина до начала Съезда славистов с тем, чтобы, как писал один из посвященных, «определить возможные позиции (отрицание, частичное признание и т.п.) [...] Если единого мнения не будет, то наметить целесообразное поведение на съезде».

Так впервые возникла идея, приведшая через год к знаменитому совещанию. Было решено специально для обсуждения напечатать книгу Зимина на ротапринте и в ограниченном количестве 12 экземпляров.

Узнав о подобных планах, Д.С. Лихачев написал письмо академику-секретарю Отделения литературы и языка АН СССР и председателю Советского комитета славистов академику В.В. Виноградову с просьбой пересмотреть их и издать книгу Зимина нормальным типографским изданием. Он повторил свою просьбу в письме вице-президенту АН СССР П.М. Федосееву. Тем не менее, механизм подготовки закрытого обсуждения уже был запущен и его никто не решался отменить.

Был и у Зимина шанс избежать обострения и не доводить, как ему советовали, дела до формального *события*, по бюрократической логике уже не могущего не завершиться какими-то организационными последствиями. Но он стремился к открытой конфронтации. Как вспоминал С.М. Каштанов, Зимина «увлекла идея покорить читателей и слушателей смелой гипотезой и стройной системой доказательств [...] Он настолько ею увлекся, что остановить его было уже невозможно, никакие «разумные», вернее, «благоразумные» доводы на него не действовали». Интересно, что в воспоминаниях Зимин полностью противоположным образом представлял дело: «Работу о «Слове» меня заставило написать начальство [...], ему очень хотелось меня «проработать». Требовался для этого мой какой-либо хоть плохенький (и это даже лучше), но все-таки текст. Я написал трехтомник [...]»⁶. Хронология написания книги, как ее воссоздает по документам Соколова, не подтверждает припоминания Зимина. Он сел за написание текста если еще не до доклада в Пушкинском Доме, то сразу же после него. В марте 1963 г. Зимин сообщал о рукописи объемом 7 а.л.; в мае (еще до официального решения об обсуждении) рукопись уже насчитывала 16 а.л. (и ее уже как *книгу* читал акад. В.В. Виноградов); в конце июля — 20 а.л. Издание книги также входило в первоначальные намерения Зимина.

В июле 1963 г. Зимин подал в Отделение истории рукопись (объемом 22 а.л.). Начался длительный торг об условиях печати и обсуждения. Узнав, что вместо обещанных 150 экз. намерены печатать 12, Зимин забрал рукопись.

6 Цит. по: Зимина В.Г. К читателю. Зимин А.А. *Слово о полку Игореве*, 4.

Ему предложили новые условия: 25 экземпляров, он отказался. Предложили 100 экземпляров и 30 участников обсуждения, которым книжку не выдадут на руки. Он отказался. Зимин настаивал на как можно более широком обсуждении. Ему предложили представить список кандидатур, он составил его на 180 человек. Переговоры затягивались, и стало ясно, что к Съезду славистов совещание уже не состоится. Зимину предлагали принять участие в съезде, он начал оформлять документы для выезда за границу, но в последний момент отказался.

Окончательно решение о судьбе книги и ее обсуждении принималось уже после Съезда славистов. 12 сентября 1963 г. было решено печатать книгу тиражом в 100 экземпляров и обсудить на закрытом совещании, куда пригласить тщательно отобранных участников. Издание книги, и таким тиражом, Зимин рассматривал как безусловную свою победу. Он стал готовиться к обсуждению, составлять списки участников, старался как можно большему числу коллег дать прочесть рукопись (за 8 месяцев прочитали около 100 человек), просил присылать письменные отзывы (предоставили 50 человек), интенсивно переписывался с поклонниками. Словом, строил войска для решающей битвы.

Нарастающее напряжение, однако, нисколько не изменило доброжелательного отношения к Зимину, даже среди тех, кто категорически не принимал его идей. Б.А. Рыбаков писал в июле 1963 г.:

Зимин написал уже книгу в 20 печ. листов [...] Он уверяет, что все мы, защитники «Слова», немедленно уверуем в его правоту и сложим оружие. Я знаю его аргументы по кратким тезисам и по трехчасовому изложению их им самим. Странная, совершенно необъяснимая убежденность [...] На днях А.А. возвратился из командировки на юг и привез фотокопии 120 стихотворений Иоила Быковского. Все это — второсортные вирши, как и следовало ожидать. Но это его не отрезвило, и он полон необузданной гордыни. Я очень люблю Александра Александровича, и мне крайне досадно, что он ставит себя в ложное положение [...]

Между тем у многих коллег Зимина, не разделявших его идей, возникали сомнения относительно целей запланированного обсуждения и целесообразности своего участия в нем. Они вполне осознавали, в насколько ложном положении окажутся на подобного рода закрытом совещании. Научные убеждения не позволяли им поддержать коллегу, а резкая критика непременно делала их орудием возможной расправы. Люди опытные, они понимали, что обстоятельства складываются таким образом, что Зимин (как опасался еще в начале истории Лихачев) «может пострадать», и что партийные власти хотели бы, чтобы он пострадал в их руках.

Судя по всему, Лихачев хотел получить некие гарантии, что обсуждение будет иметь только академические последствия для Зимина. В начале 1964 г. в письме к академику-секретарю Отделения истории Жукову он писал о невоз-

возможности для себя участвовать в нем: «Окончательно свое согласие на участие в обсуждении рукописи А.А. Зимины я смогу дать только тогда, когда более подробно узнаю о целях обсуждения, об окончательном составе приглашенных и о порядке обсуждения». Если целью обсуждения является решить вопрос о целесообразности печатания книги Зимины, то подобное совещание, настаивал Лихачев, лишено смысла: никто ведь и не возражал против издания книги, которое нужно осуществить независимо от результатов дискуссии.

В силу понятных причин, в книге Л.В. Соколовой полностью отсутствуют документы (внутренняя переписка, докладные записки, протоколы заседаний и совещаний, решения и т.п.) партийных органов, в частности идеологического отдела ЦК КПСС. Об этом можно лишь сожалеть, ведь именно там на самом деле находился центр принятия решений. Мы догадываемся, что «невидимая рука» направляла события в определенном направлении. Но отсутствие документов приводит к тому, что вся история предстает однобоко, невольно переноса бремя ответственности на людей и институты, которые были только вынужденными и неохотными исполнителями. Пока эта часть документации не будет опубликована, мы не узнаем, какими соображениями руководствовались партийные власти, наметив именно такой сценарий и неуклонно его соблюдая, и, главное, какую цель они преследовали, последовательно раздувая из академической дискуссии публичный скандал. Впрочем, может так случиться, что такой документации и не существует — совещались и давали указания по телефону.

В феврале 1964 г. Отделение истории и Отделение литературы и языка предприняли последнюю попытку избежать обсуждения. Они направили пространную докладную записку секретарю ЦК КПСС, заведующему Идеологическим отделом Л.Ф. Ильичеву, смысл которой заключался в том, что книгу Зимины нужно печатать без обсуждения. К сожалению, партийные власти решили не отступать от намеченного способа действий. Совещание постановлено было провести, закрытое, а книгу не печатать. Решение принималось в таких верхах, что академические инстанции были беспомощны что-либо предпринять. В телефонном разговоре с Лихачевым Б.А. Рыбаков якобы сказал: «совещание постановлено свыше и оно состоится *даже и без нас*». Другими словами, ученым не оставили выбора. Последствия Лихачев весьма пророчески описал в письме к Рыбакову: «Положение очень трудное — в силу закрытости обсуждения — и крайне для нас поэтому невыгодное. Общественное мнение все равно [...] будет на стороне Зимины. Слухи и возбуждение только усилятся». Сторонники Зимины рисковали карьерой, противники — репутацией, но было ясно, что без потерь никому выйти из положения уже не удастся. Из-за этого несколько принципиальных критиков Зимины — М.Н. Тихомиров, Ю.М. Лотман, И.И. Смирнов — официально отказались принимать участие в совещании.

Отнесясь поначалу с энтузиазмом к идее дискуссии, Зимин, с приближением даты, начал терять привычное мужество. Он попытался отговорить

кое-кого из знакомых от участия, накануне, ссылаясь на плохое здоровье, просил отменить обсуждение и наконец не появился на нем.

Обсуждение книги Зимина состоялось 4–6 мая 1964 г. Оказалось оно удивительно людным, как для «закрытого» мероприятия: в зале Института истории присутствовало 230 человек. Окончательный список приглашенных включал 60 человек. 20 из них были приглашены Зиминим, его противников также было 20 (остальные, как полагает Л.В. Соколова — «чиновные лица»).

Существует несколько воспоминаний о том событии, по которым до сих пор приходилось судить об атмосфере, царившей на обсуждении. Л.В. Соколова приводит показательный — В.Б. Кобрин:

Большинство выступавших использовало трибуну для нападок на Зимина. Я слушал и поражался: ведь выступают ученые, они хорошо знают, что Зимин искал только истину, что прекрасно понимал, на какой риск идет. Увы, из тех, кто выступал против выводов Зимина, не нашлось, кроме Николая Калиниковича Гудзия, никого, кто бы сказал: я не согласен с Зиминим, но уважаю его научную честность, а полемизировать с его взглядами буду только после опубликования книги⁷.

Стенограмма выступления академика АН Украины Н.К. Гудзия (с. 154–163 рецензируемого издания) свидетельствует, что приписываемых ему Кобриним слов он не произносил. На самом деле выступление Гудзия было критическим. Кобрину *хотелось услышать* нечто в этом роде, и он приписал свой внутренний текст Гудзию только потому, что тот был первым среди выступающих. Это означает, что сторонники Зимина пришли на обсуждение уже в определенном эмоциональном состоянии, с заранее сформированными ожиданиями и впоследствии вспоминали не реальное событие, а свои ожидания от него.

По свидетельству того же Кобрин, уже после завершения совещания, «Александр Александрович, потирает руки, говорил: «Что ж, подведем итоги. Меня били. Но меня били не так, как в тридцать седьмом. И не так, как в сорок девятом»⁸. Если это не очередной апокриф⁹, окружение Зимина в худших своих опасениях рисовало именно такие сценарии и в их недобром свете воспринимало реальность. Много лет спустя Зимин также вспоминал обсуждения в образе *судилища*:

Корифеи науки заговорили языком публицистов [...] Получилось, что честные в своей основе ученые стали играть роль свидетелей обвинения на неправедном

7 Кобрин В.Б. *Кому ты опасен, историк?*

8 Кобрин В.Б. *Кому ты опасен, историк?*

9 Смысл эпизода, надо полагать, состоит в том, что этой фразой Зимин утверждал: его выступление в защиту свободы таки было не напрасным. Это очень напоминает легенду о главном герое «хрущевской оттепели». По преданию, Н.С. Хрущев черпал оптимизм в своем поражении на октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г.: его только уволили с занимаемых постов, а не арестовали и расстреляли, как это было бы при Сталине. В таком «смягчении нравов» Хрущев видел свою большую личную заслугу.

процессе. Самолюбцы вступают неизбежно в союз с сатаной, если забывают о существовании великого братства ученых. Никакая цель не оправдывает недостойных средств борьбы за ее торжество. Каковы бы ни были расхождения между учеными в споре о «Слове...» никто не имел права брать себе в союзники жандармов¹⁰.

Важно, что в разгар событий Зимин совершенно иначе оценивал и само совещание, и отношение к нему коллег. В своем заключительном слове он, в частности, сказал:

Высказана была масса интересных мыслей, наблюдений, масса полезного. Лично для себя я получил много полезного. [...] И если мы будем так же дружно и плодотворно работать, решая сложные вопросы, как мы работали, очень хорошо работали, на этом совещании, я думаю, что советская историческая наука и советская наука вообще только выиграет. [...] И такое собрание, какое было организовано сейчас — деловое, без лишнего людей, не имеющих непосредственного отношения к теме, на котором собрались люди, серьезно работающие в этих областях, мне кажется, лично мне, по крайней мере, принесло огромную пользу. Еще раз я хочу сказать от всей души, от всего сердца — я благодарен и собравшимся, и тем, кто взял на себя нелегкую задачу собрать это весьма компетентное собрание (568).

Тем не менее, в коллективной памяти закрепился ретроспективный образ судилища, где разнузданно издевались над ученым и дискредитировали его личность вместо того, чтобы полемизировать с его идеями. Вот, например, вывод А.А. Формозова, автора вступительной статьи к публикации дневниковых записей Зимина:

В целом обсуждение сознательно было направлено не по тому руслу, как хотел А. А. Зимин. Решался не вопрос, надо ли печатать его книгу, а вопрос, допустимо ли выдвинутое им мнение. Хотя многие оппоненты Зимина высказались за издание книги, все же дискуссия свелась к дискредитации автора¹¹.

Стенограмма обсуждения книги Зимина убеждает, что ничего подобного в действительности не происходило. Тон выступающих не только ничем не напоминал «тридцать седьмой год», но был подчеркнуто уважителен к Зимину (акад. АН УССР Н.К. Гудзий: «Я очень сожалею, что среди нас не присутствует

10 Журналист «Радио Свобода» Илья Смирнов следующим образом парafразировал воспоминания Зимина: «Подчеркиваю: для Зимина это была чисто академическая проблема, в ряду сотен других источниковедческих проблем, по которым приходилось полемизировать с коллегами. Политику в дело о «Слове» внесли другие, причем не со стороны, не из госбезопасности, а из самих же историков, которые воспользовались ситуацией, чтобы засвидетельствовать свой образцовый патриотизм» (цит. по: Соколова Л.В. Новые мифы о старом, 32–33).

11 *Вопросы истории*. 1992, №№ 6–7, 100. Эта мысль неверна и фактически. Как отмечает Соколова, большинство участников обсуждения оказались не информированы о решении властей не публиковать книгу и думали, будто цель дискуссии состоит в рекомендации ее к печати. Именно поэтому многие считали нужным подчеркнуть, что, вопреки их критике, книга безусловно заслуживает публикации.

А.А. Зимин, не присутствует по болезни. [...] Думаю, что мы пожелаем ему скорейшего выздоровления, так как каждый из нас питает к нему то уважение, которого он заслуживает и как ученый, и как человек» (134).

Заседание началось с решения деликатной проблемы: насколько этично обсуждать книгу в отсутствие автора и не ставит ли это Зимина в уязвимое положение. Академик Н.Н. Дружинин вообще предлагал отложить обсуждение до времени, когда автор книги выздоровеет и сможет принять в нем участие (149–150). Решено, впрочем, было обсуждение проводить с тем, чтобы Зимину была предоставлена полная стенограмма выступлений (акад. Б.А. Рыбаков: «Мне кажется, что Александр Александрович получает даже некоторое преимущество [...] Он получит стенограмму. У него будет возможность известной подготовки. Ответ его будет обдуманым и полным и значительно более весомым») (131).

В первый день заседаний состоялся характерный эпизод. Чл.-корр. АН СССР А.В. Арциховский начал свое выступление со следующего заявления:

Я прежде всего должен протестовать против недопустимого грубых выражений, которые употребил мой предшественник по адресу А.А. Зимина (*Аплодисменты*). Это совершенно возмутительно. Я глубоко уважаю А.А. Зимина — одного из лучших советских историков, несмотря на эту книгу, и замечательного человека (241).

Перед Арциховским выступал В.И. Стеллецкий, литератор и переводчик *Слова о полку Игореве*. Из стенограммы его выступления (211–240) не очевидно, что именно Арциховский (и, судя по аплодисментам — аудитория) расценили как возмутительную грубость. Несмотря на определенную небрежность тона, откровенных оскорблений *ad personam* он все же не допускал (напротив, засвидетельствовал уважение к Зимину: «Мы, многие из присутствующих здесь, относимся к А.А. Зимину с симпатией и уважением [...]» (211)). Похоже, Арциховский эвфемистически намекал на иное: Стеллецкий позволил себе выпады с политическим подтекстом («В.И. Ленин учил нас прислушиваться к тому, что говорится за рубежом, в частности, врагами. Поэтому я обращаю ваше внимание [...]» (238); «А подумал ли Зимин о своей ответственности ученого перед народом?»; «Зимин опорочивает исследования корифеев русской филологии [...]» (239)).

Арциховский остро отреагировал на попытки привнести в обсуждение элементы привычной советской демагогии. С той же мысли на следующий день начал свое выступление Я.С. Лурье:

[...] Все выступающие оказались едины в своем полном уважении к автору и к поставленной автором перед собой серьезной научной цели. Единственное в этом случае печальное исключение было достаточно ясно отвергнуто всеми выступавшими. И я думаю, что и в этом мы все едины. Мы уважаем Александра

Александровича как ученого, мы уважаем его стремление выяснить истину в этом сложнейшем вопросе и его право на вынесение этого вопроса (358).

И еще откровеннее назвал вещи своими именами Л.А. Дмитриев:

По-моему, вчера было встречено единодушным осуждением выступление Владимира Ивановича Стеллецкого, выдержанное в стиле «проработки» печальных времен, оно не имеет никаких оснований (340).

Это была именно та тональность обсуждения, на которой настаивал в самом начале Д.С. Лихачев:

Еще одно замечание, которая я считаю необходимым предпослать своему выступлению: спор о подлинности «Слова о полку Игореве» является научным спором и *привносить сюда какие-то вненаучные элементы не следует* (164).

Стеллецкого, человека извне ученого цеха, быстро поставили на место. В течение следующих двух дней из около тридцати выступавших никто (за одним печальным исключением, о котором ниже) не опустился до идеологических инсинуаций.

Известно: иногда то, о чем умалчивают, оказывается важнее, чем сказанное. В английском языке есть метафора «слона в гостиной», присутствие которого упорно не замечают. Ее употребляют для характеристики разговоров и дискуссий, главной темой которых является та единственная, о которой не сказано ни слова.

Чтение стенограммы обсуждения книги Зимина убеждает, что между ее участниками был заключен негласный пакт: любой ценой не произнести страшных слов: «Слово и дело государево!», после которых академическую дискуссию изымут из рук ученых и превратят в идеологическую проработку с непредсказуемыми последствиями для автора книжки. Принимать участие в таком действе не желали не только сторонники, но и противники Зимина. Раз за разом выступающие подчеркивали, что речь идет об очень специальном, очень сложном, исключительно научном споре, высказаться в котором компетентно может только тот, кто имеет отношение к науке. Вопреки тому, что Зимин вспоминал совещание как вопиющее нарушение цеховой солидарности, где коллеги взяли себе в союзники жандармов, солидарность была и именно она очерчивала вокруг присутствующих невидимый меловой круг.

Очевидно, именно такая атмосфера первого дня обсуждения убедила Зимина, что его худшие опасения не оправдываются, и он может в дальнейшем участвовать в совещании. В течение второго и третьего дня выступающие уже не смущались дискомфортом заглазного обсуждения (акад. Б.А. Рыбаков: «Я очень рад, что мне придется выступать сегодня, когда Александр Александрович выздоровел и я смогу прямо в лицо ему сказать то, что вчера

пришлось бы говорить в его отсутствие. Я рад этому еще и потому, что мы, выступающие в прениях, сможем выступать вполне открыто, видя перед собой автора обсуждаемой работы, а также потому, что мы услышим здесь ответ автора, ответ на разные вопросы» (251).

Знакомого с ритуализированной риторикой советских собраний стенограмма обсуждения книги Зими́на поражает практически полным отсутствием ожидаемых «примет времени». В течение трех дней ни один из участников не упомянул о руководящей роли партии, не вспомнил какого-либо из положений классиков марксизма-ленинизма, не сослался на последние решения съезда или пленума партии. Единственным нарушителем конвенции, указавшим пальцем на «слона в гостиной», оказался сам А.А. Зимин.

Ему предоставили слово в завершении дискуссии. Стенограмма его выступления занимает 63 страницы в нынешнем издании (505–568). Говорил он, очевидно, не один час: пересказывал содержание присланных ему письменных отзывов на книгу; разъяснял свои позиции, полемизировал с высказанными замечаниями.

Впрочем, слух современного читателя режет прежде всего чрезвычайная — и вообще, и тем более на фоне подчеркнутой «стерильности» других выступлений — идеологизированность его речи и насыщенность советской риторикой. Здесь придется вынести пространное цитирование из Зими́на:

Только с позиций марксизма-ленинизма — единственной методологической основы всех трудов советских историков, лингвистов, литературоведов — может быть верно решен кардинальный вопрос о времени и обстоятельствах возникновения этого памятника.

Только исходя из понимания идейного содержания, классовых основ этого произведения можно подойти к разбору важнейших вопросов истории его текста, и отнюдь не случайно, что крупнейшие достижения в этой области достигнуты советскими историками, советскими литературоведами, советскими языковедами (305–306).

Первые две страницы стенограммы практически полностью отведены под заверения в политической и идейной лояльности:

Исторические решения XX и XXII съездов партии привели к коренному перелому в решении важнейших проблем отечественной истории. Перед нами, учеными, раскрылись невиданные перспективы для развития отечественной науки. Долг советских ученых с благодарностью ответить на ту заботу партии и правительства, которую они оказывают развитию самой передовой в мире науки. Только теперь стала возможной постановка дискуссионных больших вопросов [...]

Именно поэтому, руководствуясь решениями нашей партии, руководствуясь теми заветами, которые оставил нам великий Ленин, я решился на то, чтобы поставить большой и важный вопрос по истории отечественной культуры (506).

Разумеется, подобное злоупотребление было частью защитной стратегии Зими́на: он хотел обезопасить себя от политических обвинений, а также

продемонстрировать, что способен переиграть своих вообразенных преследователей на их поле и их же оружием. Создается впечатление, что эту речь он заготовил заранее и не заметил, что его били не так, как в тридцать седьмом или сорок девятом. В любом случае, это разительно контрастирует с надменным «надоела брехня» воспоминаний.

Заверения в верности марксистско-ленинской методологии и заветам великого Ленина были неуместны и стилистически, и как стратегия: Зимин отвечал на обвинения которые ему не выдвигали. Иные запрещенные приемы, к которым прибегал Зимин, оказались не такими безобидными и звучали почти доносительно:

Первым выступил в защиту древности или против Мазона П.Н. Милюков. Его аргументы повторяются в основных чертах и развиваются дальше Д.С. Лихачевым [...] Это историографический факт, о котором Д.С. Лихачев почему-то всегда умалчивает. Далее. Основной противник позднего происхождения «Слова» — небезызвестный профессор Р. Якобсон (США), политические и научные представления которого достаточно ясны. Его школа поднимается на щит в зарубежной славистике, и я что-то не слыхал, чтобы Д.С. Лихачев хоть когда-нибудь подвергал взгляды Якобсона и его последователей серьезной критике. На месте Бориса Александровича Рыбакова я бы повторил тот пикантный случай, который он столь красочно изобразил на лекции студентам [...] На последнем съезде славистов якобы к нему подошел Р. Якобсон и предложил ему союз против Зимина.

(Б.А. Рыбаков: Вы слышали об этом? Я подтверждаю Ваши слова, но только не тот источник!)

Д.С. Лихачев не упомянул и ренегата Лесного, бежавшего с немцами из Киева и подвизающегося сейчас в Австралии. Этот с позволения сказать «ученый» дикой бранью встретил не только работу Мазона, но и прислал [...] уже готовую разностную рецензию против Зимина в комиссию по «Слову о полку Игореве» [...] Напрасно Вы, Борис Александрович, в последней работе о Древней Руси с сочувствием ссылаетесь на «интересные соображения» этого, с позволения сказать, «ученого». Можно было бы напомнить о том диком вое (иного слова не подыщешь), который был поднят реакционными славистами, прослышавшими теми или иными способами о докладе Зимина и пытающимися сколотить общественное мнение за рубежом против Зимина. Я имею в виду и выступление Якобсона на съезде славистов с анонимным выпадом против меня, и «деятельность» в этом направлении главных столпов реакционной славистики — украинского националиста Д. Чижевского и «патриарха» эмигрантских историков Г. Вернадского и многих других. Все они с нетерпением ждут возможности начать разнузданную кампанию против Зимина (526–527).

Намеки здесь прочитываются даже слишком очевидно. Утверждение подлинности *Слова о полку Игореве* является элементом реакционной идеологии антисоветски настроенных белоэмигрантов и украинских националистов. Раз такие «ренегаты» и «реакционные слависты» выступают против Зимина, значит Зимин стоит на правильных, прогрессивных позициях советского историка. А вот Д.С. Лихачев и Б.А. Рыбаков не просто сочувствуют белоэмигрантам

и поддерживают их вредные теории, но даже вступают в организационные союзы с «реакционной славистикой». Лихачеву с Рыбаковым также повезло, что на дворе были новые времена.

«Птичий язык» науки, которым в течение трех дней велась дискуссия, не просто охранял Зимина от любых оргвыводов, он делал невозможным само вмешательство в разговор партийных властей. Как наказать за политический демарш, было ясно, за предпочтение какому-то разночтению в богом и людьми забытом списке XV или XVI в. — невозможно. Своим выступлением Зимин пробил брешь в стене. На это сразу отреагировало натренированное ухо академического администратора акад. Е.М. Жукова. Выступая с заключительным словом, он начал говорить об «историческом фронте» и ответственности каждого историка за общее дело, о том, что труд Зимина «бросил тень» на всех историков. С легкостью подхватив тональность Зимина, Жуков продемонстрировал, что на поле демагогии выиграть невозможно:

[...] Заниматься «Словом» можно и нужно. [...] Но исследовать «Слово» нужно не по Мазону, а по Марксу. Я думаю, что все товарищи помнят, что Маркс очень высоко ценил «Слово» и не сомневался в его подлинности (576).

Но был уже поздний час, Жуков извинился за продолжительность обсуждения, поблагодарил всех присутствующих и закрыл заседание. Журнал «Вопросы истории» опубликовал отчет о дискуссии (как считали, тенденциозный), и на этом история, по сути, закончилась. Началась легенда.

Ее важнейшей чертой, как теперь выясняется, было перенесение вины за содеянное с истинных виновников на неповинных в несчастьях Зимина коллег. Так с некоторых пор начал думать Зимин, так считали близкие ему люди, в это — пересказывая легенду — хотели верить те, кто по разным причинам был недоволен состоянием науки или своим местом в ней. Перенос вины с близких инстанций на конкретных и видимых людей, ее персонификация в образе нескольких имен и лиц, психологически объяснимы как реакция на травматический опыт. Горечь от поражения — когда по всем расчетам ожидался триумф — заставляла Зимина искать виновников среди участников обсуждения: корифеев науки, которые на деле оказались честолюбцами и союзниками жандармов. Вообще говоря, неясно, какого поведения от коллег ожидал Зимин. Считал бы он нравственно более безупречным научное лукавство во имя его, Зимина, права на высказывание или даже во имя абстрактного принципа свободы творчества? История Зимина постепенно стала восприниматься как обвинение всему академическому сообществу, его реакционности, чиновности, догматизму и глухоте к новым идеям, его двойной морали. Парадокс заключается в том, что всеми этими качествами наука советское время была наделена сполна, но именно история с обсуждением книги Зимина об этом свидетельствует в наименьшей степени. Напротив,

здесь проявилась корпоративная солидарность, которая не позволила перенести научный спор в плоскость административных действий. Учитывая обстоятельства, это не так мало.

Очевидно именно поэтому власти оказались не скоры на расправу. Вся история, строго говоря, не имела для Зимина никаких последствий. Заведения в обратном — из области житийной литературы. Его не уволили с многочисленных должностей, ему даже удалось постепенно издать в виде статей главные результаты своих исследований о *Слове*. Зимин, правда, не сделал большой административной карьеры в Академии наук (так и не был избран в члены-корреспонденты), о чем сожалеют все без исключения мемуаристы. Но, учитывая моральную позу Зимина, стремиться к признанию среди честолобцев и жандармов, как и сожалеть о его отсутствии, было бы по меньшей мере странным.

В воспоминаниях о событиях 1963–1964 гг. проявилось и еще одно смещение смыслов. Оказывалось, что спор о подлинности *Слова о полку Игореве* был не целью, а только средством утверждения неких ценностей (Зимин: «Выступление [...] было борьбой за право ученого на свободу мысли. Речь шла не о том, прав я или нет [...]»; Кобрин: «Дело не в том, прав был Зимин или нет [...] Зимин считал, что [...] поможет утвердить мысль, что в науке нет запретных тем [...]»). Зимин якобы использовал тему подлинности *Слова* для того, чтобы привить окружающим уважение к свободе слова, творчества, к независимости личности. Поэтому противостоящих Зимину в споре судили строго как отрицавших подобные принципы. Эти высказывания обозначают довольно странную, если вдуматься, мысль — не важно, попирается ли ложный кумир, или оскверняется дорогая святыня, важен урок такого публичного святотатства. И даже лучше, если святыня, урок от этого становится только очевидней. Это, впрочем, тоже мотив из агиологии: ужасенные язычники наблюдают, как миссионер глумится над их божествами. В художественном творчестве демонстративное надругательство над общепринятыми культурными символами для утверждения новой эстетики встречается не так уже редко. Для ученого, конечной целью которого есть поиски истины (то есть, именно отличать истукана от реликвии), подобные жесты, вероятно, лежат вне поля возможностей.

Могло ли все случиться иначе? Возможно, в другой стране и в другие времена. Это, впрочем, пропозиция из числа сугубо гипотетических. Более осмысленно звучит вопрос: могло обсуждение книги Зимина иметь другой результат? Имел ли шансы Зимин убедить в своей правоте, если бы только ученые были искренни и жили в свободном обществе? Мог ли он выйти из совещания под восторженные аплодисменты убежденных им оппонентов? На этот вопрос ответ существует.

В науке, тем более гуманитарной, коллективные прозрения происходят редко, практически никогда. Радикальные идеи требуют времени для усво-

ения и примирения с ними, иногда для этого требуется смена поколений. Об этой особенности науки даже существует целый ряд афоризмов, самый затертый из которых (и самый пронизательный) утверждает: любая научная идея проходит через три стадии восприятия. Сначала говорят: это совершенно невозможно, потом говорят: в этом что-то есть; наконец, говорят — это давно всем известно. За почти полвека гипотеза Зимина одолела лишь второй этап. И уже очевидно, что третьего — то есть всеобщего признания — ей не суждено. Давно нет Идеологического отдела, нет и самого ЦК, исчезла и страна, в которой они существовали. И тем не менее, если бы обсуждение книги Зимина происходило сегодня, оно вынесло бы такой же приговор. К чести наших предшественников сказать: нет уверенности, что стилистически дискуссия существенно отличалась бы в лучшую сторону от 1964 г.

Собственно, этот эксперимент был поставлен на наших глазах. Обсуждение книги Эдварда Кинана «Йозеф Добровский и происхождение «Слова о полку Игореве», конечно, проходило в иных организационных формах, оно, как и положено, шло на страницах журналов. Общий итог, однако, оказался тождественным: гипотеза не была принята, а ее автора критиковали в достаточно решительных выражениях.

Толерантность российской гуманитаристики к радикальным идеям, действительно, ниже принятой в других научных сообществах, и первой коллективной реакцией на них, как правило, оказывается отторжение. Возможно, это связано с особой ролью гуманитарного знания в общей системе культуры, где от науки ожидается не столько новаторство, производство новых смыслов и нового знания, сколько сохранение унаследованной традиции и поддержание преемственности. Разговор о причинах такого положения — отдельная тема, за пределами задач этой рецензии. Были периоды, советский из их числа, когда такая — добровольно принятая ли возложенная обществом — миссия оказывалась вполне оправданной историческими обстоятельствами. История Зимина — это, кроме всего прочего — история о защите научным сообществом важных для его собственной и более широкой культуры символов и ценностей. Обстоятельства, однако, меняются, и, возможно, науке время освободиться от несвойственных ей охранительных функций. Оценки эпизода с дискуссией вокруг книги Зимина, вероятно, будут меняться по мере такого освобождения. С изданием чрезвычайно важной книги Л.В. Соколовой это теперь возможно делать достоверно, на основании документального знания, а не мистифицированной традиции.

Алексей Толочко

ОГЛЯДИ

Kęstutis Katalynas. *Vilniaus plėtra XIV–XVII a.* Vilnius: Diemedis, 2006, 208 p. [Кястутіс Каталінас. *Розвиток Вільнюса у XIV–XVII ст.*]

У анотованій книзі відомий литовський археолог К. Каталінас, спираючися на дані археологічних розкопок у Вільнюсі (яких на 2006 рік було понад 1000), реконструює розвиток міста з XIV по першу половину XVII ст.

Книга поділена на п'ять великих частин. У Вступі (7–22) автор робить огляд проблем, пов'язаних із дослідженням розвитку міста та описує палеорельєф місцевості на якій був розташований Вільнюс. Наступні частини книги присвячені розвитку Вільнюса протягом різних часових проміжків: у XIV (23–58), XV (59–79) та XVI–XVII (80–109) століттях. Кожна з частин має однакову структуру. Спочатку подана коротка характеристика історії Великого князівства Литовського у часовий проміжок, про який йтиметься і що якимсь чином могло впливати на розвиток Вільнюса (наприклад, торгівля); потім автор подає інформацію про розвиток міста у даний період з письмових джерел (допоміжні відомості); а у третьому підрозділі подані відомості археологічних досліджень за головними локалізаціями, що помічені на планах, доданих до книги (Верхній замок, Нижній замок, Кривий замок та «Криве місто», центральна частина міста, окраїни міста, укріплення, дороги, торговища). В узагальненнях до останнього підрозділу автор порівнює розвиток Вільнюса із розвитком інших міст того періоду (в тому числі і руськими містами: Полоцьком, Києвом, Москвою, Смоленськом тощо). У загальних висновках до книги (110–112) коротко подані особливості розвитку Вільнюса від XIV по першу половину XVII ст. Крім планів (на кожний часовий проміжок) та великої кількості ілюстрацій, до книги доданий великий список джерел та літератури (113–134) та велике резюме польською (135–182) та англійською (183–207) мовами.

Книга стане у пригоді не лише археологам, але й усім, хто займається історією міст.

К.К.

Lietuvos didžiojo kunigaikščio Aleksandro Jogailaičio dvaro sąskaitų knygos (1494–1504). Parengė Darius Antanavičius ir Rimvydas Petrauskas. Vilnius, 2007. 568 p. [*Книги рахунків двору великого князя Олександра Ягеллончика (1494–1504)*]

У книзі видані три найраніші збережені книги рахунків двору Олександра, великого князя литовського (1492–1506) та короля польського (1501–1506),

які зберігаються зараз у Archiwum Głównym Akt Dawnych (Archiwum Skarbu Koronnego, Rachunki królewskie. Nr. 23, 25, 27) у Варшаві. Видання містить як оригінальний латинський текст, так і переклад на литовську мову (виконаний Р. Пятраускасом).

Тексту джерела передує ґрунтовна стаття Р. Пятраускаса «Двір Олександра Ягеллончика та його книги рахунків», IV–XXIII; англійською мовою (XXVII–XLVIII), опис рукописів, підготовлений Дарюсом Антанавічюсом (XXIV–XXVI); (англійською мовою XLIX–LI) та фотографії аркушів публікованих книг. Детальний покажчик (алфавітний іменний та географічний) займає велику частину книги (334–510).

К.К.

Mindaugas karalius. Sudarė Vytautas Alysauskas. Vilnius: «Aidai», 2008, 102 p.

Анотована книга була створена до 750 ювілею коронації Міндовга, що святкувався у 2003 році, і являє собою збірку статей литовських дослідників. Статті, представлені у книзі, публікувалися окремо у різних часописах в різні роки, але об'єднані спільною тематикою. Таким чином, до збірки увійшла стаття класика литовської історіографії Зенонаса Івінскіса «Міндовг та його корона. Критичні замітки з семисотлітньої (1253–1953) перспективи» (65–95), що вперше була опублікована у 1954 році у журналі «Aidai». Стаття Івінскіса складає майже половину збірки та представляє детальний опис проблеми коронації Міндовга. Починаючи від аналізу джерел та історіографії, дослідник розглядає цілий ряд питань, пов'язаних із Міндовгом. Походження майбутнього короля, питання місцезнаходження столиці, відновлення язичництва та проблема земельних надань, що автор відносить до «до кінця нез'ясованих», порівняння коронації королів у Європі у XIII ст. із коронацією Міндовга, питання коронаційної церемонії та місця її проведення, сенс коронації — усе це розглядається у розвідці.

Також до збірки увійшли праці сучасних литовських дослідників: Рімвідаса Пятраускаса, Людаса Йовайші, Дарюса Баронаса та Едвардаса Гудавічюса. У цих статтях представлені дослідження різних аспектів коронації Міндовга. Л. Йовайша пише про церкву часів Міндовгового хрещення (9–23), побіжно торкаючися проблем, характерних для церкви XIII ст.: проблеми священства та царства, появи монголо-татар, канонічного права та язичництва, місіонерської діяльності чернецьких орденів, архітектури тощо.

Продовжуючи питання церкви, наступна стаття Д. Баронаса представляє нам діяльність християнського короля Міндовга у очах папського престолу (23–31), заторкуючи і близькі дослідникам Русі питання взаємодії Міндовга та Данила Галицького на початку 50-х років XIII ст.

Е. Гудавічюс зупиняється на зміні статусу великокнязівської родини (Міндовга та Марти) на християнський (31–49). Починаючи дослідження із питання шлюбу Міндовга та Марти далі автор подає опис проблеми катехізації майбутньої королівської пари, переговорів про коронацію. Коронаційний акт та його наслідки завершують статтю.

Наступний автор збірника — Р. Пятраускас — пише про по-Міндовгові часи (51–63). Як і чому Міндовг був «забутим королем» від кінця XIV до XVI ст.? Де і у яких випадках його згадували? Яким чином він знов увійшов до історії? Ось основні питання статті.

Книга буде цікавою не лише тим, хто займається історією XIII ст., але і тим, кому цікава ренесансна історіографія: «забуття» та «пригадування» історичних осіб.

К.К

Dubonis Artūras. *Traidenis. Monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje 1268–1282*. Vilnius: LII Leidykla, 2009, 242 p.

[Дубоніс Артурас. *Трайдяніс. Відновлення влади монарха у Литві 1268–1282 pp.*]

Монографія присвячена одному із загадкових ранніх литовських князів. Князь Трайдяніс (Тройден у слов'янській традиції) посів литовський престол після Войшелка та намагався Галицько-Волинського князівства поширити свій вплив на литовські території. На відміну від попередників (Міндовга та Войшелка), Тройден був язичником та вів досить агресивну зовнішню політику як на Сході, так і на Заході. За його часів Велике князівство Литовське остаточно сформувалося як середньовічна держава, а князівська влада укріпилася. Але у історіографії цьому князю присвячено не так багато розвідок. Новітні дослідники, як зазначає автор анотованої книги у *Вступі* (19), більшою мірою спираються на роботу Хенріка Пашкевича 1933 р., яка є останньою, де детально розглядається час та правління Тройдена.

Анотована книга складається зі *Вступу* (13–33), шести розділів, додатків, хронологічної таблиці (185–189), списку джерел та літератури (191–204), географічного та іменного покажчиків, а також резюме англійською та російською мовами.

У *Вступі* автор аналізує образ Тройдена, що склався у історіографії, відділяючи власне науковий образ (репрезентований В. Антоновичем) від легендарного та романтичного (М. Стрийковський, Т. Нарбутт). Також у *Вступі* детально розглядаються джерела дослідження (24–33), особливо А. Дубоніс зупиняється на аналізі звісток *Галицько-Волинського літопису*, що стосуються Тройдена.

Перший розділ («Литва після смерті короля Міндовга (1264–1268). Боротьба за престол», 37–60) присвячений аналізу ситуації, що склалася у Литві після повернення на престол сина Міндовга Войшелка та політиці Войшелка. Зрозуміло, що тут читач знайде і детальний огляд історіографії питання, що є надзвичайно цікавим, адже Войшелк так само залишається досить таємничою фігурою. У цьому ж розділі А. Дубоніс пропонує свою гіпотезу «володарювання» у Литві Шварна Даниловича, а також описує європейську боротьбу за вплив у Литві.

У другому розділі («Утвердження Тройдена в Литві», 63–80) автор розглядає три питання: коли саме Тройден міг утвердитися у Литві; хто такий Тройден (питання споріднення Тройдена із правлячими династіями Литовського князівства); та робить спробу з'ясувати основні пункти волинсько-литовського миру. Політика Тройдена після утвердження на престолі у 1268 році (як вважає автор) аналізується у третьому розділі («Перші роки правління 1268–1274», 83–100). Четвертий розділ («Складні роки (1274–1277): війни, поразки та голуби миру», 103–120) присвячений рокам після заключення миру з Ливонією у 1274 р. Автор описує стосунки Тройдена із Ливонією та Волинським і Галицьким князівствами, та його намагання посилити вагу Литовського князівства на сході. П'ята глава («Тройден: те, що я зробив до сих пір, як побачите, ніщо у порівнянні з тим, що зроблю у майбутньому», 123–146) логічно впливає із попередньої: Тройден укладає договір із Волинським князівством та Левом Даниловичем, родичається із Мазовецьким князем, повертає вплив Литви у Полоцьку та починає активні воєнні дії проти Ливонського Ордену. Наприкінці, автор висуває гіпотезу, що Тройден помер наглою смертю. Шоста, заключна, глава («Литва Тройдена», 151–171) присвячена змінам, які сталися у Литві за довге правління Тройдена. Автор зупиняється на основних тенденціях розвитку литовського суспільства того часу: зменшенні впливу дружин; особливій ролі іноземців-біженців; феодалізації суспільства.

У Додатках (175–183) автор подає основні відомості про родину Тройдена: його братів (Сирпутія, Борзу та Лесія) та дочку Гаудемунду. Окремим параграфом тут же винесене питання володінь ятвязького князя Скоманта та земгальських біженців.

Загалом, анотована книга є надзвичайно цікавою не лише для дослідників історії Великого князівства Литовського, але й для тих, хто вивчає Галицько-Волинське князівство. Автор досить детально розглядає стосунки Литви та Галицького і Волинського князівств, подекуди уточнюючи хронологію та аргументовано відкидаючи деякі історіографічні міфи на зразок «володарювання» Шварна Даниловича у Литві.

К.К.

Рудаков В.Н. *Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв.* Москва: «Квадрига», 2009, 248 с.

Книга присвячена дослідженню уявлень про монголо-татар у давньоруській літературі. На матеріалі пам'яток XIII–XV ст. автор реконструює погляди тогочасних книжників на ординців, намагається показати еволюцію поглядів на саме нашестя «поганих», яке було «рубежним моментом в истории средневековой Руси» (8). Автора цікавлять, як він зазначає у *Введеніи* (15) складові цілісного сприйняття монголо-татар: уявлення про причини нашестя, сприйняття феномена влади монгольських ханів, оцінка книжниками можливостей та перспектив спротиву ординцям та яким чином автори визначали еталони належної поведінки людини в умовах «татарщини».

Книга розділяється на дві частини за хронологічним принципом, де точкою поділу є Куликовська битва. Перша частина (17–122) присвячена сприйняттю монголо-татар у творах давньоруської літератури середини XIII — першої чверті XIV ст. (ранніх літописних повістях про битву на Калці, про нашестя Батия, а також у «Повчаннях» Серапіона Володимирського та ранніх редакціях житійних повістей — Повісті про Михаїла Чернігівського та Михаїла Тверського). У другій частині (123–173) автор розглядає пам'ятки XIV–XV ст.: твори «куликовського циклу» («Задонщини»; «О великом побоище, иже на Дону»; «Повісті про Куликовську битву» та «Сказання про Мамаєво побоище») та «Послання на Угру» Вассіана Рило.

Видання презентує передмова І.М. Данилевського (5–7). До монографії додані також дві статті автора, присвячені даній проблематиці. Перша з них (179–200), опублікована вперше у 1998 р. («Духъ южны» и «осьмый час» в «Сказании о Мамаевом побоище» (К вопросу о восприятии победы над «погаными» в памятниках «куликовского цикла»), друга (201–216) — опублікована 2000 р. («Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского (Бегство великого князя из Москвы в оценке древнерусского книжника)»). Видання супроводжує іменний покажчик, бібліографія та вісім мініатюр з *Лицевого зводу* XVI ст.

Книга стане у пригоді не тільки тим, хто цікавиться давньоруською книжністю зазначеного періоду, але і дослідникам соціальної історії, оскільки автор звертається до соціальних стереотипів того часу.

К.К.

Творогов О.В. *Переводные жития в русской книжности XI–XV веков. Каталог.* М., СПб.: «Альянс-Архео», 2008, 144 с.

Анотований *Каталог* стане гарним посібником усім тим, хто займається давньоруською книжністю. Адже, як вказує сам автор у передмові (3–8), «в

древнерусской книжности XI–XV вв. переводные жития составляли значительную часть репертуара сборников — как устойчивого состава, четьих миней и торжественников, так и смешанного состава». Укладач *Каталогу* намагався представити якомога повний огляд перекладних житій, відомих нам у списках XI–XV ст. Тут враховані 282 житія святих (включаючи колективні житія мучеників), визначених у *Предварительных списках рукописей* та *Сводном каталоге рукописей* як давньоруські. Щоправда, у діжці меду є ложка дьогтю — укладач свідомо (що вказано у передмові) обмежив свій каталог тільки рукописами з книгосховищ Росії.

Каталог побудований за алфавітним принципом (по іменах святих). За іменем святого йде уніфікована наукова назва пам'ятки (житіє, мучеництво, пам'ять, чудо), початок пам'ятки за *ВМЧ*, а далі приводиться реєстр списків. За цим реєстром приводяться відомості про пам'ять цього святого у *Пролозі*. Окремі від житій чудеса святого розглядаються за тими ж принципами, що й основне житіє. Також у *Каталозі* приводяться відомості про видання текстів житій та література, присвячена цим пам'яткам.

Для більш зручного користування наприкінці поданий *Перечень рукописей, учтенных в Каталоге* (133–136) та *Сокращения* (137–141).

К.К.

Творогов О.В. *Археография и текстология древнерусской литературы*. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009, 280 с.

Анотована книга являє собою збірку лекцій відомого російського дослідника давньоруської літератури по археографії і текстології, та буде незамінним практичним керівництвом для початківців. Хоча ясність викладу та детальне бібліографічне супроводження кожної проблеми, про яку йдеться у книзі, поза всяким сумнівом стане у пригоді і для більш досвідченого науковця. Видання поділене на два розділи («Археографія» та «Текстологія»). Самостійним розділом можна вважати і «Приложения», у яких перевидані дві статті О.В. Творогова 1983 та 2001 р. «Древнерусская книжность XI–XIII веков (О Каталоге памятников)», 191–212 та «Рукописные собрания России: состояние изучения и описания», 213–274.

У першому розділі «Археографія» (5–92) вміщено п'ять лекцій, у яких розглядається цілий спектр археографічних питань. Від визначення археографії як наукової дисципліни, її історії та розвитку (5–23) до опису рукописів та підготовки текстів до видання (лекція 5, 78–92). У лекції 2 подається опис репертуару давньоруської книжності (24–41), а наступні дві присвячені оглядовим описам основних зібрань давньоруської рукописної книги у Москві (42–60) та Санкт-Петербурга (62–76).

У другому розділі «Текстологія» (95–188) автор викладає основні поняття текстології (Лекція перша, 95–109). Далі зупиняється на роботі давньоруського

книжника: лекція друга (110–120) присвячена вставкам та/або пропускам, а третя (121–143) — перестановкам, компіляціям та ремінісценціям у давньоруських текстах. Про датування та атрибуцію пам'яток йдеться у четвертій лекції (144–159). Про методику роботи текстолога йдеться у п'ятій лекції (160–174). Поради щодо укладання бібліографії та ознайомлення з літературою питання О.В. Творогов викладає у шостій (175–188).

К.К.

Темушев В.Н. *Гомельская земля в конце XV — первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном регионе*. М. «Квадрига», 2009, 192 с. + карты [Историко-географические исследования].

Анотована книга — перша монографія дослідника, який, на жаль дуже рано пішов від нас, і перша, що присвячена долі Гомельської землі у XV — XVI ст. Книга складається із вступу, шести глав, заключення та додатків.

У *Вступі* (5–24) автор коротко окреслює зміни статусу Гомельської землі від кінця XV ст. та визначає що ж саме розуміється під цим поняттям: «Этим обобщенным названием будет обозначен ряд территорий, в разное время административно принадлежавших Гомелю. За треть столетия [XVI ст. — К.К.] Гомельская земля несколько раз весьма существенно меняла свои очертания» (5). Цим пояснюється і подальший поділ книги. Також у *Вступі* подається аналіз історіографії, джерел та методів дослідження. Автор пропонує два шляхи (методи) дослідження території та кордонів Гомельської землі: реконструкція з допомогою свідчень, що передували кінцю XV ст. з урахуванням змін (приєднання нових територій, появою нових володінь); та спираючись на свідчення джерел кінця XVI — XVII ст. (22–23). Також, крім «часових» методів, автор зазначає необхідність комбінування ще двох — просторових. Тобто визначення кордонів Гомельської землі «внутрішньо», шляхом локалізацій прикордонних пунктів, що належали Гомелю, та «зовнішньо» — через визначення прикордонних областей сусідніх повітів, волостей, уїздів (23–24). Варто зазначити, що у книзі ретельно та послідовно дотримано задекларовані у вступі методи. Кожна глава являє собою приклад найретельнішого вивчення та співставлення джерел та перевірки вже існуючих гіпотез.

Також у *Вступі* (24) сформульована мета роботи: на прикладі Гомельської землі прослідкувати процес трансформації території та кордонів територіальної одиниці на московсько-литовському кордоні за невеликий період часу.

Отже, книга поділена на глави, що відображають зміни території Гомельської землі у часі. У першій главі «Формирование московско-литовской границы в XV — начале XVI в.» (26–53) розглядається ситуація, що складалася на московсько-литовському кордоні з другої половини XIV ст. до початку

XVI ст. Друга глава (54–71) присвячена власне Гомельській волості наприкінці XV ст. Населеним пунктам на її території та родам, що мали там власність. Від Свидригайла та великокнязівських володінь до передачі Стародуба та Гомеля Івану Можайському. Третя глава як видно з назви — «Гомельская волость под властью Москвы и формирование уезда в 1500–1535 гг.» (72–97) представляє процес зміни статусу Гомельської волості на уїзд після московсько-литовської війни 1500–1503 рр. та відходження Гомеля до Московського князівства. Статусу Гомельського уїзду та змінам у його території на початку та під час литовсько-московської війни 1534–1537 рр. присвячена наступна глава книги (96–130). У заключних главах (131–139 та 140–151) автор дуже детально розглядає перебіг переговорів 1537 р. у питанні щодо Гомеля та становище Гомельського староства після цього року. У заключенні (152–154) дуже коротко подаються основні висновки роботи.

Окремо варто зупинитися на додатках. У додатках опублікований уривок з дисертації Н.Б. Шеламанової (155–162), що присвячений власне Гомельській землі початку XVI ст.; та «Поселения Гомельской земли в XV–XVI в. Географический указатель-комментарий» (163–177). Також до книги додано 11 карт та 3 таблиці.

Книга поза всяким сумнівом стане у пригоді не лише дослідникам Великокого князівства Литовського першої половини XVI ст. Детальність географічного опису сіл та містечок Гомельської землі, ідентифікація їхньої приналежності у певні періоди часу різним шляхетським та князівським родам — неоціненні матеріали для дослідників землеволодіння. Деякі населені пункти були локалізовані автором вперше, або ж їхня локалізація була уточнена. Таким чином, уточнена ділянка московсько-литовського кордону початку XVI ст., що можна використовувати для створення історичних карт.

К.К.

Темчин С.Ю. *Исследования по кирилло-мефодиевистике и папославистике* [Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne]. Том 5 (Kraków, 2010), 305 с.

Нова книга Сергія Темчина містить статті і рецензії вченого, опубліковані у 1998–2009 рр. Усі вони присвячені питанням церковнослов'янської книжності та писемній культурі у *Slavia Orthodoxa*. Книга розбита на чотири тематичні частини. Їхня структура суголосна реальній структурі історії слов'янської книжності, оскільки спершу йдеться про тексти ще нерозчленованої слов'янської писемної традиції кирило-мефодіївських часів, а далі — про тексти й історію трьох окремих «національних» літературних традицій: болгарської, сербської та давньоруської.

Перша частина містить студії з історії текстів кирило-мефодіївська традиції: житій Кирила Філософа та св. Мефодія. У першій з них Сергій

Темчин дискутує залежність Розлогого *Життя Кирила* від проповідей Григорія Богослова. У другій статті вчений подає власну інтерпретацію загадкового місця з Розлогого *Життя св. Мефодія*, де повідомляється про поставлення Мефодія ігуменом у монастирі Поліхрон. Третя студія присвячена дослідженню походження і значення мотиву суперечки папи Сильвестра I з равіном Замбрієм у житіях і службах Кирилу Філософу.

Друга частина є логічним продовженням першої. Тут висвітлюються питання початкового розвитку церковнослов'янської книжності в Болгарії. На початку розділу вміщено нарис історії писемної культури в Болгарії до 971 р. Нарис продовжують розвідки щодо трьох рукописів: *Савиної книги*, *Ватиканського палімпсеста* та *Драгійна Четвероевангелія*. Наприкінці розділу автор подає дві рецензії на такі видання: Грецько-слов'янський конкорданс найдавніших списків слов'янського Євангелія та коментований покажчик до *Асеманієва Євангелія*.

Третій розділ містить розвідки, присвячені трьом давньосербським рукописам: Повноапракосному Євангелію №8 Хиландарського монастиря (автор дискутує аномальну нумерацію читань після П'ятидесятниці), стовпному апракосу Равули (його походження, структура, особливості мови), сербський *Октоїх* 1353 р.

Останню частину складають три проблемно загострені роботи. У першій статті автор намагається вирішити питання походження назви «Пролог». Сергій Темчин демонструє необґрунтованість традиційного тлумачення, яке пояснює цю назву як пряме грецьке запозичення. Вчений аргументує ідею про те, що слово «пролог» є слов'янською калькою грецького поняття (книга читань, що передують церковній службі). Відповідно воно має прозору слов'янську етимологію.

Наступна робота — рецензія на книгу Френсіса Томсона «Рецепция византийской культуры в средневековой Руси» під заголовком «Интеллектуальное или философско-догматическое молчание Древней Руси». Основна увага приділена проблемі дуже обмеженої рецепції Руссю візантійських текстів, що унеможливило розвиток філософсько-догматичного аспекту християнської культури у Київській і пізніше Московській Русі. Сергій Темчин критично аналізує аргументи і висновки Френсіса Томсона та пропонує власні пояснення однієї найвизначальніших рис давньоруської культури.

Завершує останній розділ рецензія на книгу шведського славіста Ларса Стенсланда, присвячену одній з «Толкових азбук». Автор розбирає основні положення монографії свого колеги на тлі огляду інших текстів жанру «толкових азбук»; відзначає сильні і слабкі сторони дослідження.

В.А.

Барынина О.А. *Отечественное византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия (1918–1930 гг.)*. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2010. 323 с. [Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 4]

Робота О.О. Бариніної присвячена зовсім вже забутій у літературі науковій інституції — *Русько-византийській комісії 1918–1930 рр.*, яка більш відома під своєю початковою назвою від 1918 р. як комісія *Костянтин Багрянородний*, на чолі якої стояв Ф.І. Успенський. Її злет і падіння дуже детально досліджені автором переважно на архівних матеріалах, що вигідно вирізняє її з-поміж поверхових історіографічних оглядів. Комісія часто змінювала назву, з 1925 р. іменується *Византийською*. Це ж стосується підсекцій комісії, особливо тієї, що найцікавіша для історика Русі — *Комісії з вивчення русько-византийських договорів*, пізніше, *Підкомісії з вивчення економічних і торгівельних зв'язків Давньої Русі із Сходом і Візантією* під керівництвом В.Н. Бенешевича. У першій частині «Комісія і Академія Наук», автор аналізує комісії як форми організації академічної праці, фінансування і місце проведення засідань (13–46). Центральне місце у праці О.О. Бариніної займають дві інші частини «Діяльність Комісії» (47–120) та «Склад Комісії» (121–174).

Дослідницька програма комісії, складена Ф.І. Успенським, В.М. Бенешевичем, С.О. Жебельовим, О.О. Васильєвим, В.В. Латишевим, О.О. Шахматовим, В.В. Баргольдом та ін. була максимально широкою, ідея її полягала, по-перше, у підготовці нових критичних видань мало не всіх творів, які приписують імператору Костянтину Багрянородному, особливо *De cerimoniis*, *De thematibus* і *De administrando imperio*, а також творів Продовжувача Феофана, Симеона Логофета, листів Феодора Дафнопата. Значне місце у цій роботі, за словами Ф.І. Успенського, варто було приділити повідомленням про Русь. Автор подає вкрай цікавий список вже представлених у Бюро Комісії робіт, які донині зберігаються в архівах. Так, В.В. Латишев виконав наступні переклади творів Костянтина Багрянородного: *Послання до Григорія Богослова*, *Про фемі*, *Про перенесення нерукотворного образу*, *біографію Василя I*, *Про управління імперією*, уривки із *Зонари*, *Продовжувача Феофана*, *Симеона Логофета*, *Феодора Дафнопата* та ін. (59). Також Ф.І. Успенський виконав переклад *Legatio* Ліутпранда.

По-друге, перше завдання було підпорядковане, здається, головній меті — виданні нового, доповненого *Glossarium mediae et infimae graecitatis* Дюканжа. Незважаючи на накопичений величезний словниковий матеріал, виписаний на окремих картках, проект обернувся, на жаль, повною невдачею (80–82).

По-третє, роботі над критичним виданням русько-византийських договорів Х ст. за всіма списками, вивчити текст договорів з історичного, лінгвістичного

і юридичного боку, дослідити питання про торгові шляхи (96). Підготовку текстів договорів було доручено М.Д. Присьолкову, який планував, що цікаво, їх видати за наступними списками: *Лавр., Хлебн., Погод., Ермолаев., Эрмит.* 416 б., *Погод.* 2035 (Н. IV); *Ак. Наук, Ипатьев., Радзивил., Воскрес.; Моск. Д. Ак. М. Академ. сп. Арх. К. Соф. I.* Словник до текстів договорів готували О.Ф. Вишнякова, О.О. Степанов і А.М. Насонов. Якщо тексти М.Д. Присьолков не підготував, то підготовлений словник безслідно зник. Цінними є також численні додатки (№ 1–22), де систематизовано основні археографічні знахідки автора, подано вибрані особові справи, фінансові звіти, листи та ін.

Жахливий розгром візантійських студій у СРСР і повсякденний терор щодо вчених, проведений з дивовижною послідовністю повністю, ліквідував усі ті чудові починання, про які йдеться у книзі. Нічого із задумів не збулося.

О.Ф.

Западнорусские летописи [Полное собрание русских летописей. Том XVII]. М.: Языки славянских культур, 2008, 384 с.

У великому проєкті перевидання «Полного собрания русских летописей» дійшла черга і до XVII тому, підготовленого Ст. Пташицьким на початку ХХ ст.

Справді, видання 1907 р. давно стало бібліографічною рідкістю, і наявність виданих у 1975 та 1980 рр. томів XXXII та XXXV, де була перевидана більшість текстів т. зв. *Западнорусских (білорусько-литовських)* літописів не є достатньою компенсацією, оскільки в останніх тексти літописів подані у спрощеному правописі. А передмова до цих томів М.М. Улащика вводить непідготовленого читача у оману, оскільки видавець всюди називає видавані тексти *літописами*, що передбачає нібито незалежність кожної опублікованої пам'ятки. Насправді опубліковані тексти представляють собою різні списки трьох зводів. Отже, видання 1907 р. має перевагу для дослідника не тільки тим, що у ньому збережений оригінальний правопис рукописів, але і тим, що у передмові Ст. Пташицький більш коректно описав традицію, до якої належать тексти.

Збереження оригінального правопису у XVII томі зумовило вибір для перевидання, як зазначено у *Предисловии к изданию 2008 г.* Однак «описание списков в издании начала ХХ в. уже значительно устарело», тому перед фототипічним відтворенням тому XVII із передмовою Пташицького (I–XIV) у виданні 2008 р. була додана передмова М.М. Улащика до тому XXXV (a–q). Таким чином, перевидання має три передмови: Ст. Пташицького, М. Улащика та Б. Клосса. Дві останні уточнюють попередні описи рукописів. На жаль, попри таку кількість передмов, детального та точного сучасного опису усіх списків літописів ВКЛ із сучасними шифрами та датуванням, читач у новому

виданні не знайде. Адже і передмова М.М. Улащика на даний момент вже теж застаріла і, як видається, варто було б зробити більш розгорнуту нову передмову, у якій би не тільки уточнювалися шифри та датування, але і подавалась аналітична довідка про літописи Великого князівства Литовського. Загалом, видається, варто було б не перевидавати том XVII Ст. Пташицького, а зробити нове видання, яке б включало у себе усі збережені списки літописів ВКЛ та враховувало б нові дослідження.

Поза тим, усі претензії до нового видання переважаються доступністю для дослідників самого тому із прекрасно виданими текстами. До тому увійшли наступні тексти (1–572): списки *Супрасльський, Уваровський, Академічний*, графа *Красинського, Віленський, Археологічного товариства*, графа *Рачинського, Євреїновський, Ольшевський, Биховця, Литовському роду починок, Родословіє великих князей Литовського княжества, Похвала Вітовту, Origo regis Iaguelo et Witholdi ducum Lithuaniae*; а також «Приложения к западнорусским летописям» (573–616), де Ст. Пташицький опублікував різні версії походження великих князів литовських.

К.К.

Коновалова И.Г. *Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: Текст, перевод, комментарий*. М.: Восточная литература, 2009, 224 с. [*Древнейшие источники по истории Восточной Европы*].

Праця І.Г. Коновалової є продовженням арабської серії зводу *Древнейшие источники по истории Восточной Европы*, добре відомого дослідникам середньовічної історії. Дану роботу, як це пропонує автор, варто читати разом із попередньою, нею ж підготовленою, яка не так давно побачила світ: *Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий*. Видання включає в себе фрагменти двох великих арабських географічних творів XIII–XIV ст. — *Китаб баст ал-ард фи-т-тул ал-ард (Книга поширення Землі у довжину і ширину)* іспано-арабського вченого Ібн Са'іда ал-Магриби (остання чверть XIII ст.) і *Таквім ал-булдан (Упорядкування земель)* сирійського географа й історика Абу-л-Фіди (перша третина XIV ст.). Вибором для автора визначило те, що між ними існує дуже тісний зв'язок: для Абу-л-Фіди твір Ібн Са'іда виявився одним із найважливіших джерел. Окрім того, обидві праці — Абу-л-Фіди та Ібн Са'іда — є напрочуд творчою переробкою географічного трактату арабського географа ал-Ідрісі.

У відповідності до жанру зводу, для видання взято лише ті розділи творів Ібн Са'іда і Абу-л-Фіди, де містяться бодай якісь географічні назви чи етноніми, що мають стосунок до Східної Європи. Структура книги також повністю відповідає засадам серії: огляд рукописів і видань, фрагменти оригінального

тексту, їх переклад на російську мову, вичерпна бібліографія і коментарій. На жаль, для дослідників Русі інформації для поживи у творі Ібн Са'їда не так вже й багато: «острови русів», «море русів», «місто Русія — головне місто русів» (31) — ось практично й усі сюжети, які можуть стати в пригоді. Натомість у творі Абу-л-Фіди важливими є подробиці про «море варанків», «канал ал-Кустантинийя», «руси — тюркський народ» (119) «місто Русія», його опис і розміщення зі посиланням на Ібн-Са'їда, «Кутаба — місто русів», під яким, можливо, Абу-л-Фіда має на увазі Київ (127). Вкажемо на те, що всі вказані нами фрагменти прокоментовані, а також споряджені вибраною бібліографією, у якій, що приємно, у більшості випадків знаходимо статті І.Г. Коновалової. Тлумачення сюжетів арабської географії дослідниками Русі без кваліфікованої допомоги сходознавця часто хибує, звідки цінність видання не підлягає сумніву. Тут варто зазначити, що традиція дослідження Абу-л-Фіди, поряд із відзначеними автором іменами (наприклад, В. Бартольдом і І. Крачковським), представлена також Омеляном Пріцаком, праця якого *Такім ал-булдан Абу-ль-Фіда-і як джерело до історії Східної Європи* досі неопублікована, і зберігається в фонді Наукового товариства ім. Шевченка ЦДІА у Львові.

О.Ф.

Моця О., Казаков А. *Давньоруський Чернігів*. К.: «Стародавній світ», 2011, 316 с. + 32 с. кольор. вклейка.

У книзі узагальнюються результати багаторічних досліджень давньоруського Чернігова. На основі аналізу літописних джерел та чисельних археологічних й антропологічних матеріалів, більшість яких вперше уводиться до наукового обігу висвітлюються різноманітні сторінки історичного життя міста на Десні.

В першому розділі (2–49) аналізуються свідчення писемних джерел про місто та простежується діяльність неспокійних чернігівських князів. У наступному розділі висвітлюються питання топографії чернігівського дитинця, його забудови та вуличної структури. Археологічні дослідження 2005–2007 рр. дозволи деталізувати етапи формування чернігівського дитинця. Виникненню стаціонарних споруд на цій території, передують, на думку дослідників, щонайменше два етапи її освоєння. Спочатку вона використовувалася у якості сільськогосподарських угідь, які разом з поселенням VII–VIII ст., виявленого свого часу Б.О. Рибаківим становили єдиний археологічний комплекс. Наступний етап співвідноситься з археологічним горизонтом IX–X ст. на місці якого виникли укріплення чернігівського дитинця. Автори дійшли висновку, що «вся північно-західна лінія укріплень дитинця виникає не пізніше X ст., при чому одночасно. Таким чином, вже тоді його територія сягає максимальних розмірів — 16 га». (56). При цьому, науковці зазначають, що не вся територія, охоплена укріпленням дитинця, тоді вже ак-

тивно функціонувала. Щільна садибна забудова на території, яку охоплювали укріплення, сформувалася, на їх, думку, в XII — на початку XIII ст.

Розглядаючи пам'ятки монументального будівництва чернігівського дитинця, автори вмотивовують, що найбільш активний період його розвитку припадає на другу половину — кінець XII ст. До цього часу вони відносять виникнення й становлення власної чернігівської архітектурної школи, що втілювала в життя власні архітектурні традиції (64).

Цікавий матеріал вміщено у третьому розділі, присвяченому розгляду посадської частини давньоруського Чернігова, що складався з трьох основних районів — Подолу, окольного граду та передгороддя. Автори вмотивовують наступну хронологію розвитку чернігівського подолу: «Перше ранньослов'янське поселення виникає на березі озера Млиновище в третій чверті I тис. н. е. До X ст. його територія лишається незаселеною. Перші поселенці з'являються тут у X ст. на ділянках подолу, що з півдня та південного заходу прилягають до дитинця. Поступово заселяється й район Лісковиці. У XII — першій половині XIII ст. цей район міста був щільно заселеним. Тоді його площа становила 40 га» (92). Завдяки потужним укріпленням, багатолюдним був і окольний град, основу планіграфії якого, як з'ясовано археологічними дослідженнями, становила садибно-вулична забудова. Автори вмотивовують, що і передгороддя було невідомою частиною давньоруського Чернігова і займало важливе місце в його складній соціально-топографічній структурі: «Саме ця частина міста з її розвинутим виробництвом та численним населенням, складала економічну основу стародавнього міста. Саме тут формувалась характерна матеріальна і духовна культура городян» (139).

У четвертому розділі підсумовуються результати багаторічних досліджень потужного чернігівського некрополя (185–208). В заключному, п'ятому розділі аналізуються пам'ятки чернігівської округи, зокрема, району Болдиних гір. Ця місцевість, що знаходиться на правому корінному березі Десни ще в до монгольську добу використовувалася місцевим населенням. В середині IX ст. тут з'явився язичницький курганний некрополь, а через два століття виник Богородицький (Іллінський) монастир, який у давньоруські часи являв собою комплекс підземних і наземних споруд. Автори доводять, що на Болдиних горах існувало в домонгольські часи щонайменше три монастирі. Два із них згадуються в літописних джерелах, а третій було виявлено археологічно в 1984 р. Серед інших пам'яток чернігівської округи дослідники фіксують неукріплені поселення, городища та некрополі. Виявлені під час археологічних розкопок останніх матеріали достатньо повно представлені в книзі.

Авторський текст доповнено трьома вельми цінними «Додатками». У першому з них вміщено статтю-дослідження Ю.Долженка й І. Потехіної у якій розглядаються антропологічні матеріали чернігівського дитинця (279–296). У наступному — О. Коваль розглядає ковальське ремесло давньоруського Чернігова на основі даних металографічного аналізу (297–302), а в третьому

представлено дослідження залишків текстилю давньоруського часу з розкопок Чернігова пера Т. Крупи (303–314).

Видання багато ілюстроване. Кожний розділ супроводжує альбом картосхем, планів та замальовок численних археологічних артефактів. Переконаний, що ця книга викличе великий інтерес у колах фахівців з історії та археології давньоруського міста і Київської Русі взагалі.

В.Р.

История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.: Императорское Православное Палестинское Общество; СПб.: Издательство Олега Абышко, 2010, 352 с.

Збірник на пошану Олександра Васильовича Назаренка підготовлений переважно стараннями відновленого *Императорского православного палестинского общества*. Враховуючи наукові зацікавлення ювіляра, до збірника увійшли статті, які у тією чи іншою мірою мають відношення до історії Русі. Як годиться, вступна стаття М. Лісового «Александр Назаренко, или еще раз о методе православного историка» (3–11), розповідає про перипетії шляху в науку, як і наукового роздоріжжя ювіляра. Заслугує на увагу наступний блок статей: Л.А. Беляєва «Романо-готический след в строительстве западных городов Руси (середина XII — первая треть XIII вв.)» (12–24); О.В. Беякової «Тема учреждения Патриаршества в русских Кормчих» (25–34); М.М. Громова «Учение о Святой Троице в Древней Руси» (40–47).

Не менший інтерес викликає коротка замітка Т.М. Джаксон «У липы головного убора есть земля в Гардах» (48–54), а також статті І.Г. Коновалової «Хазария в сочинениях арабских географов XII–XIV вв. (66–73)». О.О. Мельникової «К предыстории Готского двора в Новгороде» (184–198); В.Б. Перхавка «Древнерусское купечество: социальный статус и терминология» (199–219), М.В. Рождественської «Еще раз о времени написания апокрифического «Слова на воскресение Лазаря» (247–254); М.І. Чернишова «О смысле пространного заголовка древнерусского сборника XIV века *Мерило Праведное*» (291–298), де автори здебільшого повторюють чи підбивають підсумки своїх попередніх досліджень. Цілий ряд статей присвячений джерелознавчим сюжетам, зокрема, статті С.Ю. Житенева «Можно ли считать путешествие русского посольства на Ферраро-Флорентийский Собор паломничеством?» (54–65); О.В. Лосевої «Какой редакцией Пролога пользовался Кирилл Туровский?», (137–151) та її ж: «Три патмосских Евангелия с месяцесловами IX века» (152–158), К.А. Максимовича «Неизвестный византийский источник 1087 г. о чуде пасхального огня в Иерусалиме» (177–183), В.Я. Петрухіна «О рассеянии морован: из комментария к новому изданию трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» (220–224). На окрему увагу

заслуговує стаття П.В. Лукіна «Местичи роусции» во Владимире Вольнском» (159–176), в якій автор критикує популярну у літературі думку про прямий зв'язок «местичей» із поширенням німецького права на Сході Європи.

П.В. Кузенков у статті «Реальная политика или великодержавная идеология? Византийская дипломатия X в. по данным трактатов Константина Багрянородного» (73–99), пропонує на основі *Про управління імперією* та *Книги церемоній* проаналізувати основні напрями візантійської зовнішньої політики. Для такого масштабного завдання автор виконав переклад 46, 47 і 48 розділів *Книги церемоній*, фрагментарно співставивши їх інформацію із *Про управління імперією*. На жаль, праця має суттєві недоліки, які зводяться до того, що П.В. Кузенков не звертається до рукописної традиції *Книги церемоній*. З відомої статті І. Шевченка та С. Манго «A New Manuscript of the De cerimoniis,» *DOP* 14 (1960), 242–251, яка чомусь залишилася невідомою для автора, слідує, що *cod. 133 Chalicensis S. Trinitatis* містить дуже важливі різночитання із *cod. Lipsiensis* (виданим І. Рейске, публікацією котрого й користується П.В. Кузенков). Особливо це стосується 47–48 розділів, які, власне, й студіює автор. Не менш прикметна відсутність у дослідженні автором 48-го розділу *Книги церемоній* і порівнянні його з даними *Про управління імперією* нового, щоправда, неповного його видання (*Travaux et mémoires* 13 (2000)). Знайомство з цим виданням могло б значно скоротити кількість помилок і невірних тлумачень «адресатів» грамот візантійських імператорів при коментуванні всіх без винятку розділів. Також Анджей Поппе у роботі «К биографии Святополка Окаянного» (233–246), пропонує перечитати ту дуже обмежену кількість джерел, щодо трьох важливих проблем: «походження Святополка», «Святополк як заручник і побратим печенігів» й «Інтронізація Святополка».

До збірника включено повний список наукових праць ювіляра.

О.Ф.

СКОРОЧЕННЯ

АКД	— Автореферат кандидатської дисертації
БАН	— Библиотека Российской Академии наук (С.-Петербург).
БЛДР	— Библиотека литературы Древней Руси. СПб.
БСЭ	— Большая советская энциклопедия. М.
ВВ	— Византийский временник. М.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины. Л.; СПб.
ДГВЕ	— Древнейшие государства Восточной Европы. М.
ЖНМП	— Журнал Министерства Народного Просвещения
ЗНТШ	— Записки Наукового Товариства ім. Т. Шевченка. Львів.
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности АН. СПб.; Пг.; Л.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НА ІА НАНУ	— Науковий архів Інституту археології НАН України
НПЛ	— Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.
ПВЛ	— Повесть временных лет / Подг. текста, перев., статьи и комм. Д.С. Лихачева, М.Б. Свердлов. СПб., 1999.
ПЛДР	— Памятники литературы Древней Руси. М.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей. СПб.; М.
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов. М.
РГБ	— Российская государственная библиотека. М. (Государственная библиотека им. В.И. Ленина).
РНБ	— Российская Национальная библиотека (С.-Петербург) — Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
СА	— Советская археология. М.
Сб.ОРЯС	— Сборник статей Отделения русского языка и словесности АН. СПб.; Пг.; Л.
СДРЯ	— Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. М.
СИЭ	— Советская историческая энциклопедия. М.
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук (Пушкинского дома). Л., СПб.
УІЖ	— Український історичний журнал. Київ.
ЦДІА	— Центральный державный историчний архів України у м. Львові
у м. Львові	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.
ЧОИДР	— Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. К.
ЧИОНЛ	— Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. К.
ВН, ВОЗ	— Biblioteka Narodowa w Warszawie, Biblioteka Ordynacji Zamoyskich

Наукове видання

RUTHENICA

ТОМ X

Наукові редактори:
Володимир Ричка, Олексій Толочко

УДК [(367)+(477)] 08

RUTHENICA. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Том X. — К.: Інститут історії України НАН України, 2011. — 306 с.

Оригінал-макет підготувала
Анжела Корженівська
Коректура
???????????????

Підписано до друку ??????. Формат 70×108 1/16
Ум. друк. арк. ????. Обл.-вид. арк. 17,41.
Наклад ??? прим. Зам №
Поліграфічна дільниця Інституту історії України НАН України
Київ-1, вул. Грушевського, 4